

Виктор Арнаут

МЫ - ПУДИНЦЫ!

ВИКТОР АРНАУТОВ

МЫ – ПУДИНЦЫ!

**Кемерово, 2020
РПА «Ректаймс»**

ББК 84(2Р=Рус)6

А – 84

Арнаутов Виктор Степанович. Мы – пудинцы! Очерки из истории и современности Пудинской округи / В.С. Арнаутов. – Кемерово: РПА «РЕКТАЙМС», 2020 – 408 с.

Книга эта – дань памяти всем тем, кто волей или, скорее, неволей оказался в местах спецпоселений печально известного Нарымского округа. Пудинская округи – это порядка шестидесяти деревень, относящихся к спецкомендатурам Пудинского куста, а с 1939 по 1959 год – Пудинскому району. Жизни первых спецпереселенцев, а попросту – раскулаченных ссыльных 30-х годов, не позавидуешь. Этому можно только искренне сочувствовать и сопереживать. Шесть с половиной тысяч ссыльных крестьян, вина которых была лишь в том, что они сумели по-хозяйски воспользоваться тем, что дала им Советская власть после революции. И сделала абсолютно бесправными, отобрав нажитое честным трудом и выселив на совершенно необжитые места.

Не лучшая доля оказалась и у «административно ссыльных» в самом начале Второй мировой войны. Тысячи людей из новоиспечённых регионов СССР – Западной Украины, Белоруссии, Польши, Молдавии, Прибалтики оказались заложниками внутренней политики «вождей мирового пролетариата». Осуждённые скороспело «опертрояками» с единым клеймом «членов семей врагов народа» по сути были депортированы на бессрочное выживание в невероятно сложных условиях.

И, тем не менее, пустив корни, они сохранили генофонд, вырастив не одно поколение настоящих тружеников, строителей, военнослужащих, врачей, педагогов, учёных и творческих личностей.

Компьютерный набор и редактирование – **В. Арнаутов**
Обложка и вёрстка – **Светлана Янченко**

Спонсор издания ООО «Гарант-Путинский»

НЕЛЛИ АЛЕКСАНДРОВНА СОЛОВЬЕВА

Мэр города Кедровый, спонсор издания книги

Уважаемые читатели!

Перед вами – одна из книг Виктора Степановича Арнаутова «Мы – пудинцы», выпущенная специально к 90-летию Пудинской средней школы и 105-летию с. Пудино. Это издание является замечательным подарком для всех кто здесь родился и вырос, приехал из других мест и связал свою судьбу с этим краем, для кого он стал родным и любимым, у кого с этими местами связаны самые лучшие воспоминания и кому они стали дороги.

Меня с этой территорией судьба связала с 1990 года: именно тогда вместе с мужем, направленным в Кедровый по распределению из Омска, я приехала на томский север. Преподавала математику в школе, затем стала ее директором, потом возглавляла отдел образования, была руководителем Центра

социальной поддержки населения. В марте 2015 года была избрана мэром городского округа, в который входят 7 населенных пунктов: г. Кедровый, с. Пудино, п. Калининск, п. Лушиково, п. Останино, п. Рогалево и п. Таванга. Теперь мой круг задач гораздо шире, нежели проблемы образования и социальной сферы. Считаю, что в любом деле необходимо чувствовать уверенность в себе и в правильности принимаемых решений, а также поддержка со стороны коллектива. В моем случае это не только мои коллеги, но и все жители муниципального образования. Важно ощущать с их стороны понимание тех задач, которые мы решаем вместе. И мне в этом помогают в том числе и те, с кем вы встретитесь на страницах этой книги: М.К. Голев, М.В. Губачев, С.И. Илавский, С.И. Сándу, А.И. Сербушко и многие другие.

Эту книгу можно читать, открыв на любой странице, получая подлинное удовлетворение от одного лишь специфического арнаутовского слога – неторопливого, правдивого, живо передающего специфику места и времени. Подкупает прежде всего авторская искренность. Он передает душевные переживания своих героев. И, именно, поэтому каждый, читающий его произведение, кем бы он ни был, может увидеть в них частицу самого себя, подсмотренную со стороны. Редко встречается такое точное, яркое, наполненное характерными деталями описание тех лет. Новое поколение уже не может ощутить «те времена» как нечто совершенно конкретное. В качестве свидетельств о том времени остались история, комплекты старых газет, воспоминания и редкие, дожившие до наших дней его представители. И, конечно, книга В.С. Арнаутова дает точное ощущения прошлого, как встреча с живыми его свидетелями.

Еще раз убеждаешься в том, что главным богатством наших мест были и остаются люди, из судеб которых складывается история нашего края и именно про них эта книга.

Соловьева Н.А.

Читатель-земляк, взявший в руки эту книгу и увидевший силуэт старца, изображённого на первом Пудинском доме, волею-неволей должен вспомнить своего деда, прадеда, родителей или родственников, которые в тяжелейших условиях строили и само это село, и деревни в его округе, осваивая поистине своим каторжным трудом дикое пространство и делая его жилым...

А мы, их внуки и правнуки, с такой лёгкостью расстаёмся, бросаем земли своих сёл и деревень – в поисках лёгкой жизни и длинного рубля, становясь своеобразными тунеядцами нашего непростого времени. Как говорится, один – с сошкой, а семеро с ложкой (благо, не все).

Или опять нам нужен какой-то стресс, горе, беспредел, голод?

И как же не хочется, чтобы снова повторились те, не такие уж и далёкие, времена наших ссыльных дедов и прадедов – для того, чтобы мы снова научились и стали любить земли своих опустевших и обезлюдивших деревень, достойно ценя и уважая и труд настоящего сельского жителя-труженика...

Михаил Голев – инициатор Проекта и создания данной книги

Калугино, реанимированная Михаилом Губачёвым

НЕБОЛЬШОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Поводом для написания и издания этой книги явился один, на первый взгляд, совсем незначительный случай. Осенью 2018 года я оказался на своей малой Родине и, прийдя в гости к младшей сестре Раисе, мы с её мужем Михаилом Голевым стали рассматривать выложенные в интернет фотографии. И одна из них поразила нас обоих. Это было фото самого первого Пудинского дома, уже дряхлого и давно нежилого. И на него было сделано едва заметное наложение: фото старика с длинной бородой, пустившего понизу множество корней. Кто-то, из зашедших на эту страничку, об этом комбинированном фото отозвался не очень лестно. Зато мы увидели в нём глубокую символику – нашей общей малой Родины – внешне состарившейся, но пустившей, тем не менее, глубокие корни, давшие жизнь многим новым побегам.

Пудинская ссылка стала для её горемык своеобразным общим знаменателем. Все, находившиеся здесь спецпереселенцы, подвластные спецкомендатурам, оказались подведёнными под одну общую черту. Зато эта же общая черта явилась и своеобразным общим стартом жизненных судеб потомков этих самых спецпереселенцев. Как говорил на одной из школьных встреч выпускник Пудинской средней школы доцент ТГУ Василий Александрович Демешкин, сосланные родители сумели в этих условиях сохранить генофонд нашей многонациональной страны. И эти лучшие гены передались их потомкам, сотворившим уже свои собственные «знаменатели».

Хочется поблагодарить за оказанные услуги при сборе материалов всех, к кому пришлось обратиться, а также тех, кто предоставлял свой транспорт: Александра Никитина, Сергея Санду, Валерия Кондратьева, Ивана Илавского, Василия Юрака. А главное – своеобразного «продюсера» этой книги, инициировавшего и написания её – Голева Михаила Ксенофонтовича.

Особая благодарность Администрации города Кедрового, в лице Мэра города Кедрового Н.А. Соловьевой, за оказанную финансовую помощь в издании этой книги.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Следуя правилам приличия и чистоплотности, необходимо сразу сделать оговорку, что писать об истории чего-либо без наличия документальных источников, просто невозможно. Поэтому сошлюсь на те источники, которыми пришлось пользоваться при написании как книги в целом, так и отдельных её частей и фрагментов.

Не так давно в Томске вышла книга Л.Е. Устинова «Нарымский край в годы репрессий 1923-1953 годов» (Томск, 2017 г.). С автором другой книги «Нарымская хроника. Трагедия спецпереселенцев» томичом Вадимом Николаевичем Макшеевым мне довелось быть знакомым лично. И в моей домашней коллекции имеется несколько книг с его автографами. Названная книга В.Н. Макшеева была издана в Москве в 1997 году под редакцией и с напутствием самого А.И. Солженицына и в настоящее время является большой редкостью.

Тут же следует сделать и ещё одну оговорку. Поскольку моя книга не претендует на научное исследование, то я посчитал возможным не делать ссылки на первоисточники всякий раз при цитировании или свободном изложении того или иного фактографического или концептуального фрагмента, откуда это было извлечено.

Нарымская ссылка

Прежде, чем начать писать о своём родном селе **Пудино**, необходимо охарактеризовать хотя бы вкратце то время, то есть, с чего начиналось оно, или как писали в древних летописях, «*Откуда есть и пошла земля Пудинская*». Оставим пока в стороне историю со дней основания села и его собственно названия, – дореволюционное время. И ещё. Сделаю сразу же

оговорку. Когда я пишу и говорю **Пудино**, то зачастую имею ввиду не только само это село, но и **всю его Округу**, то есть территорию бывшего Пудинского района или всего куста Пудинской спецкомендатуры.

Итак, Пудино, как округа, со времён массовой коллективизации и начала глобальных репрессий в СССР входило в состав печально известного Нарымского края, а ещё точнее сказать – Нарымского округа. Нарымский край издавна слыл местом ссылки политических неблагонадёжных людей.

Так, уже в первой половине 19 века в самом Нарыме отбывали ссылку декабристы Николай Мозгалевский и Павел Выгодновский. Немного позднее сюда же были направлены и часть польских повстанцев. Ну, а кому из нынешних жителей Томской области не ведомо, что в конце 19 – начале 20 веков некоторое время тут отбывали ссылки Иосиф Сталин, Яков Свердлов, Валериан Куйбышев и другие революционеры? Правда, условия пребывания тех политических ссыльных были гораздо терпимее и благоприятнее, чем те, которые уготовили они, бывшие ссыльные, а вскоре и партийные и государственные лидеры своим «крестникам». Пожалуй, и я не удержусь и приведу здесь несколько народных афоризмов в адрес этого «благодатного места»: «Бог создал рай, а чёрт – Нарымский край», «Бог создал Крым, а чёрт – Нарым», «Кто в Нарыме не бывал, тот и горя не видал» и т.п.

Один из самых ярких сибирских и русских писателей прошлого века Владимир Чивилихин в своём знаменитом эссе «Память» потратил немало труда, чтобы восстановить честное имя декабриста Николая Осиповича Мозгалевского, отбывавшего ссылку в Нарыме более десяти лет (с 1827 по 1839 год). Декабрист писал в письме своему давнему приятелю, являвшемуся сыном Томского генерал-губернатора И.И. Соколовского: «...нужда доводит меня до такового отчаяния, что иногда осмеливаюсь роптать на Бога, почто он мне даровал жизнь и к несчастью моему не подверг к равной участи, как Песте-

ля». (*Павел Пестель был повешен в июне 1826 года в числе пятерых казнённых декабристов – В. Ар.*). В результате хлопот приятеля Мозгалевскому было выделено казённое содержание, по поводу чего он писал: «Приношу чувствительнейшую благодарность Вашему батюшке Игнатию Ивановичу за назначенные мне 50 копеек в сутки. Теперь я по крайней мере обретаю твёрдую надежду иметь безбедный кусок хлеба». Хочу обратить особое внимание на то, что государственные преступники содержались за счёт казны. И 50 копеек в сутки по тем временам были очень приличными деньгами. Для сравнения, на содержание декабристов-каторжников в Читинском остроге выделялось по 2 копейки в сутки, при этом им был положен фунт мяса в день, ценой в полторы копейки. Это – как бы мимоходом...

Для сравнения условий содержания политических ссыльных при царе приведу ещё один фрагмент – из письма Валериана Куйбышева к Р.И. Райх от 4 августа 1910 года: «...Сейчас закончил переезд на новую квартиру. Обиталище моё состоит из двух комнат, одна – величиной с Вашу, другая, проходная, раза в два поменьше. Цветы, приличная мебель, небезобразный диван. Расстелил ковёр, повесил занавески, накрыл стол скатертью и получилась очень приличная квартира, в которой можно жить и не нарымчанину. Думаю, между прочим, изучать историю русской литературы... Кроме того, буду проходить историю России вообще, и историю русского общественного движения в особенности». Ну, и как вам такие условия политически-ссыльного революционера? И на курорт ездить не надо – сплошной отдых. К тому же – на полном государственном содержании. И ссылали революционеров по тем времена всего-то года на три...

И что же уготовали те самые революционеры, придя к власти? И что имели от казны советского строя наши предки, сосланные едва ли не на вечное поселение в Нарымский край, в 30-40 годы уже 20 века?! То-то же...

Первая волна спецпереселенцев

Впрочем, обратимся к конкретному документу – докладу начальника Сибкрайадмуправления Ф. Скрипко народному комиссару внутренних дел РСФСР В.Н. Толмачёву «О хозяйственно-административном устройстве спецпереселенцев», датированному **12 июля 1930 года**. В нём сообщалось: «На строительных и сельскохозяйственных работах работающим и выполнявшим норму, выдавалось на день 800 граммов хлеба и кормили один-два раза мучной болтушкой. Людям, не выполнявшим дневную норму на работах, выдавали до 400 граммов хлеба. А всем остальным, неработающим, полагался месячный паёк: 8 килограммов муки и 2 килограмма солёной рыбы». Но и это не всегда получали спецпереселенцы. Овощей практически никаких не было, пока не появились подсобные личные хозяйства. Фактически же норма отпуска хлеба работающим не превышала 500 граммов в сутки, а на иждивенцев вообще составляла до 200 граммов и менее.

В 1925 году, 21 мая, в СССР была проведена административно-территориальная реформа. Были упразднены губернии, уезды и волости. Им на смену пришли края, области и районы. Бывшая Томская губерния превратилась в Сибирский край, с административным центром в Новосибирске. В состав края вошли Томская, Омская и Новосибирская области. А уже в 1930 году из состава Сибирского края выделили ЗапСибКрай. Впрочем, Новосибирск так и остался административным центром.

С началом массовых репрессий в отношении крестьянства, как класса, для высылки всех неугодных Советской власти, в пойме рек бассейна Васюгана и Васюганских болот – самой неудобницы для жизни и сельскохозяйственных работ – в 1932 году был образован **Нарымский округ** (в рамках ЗапСибКрая) с административным центром в **Колпашево**. В настоящее время это – территория центральных и северных районов Томской области. В состав Нарымского округа входили 10 рай-

онов, при этом половина из них была создана искусственно, практически в совершенно необжитых местах. К таковым относился и **Пудинский район**, образованный в 1939 году, в рамках **Пудинского куста спецкомендатур**.

Появление в Нарымском крае первых ссыльных – неугодных новой власти, относят ещё к 1923 году. Так, в этом году были сосланы туда 93 человека (*по сравнению с тем, сколько их будет позднее – просто мизер*). В число этих ссыльных входили и 27 священнослужителей, направленных в Кёнгинский монастырь. Оказывается, был и такой (не так уж и далеко по сибирским меркам от Пудино). Из наиболее известных людей, сосланных в то время и отбывавших ссылку первоначально в Колпашево, был и поэт из крестьян Николай Клюев, учитель и товарищ самого Сергея Есенина.

Итак, согласно теории «отца всех времён и народов», на пути построения социализма в отдельно взятой стране стояло крестьянство – оплот частной собственности. Советская власть, пообещавшая землю крестьянину уже самым первым своим программным документом «Декретом о земле», вскоре поняла, что частно-собственническая психология крестьянина не вписывается в теорию построения социализма и коммунизма. Тем более, что и крестьянство было далеко не однородной массой сельского труженика. Резкими темпами вырывались вперёд единоличники, получившие землю и волю ещё в результате Столыпинских реформ. Эта часть крестьянства была безоговорочно, или как говорят в научной среде – априори, отнесена к кулачеству. Они обладали значительно большими земельными площадями, имели современную сельхозтехнику и инвентарь. И, естественно, не могли со всем этим справиться без наёмной рабочей силы, которая на селе получила название батраков.

Согласно Постановлению СНК СССР, от 21 мая 1927 года, «О признаках кулацких хозяйств», **кулаками признавались:** имеющие сельхозтехнику; сдающие эту технику в наём;

использующие наёмный труд; – занимающиеся торговлей сельхозпродукцией или имеющие иные нетрудовые доходы.

И уже в это время на семьи кулаков продовольственный налог был в **5 раз выше**, нежели на крестьян, объединённых в товарищества и кооперативы. А в случае неуплаты налога – с них взымались через суд денежные компенсации, уводилась с подворий скотина, изымался сельхозинвентарь, зерно и прочее. Мало того, нередко в таких случаях крестьяне лишались и гражданских прав. Разумеется, в такой ситуации, когда тебя едва ли не публично грабят, оказывалось и сопротивление со стороны обиженных.

С конца 20-х годов в среде крестьянства стали образовываться первые колхозы. Тем самым власть намеревалась добиться искоренения частно-собственнической психологии крестьян и повысить объёмы сельскохозяйственной продукции. Состоявшийся в 1927 году 15 съезд ВКП(б) взял, так называемый, курс «на коллективизацию». А уже **30 января 1930 года** принимаются два программных Постановления «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» и «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Согласно этим постановлениям, все крестьяне, не пожелавшие добровольно вступить в колхозы, объявлялись классовыми врагами и лишались прав, состояния, подлежа высылке в глухие места, в том числе и в Томский (позднее – Нарымский) округ.

Таким образом, из сельскохозяйственного производства была изъята наиболее работоспособная и предприимчивая прослойка сельского труженика. Все раскулаченные крестьяне делились на три категории:

- арестованные и осуждённые за преступления;
- направленные под конвоем на жительство под надзор органов ОГПУ (НКВД);
- направленные на спецпоселения.

Массовое раскулачивание приобрело наиболее активную форму уже в 1930 году. При этом, под категорию кулаков, подлежащих раскулачиванию и депортации (высылке), попадали как те, кто и в самом деле являлся таковыми, так и те (в большинстве случаев), кого к ним можно было отнести с большими оговорками. Таковых нередко называли подкулачниками. А это были люди из середняцких (и даже бедняцких) хозяйств. В административно-территориальные органы «на местах» нередко спускались «сверху» указания о количестве семейств, подлежащих раскулачиванию и высылке. И тогда исполнители на местах добирали до нужного количества, как правило, на основе сфабрикованных «дел»; показаниях и доносах односельчан, затаивших обиду, зависть и злобу на зажиточных крестьян. Нередкими были случаи, когда такими «активистами» являлись даже близкие родственники, оклеветавшие своих же, более трудолюбивых и порядочных.

Чем примечателен первый этап раскулачивания и депортации, так это тем, что раскулачиванию подлежали зажиточные крестьяне, преимущественно проживавшие в Сибири, точнее – в сельскохозяйственных регионах Сибкрая. Так, к середине 1930 года из округов Сибкрая было депортировано 16113 хозяйств, насчитывающих более 80 тысяч человек. Кроме того, сюда были направлены ещё порядка 20 тысяч «западных» «кулаков». Вместе с ними число сосланных на данное время и расселённых по десяти спецкомендатурам Сибкрая составило порядка 100 тысяч человек.

Как отмечает Л. Устинов, в ходе весенне-летней депортации 1930 года только в Нарымский край (Томский округ) были высланы порядка 29 тысяч раскулаченных. А к августу 1931 года их число достигло уже 215 тысяч. При этом, высылке подлежала практически вся семья, жившая одним хозяйством, вместе со стариками и детьми. Не щадили никого – ни старых, ни малых, ни больных, ни сирых...

В декабре 1932 года в СССР была введена паспортная система. Все спецпереселенцы не имели права на получение

паспортов граждан СССР. Мало того, они закреплялись практически бессрочно к месту ссылки с принудительным привлечением к трудовой повинности. Попутно замечу, что и те крестьяне, которые объединялись добровольно в колхозы, тоже не имели паспортов и у них фактически не было возможности покинуть свои места проживания. Таким образом, **советское крестьянство оказалось вторично закрепощено**, попав под крепостное иго, от которого ещё царским Манифестом Александра Второго было оно освобождено в 1861 году, то есть 70 лет назад. Получалось, как в известной поговорке: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...» И это **советское крепостное право продлилось ещё на 30 лет**, до начала шестидесятых годов.

В каких условиях приходилось выживать первым переселенцам – теперь можно только представить, а точнее – даже и невозможно представить! Об этом свидетельствуют воспоминания очевидцев, документальные источники (докладные, донесения, записки, материалы следствия и т.п.) и редкие фотографии. И, тем не менее, всё это несколько отличалось от мифов и легенд, появляющихся ныне, и особенно в художественной литературе и кинематографе.

Не так давно мне попала в руки книга татарской писательницы **Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза»**, в которой повествуется о судьбе раскулаченной татарки и попавшей на поселение в Приангарье. То, как она описала первую зиму высланных на поселение – чистейший вымысел дилетантки. Эта книга получила престижную литературную премию. Мало того, по её мотивам снимается многосерийный фильм... Честно признаюсь, читал я эту книгу, сопоставляя её содержание с тем бытом, который был в рамках нашей Пудинской спецкомендатуры. По крайней мере, с тем, что знал об этом лично я. И прихожу к выводу, что *вот так и рождаются мифы, искажающие нашу историю – в угоду антироссийских и русофобских забугорных заказчиков и мифотворцев...*

Да, трудностей хватало выше головы и у нас. Я имею ввиду спецпереселенцев нашей Пудинской округи. В своей

книге мне не хотелось бы ни очернять, ни приукрашивать реальную действительность той поры. Да, я помню и видел пожелтевшие фотографии самого начала «Пудинской эпопеи»: с землянками и бараками, со скученностью людей, одетых кто во что... Да, мне ведомо, что умирали и вымирали от голода, холода и инфекций едва ли не семьями, особенно дети, старики и больные. За примером и ходить далеко не надо. Мой дед Абакум Васильевич Шадрин, раскулаченный и высланный в числе самых первых (с женой и тремя детьми) уже в апреле 1930 года в течение одной недели лишился двух сыновей (шести и четырёх лет). И похоронены они были в глухом месте, которое вскоре оказалось межей нашего огорода... Самый младший брат моего деда, Иннокентий Васильевич, отца которого после раскулачивания посадили в Мариинскую тюрьму, а мать с ним сослали и которая вскоре умерла, оказался в Васюганском детдоме. Их средний брат Пётр Васильевич пустился в бег. И оказался аж в Якутии, сменив даже имя и фамилию, став Зайцевым Фёдором, и проживший с этим псевдонимом всю оставшуюся жизнь... (это – лишь реальные факты из одного семейного «гнезда»).

И всё же. Было бы не совсем верным показывать то время в одних чёрных тонах и говорить о том, что власти оставляли без внимания угнетённых ими людей. Не буду упоминать здесь известную статью нашего великого «кормчего» «Головокружение от успехов», в которой все просчёты раскулачивания и массовой коллективизации сваливались исключительно на местные власти. Местные власти тоже кое-что делали в этом направлении. Так, в частности, Бюро ВКП(б) ЗапСибКрая приняло Постановление от 2 октября 1931 года, в котором, были и такие пункты:

«Пункт 4. Открыть детские дома для детей-сирот в Пудино, Новиково, Усть-Чижапке, Васюгане, Тогуре, Колпашево, Новосёлово, также детские ясли и детские сады.

Пункт 6. ... дать комендантам точные инструкции по внутреннему распорядку в спецпоселенческих посёлках, пре-

дусмотрев необходимую свободу передвижения, связанную с хозяйственной деятельностью и бытовыми условиями; не допускать препятствий к перемещению за черту посёлков переселенков, выходящих замуж за спецпереселенцев...»

Разумеется, было трудно и далеко не всегда на местах исполнялись распоряжения и рекомендации вышестоящих инстанций. Но, давайте не будем забывать и то, что для детей спецпереселенцев уже в самые первые годы открывались на местах школы. Так, Пудинская школа ведёт своё летоисчисление именно с 1930 года.

Мне как-то попала в руки старенькая вырезка из газеты «Советская Сибирь» от 24 февраля 1993 года. Это была статья А. Жаринова «Лишенцы, спецпереселенцы...». И здесь же была помещена фотография школы Галкинской спецкомендатуры. На ней – новое, отстроенное из ровного кругляша, здание, весьма внушительных размеров, и на его фоне – не менее полутора сотен ребятишек, разного возраста и одетых кто во что... Обозначена она как «Образцовая Галкинская школа 2-й ступени системы ОГПУ». И дата – 1930 год. Вообще-то история появления Галкинской спецкомендатуры уже сама по себе уникальна. Дело в том, что возникла она и впрямь стихийно, непланово. Весной 1930 года несколько партий спецпереселенцев из Новосибирской области направлялись в район Чаинской спецкомендатуры. А по дороге их застигли весенняя распутица и половодье. Было это в районе реки Галка (нынешний Бакчарский район). И вот, в мае-июне 1930 года, крестьяне, оказавшиеся вынужденно «отабориться», принялись не только обустраиваться, но и распахали и засеяли прихваченным с собою зерном, пригодные для земледелия площади. Узнав о вынужденном месте освоения этой партией спецпереселенцев, окружные власти уже официально дали добро на жительство, организовав здесь и спецкомендатуру, в которой насчитывалось к июлю месяцу 1930 года порядка двух с половиной тысяч сосланных. Вместе с тем, едва ли не отсюда, уже ровно через год, в середине лета 1931 года началось знаменитое **вос-**

стание поселенцев, получившее название, как **Чаинское или Бакчарское**.

А на моей памяти (пятидесятые годы) – к началу развала деревень и покидания их бывшими спецпереселенцами – практически в каждой деревушке (Красный Яр, Ляшкино, Калининский, Гонохово и проч.) были свои начальные школы. А в таких деревнях, как Таванга, Шерстобитово, Львовка – даже школы-семи-(восьми)-летки. А сколько учеников обучалось в Пудинской средней школе! То же самое касалось и наличия в спецпоселениях магазинов, почты, клубов и медпунктов (амбулаторий). Не говорю уже про настоящие стационарные больницы, типа Пудинской – практически с полным комплектом врачей и медперсонала. Были при ней и классные врачи-хирурги, и ЛОР, и стоматолог, и терапевт, и акушер-гинеколог, и медсёстры. Уж, по крайней мере, операции аппендицита и аборт там делали, не отправляя в Томск или Парабель. Не знаю, как кто, а моя мама, жившая в то время в Красном Яру, всех четверых родила нас не на поле, не на току и не в бане при бабке-повитухе, а в настоящем родильном отделении Пудинской больницы... В интернете мне попалась как-то фотография медперсонала Пудинской больницы (на ней – аж 34 человека – и все из штата больницы, правда, на то время – ранга районной). И было это уже в несколько иное время.

Наш многострадальный народ, в большинстве своём, (употреблю иностранное слово) по *менталитету*, живуч и предприимчив. И, чтобы выжить, он всегда найдёт возможности и силы. Так было и в местах спецпоселений Нарымского округа. Едва ли не в самые первые месяцы ссылки, на «голой кочке» начинали строиться землянки и бараки. Пусть тесные, некомфортные, с антисанитарными условиями, но все надеялись, что это – временно.

А поскольку на спецпоселения попали в основном люди-труженики, а не та голытьба, которую насильно сгоняли в колхозы, в одночасье проевшая конфискованное и загубившая большую часть обобществлённого скота и инвентаря, то и

здесь, в абсолютной неудобице, ссыльные стали интенсивно обживать. И уже, практически и в самом деле едва ли не на добровольной основе, стали создаваться колхозные хозяйства, потому как выжить в этих условиях было куда легче в коллективе, нежели в одиночку. Хотелось бы в этой связи вспомнить из школьной программы поэтический афоризм пролетарского поэта Владимира Маяковского о том, что «единица – ноль, единица – вздор...», что «один – не поднимет даже бревно, тем более – дом пятиэтажный...».

Как уже отмечалось, земли Нарымского округа, в том числе и Пудинской округи были мало приспособлены для сельскохозяйственной деятельности, особенно, для земледелия. Безлесых полей, пригодных для пашен, практически не было. Вот и приходилось заниматься поистине каторжным трудом, раскорчёвывая вручную лес под поля с огородами и осушением болот. И, надо признаться, не напрасно: после раскорчёвки леса и гарей земля сторицей воздавала новоявленным колхозникам. Урожаи собирались вполне приличные, по 20 и более центнеров с гектара. *(Довелось мне лет пятнадцать назад побывать на Алтае, в селе Сростки, на 75-летнем юбилее Василия Макаровича Шукшина. Будучи в библиотеке, мне случайно попалась брошюрка, в которой приводились показатели урожайности в Бийском районе. И я глазам своим не поверил: урожайность в том степном районе Алтая составляла всего 6-8 центнеров зерна с гектара. Даже в моё детство, в Калининском отделении «Пудинского» совхоза, где наш отец был бригадиром полеводов, и то собирали по 12-18 центнеров зерна с гектара).* Иное дело, что колхозы и колхозники спецпоселений вынуждены были по господавкам сдавать это зерно едва ли не подчистую. И на трудодни-«палочки» натуроплаты оставался труженикам совсем мизер.

К 1 июля 1932 года число спецпереселенцев в Нарымском округе выросло до 182299 человек, с 15% убылью за год – умерших, беглых, пропавших без вести, снятых с учёта.

Вся власть в Нарымском округе, выделенном, как уже отмечалось в самостоятельную единицу ЗапСибКрая в 1932 году, с центром в Колпашево, принадлежала Окружному комитету ВКП(б). Сюда стекалась вся первичная информация о положении дел на местах спецпоселений – от секретарей райкомов округа, комендантов и всевозможных уполномоченных.

Деклассированные ссыльные

Очередная волна переселенцев не заставила себя долго ждать. Правда, это были уже, в основном, не раскулаченные крестьяне, а жители столичных городов и центральной России. Поскольку, согласно теории идеологов и практиков советской строя в СССР, существующая власть считалась диктатурой пролетариата, то есть властью рабочих, все прочие классы и прослойки стояли преградой на пути построения мира социализма. От них надо было либо избавляться, либо нейтрализовывать, «перевоспитывая».

С началом паспортизации населения СССР, Советской властью было принято решение очистить города от **люмпенизированных людей**, то есть потерявших работу или вообще нигде не работавших, ведущих паразитический образ жизни, в числе коих было много всякого вора, уголовников, явных и латентных проституток. Весь этот конгломерат называли теперь **деклассированными элементами**.

И вот, с 1933 года после очередного Постановления, началась кампания выявления «люмпенов» и насильственного депортирования их в необжитые районы необъятного Советского Союза.

В марте 1933 года в городах начались облавы. И опять Нарым стал основным местом приёма обездоленных людей. Как и при раскулачивании крестьян, и эта кампания имела немало «перегибов». До органов правопорядка на местах доводились (спускались) цифры, подлежащих высылке деклассированных элементов. И услужливые псы системы, как булгаковские шариковы и швондеры, исправно отчитывались о выяв-

ленных и отловленных люмпенах. Дело доходило до того, что ими наряду с теми, кто и впрямь фактически утратил свою классовую принадлежность, для выполнения плана хватались на улицах первые попавшиеся люди, появившиеся там в рабочее время. Злачными местами становились скрытые притоны воровских шаек, «хазы» и «малины» проституток, вокзалы и прочие места массового скопления людей.

Отловленные и задержанные таким образом люди, направлялись в отделения милиции и прочие сборно-приёмные пункты для деклассированных: дескать, там разберутся. А разбираться никто и не хотел, главное – план для очередной отчётной «галочки». И попадали сюда не только деклассированные, но и те, кто имел постоянную работу, вплоть до инженеров заводов и предприятий, советских и партийных работников. Случалось, задерживали даже и 12-15-летних подростков. А далее – путь известный – в Нарым. Везли эшелонами в переполненных теплушках и телячьих вагонах, где, как обычно, было очень плохое питание. Мало того, в одной куче оказались как вполне безобидные мирные люди, так и закоренелые урки и матёрые зэки-рецидивисты. Вот от них-то и приходилось терпеть остальным не только моральные унижения, но и физическое насилие, вплоть до сексуального. Урками отбирались продукты питания и пайки, тёплые вещи и обувь, случайно оказавшиеся деньги и иные драгоценности.

К середине мая 1933 года в Томской пересыльной тюрьме побывало 25 тысяч человек, депортированных из Москвы, Ленинграда, Сочи, Северного Кавказа, Поволжья и других мест. Все они были «**элементами городского типа**». Было у них и ещё одно наименование – «**трудопоселенцы**».

А далее – в Новосибирске или Томске прибывших люмпенов набивали в тесные и непроветриваемые баржи, по две и более тысяч человек и отправляли водой вниз по течению Оби, и дальше – вверх по притокам. По пути следования народ вымирал в этих баржах, как мухи. На причалах и остановках десятками выносили мёртвых. И к конечному пути в баржах ос-

тавалось из тысячи узников лишь несколько сотен выживших полутрупов. Из-за голода дело доходило даже и до каннибализма...

Об этом очень хорошо описано в книге В.Н. Макшеева «Нарымская хроника. Трагедия спецпереселенцев». И не просто рассказы очевидцев или вольная интерпретация автора. В этой книге помещено очень много документальных источников, или выдержек из рассекреченных документов.

Томск, 2013 г. Кемеровские писатели С. Павлов и В. Арнаутков с томичом В.Н. Макшеевым

Очень смело и красноречиво подано это в «Письме» инспектора В.А. Величко, адресованного И.В. Сталину, секретарю ЗапСибКрайкома Р.И. Эйхе, секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) К.И. Левицу, от **22 августа 1933** года. Это рассекреченное и очень смелое по тем времена письмо инструктора Нарымского Окружкома **Василия Арсентьевича Ве-**

личко, направленного в качестве инспектора к месту трагедии, полностью напечатано в указанной книге В.Н. Макшеева на страницах 52-57. *(Попутно отмечу, что В.А. Величко, после травли его со стороны властей, в связи со смелыми и объективными письмами о положении спецпереселенцев, вскоре был вынужден уйти со службы и заняться литературным трудом. Его перу принадлежит и повесть-легенда о золотой нарте, утопленной в озере Мирное, напечатанная в книге «В большом снежном мире»).*

«29 и 30 апреля 1933 года из Москвы и Ленинграда были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированных элементов. Эти эшелоны по пути следования, подбирая подобный же контингент, прибыли в Томск. Затем на баржах их отправили в Нарымский округ.

18 мая первый, а 26 мая второй эшелоны, состоя из трёх барж, были высажены на реке Оби у устья реки Назина на остров Назина, напротив остяцко-русского посёлка и пристани с этим же названием.

Первый эшелон составлял 5070 человек, второй – 1044, всего 6114 человек. В пути, особенно в баржах, люди находились в крайне тяжёлом состоянии: скверное питание, скученность, недостаток воздуха, массовая расправа наиболее отъявленной части над слабыми. В результате – высокая смертность. В первом эшелоне она достигала 35-40 человек в день. Первый эшелон пристал к берегу в тёплый солнечный день. И в первую очередь из барж было вынесено до 40 трупов, из которых выжили и встали 8 человек, пока могильщики отдыхали от своей работы.

На острове предполагалась сортировка людей по группам и отправка их далее, вверх по притокам Оби, расселяя их по посёлкам. Остров оказался совершенно диким и девственным. Люди были высажены из барж в таком виде, в каком их взяли в городах – в лёгкой одежде, без постельных принадлежностей, многие были даже босыми. На острове не оказалось никаких инструментов, чтобы изготовить временное жилище и укрыться от непогоды. Не было никаких медикаментов (их

отобрали в Томске), никакого продовольствия. Комендант ближней, Александровско-Ваховской, комендатуры дал распоряжение конвоирам первого эшелона: «Выпускай! Пусть пасутся...». На второй день после прибытия, 19 мая, пошёл снег, усилился ветер, ночью был мороз. Голодные и обессиленные люди скученно сидели у костров или бродили по острову в поисках хотя бы какой-то пищи. На острове начались пожары. Люди начали массово умирать. Бригады могильщиков закопали 295 человек, оставив часть на следующий день. Начались отдельные случаи людоедства, принявшее вскоре массовый характер. И лишь на 4-5 сутки на остров завезли ржаную муку, которую стали раздавать по несколько сот граммов. Поскольку у переселенцев не было почти никакой посуды, муку сыпали прямо в шапки, пиджаки, рубахи, штаны. Оголодавшие люди бежали к воде, разводили в воде муку и ели сырой, в виде мучной болтушки. Некоторые из них пытались набить рот мукой, даже не разбавленной водой. В результате чего перехватывало дыхание в горле и многие люди тут же умирали от удушья. Более терпеливые и приспособленные к жизни пекли из муки на костре лепёшки...»

Новый контингент

Канун войны обернулся для народов, населявших СССР, новыми бедами и репрессиями. И начались скороспелые решения «опертроек» в отношении зажиточных крестьян, горожан, интеллигенции и бывших кадровых военных. Не было тут многостраничных и многотомных папок с уголовными делами. Были решения с обвинительными заключениями: в отношении мужчин – как правило, политическая пресловутая статья 58 со всеми её подпунктами. А для остальных членов семей – клеймо «ЧСВН» – «член семьи врага народа» и административная ссылка в Сибирь, многие из которых попадали в Нарымский округ и даже в Пудинскую спецкомендатуру.

В 40-е годы в органах НКВД в обиход вошли новые термины, обозначавшие в бумагах тех, кто оказался в Нарымском округе не по своей воле: все сосланные в 30-е годы стали именоваться *«трудоселенцами»* или *«трудопоселенцами»*. Депортированные из Прибалтики, Бессарабии и Западной Буковины стали именоваться *«административно ссыльными»* или *«новым контингентом»*.

Условия встречи и проживания волны «нового спецконтингента» были ненамного лучшими, чем у первых спецпереселенцев 30-х годов. Мало того, этот «контингент» оказался менее приспособленным к условиям Сибири и предстоящей зимы 1941-1942 года – первой зимы военного времени, которая и для «местных» была далеко не из комфортных. Как правило, новая волна административно ссыльных была родом из тёплых регионов СССР: Молдавия, Польша, западные области Украины, Белоруссии. Да и в Прибалтике климат был гораздо мягче, чем в Сибири... Ко всему, среди вновь прибывших было немало интеллигенции, совершенно неприспособленной к сельскому труду.

Сколько больных людей, инвалидов, немощных стариков и детей погибло уже во время перевозки их из мест высылки до конечных пунктов назначения – вряд ли поддаётся учёту. В дороге умирали очень многие, которых выносили чуть ли не на каждой остановке эшелонов, наскоро хороня едва ли не у самых железнодорожных рельсов.

Как и для трудопоселенцев, на местах в комендатурах совершенно не были подготовлены пункты приёма людей. И опять приходилось приспособливаться и выживать в невероятных условиях: хорошо, если кого на первых порах приютят где-нибудь в бане или в скотном дворе «местные», – большинству приходилось зиму коротать в сырых и холодных землянках, в лучшем случае – в перенаселённых людьми бараках.

Вполне понятно, что в адрес властей – больших и малых – от таких людей не могло быть добрых слов и пожеланий. А вот

проклятий – предостаточно! И, разумеется, начавшуюся войну многие ссыльные, особенно «новой волны» воспринимали далеко не в патриотических настроениях, а нашествие неприятельских полчищ – как избавление. Вот потому-то и добавили ссыльные «новой волны» немало забот и хлопот служителям комендатур и местным властям.

Уже начало войны вынудило власти снизить и до спецпереселенцев, часть из которых к этому времени уже была снята со спецучёта. Срочными прядками их мобилизовывали в Красную армию. Как это было в наших местах свидетельствуют слова С.М. Собакина: *«... С началом войны почти всех абorigенов-охотников и даже ссыльных стали призывать на фронт. К её началу официально часть ссыльных уже считалась полноправными гражданами, их снимали со спецучётов, хотя они по-прежнему проживали в местах спецпоселений и мало чем отличались от ссыльных. Так в Тамбаево, например, едва ли не с первых дней войны позабирали на фронт почти всех здоровых мужиков призывного возраста. Некоторых – прямо с полей, в чём были, не дав даже толком проститься и собраться... Наскоро обучив, из них формировали сибирские дивизии и направляли экстренно прямо под Москву, у стен которой уже стоял враг. И ведь отстояли! Во многом – благодаря сибирякам, в том числе и из бывших ссыльных, раскулаченных... Так, из 73-х человек-тамбаевцев, вернулись живыми всего трое. Из моих братьев на фронте побывали старшие – Данила и Дмитрий. Данила Моисеевич вернулся инвалидом, Дмитрий – погиб... Воевали **за Родину**, не за Сталина, или партию, обрекшую их на страдания...»*

Секретарь Пудинского РК ВКП(б) **Тарасенко**, 17 сентября 1941 года докладывал Нарымскому Округному «О состоянии в Пудинском районе с 5 августа по 15 сентября 1941 года»: «С хлебом в колхозах, особенно спецпереселенческих, антисоветскими элементами развита контрреволюционная пропаганда, направленная на срыв хлебоуборки и выполнение хлебопоставок. Сегодня принималось решение о привлечении председателей колхозов к уголовной ответственности. Семьи

мобилизованных в большинстве случаев не имеют даже хлеба, и колхоз не может им дать. За счёт сокращения пайка административным ссыльным даём хлеб семьям мобилизованных из кооперации... Проводи работу с поляками. Провели собрания по посёлкам, в них насчитывается более 300 сосланных поляков. Беседы проходят хорошо, поляки выражают удовлетворение, но в Армию (создаваемую польским правительством) идти не хотят, пока нет ни одного заявления о вступлении в польскую армию... Некоторые высказывают антисоветские мысли, заявляя, что Красная армия помогла уничтожить Польшу. Особенно это настроение развито в *Язёвке*. Там говорят, что Гитлер лучше Сталина. В посёлке *Останино* ссыльные собираются группами с географическими картами и обсуждают ход военных действий на фронте. В *Лавровке* 12 человек ссыльных рецидивистов объявили голодовку, требуя масло, мясо, хлеба, одежду, обувь. Организованно пошли в комендатуру. А когда комендант разогнал их, устроили побег. По району уже 30 побегов. Около 10 человек задержаны, остальные сбежали. По воскресеньям административно-ссыльные сотнями собираются в *Пудино* со своими ремками на базар. И под этим предлогом организуют встречи и распространяют контрреволюционную пропаганду. Говорят: «Фронт и тыл неотделимы. Пусть нас кормят мясом, тогда мы будем работать, крепить тыл. Нас задавили налогами, заставляют работать голодными». Особо яростным агитатором является Вайникс Израиль Михайлович, житель села *Лушиново*, сосланный из Риги...» *(К слову, этот человек был арестован и расстрелян в 1941 году – В. Ар.)*.

Приведу ещё несколько конкретных высказываний – всё из той же книги В. Макшеева «Нарымская хроника»: «В Пудинском районе колхозница Варвара Иванова пропагандировала: «Все вожди уехали на фронт. И Сталин уехал. Теперь их там всех убьют, всех больших и маленьких большевиков... Да, чтобы их всех там перебили!»

«В селе Шерстобитово девятилетний сын арестованного и расстрелянного в 1938 году спецпереселенца Андрея Тимофеевича Устюгова-Кудрявцева заявил сыну Председателя сельсовета Парфёнову: «Твой отец идёт завоёвывать чужую землю...». Кругом враги! Сын врага народа – тоже враг!»

«Есть случаи, когда из кулаков-переселенцев сочувствуют привезённому контингенту, приносят зелёный лук, отдают бесплатно...»

Конечно же были и сочувствующие «новосёлам» – как им не быть?! Такое сочувствие для русского человека, особенно у сибиряков, к обездоленным, ссыльным и каторжникам было издавна. Вот и несли – кто что мог, вот и помогали чем могли, вот и меняли продукты на то, что успели из одежды прихватить с собой «административно ссыльные»... Вот как рассказывал об этом потомок ссыльных переселенцев из Молдавии С.И. Санду (по воспоминаниям его бабушки): «... Случилось это на пасху. Пришли арестовывать. В доме на столе стояли в вазах крашеные яйца с куличами. А ещё – в вазах же были и монеты – серебряные и даже золотые. Бабушка, смекнув, к чему идёт дело, успела шепнуть детям, чтобы те тайком забрали из ваз монеты и спрятали, кто сколько и как сможет... Аресты в то время в Молдавии, ставшей советской республикой, шли повсюду. Забирали целыми семьями. Толком не разбираясь, не дав даже собраться, забирали всех и отправляли в ссылку. Пока везли эшелонами, монеты те, припрятанные ребятишками, очень дажегодились. Да и позднее, уже в ссылке – тоже. Меняли их на хлеб и еду...»

А вот как описала в своих воспоминаниях одна сосланная латышка: «Поначалу нам, новому контингенту, давали хлеб – 500 граммов взрослым и по 300 граммов иждивенцам. Но постепенно норму урезали до 150-100 граммов. Помню, когда начали расти «пестики» (так называли в детстве и мы разновидность хвоща – В. Ар.), хлеба уже вообще не было. Весной 1942 года я была настолько слаба, что поднимаясь в гору с водой, казалось, что к ногам привязаны камни, не было сил даже переставлять ноги. Чтобы заработать хотя бы одну картошину, нанимались любому искать вшей в головах...»

Вот уж кому никак не позавидуешь. Нам с молоком матери впитали сострадание к блокадникам-ленинградцам. И мы искренне сочувствовали тем людям, для которых 125 блокадных граммов хлеба были спасительной крохой. Почему же наша пропаганда ни слова не говорила о тех 100 граммах хлеба, которые отпускались спецпереселенцам? Их и за людей-то не считали... А всего-то и надо было – хлеба, если и не досыта, то хотя бы чтобы с голодухи не пухнуть и не умирать... И я припоминаю не единожды слышанное от бабушки Настасьи о том, как они до ссылки могли бросить недоеденный кусок чёрствого хлеба в помойное ведро – для скотины. Зато в голодный год вспоминала: как бы она вытащила из помойного ведра тот кусок хлеба и съела бы... А ведь ссылкой первой волны было в те голодные военные времена всё-таки не так холодно и голодно, как «новому контингенту»...

«Новый контингент» был самой низшей кастой в иерархии ссыльных поселенцев – жалкий и беспомощный вид опустившегося от голода человека, вызывал у некоторых начальников брезгливость, либо ещё большее желание унижить».

18 ноября 1942 года вышло Постановление бюро Окружкома ВКП(б), которое регламентировало свободу передвижения «нового контингента»: «Категорически запретить спецпереселенцам: немцам, латышам, эстонцам, молдаванам, а также переселенцам из Западной Украины и Западной Белоруссии свободное передвижение в пределах района или округа...»

5 августа 1942 года Секретарь Пудинского РК ВКП(б) Тарасенко сообщал в Нарымский Окружком Ужеву:

«Враждебными элементами насаждаются разговоры о том, что «хлеб отберут». Председатель колхоза «Рассвет севера» Кожемякин вместе с колхозниками вёл разговоры не о работе, а о том, что людидохнут с голоду и не могут работать голодные» – тогда как в этом колхозе давали на работающего колхозника по 300 (400) граммов хлеба. В результате такого поведения Председателя колхоза там не выработано минимум

трудодей 30 колхозниками. *Кожемякин привлечён к уголовной ответственности*».

Не менее драматична и докладная записка председателя колхоза «КИМ» Васюганского района Жукова, направленная в Васюганский РК ВКП(б) от 19 марта 1942 года: «Участвуют в работе только животноводческие рабочие и бригадир-полевод. Остальной народ лежит наповал, даже не двигается по своим квартирам, за исключением отдельных колхозников, которые ещё не выбились из сил. В артели на данное время нет ни грамма хлеба. Полученный лимит из сельпо – 3 центнера хлеба на март – обеспечит колхозников по 100 граммов в день. Своего хлеба старого запаса у колхозников нет. Сам колхоз не имеет абсолютно никаких продовольственных фондов. Прошу райком ВКП(б) дать конкретную помощь колхозу в части снабжения хлебом. Ещё раз прошу: не задерживайтесь, как можно быстрее сообщите результат...»

И какова же резолюция райкома? «За растраниживание кормов оформить материал на комсомольца Жукова и *передать в Прокуратуру, с привлечением Жукова...*»

Сообщения о катастрофическом положении с продовольствием на местах всё же направлялись как в Окружном, так и в Обком ВКП(б). Об этом знало руководство области и округа. Так, в докладной записке секретаря Нарымского Окружного Лямина секретарю Ужеву сообщалось: «В результате недоедания имеется много случаев смертности. Население потребляет в пищу разные виды трав, которые сушат, толкут, сеют и едят. Из обучающихся в школе 64 человек осталось 37, остальные отсылились, *благодаря* (это ж надо так сформулировать причину: «благодаря»! – В. Ар.) отсутствию хлеба. Члены артели отошляли до того, что не в состоянии подвезти корм для скота. За 2 месяца пало 2 рабочих лошади, бык-производитель, 2 овцы, 14 ягнят. Павший скот колхозниками был съеден. Возросли побеги и самовольные отлучки из колхозов по изыскам продуктов путём побора (милостыни)...»

Мало того, что изымали из закромов колхозов всё зерно, так ещё и облагали колхозников индивидуально непомерными налогами, изымая последнее. За неуплату налогов производили опись имущества, изымали вещи, обувь, вплоть до последней картофелины, обрекая тем самым на верную голодную смерть. И ладно бы – было это в самом начале войны, но и в последующие военные годы было не лучше. Примером тому Докладная записка парторга Никифорова секретарю Васюганского РК ВКП(б) Тропову от 31 января 1944 года: «Ставлю Вас в известность, что получилось снижение нормы хлеба и прекратили совершенно выпечку хлеба по всему Тевризскому сельсовету. Получают мукой ежедневно по 40 граммов на иждивенца и по 80 граммов на работающего и по 3-5 картошин. Данная норма – установка Райпотребсоюза. Имеются случаи опухания детей. Так в посёлке Калганак 8 опухших детей. Председатель колхоза Кучумов ушёл на охоту, говорит: «Что, паря, тут делать?! Хлеба нет...»... *Председателя колхоза им. Коминтерна Кучумова за саботаж хлебозаготовок предать суду...*»

А вот как жили и развлекались властимущие, из той же записки секретаря Нарымского Округкома Лямина секретарю Ужеву: «В период распутицы осенью 1941 года систематически проводились групповые попойки всех коммунистов; в село стали приезжать районные работники, которые не только не вскрывали аморальные явления, но лично участвовали в выпивках, способствовали их распространению. Брали в магазине водку, муку, сахар, рыбу, мясо, заказывали пироги, а затем пьянствовали и развратничали...»

И что же за это они имели? Взыскание, выговор, постановку на вид; указание на недопустимость подобного впредь... Да, уж, как говорится, каждому своё...

На фронт

1942 военный год был годом критическим на фронтах. Враг подошёл вплотную к Волге. И опять, как осенью 1941, под Москвой, потребовались новые силы. А где их было брать? Да в Сибири! Вот тут-то и стали снимать со спецучётов переселенцев 30-х годов. Отправляли на фронт практически всех здоровых мужчин призывного возраста. Вот как об этом писал в своих воспоминаниях **А.А. Шадрин**, житель Калининского: *«В июне 1942 года из Калининского ушли защищать Родину сразу 23 человека: Лобанов А.Т., Данилин А.Н., Беспятов Сергей, Кологривов Иван (погиб под Сталинградом), Бут И.К. (погиб под Сталинградом), Сухиня И., Сухиня Н., Анисов П.Л., Труфанов Ф., Куратов А., Осинцев И., Шипицын П. (все погибли под Сталинградом), Семенов Дмитрий, Чернуха Петр, Шадрин Александр Аввакумович и другие. Многие девчата были мобилизованы на заводы в Новосибирск: Смолякова Д., Григорьева Н., Семёнова М., Чернухина М, Полукеева Н., Легостаева А. В Колпашево, на строительство консервного завода, в Трудармию были мобилизованы: Шадрин А.В., Пономарев П., Орловский Ф.Л., Сергеев И.С. В колхозе остались старики, женщины да подростки, которые заменили ушедших на фронт и мобилизованных на заводы и Трудармию отцов, мужей, братьев. На их плечи лёг непомерный тяжёлый труд: нужно было выращивать хлеб, производить мясо, молоко, масло и другую сельскохозяйственную продукцию...»*

Следует отметить, что мужчин «нового контингента» практически не призывали на фронт, загружая их по полной программе на колхозных работах, лесозаготовках, пихтовых заводах и прочих производствах. Объяснений тут особых не требуется. Во-первых, – как уже отмечалось, мужчины (главы семейств) отделялись от семей и направлялись не в ссылку, а в лагерь. В дороге и в первые месяцы и год ссылки многие дети и старики повымерли. Подростков, достигавших призывного возраста направлять на фронт опасались: натерпевшись в ссылке лишений и унижения от советской власти – не факт, что многие из них могли оказаться и в перебежчиках...

Пудино. Обелиск погибшим

731 человек, призванных на войну из Пудинского района, **не вернулись назад. Такова дань священному долгу – защищать Родину**, не взирая на прежние обиды и лишения! **ПОКЛОНИМСЯ ИМ НИЗКО.**

Послевоенное время было менее «урожайно» для пополнения наших мест ссыльными. Однако, были и такие, кто попадал сюда, как изменники Родины, сотрудничавшие в немцами на оккупированных местах; были и бандеровцы. Вот как об этом вспоминает *А.А. Сайдаков*: «Уже немного позднее, когда я вернулся домой по демобилизации, мне приходилось встречаться здесь и с сосланными в наш район бывшими *бандеровцами*. Они занимались лесозаготовками, работая в леспромхозе в Какше – это между Скитом и Осиповым. Я был в то время уже дорожным мастером, и мы прорубали дорогу до Осипово. Они работали у меня...»

...Возвращавшиеся с Победой домой фронтовики, кое кто из них были нетрудоспособными, из-за тяжёлых ранений. К

тому же, они уже не подлежали, как прежде, спецучёту. Да и война на многое им открывала глаза. Кто-то оставался служить в армии, получив офицерское звание. Вот и пытались многие из них освободиться ещё и от ярма колхозников, уезжая в города и забирая с собой и остатки семей...

Практически полностью закрепощёнными оставались ещё надолго административно ссыльные «нового контингента», им-то никто и никуда уезжать не позволял. Разве что некоторым одарённым детям – для продолжения учёбы в институтах после окончания школы. Вот потому-то и наказывали уже своим детям остававшиеся на спецучёте административно-ссыльные: «Не будешь учиться – станешь всю жизнь здесь хвосты быкам крутить...».

Как бы то ни было, настало время, окончился срок бессрочной ссылки и для «нового контингента». Это была уже вторая половина 50-х годов. Упразднили за ненадобностью спецкомендатуры, а спецпереселенцев сняли со спецучёта, получивших «вольную». К этому времени и колхозы прекращали своё существование. Сюда же относится и начало массового вымирания малых деревень.

Статья 209 УК РСФСР. Тунеядцы

Видимо, места наши задолго и надолго были прокляты за какие-то вселенские грехи, и от них отступился сам Бог. Казалось бы, с упразднением комендатуры начинается здесь Эра свободного человека. Ан – нет! На смену уезжавшим, ставшими свободными людьми из бывших спецпереселенцев, стали появляться в наших краях **новые ссыльные**, на сей раз, так называемые, **«тунеядцы»** или **«борза»**, **«борзые»**, осуждённые по **статье 209 УК РСФСР**.

4 мая 1961 года на основании Конституции СССР Президиум ВС СССР принял Указ «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, попрошайками, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими

антиобщественный и паразитический образ жизни». Здесь же пояснялось: «Установить, что совершеннолетние трудоспособные граждане, не желающие выполнять конституционную обязанность трудиться по своим способностям, уклоняющиеся от общественно-полезного труда, извлекающие нетрудовые доходы, или совершающие иные антиобщественные поступки, позволяющие вести паразитический образ жизни, подвергаются по постановлению Районного (городского) нарсуда выселению в специально отведённые местности на срок от 2-х до 5-ти лет, с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путём и обязательным привлечением к труду по месту поселения».

Всё это узаконивалось статьёй 209 УК, которая предусматривала наказание за бродяжничество, попрошайничество и ведение иного паразитического образа жизни. Характер и формулировки этой статьи менялись четыре раза (1975, 1979, 1982 и 1984 годы). В последний раз усиливались гонения по этой статье во времена правления Ю.В. Андропова, когда делались рейды в рабочее время и отлавливались все праздношатающиеся горожане, посещающие дневные киносеансы, стоящие в магазинных очередях и проч., особенно в столицах. По этой статье на 1964 год было зафиксировано 37 тысяч осужденных и направленных в село «на перевоспитание».

В нашу Пудинскую округу тогда присылали в основном из Томска, но немало было людей из других городов, и даже из Москвы и Ленинграда. Встречались и интеллигентные люди, носившие непривычные для нас галстуки и шляпы.

Вот как я описал это в одном из своих ранних рассказов: *«В ту зиму (1962 год) появилось у нас в обиходе новое слово – «тунеядец». А вместе с ним – и сами тунеядцы. На наш ребячий взгляд, кстати, – вполне нормальные люди, чаще всего – одинокие мужчины, лет двадцати пяти – сорока. Тунеядцев присылали к нам из городов, обычно из Томска, но попадались и москвичи. Якобы, на трудовое перевоспитание.*

Селили их где-нибудь в заброшенных домах. Благо дело, к тому времени – конец пятидесятых – начало шестидесятых годов – в де-

ревнях наших домов пустых было в избытке. А в некоторых деревнях пустыми были целые улицы. Встречались даже полностью обезлюдившие деревни. После Вольной, когда сняли с учёта в 1958 году всех спецпоселенцев, многие стали возвращаться к себе назад: на Украину, в Молдавию, Белоруссию, Прибалтику. Оставшиеся, стали съезжаться на центральные усадьбы – образующихся на базе колхозов – укрупнённых совхозов. В одном из пустых домов, что стоял напротив конторы возле Ложка, поселился туняец Борис – мужчина тщедушный, лет тридцати пяти, заросший рыжей редкой щетиной, гнилозубый и щербатый. Ничем бы Борис не запомнился в деревне, как и десятки других туняцев, уехавших через год-два назад, если бы не одно занятие. Занятие это уже в ту зиму, как эпидемия гулявшей кори, поразило большую часть мужского населения Калиновки.

О том, что Борис-туняец ловил из-под льда рыбу, первыми, как всегда, прознали мы, пацаны. Молва эта в одночасье облетела едва ли не все полсотни домов деревушки. Место для своей рыбалки Борис выбрал безошибочно уловистое. Это мы уже поняли позднее, когда издолбили пешнями не только этот омут на Чузике, но и многие другие омута и плёсы...»

Конечно же, жизнь этих сосланных «тунядцев» или «борзы» очень сильно отличалась от той, которая выпала на долю спецпереселенцев 30-х и 40-х годов. Тут не было над ними такого жёсткого надзора и обязаловки – в виде трудовой повинности. Им было где жить. Было и что поесть. Работали они, как правило на разных работах в отделениях совхоза. Могли и загулять преизрядно, не появляясь на работе дня по два-три, а то и вовсе куда-нибудь отлучиться...

Из воспоминаний Ивана Лушова: «В Таванге, где наш папа был Управляющим, примерно 50 % жителей (60-70-е годы) были из ссыльных, которых называли тунядцами. Это были лица, как правило, скрывающиеся от алиментов или досрочно-освобождённые по УДО и переведённые на другой режим отбывания наказания. И мы, 15-17 летние пацаны обращались к ним на «ты» и звали их просто по имени. Одним из таких был Кирилл Савченко, с которым мы как-

то охотились и убили медведя, попавшего уже в петлю. Ещё из тех ссыльных я хорошо помню Женю Харитонова...»

Добавляет старшая сестра Ивана – Мария Лушова (Фризоргер): *«Из сосланных в 60-е годы на перевоспитание «тунеядцев» – к нам многих присылали, даже из Москвы. Одним из них был Валера Яценко, за которого вышла замуж наша землячка Маша Чуклина. В него нельзя было не влюбиться – высокий, статный. А голос! Помню, как сильно и мощно он исполнял со сцены Тавангинского клуба «Бухенвальдский набат»... А уже в 2018 году я увидела его в Томске, в больнице. Как только я вошла в палату, где лежал мой брат Володя, так сразу же узнала и этого Яценко. Они с Володией рядом лежали и не вспомнили друг друга. Я не могла не поздороваться с ним и не напомнить, откуда я знаю его. Славно с ним поговорили...»*

Прообразами тех тунеядцев, которых я знал, стали и некоторые персонажи моих рассказов. Одной из них была «тунеядка» Клавка Болотова, жившая на краю Калининска в избёнке – изрядная поддавошка и шалава, принимавшая у себя всякий сброд, пока ей не отрубил непутёвую голову один из её хахалей. Вспоминает о ней и мой брат Владимир:

«Как-то, будучи у бабы зимой, я ждал, когда приедет отец и заберёт меня домой, в Калининск. Его почему-то долго не было. Уже стемнело, и баба уложила меня спать. Раздался стук в двери. Вошёл отец. Он приехал за мной на мотоцикле «Ковровец», который купил в Томске с полгода назад. Говорит мне: «Собирайся. Поедешь в кошеве, а я буду тебя сопровождать». Оказывается, одна из калининских, тунеядка Клавка, ещё днём уехала без разрешения бригадира и управляющего на лошади в Красный Яр, да и загуляла. Вот отец и разыскал её тут и отобрал у неё лошадь. Укутав меня лучше, посадил в кошеву, дав вожжи, и мы отправились в путь. Отец на мотоцикле ехал впереди. Лошадь бежала вяло, отец то и дело останавливался, дожидаясь меня. А я в пути постоянно пересаживался с места на место, что-то мешало мне сидеть. Оказалось, это была бутылка, ещё нераспечатанная, водки. Эту водку отец конфисковал, и на другой день, похмельная Клавка, сколько ни уговаривала отца вернуть ей спиртное, так и не получила её. Так отец наказал её за самоуправство. Времена тогда были строгие, и к

прогулам на работе и самоуправству относились серьёзно. Хотя отец никогда не был жестокосердным, скорее, наоборот. Думаю, что и водку ту он всё же вернул ей, сам бы он пить её не стал – не его, чужое. А к чужому он всегда относился законопослушно».

Добровольцы

Чтобы как-то поддержать разваливавшиеся колхозы, в самом конце 50-х – начале 60-х годов в наши места приехала добровольно партия переселенцев, преимущественно из Чувашии. Это были целые семьи – многодетные и зачастую находящиеся в родстве. Так, в нашем Красном Яру появились семьи Сотниковых, Канаевых, Егошиных; в Калининском – семьи Бочкиных, Тихоновых (Шагаровых), Городецких, Прокопьевых; в Останино – Симагановы и другие. Эти переселенцы ехали уже сюда, получая подъёмные. Здесь занимали они пустующие квартиры, или специально отстроенные новые совхозные брусовые дома. Работали на разных работах, нередко механизаторами, скотниками и доярками. Увы, и этот контингент не задержался (за исключением немногих, в частности, Симагановых, Шагаровых) надолго. Многие из них возвращались обратно уже в середине 60-х годов.

В 60-70-е года стали реанимировать оставшиеся посёлки созданного «Пудинского» совхоза. Начиная с ранней весны и по позднюю осень сюда устремлялись на заработки строительные бригады, в основном из Закарпатья. Каждое лето на два месяца летних каникул сюда прибывали десятки студентов – строительные отряды из томских вузов. Приезжавшие на сезонные заработки строители нередко оседали здесь, обзаведясь семьями.

80-е годы положили начало очередной волне новосёлов, теперь уже приезжавших сюда совершенно добровольно, в основном, на строительство нового города Кедровый и в качестве рабочих на месторождениях нефти и газа.

СПЕЦКОМЕНДАТУРЫ

Из истории спецкомендатур

Справедливости ради, следует сразу оговориться, что Пудино не сразу явилось административно-территориальным центром (комендатуры) для первых спецпереселенцев, входящих в Томский округ. Об этом очень ярко и весьма достоверно свидетельствуют рассекреченные материалы Госархива, имевшие гриф «Совершенно секретно». Вот их координаты: ГА РФ. Р-393. Оп. 43 а. Д. 1796, л. 95-113.

Помимо Томского округа на начало массовой репрессии в отношении крестьян существовало ещё четыре подобных округа для создания комендатур: Ачинский, Красноярский, Канский и Иркутский. И если Ачинский и Иркутский округа имели всего по одной спецкомендатуре, Красноярский – 2, то в Томском их было уже четыре, а в Канском – аж 6.

На середину 1930 года в Томском округе (ещё и не Нарымском) было четыре спецкомендатуры для раскулаченных и ссыльных переселенцев. К ним относились: Галкинская, Кулайская, Чаинская и **Шерстобитовская**.

Нехитрый подсчёт показывает, что в среднем, в одном раскулаченном хозяйстве (семье) числилось по 3-5 человек. Таким образом, за время, с начала раскулачивания и депортации к местам проживания (согласно указанному документу Госархива) и **до июля 1930 года** было раскулачено **15 тысяч 704** крестьянских хозяйства, общей численностью порядка **80 тысяч человек** (79.874). При этом, наибольшую долю раскулаченных принял Томский округ – порядка семи с половиной тысяч хозяйств и около 38 тысяч человек.

Очень показательным в плане статистики является Доклад начальника Сибкрайадмуправления Ф. Скрипко Народному комиссару внутренних дел РСФСР тов. Толмачёву, который назывался «О хозяйственно-административном устройстве спецпереселенцев», датированный 12 июля 1930 года. Вы-

делим из этого доклада те данные, которые касались Томского округа. Как я уже отметил, в Томском округе на этот момент было организовано 4 спецкомендатуры. Согласно докладу, в Галкинской спецкомендатуре находилось 569 сосланных семей (2521 человек), в Кулайской – 2676 хозяйств (11053 человека), в Чаинской – 2668 (15673 человека) и в **Шерстобитовской числилось 1629 хозяйств и 8250 человек.**

Почему центром нынешней Пудинской округи в то время стало село **Шерстобитово**, думаю, не требует особого разъяснения. Дело в том, что ссылка в эти края началась и проводилась зимой. А везли сюда сосланных через болото со стороны Барабинска. А до Пудино от Шерстобитова было ещё немало вёрст по бездорожью (прядка 70 километров). К тому же, находилось Шерстобитово на самом берегу Чузика, по которому планировалось через реки Обь и Парабель доставлять сюда в летнее время следующие партии ссыльных, сельхозинвентарь, необходимые вещи и продовольствие, вывозя этой же рекой и часть натурального налога и произведённой ссыльными продукции.

Впрочем, вернёмся вновь к документу (П-99), тому самому докладу. Вот что отмечалось в его пояснительной части: «**«Шерстобитовская комендатура»**, состоящая из 1629 хозяйств (8250 человек), расположена по долине реки Чузик, притоке Парабелы, в 800 километрах от ближайшего железнодорожного пункта (г. Томск). Необходимо заметить, что ближайшим пунктом в собственном смысле этого слова является Барабинск (300 км.), но так как со стороны Барабинска к расположению комендатуры на протяжении 9-10 месяцев совершенно нет подхода (непроходимое болото), то основными путями сообщения являются реки: Чузик, Парабель, Обь и Томь, идущие в направлении Томска. Ближайшим пунктом телеграфа является Нарым, стоящий в 300 километрах от комендатуры. Естественные условия менее благоприятны для сельскохозяйственного освоения, вследствие огромной оторванности этого

района, бездорожья и сложности работ по расчистке земель под пашню. Более благоприятны условия по зверобойному промыслу (белка, медведь и т.д.). Отсутствие достаточной предпосылки к развитию кустарного промысла в силу большой оторванности. Район комендатуры почти совершенно не исследован. Необходимо проведение работ по изысканию подступов к комендатуре со стороны Барабинска – в том случае, если будет возможность сооружения грунтового пути Барабинск – Шерстобитово, то этот район станет в значительной степени более благоприятным для освоения».

В указанном докладе отмечается, что «не смотря на категорические директивы краевых руководящих органов окружным – по вопросу создания натуральных фондов при выселении кулачества в размерах, обеспечивающих хозяйственное устройство посёлков, целый ряд поселений оказались недообеспеченными, и в результате испытывают в этом отношении большие затруднения. Некоторые предметы натурфонда пришли в негодность (сани, хомуты, упряжь) в результате удалённого расстояния до пунктов назначения ссыльных (300-500 километров). В условиях бескормицы и наступившей распутицы по пути следования повлекло за собой значительный урон поголовья рабочего скота. Обеспеченность лошадьми в среднем составляет 68% (*Т.е. на 100 хозяйств 68 лошадей. Такой же процент обеспеченности составляет и наличие сельхозинвентаря – В. Ар.*). Обеспеченность семенным фондом – 57 %. По самым минимальным нормам посёлки спецпереселенцев обеспечены продовольствием лишь до октября 1930 года – из расчёта 300 граммов хлеба на одного едока».

В докладе сообщалось и о жилищных условиях переселенцев: «Так как подавляющее большинство переселенцев переселены в совершенно необжитые районы, вопрос жилищного строительства приобрёл наибольшую остроту. Основной трудностью является: отсутствие необходимых стройматериалов (гвозди, оконное стекло, железо), а также необходимых

инструментов (продольные пилы, кузнечный и плотницкий инструмент). К недочётам организационного порядка относятся факты волокиты земорганов с отводом участков под строительство посёлков; отвод под посёлки явно неудобных земель; неумение организовать строительные работы комендатурами...»

Ненадлежащие жилищно-бытовые условия, отсутствие необходимых продуктов питания, элементарного медицинского обслуживания и многое другое не могло не вызывать у переселенцев негативные проявления, вплоть до организованных побегов из мест переселения, бунтов и сколачивания банд. Даже из самой неблагополучной для побегов Шерстобитовской комендатуры, особенно в летнее время из-за непроходимых Васюганских болот, и то совершались побеги. Припоминаю рассказы некоторых моих земляков о том, что по «дороге» «за болото» попадались по весне не только вытаявшие из-под снега трупы беглецов, но и уже обглоданные зверьём и птицами кости и скелеты бежавших людей.

Народные острословы из спецпереселенцев даже грозную аббревиатуру карательных органов ОГПУ расшифровывали следующим образом: «О, Господи, Помоги Убежать» и в обратной последовательности: «Убежишь – Поймают. Голову Оторвут»...

Так, в пункте IX «доклада» «Политико-моральное состояние переселенцев», в частности, отмечается: «Кулаки Колючинского района Канского округа 3 апреля сего года во главе с высланным кулаком Старцевым организовали банду и несколько дней безуспешно действовали в этом районе. В данное время ещё до 30 человек мелкими группками бродят по тайге. Некоторые скрывающиеся бежавшие кулаки с мест поселения (Омский округ и район Шерстобитовской комендатуры Томского округа) группируются в банду, остальная, менее активная часть, занимает выжидательную позицию».

Шло время, а поток раскулаченных никак не спадал. Летом 1930 года от Томска, вниз по Томи и Оби шли переполненные ссыльными баржи, раскулаченных и сосланных из Томской, Новосибирской (областей) Кузбасса, Алтая, Кавказа и Кубани.

Уже четырёх намеченных комендатур по Томскому округу оказывалось явно маловато. От них отпочковывались и создавались новые. Невдалеке от Галкинской и Чаинской комендатур появились ещё Парбигская и Тоинская комендатуры. В рамках этих комендатур на местах поселений создавались и действовали участковые комендатуры и вахтенные коменданты. На таёжных тропах и зимниках устраивали кордоны и заставы – для ловли беглецов.

Комендатурам на местах спецпоселений фактически полностью отдавалась в распоряжение вся власть, как говорится, казнить и миловать. Миловали редко, зато казнить приходилось. Комендатуры и коменданты расселяли ссыльных по существовавшим посёлкам и заимкам, отводили земли для новых поселений, руководили всеми строительными и сельскохозяйственными работами, выдавали пропуска на передвижение в рамках территории спецкомендатуры, вплоть до похода в лес за колбой, шишками и ягодами. Комендатуры сами арестовывали, проводили скорые суды, вплоть до расстрелов на местах.

Вопреки директивам сверху, комендатуры нередко нарушали и не выполняли распоряжения и инструкции вышестоящих органов. Ими запрещались (разрешённые специальным постановлением) даже браки между ссыльными и «вольными» людьми.

В обязанности комендантов и комендатур входило и обеспечение подвластного населения продовольствием, медикаментами, инвентарём, семенами. На строительных и сельскохозяйственных работах работающим и выполнявшим норму, полагалось на день 800 граммов хлеба и кормили один-два раза мучной болтушкой. Людям, не выполнявшим дневную

норму на работах, выдавали до 400 граммов хлеба. А всем остальным, неработающим, определялся месячный паёк: 8 килограммов муки и 2 килограмма солёной рыбы. Но и это далеко не всегда получали спецпереселенцы. Овощей практически никаких не было, пока не появились подсобные личные хозяйства. Фактически же норма отпуска хлеба работающим не превышала 500 граммов в сутки, а на иждивенцев вообще составляла до 200 граммов.

В таких условиях сопротивление сосланных новым властям было вполне адекватной реакцией, носившей чаще всего стихийный и неорганизованный характер. Из-за плохих жилищно-бытовых условий, отсутствия элементарной медицины и санитарии, нищенского питания – уже в первые полгода ссылки умирало едва ли не половина сосланных, особенно это касалось детей, больных и стариков. Рядом с скороспелыми улицами и хаотично разбросанными временными землянками и бараками в местах поселения, стремительно росли параллельно и постоянные «посёлки-спутники» – в виде кладбищ.

(Мне не раз приходилось слышать рассказ моего дяди, Александра Аввакумовича Шадрина о том, как они выжили в самую первую зиму ссылки. Якобы, его отец, Аввакум Васильевич, прознав каким-то образом о том, что вскоре его семью раскулачат и сошлют «за болото», ещё до нового (1930 года) отвёз по зимнику туда два короба зерна и схоронил у местных жителей – Собакина Моисея Спиридоновича. Вот этим-то зерном они и питались до весны 1930 года, делясь по возможности и с родственниками – В. Ар.).

Бакcharское (Чаинское) восстание

Доведённые до отчаяния и унижения спецпереселенцы решались не только на побег, организацию банд в лесах, но и на организованные выступления в форме восстания. Об этом не было принято широко распространяться в ту пору и даже позднее, в эпоху «развитого социализма». Однако, со временем, многое становится явным.

Примером тому служит Бакчарское (Чаинское) восстание спецпереселенцев, вспыхнувшее в рамках Чаинской комендантуры летом 1931 года (28 июля – 2 августа). Об этом красноречиво свидетельствует уголовное дело № 585, заведённое по обвинению 135 фигурантов по статье 58.2 УК СССР.

Одним из инициаторов и организаторов восстания был **Григорий Егорович Усков** – якобы, владелец кирпичного завода, высланный из Кузбасса, села Байкаим Ленинского района. Его ближайшим помощником был такой же раскулаченный «владелец кирпичного завода» **Медведев Андрей Иванович**. И вообще, из материалов следственного дела видно, что закопёрщиками этого восстания были бывшие кузбассовцы: прокопчане, ленинцы, тальниковцы и кузнечане – теперешние жители села Орловка и ближних поселений. Примерно за месяц до начала восстания организаторы провели несколько нелегальных собраний, сначала 3 июля, а потом, через неделю – повторное. На этих собраниях-сходках ссыльнопоселенцев агитаторы говорили о том, как плохо всем живётся, что в скором времени их всех ожидает голодная смерть, так как продовольствия на основной базе в Бакчаре имеется всего на несколько недель. Недовольство мизерными «пайками» хлеба перерастало в общую ненависть к тем, кто их сюда сослал. И от чисто бытовых требований, агитаторы восстания перешли к более решительным лозунгам. В их выступлениях звучали слова с призывами свержения власти коммунистов, о вольной торговле, свободном труде и праве крестьян на землю; о созыве Учредительного собрания и избрания Президента. По словам очевидцев, в деревне Бундюр был даже лозунг: «Долой коммунистов. Да здравствует Советская власть!» Мало того, агитаторы утверждали, что их послали сюда руководители восстания, которое должно охватить всю Сибирь. Что, якобы, в Томске и Новосибирске, а также в ряде других городов вот-вот будет свергнута Советская власть... Разумеется, сочувствовавших из ссыльных поселенцев у них было в достатке. Мало того, среди поселенцев оказались и такие, кто воевал ещё в Первую миро-

вую и даже в рядах Красной армии в Гражданскую. Так что опыт ведения военных действий у них был.

За 3 дня до намеченного срока начала восстания, 28 июля 1931 года, прошло ещё одно организационное собрание активистов, и было решено немедленно начать выступление. Агитаторы напирали на то, что уже поднялись Томск и Новосибирск, что здесь, в ссылке, ежедневно теряют до 200 человек ссыльных от голода и болезней, и что даже, если в ходе выступления будет потеряно 10-15 человек повстанцев, зато будет обретаена свобода!

По замыслам повстанцев, сначала необходимо было захватить комендатуру в Орловке и разоружить её. На момент начала в рядах повстанцев было порядка 100 человек. В Орловке же и произошла первая стычка, в ходе которой были убиты трое повстанцев и один служащий комендатуры.

О готовящемся восстании властям комендатур стало известно ещё накануне, потому-то и поспешили с выступлением. Доносчики и «доброхоты» из своих же находились везде и во все времена. В Томск, Колпашево, Нарым полетели уже сообщения – с просьбами о помощи в борьбе и подавлении повстанцев.

После Орловки повстанцы двинулись на Истоминский, а после него – на Бакчар, вбирая в себя новые силы из деревень Бундюр, Крыловка, Весёлый, Комарово, Красноярка, Озёрный. В Бакчаре повстанцы планировали захватить продовольственную базу, пополнить запасы оружия и провианта, и двинуться дальше – на Подгорное – центр Чаинской комендатуры. По ходу выступления и продвижения, стихийная армия повстанцев насчитывала уже до 1 тысячи человек! На её вооружении были, помимо топоров и прочего холодного оружия, 10 винтовок и порядка 100 охотничьих ружей.

Тем временем из Томска, Колпашева, Кривошеино и Подгорного были высланы на подавление повстанцев отряды милиции и оперативников ОГПУ, вооружённые пулемётами, во главе с начальником Томского оперативного сектора ОГПУ

Плаховым. Из «местных» помощников подключились к организованному отряду карателей председатель Высокоярского поселкового совета Паздрин и землемер Галкинской комендатуры Хомутский.

В Бакчаре произошла очередная перестрелка повстанцев с отрядом из местных активистов, в ходе которой погибли один из командиров повстанцев – Николай Колмагоров, а также Паздрин и Хомутский. Подошедшие позднее войска отряда Плахова, похоронили Хомутского с митингом и воинскими почестями практически в центре села. И стой поры он считался в Бакчаре едва ли не национальным героем. В его честь там был назван парк отдыха и даже улица. (Хотя, по слухам очевидцев тех событий, его, спрятавшегося от повстанцев, подстрелили в перестрелке свои же).

Вполне очевидно, что восстание то было уже изначально обречено на провал и гибель его участников. Силы у власти было несоизмеримо больше, чем у восставших. Однако, в истории России таковых обречённых выступлений, доведённых до предела и отчаявшихся людей, было не один десяток. В их числе было и восстание дворян-декабристов на Сенатской площади и Черниговского полка в декабре 1825 года.

Как отмечалось в материалах следствия, 30 июля восстанием было охвачено всё «кулачество» Парбигской комендатуры. После Бакчара события развивались уже не в пользу повстанцев. В ходе столкновения с местными активистами, потеряв 20 человек, повстанцы отступили на Крыловку. И уже 31 июля на пути восстания в Подгорное оказались вооружённые отряды Плахова.

1 августа отряды Плахова заняли Бундюор, освободив там 8 арестованных работников комендатуры. И в этот же день карательный отряд выступил на Крыловку. Там в это время заседал штаб повстанцев во главе с Усковым. И здесь произошёл основной бой повстанцев с плаховцами. В результате сражения погиб и сам руководитель восстания Григорий Усков, и более 50 повстанцев. Помимо погибших в бою, не менее тридцати

человек пленных повстанцев расстреляли на месте без суда и следствия. По сути, эти боем и завершилось восстание поселенцев в Чаинском районе.

Очевидцы тех событий рассказывали, что каратели гнали верхом на конях убегающих людей по полю, расстреливая их. А тех, кто не мог убежать, рубили шашками на ходу. Оставшихся пойманных людей согнали вместе, заставили их вырыть вручную яму, размером четыре на четыре метра, выстроили их у этой ямы и расстреливали в затылок каждого второго пленного. В иной версии, пленных повстанцев, не менее 30 человек, уложили на землю около ямы вниз лицом и расстреливали в затылок в упор.

Следствие по делу повстанцев началось 18 августа и уже в сентябре были вынесены приговоры 135 человекам. Всем арестованным инкриминировалось: «преступление, предусмотренное статьёй 58.2, в том, что они принимали активное участие с оружием в руках в кулацко-бандитском вооружённом восстании против Советской власти в Чаинском районе».

Официальный итог следствия был таким: «За всю операцию с 29 июля по 2 августа 1931 года со стороны банды было убито более 100 человек, изъято 10 винтовок, 100 единиц разного охоторужия. Отбит обоз – 300 подвод. Со стороны партиотрядов убито 4 и ранено 3 человека. Изъято 135 участников восстания».

Все эти 135 человек были осуждены к различным срокам отбывания в исправительно-трудовых лагерях: 9 человек сроком на 10 лет, 40 человек – к 5 годам, 5 человек – к 3 годам, остальные – к пяти годам условно с отбыванием ссылки на Севере. Все приговорённые к лагерям были отправлены в Мариинскую тюрьму Сиблага. К тому же, кому-то из них ещё аукнется это восстание в злополучные годы террора против «троцкистов» (37-38 годы), вплоть до высшей меры «социальной защиты».

Кровавая расправа над участниками восстания была учтена не только как мера наказания, но и в назидание и устрашение ссыльных всего Нарымского округа.

Куст Пудинский спецкомендатуры

До 1 июля 1932 года система управления в Сиблаге была следующая: Сиблаг – участковая комендатура – поселковые комендатуры. Реорганизация комендатур в связи с расширением как контингента спецпереселенцев, так и количества новых поселений предполагала сведение участковых комендатур в районные. В этой связи вводились и новые должности штатного расписания спецкомендатур: участковый и поселковые коменданты, помощники участковых комендантов, уполномоченные участков и посёлков, поселковые секретари, уполномоченные ИСО, милиционеры и обслуживающий персонал.

Карта Пудинской спецкомендатуры

С укрупнением, с одной стороны, и с отпочковыванием – с другой, встал вопрос о «специализации» комендатур, то есть определения профиля работ спецпереселенцев, в зависимости от природных условий тех мест, где они находились. Так, комендатуры левобережья Обской поймы и её притоков – Галкинская, Тоинская, Парбигская и Шерстобитовская, с населением в 66 тысяч человек (25 тысяч работающих), были отнесены к сельскохозяйственным.

Разветвлённая сеть населённых пунктов и относительная удалённость их друг от друга стали основанием для совершенствования системы управления сетью комендатур. Так, к примеру, на **начало 1938** года на территории нынешней Пудинской округи (за полтора года до образования Пудинского района) существовало пять участковых спецкомендатур: Пудинская, Нижне-Тавангинская, Коровинская, Лавровская и Шерстобитовская. Как видим, Шерстобитовская комендатура перестала иметь статус центральной в регионе. На эти пять участковых комендатур округи приходилось 48 населённых пунктов, в которых насчитывалось более полутора тысяч хозяйств (семей) с 6475 человек населения.

Куст **Пудинской участковой комендатуры** охватывал 15 населённых пунктов, среди которых:

№ п/п	Населённый пункт	Всего семей	Общее число	Из них детей
1.	Пудино	142	482	207
2.	Останино	91	394	176
3.	Красный Яр	59	304	124
4.	Калининск	49	216	106
5.	Гонохово	54	217	114
6.	Лушниково	14	89	42
7.	Язёвка	49	198	76
8.	Стариково	18	84	38
9.	Большой Скит	22	107	47
10.	Ляшкино	21	88	42

11. Чарфо	22	82	27
12. Боровое	7	33	17
13. Дудино	6	26	12
14. Чага	20	57	12
15. Аринково	13	52	22
Итого:	587	2429	1062

Шерстобитовская комендатура:

1. Шерстобитово	129	523	238
2. Львовка	91	409	168
3. Верх-Чузик	70	297	129
4. Большая Речка	58	290	141
5. Тавалга	21	95	44
6. Кулики	30	118	52
7. Семёновка	25	95	31
8. Козиha	40	181	68
9. Фефелово	7	36	16
10. Намеченный	29	97	36
11. Венера	24	88	36
Итого:	524	2229	959

Нижне-Тавангинская комендатура:

1. Нижняя Таванга	31	124	48
2. Дерешево	40	194	90
3. Кордополово	5	17	6
4. Лоскутово	3	5	—
5. Верх-Таванга	52	236	111
6. Яровое	38	177	79
7. Рогалёво	21	106	43
8. Севастьяново	22	102	53
9. Кунгурцево	9	44	19
10. Пономарёво	15	53	21
11. Верх-Карга	33	156	64
Итого:	269	1214	534

Лавровская комендатура:

1.	Лавровка	43	178	74
2.	Тошка (Томка)	10	49	22
3.	Бочкарёвка	11	49	22
4.	Фадиха	9	34	18
5.	Погорелово	11	34	13
6.	Заячья Грива	11	33	11
Итого:		95	377	160

Коровинская комендатура:

1.	Коровино	52	31	131
2.	Лесково	23	87	37
3.	Кириллово	18	79	39
4.	Медвежка	5	17	4
5.	Котово	3	12	5
Итого:		101	226	216
ВСЕГО:		1576	6475	2931

Хочу напомнить данные по Шерстобитовской комендатуре на 12 июня 1930 года: **1629** **8250**

Следовательно, общее число хозяйств убавилось на 53 хозяйство, а численность населения сократилась на 1775 человек. Не трудно догадаться, по каким причинам это произошло: смертность, побег. И, возможно, кого-то уже могли снять с учёта.

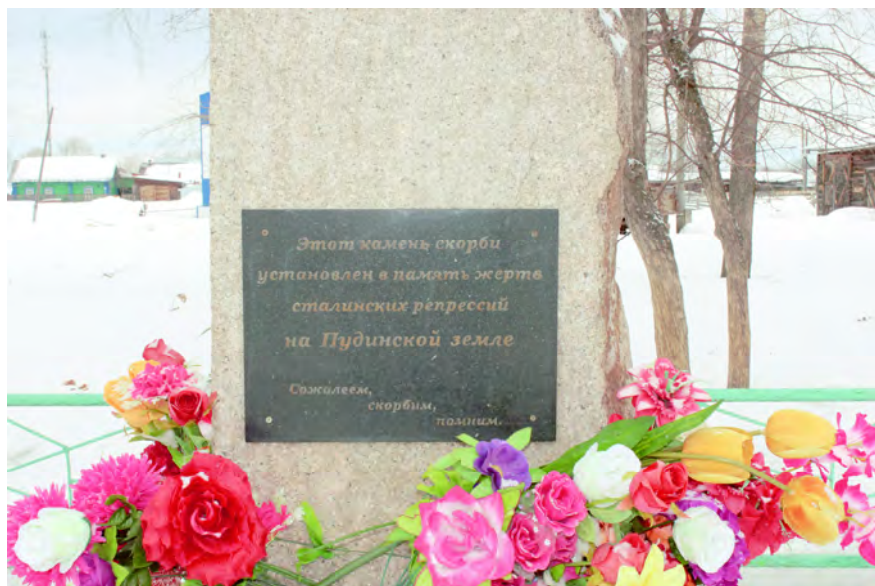
Численность же хозяйств, общего населения и количества детей на 1938 год по Шерстобитовской и Пудинской комендатурам примерно равное.

Не совсем понятно: почему не включены здесь населённые пункты Мирновского куста? Возможно, их в то время относили к Васюганскому или какому иному району. К тому же, не ясно: куда девались населённые пункты по речке Казанка и что это за населённый пункт Казиха? Возможно, это и есть Казанка? Кроме того, на картах я не обнаружил такие населённые

пункты, как Кунгурцево, Кириллово, Котово. Зато отсутствуют в этом перечне населённые пункты: Боталёво и Коровино (в районе Красного Яра), может быть их объединили с тем же Красным Яром? Не упоминаются здесь и такие деревни, как Сковородино, Комбарс, Поморцево, Средняя Таванга, Петухово, Новожилово, Калугино, Тамбаево, Селивейкино и другие.

С созданием в 1939 году Пудинского района несколько изменилась и структура спецкомендатур. Они практически слились с милицией (органами НКВД). Полностью упразднены спецкомендатуры были только в 1958 году.

Неприменно хочется хотя бы упомянуть, что в 2005 году в Пудино, в честь его 90-летия, был открыт мемориал – **«Камень скорби»**, как дань памяти всем **спецпереселенцам**.

Камень скорби

Пудино. Камень скорби

**РЕКВИЕМ ДЕРЕВНЕ или
Короткий век наших деревень**

*Там свой Красный Яр навещу я пустынный,
Аукнется детство слезинкой полынной...
... Нет деревень из призрачного детства...*

(Виктор Арнаутков)

В самом конце октября 2013 года мне довелось побывать в Томске в составе кемеровской делегации писателей и работников МВД на Дне памяти жертв политических репрессий. Почти в самом центре Томска, невдалеке от колонного здания ТУСУР (бывший ТиРиЭТ) стоит старинное красно-кирпичное двухэтажное здание бывшей городской гимназии. Там в её подвалах в 30-е годы находилась следственная тюрьма НКВД. И вот, через её камеры и кабинеты прошла не одна тысяча узников, многим из которых была уготована участь высшей ме-

ры «социальной защиты». Здесь я виделся в последний раз с замечательным томским писателем (сам он бывший репрессированный и высланный на Васюган из Эстонии в 1941 году) Вадимом Николаевичем Макшеевым.

И вот здесь, спустя годы, потомок спецпереселенцев из Белостока, поляк Василий Антонович Хоневич, кстати кандидат наук, добился открытия сначала памятного мемориала, а затем и музея со страшным названием «Следственная тюрьма НКВД». Помимо подвала, на прилегающей территории разбит уютный скверик. На нём установлен и мемориальный комплекс: общий памятник в виде арки-ворот с колоколом и мемориальные камни от имени народов, побывавших в Нарымской ссылке: поляков, молдаван, белорусов, украинцев и проч. Здесь проводятся и массовые мероприятия, с непременно возложением цветов к монументу и с митингами.

По инициативе директора этого музея, упомянутого уже В.А. Хоневича, сотрудники музея начали создавать виртуальный сайт, на котором размещаются материалы (фамилии, справки, фотографии) о репрессированных. Тогда мы попали ещё и на презентацию этого сайта, в котором на то время были отражены персоналии порядка 25 тысяч репрессированных «нарымчан».

А в одной из комнат этого музея под нашими ногами оказалась карта-схема «Пудинской комендатуры». Я не удержался и сфотографировал на свой цифровичок сей документ. Получилось не очень качественно, но уже дома, в Кемерово, рассматривая детально, я насчитал на территории **Пудинской спецкомендатуры аж 60 населенных пунктов!** И я нисколько не преувеличу, если скажу, что не менее сорока из них были образованы именно в самые первые годы появления там спецпереселенцев.

Каким же коротким оказался жизненный век этих деревень – бедолаг и горемык! Они стали не только свидетелями, но и своеобразными соучастниками людского горя, разделив с

ними их участь и навечно оставив в своей плоти останки погостов и, теперь уже ископаемых, «артефактов» на местах бывших жилищ.

Даже моя память ещё сохраняет обличия некоторых деревень, места которых обозначены ныне лишь отболевшими оспинками порушенных подворий. Навскидку: Боталёво, Дудино, Красный Яр, Коровино, Ляшкино, Кулики, Шерстобитово, Львовка, Язёвка, Стариково, Скит... Довелось мне видеть и деревни-миражи, деревни-призраки. Помню, как 14-16-летними пацанами мы летом ходили на рыбалку на Мирновские озёра. Уже в самый первый наш такой поход на Мирное, в 1967 году, меня поразили вид абсолютно пустой деревни Мирное. Там ещё стояли улицами совершенно целые дома, здание магазина, почты. И царила над всем этим какая-то зловещая кладбищенская тишина...

Попробую для начала хотя бы перечислить те деревни, которые входили в Пудинскую спецкомендатуру. Эти населённые пункты Пудинской округи взяты из карт-схем бывшей Пудинской комендатуры и Пудинского района, предоставленных мне местными жителями Александром Сербушко и Анатолием Голевым.

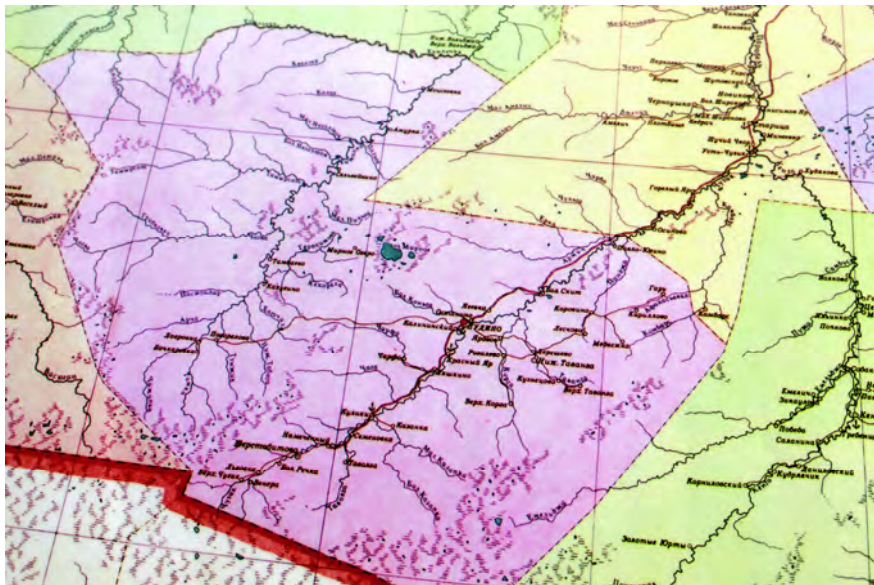
Начну с **южного направления**, то есть вверх по Чузику от Пудино: Лушниково, Калининский (Собакино), Дудино, Боталёво, Красный Яр, Коровино, Ляшкино, Чарфо, Фефелово, Юр. Волковы, Н.-Кулики, Кулики, Нижняя Казанка, Верхняя Казанка, Тавалга, Намеченное, Семёновка, Шерстобитово, Большая Речка, Львовка, Венера, Верх-Чузик;

Юго-восточное направление: Боровой, Лоскутово, Яровое, Новожилово, Рогалёво, Севастьяново, Поморцево, Кунгурцево, Медвежка, Корга, Верх-Корга;

Восточное направление: Кардаполово, Дерешево, Нижняя Таванга, Средняя Таванга, Лоскутниково (Лоскутово), Верх-Таванга, Кузнецово, Полуденная грива, Лесково, Скородино, Комбарс;

Северное направление: Останино, Гонохово, Язёвка, Стариково, Малый Скит, Большой Скит;

Северо-западное и западное направления: Лавровка, Фадиха, Петухово, Бочкарёвка, Погореловка, Калугино, Тамбаево, Мирное Озеро, Баптистово, Коробейниково, Кукушкина Заимка, Маркино, Селивейкино, Амурка, Калганак.

Карта Пудинского района

К сожалению, названия некоторых населённых пунктов мне разобрать на этой карте-схеме не удалось. А в 80-е годы на месте бывшего соснового бора, в полутора десятков километров от Пудино, почти напротив Стариково, вырос совершенно новый городок нефтяников и газовиков с названием **Кедровый**.

Из всех перечисленных жилыми остались лишь: Пудино, Лушниково, Калининский, Останино, Рогалёво, Таванга. Пожалуй, сюда следует отнести ещё и Калугино, ставшее своеобразной вотчиной Михаила Губачёва. Пожалуй, ещё и Казанка,

поскольку там находится база Казанского месторождения с вахтовым посёлком.

По всем остальным можно вполне заслуженно исполнять РЕКВИЕМ... По ним звонит и мой колокол...

Большинству из них был уготован очень короткий век, гораздо короче средней продолжительности человеческой жизни – с 1930 по конец 60-х годов. Увы, не было в тех скороспелых деревнях с коротким веком особых достопримечательностей – ни архитектурных шедевров, ни дворцов, ни храмов, ни исторических памятников. Да откуда было им и взяться? Начинались почти все деревушки с землянок и общих бараков. Да и потом, позднее, ставились избёнки всего на одну-две комнаты. Временки. Правда, в лучшие годы строились там уже и кирпичные коровники, останки которых в виде полуразрушенных стен сохранились до сих пор. В большинстве же случаев все обжитые некогда территории этих деревушек уже зарастали. И лишь кое-где ещё можно с трудом обнаружить следы погостов – по останкам металлических оградок и ржавых пирамидок памятников с пятиконечной жестяной звездой...

Кстати, жена моего родного дяди – Наталья Матвеевна Арнаутова, урождённая Непомнящих ещё в 1918 году, и жившая в Казанке, Куликах и Пудино с 1930 по 1961 год, ныне здравствующая и проживающая с дочерью Раисой в Москве, перешагнувшая уже столетний рубеж, никак не может поверить в то, что в её бывших деревнях не только не осталось ни одного жителя, самих деревень уже нет. Она искренне недоумевает: «Как так – нет?! А куда же они все подевались?!»

Как ни противилось большинство из сосланных сюда зажиточных крестьян вступлению в колхозы, спецкомендатуры сумели сделать это практически поголовно и безоговорочно. Почти в каждой из деревень Шерстобитовской, а позднее и Пудинского куста комендатур уже к 1933 году были созданы колхозы (а в некоторых – и по два-три). Мало того, колхозы эти зачастую носили и имена гонителей крестьян и идеологов

коллективного хозяйствования. Я открываю карту-схему Пудинского района, снятую от руки на кальке, которую предоставил мне А. Сербушко, и читаю названия этих колхозов: им. Ленина (Язёвка), им. Сталина (Чарфо), им. Кирова (Калугино), им. Калинина (Лесково), им. Жданова (Сковородино), им. Молотова (Кардаполово, Таванга), им. Кагановича (Верх-Таванга), им. Крупской (Севастьяново), им. Орджоникидзе (Мирное), им. Чапаева (Рогалёво), им. В. Чкалова (Шерстобитово). Помимо этих имён, колхозам нередко присваивали названия, указывающие пути в «светлое» будущее: «Культура Севера» (Калининский), «Северная звезда» (Бочкарёвка), «Первое Мая» (Большая Речка), «Красный Май» (Львовка), «Красный факел» (Шерстобитово), «Рассвет севера» (?), «Ударник» (Останино)...

Попробую применить в этой главе приём документальных воспоминаний – в той или иной степени касающихся исчезнувших с карт и даже земли – «деревень из призрачного детства», делая ссылку на реальный источник.

Очень интересно поведал о «*Мирновском кусте*» деревень *Александр Сербушко*: «**Мирное** – по своей сути – остров-оазис среди Васюганских болот с крупнейшими в Томской области озёрами. Его размеры – примерно 15 на 15 километров, или общей площадью около 225 квадратных километров. На нём в тридцатые годы прошлого века было аж 6 населённых пунктов. Сейчас почти все поля там позарастили, места поселений узнаются с большим трудом.

Первым (от 6 куста месторождений) был посёлок ***Бан-тистово***, рядом с ним находилось и Баптистово озеро. В озере том ловили рыбу, брали воду. И даже в нынешнее время, работники Герасимовского месторождения распахали там бывшее поселение и сажают картошку. Земля там жирная, плодородная. Видимо, название это было дано ему не случайно. Кроме кержаков-старообрядцев, в наши края бежали и люди сектантской веры – баптисты. В нём было порядка 10-12 дво-

ров. До сих пор в Останино живёт старожил и выходец оттуда – Куприян Фомич Голев. Сейчас ему в районе 90 лет.

В полутора километрах от Баптистово, на речушке Чибис стояло **Коробейниково**, из 8 домов. В нём жили в основном аборигены-остяки. Наиболее знаменитыми из них была супружеская чета – Сана и Санушка. Это с них писатель Василий Величко списывал свой рассказ-легенду о золотой нарте, якобы, утопленной в Большом Мирновском озере.

На Чибисе же стояло и основное село – **Мирное Озеро**. Там были все необходимые для жизни инфраструктурные составляющие: школа, медпункт, магазин, почта, контора. Там же был и довольно богатый колхоз, созданный уже из ссыльных поселенцев. Дату возникновения посёлка можно вычислить лишь приблизительно. Так, дядя Ваня Шафранник, родился в Мирном в 1925 году. Его дед и прадед по матери (Голевы) тоже родились там. Приплюсуем ещё лет 40-50. Стало быть, Мирное уже существовало в 70-80-е годы 19 века.

Почва на месте поселения – супесчаная, посёлок стоял в окружении сосновых борочков, неподалёку находилось и небольшое озерцо. На речке Чибис была сделана плотина и стояла мельница. В этом посёлке дольше всех сохранялись постройки, покинувших их жителей. Долгое время стоял ещё дом Ксенофонта Голева, а в другом конце деревни – дом Семёна Шарабарина, где жили пастухи в 60-70-е годы, пригонявшие на откорм гурты совхозного молодняка ещё по стылому болоту, и угоняли скот – когда выпадал снег и болото подмерзало».

А вот как мне запомнилось Мирное, когда я со своими друзьями впервые попал в него в конце июня 1967 года. Мы ходили туда на рыбалку, и вот так я описал это в своей мини-повести «В ожидании праздника»:

«Наконец-то выходим к деревне. Около девяти часов вечера. Зрелище впечатляющее! В лучах вечернего солнца встаёт деревня-мираж, деревня-призрак. В полной тишине, каком-то траурном молчании стоят ещё добротные дома с возвышающимися трубами от печей и забитыми крест-накрест глазницами окон. Не слышно

ни одного голоса живого человека. Заходи в любой дом, делай уборку, затопи печь – и живи! Палисадники и ограды позарастили лопухами, жирной крапивой, коноплём. Дворовые постройки первыми ощутили на себе отсутствие хозяина – покосились. Минуем школу, сельсовет, магазин, почту, с прибитой выцветшей вывеской, которая почему-то гласит «Калганакское отделение связи». Земля в деревне-оазисе песчаная. В северо-восточном направлении, на самой окраине села стоит большой дом Семёна Шарабарина. Там-то и обосновались пастухи. Там и наше пристанище...

До Большого Мирновского озера от деревни было километров семь-восемь, километрах в пяти-шести находилось ещё одно большое озеро – Армичево. В радиусе семи-восьми километров от посёлка располагались озёра Карасёвое, Окунёвое, Чебачье. Посреди болота, в сторону Пудино было красивое округлое озеро Придорожное (Дорожное) – с твёрдым песчаным дном.

«В сторону Пудино от Мирного, – рассказывает А. Сербушко, – была **Кукушкина Заимка**. В ней находился даже магазинчик. И протекал ручей со странным названием Кукушкина Ляда.

В сторону Карасёвого озера стояла деревушка **Маркино**. Оттуда родом был Иван Семёнович Шарабарин. Маркино было совсем небольшим жилым местом, дворов на пять-шесть. А получило оно своё название от жителя Марка Ивановича, видимо, и основавшего его.

А по мирновской дороге на Селивейкино стояла деревня **Пужикина**. Ещё вверх, севернее находилась деревня **Амурка**, а шести километрах от неё – **Калганак**.» По словам Н.П. Останина, родившегося в Амурке в 1935 году, это село обосновали вольные старообрядцы Качины, ещё до революции, в конце 19 века, приехав сюда из Дальнего Востока, с Амура.

Ещё одним «кустом», являвшимся своеобразным центром на Чижапке, была **Лавровка**. По некоторым данным расстояние до неё от Пудино порядка 100 километров. А по прямой, самолётом (туда летал рейсовый, проходной самолёт Ан-2 из

Парабеля и даже Томска ещё в 60-70-е годы), лёту было всего-то минут двадцать. Стало быть, порядка 60-70 километров.

По всей вероятности, деревню эту основали охотники семейств Лавровых. По крайней мере семья Гавриила Яковлевича Лаврова, который не был ссыльным, жила в Лавровке и из неё переехала в Красный Яр только в начале пятидесятих годов.

Вот что вкратце сообщает о том «кусте» *Александр Сербушко*: «Вокруг Лавровки было пять деревень, в их числе – сама **Лавровка, Петухово, Бочкарёвка, Погореловка**».

Если же верить словам «аборигена» тех мест *Собакина Семёна Моисеевича*, то «...только в пойме Чижапки насчитывалось в довоенное время до трёх десятков скороспелых и очень недолговечных поселений, в которых порой проживали всего по пять-восемь семей». Вряд ли их там было столько, но, похоже, половина этого – число вполне реальное. А сам он был родом из деревни **Тамбаево**.

Недалеко от Лавровки был Фадихин остров, на нём, якобы, жил когда-то какой-то остяк. А место то получило название **Фадиха**. Второе рождение Фадихе дал старший брат Семёна Собакина – Михаил Моисеевич, уединившись из Пудино и построивший там дом и подворье – в конце 1990 года. Вот что о нём было написано в очерке, взятом из газеты: *«Хижина отшельника стояла на высоком берегу реки. Рядом с домом он разбил огород. Стал выращивать картофель, овощи. На зиму в Чижапке заготавливал рыбу. Кроме того, бывалому охотнику тайга сама тропы открывает, а Михаил все её тайные знаки читал, как книгу. Необходимые инструменты он прихватил ещё из Пудино. Были у него бензопила и даже швейная машинка. Так и прожил он тут одиннадцать лет»*.

Особое место в пойме Чижапки принадлежало ещё одному населённому пункту – **Калугино**. Есть и этому месту своеобразный реаниматор, пожалуй, не менее, если не более, **знаковый, чем М. Собакин для Лавровки и Фадихи**. Имя ему **Михаил Губачёв**!

По речке **Таванга** была целая цепочка деревень. Некоторые источники указывают, что посёлок **Верх-Таванга** ведёт своё исчисление прежде, чем Пудино. К Тавангинской группе относятся посёлки: Кардаполово, Дерешево, Нижняя Таванга, Средняя Таванга, Верх-Таванга, Кузнецово, Полуденная Грива. А по свидетельству *А.Н. Кибак*, в те места первыми добровольно пришли её родственники Гомзяковы, основав и поселение **Гомзяковку**.

Вот что говорит о *Дерешеве и Нижней Таванге* *Сергей Сándу*: «Во второй половине 50-х в Дерешево было две улицы жилых домов. В деревне на речке стояла мельница и был генератор, дававший даже электричество, были курятник, свинарник, овчарня, своя пимокатня. В школу мы ходили за полтора километра в Нижнюю Тавангу. Там была полная средняя школа, которую с упразднением района сначала закрыли, оставив лишь начальную. Потом к зданию начальной школы стали делать пристройку. Мы, пацаны, дёргали из старого тёса гвозди, которые были дефицитом, выпрямляли их и отдавали, как свою лепту, в строительство пристройки. И вскоре на этой базе была вновь открыта восьмилетка. В начале 60-х годов стали укрупнять деревни, многие из спецпереселенцев стали уезжать к себе на родину. Деревни вымирали прямо на глазах. Дерешево прекратило своё существование в 1973 году. Через речку, на самой высокой горе осталось лишь кладбище, да название самой горы – Родительская... Отец наш был человеком очень рукастым – самодельным-самоучкой. Увлекался радиотехникой. Сам собирал транзисторные приёмники. У него и в машине был самодельный приёмник. Самым первым во всей Пудинско-парабельской округе попытался ловить телевизионные сигналы ещё в середине 60-х годов. Приобрёл где-то чёрно-белый телевизор «Рубин», стал сооружать 30-метровую телеантенну. Ставили её и в Таванге, и в Дерешеве – искали место, где была лучшая проходимость телевизионных волн. Не сразу, но получилось. И мы смотрели даже, уже самыми первыми, в конце 60-х годов телепередачи из Новосибирска и Кемерова. В

то время очень многие не верили в то, что у нас когда-либо вообще может появиться телевидение...»

Об этих местах рассказывают и другие «аборигены», в частности *Александра Николаевна Кибак*: «Родственники по отцовской линии Гомзяковы не были ссыльными. Происходили они из Курганской области. Во времена революции и Гражданской войны приходилось как-то выживать и подались они в поисках лучшей доли глубже, в Сибирь. Обосновался Дмитрий Иванович сначала в деревне Скит. Потом решил искать места побогаче зверем и птицей. От места впадения в Чузик, недалеко от Скита, подался он вверх по течению реки Таванга, а ещё выше места впадения в неё болотистой Корги облюбовал местечко. И называли это местечко *Гомзяковкой* – по фамилии основателей. Сообщил о себе родственникам и уговорил их податься к нему... Уже позднее, когда стали сюда ссылат в 30-е годы раскулаченных крестьян, по берегам реки Таванга стали появляться деревни: Средняя Таванга, Нижняя Таванга, Дерешёво, Кузнецово, Лоскутово. Родилась я в деревне Кузнецово, что была в трёх километрах от Средней Таванги. А до Верхней Таванги от нас было 7 километров. В Нижней Таванге было аж два колхоза: имени Молотова и «Рассвет севера». Там была и семилетняя школа. В остальных ближних деревнях – почти во всех были начальные школы. Одно время в Нижней Таванге хотели даже построить двухэтажную школу. Когда я пошла учиться в Тавангинскую школу, в 1949-1950 учебном году, в ней набралось одних только пятых классов – три, куда съезжались учиться из ближних деревень ученики, окончившие начальные школы. Таким образом, только пятиклассников тогда насчитывалось 80 человек! А во всей школе было более 200 учеников!»

Вспоминает *Мария Петровна Лушова (Фризоргер)*, родившаяся в тех местах в 1951 году: «В Таванге жили семьи: Фаддея и Капитолины Семёновых (Капитолина – папина сестра) с детьми: Фирой, Марией, Полиной и Павлом; Кибак – Дмитрий с женой Александрой и детьми: Николаем, Верой,

Марией, Евдокией; семьи Демешкиных, Чуклиных, Замечкиных (Иван Яковлевич и Анна Григорьевна, работала учительницей); Железчикова Лидия Афанасьевна с сыном Павлом; Левченко (Иван и Валентина – с двумя детьми), Буркины; Пономаренко (Василий и Антонина с детьми – Костей, Сергеем и Ольгой); Хворостовские (Никулины), Мишины, Мешановы, Плешановы (наши соседи), Стопко, Александровы, Тюгайкины, Прокопьевы, Большаковы, Перминовы, Блиновы, Крестьяновы, Дороховы, Зыковы, Присекины, Овчинниковы (Володя Овчинников позднее стал директором Пудинской средней школы)...»

Век **Красного Яра**, оказался немногим более 40 лет. Основали его на совершенно таёжном и необжитом месте в феврале 1930 года. В самом начале 70-х годов там ещё теплилась жизнь в нескольких избах, благодаря тому, что поля колхоза отошли Калининскому (Первому) отделению Совхоза «Пудинский».

Красный Яр, 1958 год.

А начало ему положили первые ссыльные поселенцы из-за болота. Вот как вспоминает об этом *А.А. Шадрин*: «Отец с другими ссыльными поехали строить бараки на берегу речки Чузик – совершенно на пустом месте, в тайге, в 8 километрах от Собакина. Позднее поселок назвали **Красный Яр**, так как большинство людей там были сосланы из Малокрасноярского района. (ныне – Кыштовский Новосибирской области), из деревень: Кыштовка, Заливино, Орловка, Большеречье, Воскресенка, Толстовка, Москалёвка, Сергеевка и других. В одном бараке, где проживал отец с семьей, жили ещё 5 семей: Иванова Якова Андреевича, Краснова Ивана Васильевича, Борисова Михаила Ивановича, Севостьянова Сергея Максимовича (двоюродный брат Иванова Я. А.) и Декманника Константина Ивановича. В бараке были нары, где и располагались на ночь семьи с детьми.

...В поселке Красный Яр председателем колхоза был малограмотный, но хозяйственный человек – Голубев Павел Андреевич – тучный мужчина среднего роста, крепкого телосложения, не куривший, но нюхавший табак. Голубев умело руководил колхозом, который считался и был зажиточным. В нем работали дружные трудолюбивые люди. В 1937 году колхоз приобрел локомобиль отечественного производства, работавший на дровах. На окраине деревни была построена мельница. Ближайшие сёла возили в Красный Яр зерно для размола. Осенью локомобиль использовали и для молотбы хлеба. Когда колхоз заканчивал обмолот собственного урожая, локомобиль нанимали для этих же целей и соседние колхозы. Во всём районе это был единственный колхоз, который имел тогда собственный локомобиль. Механиком работал Гриднев Иван...»

Красный Яр – это и моя родная деревня. И остановлюсь я на ней, отдав дань, поподробнее. Меня привезли сюда в июне 1951 года после Пудинского роддома. Прожил я там в общей сложности 14 лет – до 1965 года. Иногда, во времена бессонницы, я воспроизвожу по памяти его улицы и дома. В 50-60-е

годы там насчитывалось не менее 50 дворов. И на эти полсотни дворов в нём проживало 10 национальностей. Уже в самом начале сороковых туда сослали и подселили к русским «аборигенам» – молдаван, болгар, поляков, евреев, греков, литовцев, латышей, эстонцев, западных украинцев и белорусов.

В мою бытность там был клуб с библиотекой, почта с ветряком и радиоузелом, медпункт, в котором работала фельдшерица Рита, начальная школа с двумя учительницами, магазин, кузница, контора. Вдоль горы были построены коровники, телятник, конюшня. От них, в сторону магазина тянулись зерновые склады с навесами и зерносушилкой...

Красный Яр, 1959 г. Учащиеся начальной школы

В моё время в школе училось порядка 35 человек, пополнилась она и учениками из Ляшкино, где в самом конце 50-х начальная школа была уже закрыта. В школе работали две учительницы, учившие одновременно ребятшек двух классов

(обычно – 1-й и 3-й, 2-й и 4-й) – Крушельницкая Таисия Ильинична и Карева Раиса Степановна. Когда упразднили колхоз, заправлял там всем в качестве общего бригадира Семён Фёдорович Сидоренко. С конца 50-х годов из Красного Яра стали активно уезжать жители, покидая свои дома или перевоза их в Калининск, Лушиково, Пудино. Красный Яр является едва ли не одним из главных героев многих моих ранних рассказов и повестей. О нём писал и ещё один писатель, член Союза писателей СССР Геннадий Кругляков.

Реанимировала на некоторое время Красный Яр Пудинская школа. О том времени (70-80-годы) вспоминает *Михаил Голев*: «В старших классах мы изучали производство, и ребята, сдавшие экзамены, получали удостоверение тракториста-машиниста широкого профиля и могли с ним на равных работать на тракторах. В это же время на базе школы была сформирована учебно-производственная бригада, и в опустевшем Красном Яру был организован Летний лагерь труда и отдыха. Там, под руководством Николая Яковлевича Попова и при участии Валерия Васильевича Куликова были переоборудованы оставшиеся дома под жильё учеников; обветшалый клуб оснащён киноустановкой, бывший медпункт переоборудован под столовую. Двигатель от старого трактора был преобразован под электростанцию. Школьной бригаде совхоз доверил технику под полную обработку, до конечного результата, 300 гектаров пахотно-посевных земель. За достижения в сельскохозяйственных работах, школьная бригада во главе с её руководителем Н.Я. Поповым однажды была премирована поездкой в Москву, на ВДНХ, а я и ещё несколько школьников были даже отмечены медалями ВДНХ!»

Михаил Жаржевский: «В это время школьной бригаде были отданы 300 гектаров земли Красного Яра. Тогда совхоз «Пудинский» к имеющейся школьной технике выделил ещё и свою: трактора, косилки, плуги, комбайны. После смерти Ни-

колая Яковлевича Попова я стал фактически руководителем всей школьной бригады. В летнее время мы полностью выполняли все виды работ: от вспашки и до заготовки сена и уборки зерновых. Тогда в Красном Яру обустроили школьный ЛТО (Летний лагерь труда и отдыха). Там проходили производственную практику одновременно до 25 человек – школьников старших классов. Там мы и жили, был клуб с киноустановкой, столовая. Всю готовую продукцию сдавали в совхоз. Относились мы к Калининскому отделению совхоза. Заготавливали сено, сенаж, силос. Убирали зерно. За работу школьники получали грамоты, им давали путёвки в дома отдыха, возили даже на ВДНХ в Москву...»

А мог ведь век Красного Яра и продлиться: на его месте в начале 80-х годов планировали построить новый город и современный аэропорт. Не случилось... А мне много позднее снились сны, будто бы сразу за Чузиком высятся большие высотные красивые дома, а по самому Красному Яру – от кузницы и до мельницы вдоль улицы ходит автобус с остановками...

Между Калининском и Красным Яром вдоль реки и у озёр было две деревушки – **Дудино** и **Боталёво**. Их век оказался ещё короче, чем у многих других. По крайней мере, во второй половине 50-х годов там уже не было ни одного жилого дома. Оставались поля и поляны, где пасли скот и косили сено. Там были хорошие рыбные озёра, куда мы любили ходить с малых лет рыбачить, в основном карасей. Иногда и с ночевой. Припоминаю и оставшиеся от деревень уже заброшенные и неухоженные кладбища. А ещё, повыше 4-го озера на Дудино был прорыт, так называемый, Канал, ведущий от болота к Чузику. Говорят, рыли его вручную с целью осушения болота – под поля. Не вышло. Зато в половодье в него заходило на нерест много язей. По рассказам моей мамы, в Боталёво жили сосланные поляки и евреи – они-то одними из первых и полу-

чили «вольную», вернувшись к себе на Родину. А деревня тут же и прекратила существование.

Километрах в трёх от Красного Яра, вверх по Чузику, стояла деревушка **Коровино**. *А.А. Шадрин* вспоминает: «Старые поселки были малочисленны. Так, В Коровино проживало три семьи: Коровина Киндина Клементьевича да две семьи Смирновых. Киндин Коровин был зятем Смирнова Ксенофонтия. Все три семьи были староверами (кержаки). В домах висели медные иконы. Сами они табак не курили и курящих в дома не пускали. Даже напиться из своей кружки никому чужому не давали. В домах у них не было даже русских самоваров – говорили, что в них нечистая сила прячется. За поселком, на ручье, что впадал недалеко в Чузик, была у них мельница водяная. Была она довольно примитивной, но всё же лучше, чем ручные деревянные жернова. Все эти старожилы занимались земледелием – для себя, охотой да рыбной ловлей. Рыбы было много и в Чузике, и в озёрах.». Была и ещё одна деревня с таким же названием – Коровино, в которой базировалась даже и кустовая комендатура.

В шести километрах от Красного Яра (по прямой), вверх по течению Чузика находилась деревушка **Ляшкино**. Вот как о ней пишет *Геннадий Кругляков*: «Родился я в 1938 году в деревне Ляшкино Пудинского (ныне Парабельского) района Томской области. Деревня была срублена на берегу таёжной речушки Чузик в начале тридцатых годов братьями Захаровыми, моими дедами (Иван, Потап и Никифор) – коренными уроженцами Барабинской степи. Сами они уже и не помнили, кто из их предков первым пришёл в Западную Сибирь. И откуда пришёл? Были они из староверов.

Деды Захаровы основали деревню Ляшкино не на совсем голом месте. Здесь уже стояло становье охотника Тарабыкина – дом, обширный огород, домашняя живность. Охота в тайге не проводилась стихийно, было заранее оговорено: кто и где

ведёт свой промысел. Будущий районный центр Пудино был чем-то вроде фактории, здесь и производилась приёмка пушнины. А вся тайга, вверх по течению реки Чузик, оставалась вотчиной Тарабыкина. Детей у них не было. А незадолго до начала войны охотника сильно помял медведь. Вскоре пострадавший умер. Бабушка Тарабыкина осталась вдовой. В деревне все называли её Тарабычиха. Знала она все сокровенные места вокруг деревни: самые ягодные и богатые кедровым орехом. Из Ляшкино она вскоре переехала в Пудино.

...Моё детство проходило среди русских, нескольких молдавских семей и одной латышской. В начале войны наша ссыльная деревня, вернее коллективное хозяйство и жители оказались на грани вымирания. Председателем вымирающего колхоза был мой родной дядя *Иван Иванович Захаров*.

...Помимо хлеба насущного война требовала для своего оснащения многочисленный перечень продукции. Из тайги вывозили не только лес. Стратегическим сырьём было и пихтовое масло. На фармацевтических фабриках из него изготавливали ценный медицинский препарат – камфару. И вот, на базе соседнего колхоза, в Ляшкино была создана артель по заготовке пихтового масла. Председателем этой артели назначили энергичного бригадира из соседнего колхоза *Владимира Дмитриевича Круглякова*.

...Дорога из нашей деревни (*Ляшкино*) в районный центр (*Пудино*) проходила около крайнего дома в Красном Яру. Село оставалось в стороне, по правую руку. Здесь же, на окраине, стояла кузница. Домой мы, школьники из нашей деревни, в конце недели старались идти вместе. Иногда это выглядело даже весёлой прогулкой, толкали с наезженной дороги друг друга в снег. В мороз – другое дело. Старались бежать поскорее. Кажется, старшей в нашей группе была Валя Пуртова. Иногда, когда уж очень хотелось попасть домой среди недели, приходилось идти одному. Если же занятия были во вторую

смену, шёл при луне или при звёздах. Главное, чтобы не было снежных переётов. Примерно в полукилометре от Красного Яра располагалось местное кладбище. Ночью пробежать мимо заснеженных могил я старался как можно скорее. Кладбище стояло на более возвышенном месте и примыкало к хвойному лесу. И уже от торчащих из-под снега крестов, начинался свой отсчёт дороги...»

Выше по течению Чузика находилась деревня **Кулики**. Видимо, своё название она получила от спецпереселенцев из села Большие Кулики (по крайней мере, оттуда были сосланы семьи Лушовых, Шалтанисов). Как и во многих деревнях той поры, там были начальная школа, медпункт, магазин, колхоз. А для меня эта деревня знакома ещё и по тому, что там в 50-е годы жила моя родная бабушка по отцу Прасковья Павловна (Манолова) с семьёй старшего сына – Анатолия Фёдоровича и его жены Натальи Матвеевны Арнаутовых. Там же родились и мои двоюродные сёстры и брат – Тамара, Гена и Рая. Жили они в маленьком домишке, почти на самом краю деревни, в сторону Шерстобитово. И, как ни странно, этот домик и оказался последышем деревни, в котором свой век доживала бабушка Гуториха.

Век деревень **Семёновка** и **Намеченное** был очень коротечен и недолог. Они одними из первых Львовско-шерстобитовского куста, как и **Чарфо**, прекратили своё существование. Вспоминаю, про Намеченное говорили, что там была очень ровная улица из аккуратных домишек.

В левую сторону от Чузика, вверх по течению речки Казанка, уходили три деревушки, названия которым, как и Тавангам, и дала эта речка – **Верх-Казанка**, **Средняя Казанка** и **Нижняя Казанка**. Население Казанок пополнили в начале войны переселенцы, сосланные с Северного Кавказа и Крыма. На моей памяти осталось то, что на Казанку ездили бригады косарей заготавливать сено, там и жили в бараке едва ли не по

месяцу. А ещё в речке Казанка водилось много крупных щук. Территория бывших спецпоселений – **Казанок** – теперь относится к Казанскому месторождению, где отстроен вахтовый жилищно-бытовой посёлок с «кустовыми» промысловыми «точками».

Невдалеке от Шерстобитова, в сторону Куликов стоял посёлок **Большая Речка**, оттуда родом *Г.В. Пихенько*: «Весь посёлок Большая Речка находился на правом берегу Чузика, где в него впадала небольшая речушка с таким же названием. На левом берегу Чузика была колхозная контора, амбары, кузница, стояла сельхозтехника. И был мост через Чузик, высокий, с перилами... Мне одно время каждую ночь снился посёлок, наш дом и огород. Я видел каждый куст, каждую грядку – такими, какими они были тогда! Это было что-то! Здесь был образован из ссыльных колхоз «Первое Мая», и отец был его председателем с 1938 года и по 1953 год».

Посёлку **Шерстобитово**, что располагался в верховьях Чузика (выше его были только посёлки Львовка, Венера и Верх-Чузик), история уготовала не очень добрую славу. Именно там, уже в 1930 году была открыта Шерстобитовская спецкомендатура – одна из четырёх на весь Томский округ. Когда первые ссыльные, ещё зимой 1929-1930 года, добирались сюда под конвоем санным путём из-за болота, здесь их встречал своеобразный пересыльно-сортировочный пункт. И уже отсюда распределяли их дальше, по местам расселения. Место для деревни было выбрано красивое, на высоком и ровном плато. С правой стороны, вниз по течению, огибал село Чузик. *Пихенько Г.В.*: «Про **Шерстобитово** могу сказать, что в то время для нас это был центр цивилизации. Там была семилетка и туда съезжались дети – от Лавровки, Львовки и до Куликов. Жили мы в интернатах (сначала все в одном помещении, потом для ребят построили отдельное). Прекрасно помню Альму Яковлевну Секлер, нашего фельдшера. И её отца Якова Секле-

ра. Начальником почты был Василий Бабич, там работала и моя двоюродная сестра Надя Пехенько. Потом все они перебрались во Львовку, где открыли аэропорт. В 1960 году мой отец временно работал продавцом в Шерстобитово, когда оттуда уехала Герта Моисеевна. Парфёнов при мне работал и Председателем сельсовета, и Председателем колхоза. Потом перевели его в Пудино, и он долгие годы возглавлял Леспромхоз».

Как отметил *А.И. Устюгов*, в Шерстобитово было аж три колхоза: «Первое Мая», «Красный факел» и им. В. Чкалова.

Жизнь в Шерстобитово бурлила и после того, как многие ссыльные получили вольную и стали покидать эти места. До середины 60-х годов здесь ещё оставалась восьмилетняя школа, и до самого начала семидесятых годов тут находился сельсовет, который возглавлял Юрий Георгиевич Лавров. В последний раз довелось мне побывать там случайно, в начале июля 1970 года, когда, будучи студентом, я десять дней добирался из Томска домой. Этот эпизод отражён у меня в повести «Подорожная рапсодия».

Львовка – ещё одно знаковое место. В 30-е годы это был самый край, куда попадали сосланные люди из-за болота. Накануне образования Пудинского района, в 1938 году Львовка относилась к Шерстобитовской участковой комендатуре. В ней проживали 409 человек и числилось 91 хозяйство. Во Львовке едва ли не с середины 30-х годов уже была семилетняя школа, а в конце пятидесятых годов здесь был открыт аэропорт, куда прилетали самолёты из Парабеля, Томска и Барабинска (проходные). С середины 60-х годов постепенно Львовка становится центром «южного» куста округа. Сюда переводят из Шерстобитова сельсовет, восьмилетнюю школу (с интернатом), отделение совхоза. *Припоминаю, что в 9-Б класс Пудинской школы (сентябрь 1967 год) из Львовской восьмилетки прибыло пополнение – практически половина класса, 9 человек! Не в*

ущерб книге, перечислю их: Анатолий и Ольга Радченко, Иван Чернаков, Анатолий Устюгов. Василий Алфёров, Галина Куприсова, Галина Андропова, Зоя Шадрина, Валентина Галкина. К этому времени Львовская восьмилетняя школа становится своеобразным полигоном для тех, кто собирался посвятить себя профессии учителя. Ежегодно здесь начинают свою профессиональную деятельность по 2-3 выпускника ПСШ, не зачисленные в вузы. Вот и мне пришлось пройти там свою педагогическую практику, в качестве учителя начальных классов (2-го и 4-го) в 1968-1969 уч. году. Тогда в моём сдвоенном классе насчитывалось порядка 25 учеников. И этот эпизод моей биографии попал в повесть «Подорожная рапсодия». И ещё, припоминая, что по весне я со своими учениками оправился в поход. И дошли мы до **Верх-Чузика**, где уже совершенно никто не жил.

Ниже по течению Чузика, за Останиным, в пяти километрах от Пудино была деревня **Гонохово**. Стояла она на крутом берегу и подле неё была небольшая старица, где пацаны любили рыбачить и купаться. Появилась она ещё до заселения его спецпереселенцами. В тридцатые годы там были открыты магазин, школа. В годы с малой весенней водой, нередко привозимые баржами грузы, разгружали в Гонохово. По данным на 1938 год в Гонохово насчитывалось 54 хозяйства (семьи), где проживали 217 человек, из них -114 детей.

Когда я был летом 1962 года в пионерском лагере, мы приходили сюда пешком из Пудино и ночевали в пустующем здании начальной школы. А ещё припоминая, что в середине шестидесятых годов по осени, в выходные, мы ездили на машине во главе с управляющим Л.С. Беспятовым на рыбалку на Стариково. Нередко заворачивали в Гонохово, где мужички затаривались «сугревом» у «кумы» – продавицы Бейдеровой, жившей прямо в доме магазина.

Невдалеке от Гонохова находилась **Язёвка**. На то же время (1938 г.) в ней числилось 49 хозяйств и проживало 198 человек. Мне же припоминается Язёвка (середина 60-х) тем, что

посреди поляны стояли высокие сооружения зерносушилки, несколько амбаров, летняя дойка и пара полуразрушенных домишек. От Язёвки дорога раздваивалась: прямо уходила на Скит, вправо – на Стариково. **Скит (Большой Скит)** славился тем, что рядом с ним (примерно, в километре-полутора) было большое Скитовское озеро – очень рыбное, в котором водились помимо крупных щук, карасей, окуней и чебаков ещё и редкие для наших мест лини. Большой Скит является малой родиной поэтессы Валентины Косачёвой. В конце 60-х годов там ещё проживали 6-7 семей, а последним его жителем был старик Суворов, занимавшийся охотой и рыбалкой. Мои воспоминания о Ските запечатлелись на бумаге в рассказе «Сочинение, которое никто не читал».

Стариково – как и многие деревушки стояло на возвышенной поляне, где справа тек Чузик. Сюда мы с давних пор ездили на рыбалку: сначала на велосипедах, потом на кузовной машине, а кто-то – и на моторных лодках. Почему-то именно здесь больше всего задерживалось на омутах и плёсах рыбы. Этому месту я посвятил один из своих ранних рассказов, назвав «Стариково – рыбацкое Эльдorado»: *«Вот и Стариково. Поляна выкошена. Вразброс стоят стога, с духмяным, светло-зелёным, ещё не почерневшим от дождей, сеном. Как офицеры портупейями, крест-накрест перехвачены вешками-вицами. Поляна почти ровная, полого скатывается к бережку, да отболевшими оспинами покрыта незапаханными углублениями от подполий и погребов. Домов и в помине нет. Тихо, солнечно. По вечернему, уже косые, лучи озаряют высокие осины на том берегу. Плавно течёт Чузик, теряясь сверху и снизу за поворотами. До весны замолкли назойливые кукушки, зато невдалеке, в борочке, слышны пересвистывания молодых рябчиков. Повсюду на поляне стоит густой кузнечий стрекот. Миниатюрными вертолётами и бипланами хаотично летают стрекозы. Высоко приподняв на ниточных ножках-сваях*

продолговатые тельца, бесшумно скачут по воде десятки водометров, сносимые слабым течением...»

С началом строительства Кедрового поляна бывшей деревни Стариково стало местом, где разгружались многочисленные грузы для строящегося города, привезённые в большую воду. Здесь же находились и ёмкости с резервуарами ГСМ.

...Да простят меня все те деревни, **по ком на этих страницах «звонит колокол»**, кому не отвёл я хотя бы пары своих строк. И не потому, что они не достойны того, просто у меня нет о них практически никаких сведений и не нашлось в закутках моей памяти о них ничего особенного...

«Большая река» или речка нашего детства Чузик

«Умчатся вдаль, под розовую сень,

*Где **Чузик мой коричнево змеится...**»* – так написал я в одном из своих немногочисленных стихотворений. А

«Где Чузик мой коричнево змеится...» – такое название получила одна из моих книг прозы. Речка **Чузик** для многих жителей и выходцев из Пудинской округи стала своеобразным символом – и местности, и малой Родины, и детства. В отличие от целого ряда деревень бывшей Пудинской комендатуры, век которых оказался очень коротким, речка нашего детства и малой Родины – Чузик – никуда не исчезла. Её цвет указывает на значительное содержание в ней элементов железа. Она как текла сотни тысяч лет назад, так и продолжает это делать. Правда, меняется и её облик, да и содержание. Обжитые некогда берега Чузика, зарастают, на омутах появляются в весеннее половодье оползни, русло засоряется и загромождается коряжником и топляками. Когда-то по нему в половодье снаряжались в низовьях (Томске и Парабели) паузки и доставлялись грузы баржами аж до самой Львовки. Тогда и русло реки постоянно чистилось от коряжника и заломов с заносами. Чузик был практически судоходным и достаточно полноводным.

Особенно много воды в нём было, по крайней мере от Пудино и до самого Красного Яра, когда в Пудино была построена плотина. Уровень воды в районе Калининска в то время был на 70-90 сантиметров выше нынешнего. О Чузике написал неплохой рассказ наш земляк Владимир Крюков, назвав его «Большая река».

А теперь его тёмно-коричневые чистые воды безбожно загрязняют стоки нефтегазовых промыслов. И рыбы в реке становится всё меньше. К тому же, отходы промыслов не только засоряют реку, но и рыбу, водящуюся в ней, делают практически непригодной для употребления. Она до того пропиталась фенолом и прочими химикатами, что из-за резкого дегтярного запаха и вкуса есть её практически стало невозможно...

Своё начало берет Чузик на границе с нынешней Новосибирской областью, из Васюганских болот. Почти там же находится и исток речки Тара, но текут они уже в разные стороны. Тара – на запад, впадая в Иртыш, а Чузик – на северо-восток, впадая через Парабель в Обь. Протяженность Чузика немалая, со всеми извилинами – считается 382 километра. А от истока и до впадения в Чузик Коньги, где стоит Пудино, – порядка 160 километров.

Меня всегда интересовало: а что же означает сие название – **Чузик**? Пытался выяснить это у старожилов-аборигенов и немногочисленных остяков. Никто мне на этот вопрос ответа не дал. Размышляя, я сам пришёл к следующим выводам, возможно, и ошибочным. Прежде всего я исхожу из того, что название речки имеет в своей основе явно тюркское происхождение. И самое значимое в названии является корень слова – **чу**. А корень *чу* или *су* – в тюркском языке означает – *вода, река*. Вот некоторые из рек, имеющих в своих названиях корень **чу**: Чу (река в Казахстане и Киргизии), Чулым, Чулышман, Чумыш, Чульча, Чуча, Чуня, Чусовая, Чуя...

Мне приходилось слышать и ещё одно название нашей реки – Чуз – скорее, это сокращённое производное от полного наименования. Но и здесь присутствует корень **чу**. Следовательно, Чузик – это вода или река. А вот что означают суффиксы слова – **з**, **ик** – остаётся загадкой. Если исходить от этимологии реки **Чусовая**, которая трактуется, как **чистая вода (река)**, то и **Чу-з** – может иметь примерно такое же значение. Возможно, суффикс **ик** – в названии нашей реки имеет значение определения воды (реки) – как *тихая, медленная*; возможно – *тёмная* или *коричневая*... Тогда Чузик можно трактовать, как река – с чистой (тихой, медленной, тёмной -?) водой...

Таковой она и была длительное время. И лишь в половодье река очень сильно разливалась. По словам аборигенов тех мест, иной раз вода поднималась в Чузике на 10 метров. И тогда напоминал он подгулявшего шепутного мужичонку. Пополняли коричневые воды извилистого Чузика, со множеством стариц на излучинах, речки и речушки: Кулга, Росомаха, Ванькина Речка, Казанка, Большая и Малая Падага, Чарфо, Большая речка, Тавалга, Партизанка, Прорва, Николка, Ольга, Коньга, Язёвка, Корга (такое название имеют аж три речки, впадающие в Чузик на протяжении всего его пути), Ершовка, Армич, Таванга, Комбарс и многие другие... Сливается Чузик ниже с речкой Кёнга и течёт уже дальше, как река Парабель, впадая в Обь – пониже Колпашева.

Сообщения между деревнями Пудинской округи было очень плохим – из-за отсутствия нормальных дорог. На пути между деревнями было множество ручьёв и речушек, болотин, ямов и прочих труднопроходимых мест. Техники для строительства дорог практически никакой не было. Из круглого леса делались в трудных местах гати и лежнёвки-стлани. Строились и мосты, с пропускными трубами. О дорожных коммуникациях между деревнями красноречиво говорит информация одного из ведущих мостостроителей нашей округи *А.А. Сайдакова*:

«Вот какие мосты были построены в районе, распределяясь по сельским советам:

В Пудинском сельсовете построены мосты:

- Мост через реку Чузик – сложной системы, ригельно-откосный, высотой в 10 метров, с пролётами до 12 метров шириной;

- Мост через речку Коньга, сложной системы с двухъярусными прогонами между Пудино и Останино – один;

- Мост через речку Коньга – у кирпичного завода – построен в 1957 году;

- Мост через речку Ольга между Пудино и Лушниковым – два;

- Мосты однопролётные через речку Николка – между Калининским и Красным Яром – три;

- Мост через речку Ершовка – на Скит – один.

- Мост через Коровинский лог (между Красным Яром и Ляшкино) – один;

- Мост через речку Чарфо в Ляшкино – один.

- Мост через Чузик – в Ляшкино – для дороги правым берегом до Куликов. Той же дорогой было построено несколько жердевых настилов и лежнёвых гатей-стланей, с пропускными трубами.

- Мост на речке Чага – между Ляшкино и Куликами.

Шерстобитовский сельсовет:

- Мост через Чузик у посёлка Кулики – один;

- Мост через Чузик на Казанку – один;

- Мост через Чузик в Шерстобитово – один;

- Мост через Чузик в поселке Львовка – один;

- Мост через Чузик у посёлка Верх-Чузик – один;

- Мост через Чузик у посёлка Казанка – один;

- Мост через Ванькину речку у Шерстобитова – один;

- Мост через речку Тавалга у Семёновки – один;

- Мосты через речки Партизанка и Прорва – между Семёновкой и Намеченным – два;

– Мост у посёлка Большая речка – один.

Тавангинский сельсовет:

Мосты через речку Таванга у посёлков: Лоскутниково, Кардаполово, Верхняя Таванга, Средняя Таванга, Нижняя Таванга, Дерешево – шесть;

Мост через речку Корга – один.

Мост на Протоке между поселком Дерешево и Родительской горой – один.

В **Рогалёвском** сельсовете было построено два моста – на ручьях Воронкова и Бараных. Строились мосты и на речке Чижайка, в районе Лавровки, Бочкарёвки, Калугино, Амурки, Селивейкино и других населённых пунктов района.

В целом же было построено не менее 50 мостов и проложено более 100 пропускных труб».

Строительством мостов и дорог в наших местах занимались, в основном силами колхозников. В 1936 году 3 марта было принято Постановление правительства, согласно которому каждый трудоспособный колхозник должен был отработать 6 дней в году бесплатно – на строительстве мостов и дорог. Бюджет строительства пополнялся и за счёт налога на гужевой транспорт.

Как и век многих деревень бывшего Пудинского района, века мостов оказались ещё короче. От многих из них остались лишь догнивающие и торчащие из воды сваи. Уже в постсоветское время построили несколько неплохих мостов по дороге из Кедрового на Томск, через речки Корга, Таванга, Афанасьевка, Комбарс, Емелич (Амелич), Кёнга.

А через Чузик в данное время имеется практически всего один мост, построенный заново, по всем правилам и технологиям современного мостостроительства, недалеко от Старикова и Кедрового. Он-то и соединяет Кедровый – с Пудино, Останино, Лушниковым, Калининском. Через него идут и многочисленные большегрузы на месторождения Пудинского куста.

ПУДИНО

Из истории появления

*В болотисто-охотничьих местах
Дом купца Пудина лишь оживлял натуру.
В году тридцатом вовсе неспроста*

Открыл Нарым там спецкомендатуру – так начал я одно из своих стихотворений, посвящённых пудинцам. Честно признаться, в этих строках – больше поэтической образности и метафоры, нежели исторической правды.

Первый дом села Пудино

О том, что на горе – стрелке – недалеко от впадения речки Коньга в Чузик, был построен первый дом, давший основание и название селу, известно практически всякому, кто жил когда-то или продолжает жить в Пудино и по сей день. Официально датой образования Пудино считается 1915 год. Впрочем, дата эта связана всего лишь с первым упоминанием об этом селе в документах. В 2015 году по этому случаю даже отпраздновали и 100-летний юбилей селу. Однако, так ли это? И правда ли то, что основал село Пудино купец по фамилии Пудин, как это утверждают в официальных источниках?

Собирая материал для этой книги, мне довелось встречаться со многими интересными людьми, живущими и ныне в Пудино или его округе. И тут же сразу возникла некоторая путаница, как в дате возникновения села, так и в фамилии его основателя.

Вот что сообщил мне *Семён Моисеевич Собакин*, явный старожил этих мест: «В 1885 году, охотясь, облюбовали они (*Собакины* – *В. Ар.*) место на берегу речки, где стоял уже дом купца **Качина**, к которому съезжались окрестные охотники, в основном из аборигенов-остяков да кержаков, меняя пушнину, кедровый орех и прочие растущие здесь в изобилии дикоросы, на охотничий провиант и продукты питания. А через десять лет, в 1895 году, дети Спиридона Собакина – Сысой, Григорий, Моисей и Семён обосновались на горе, под которой мелководная, но рыбная речушка Николка впадала в широкий и глубокий омут Чузика, в пяти километрах от дома купца Качина. Сначала жили одним домом, потом каждый из них выстроил свой. Даже и позднее, по увалам, где прежде стояли их дома, возникли топонимы: Гришкина Гора, Сысойка. И это поселение без особых хитростей стало называться Собакино».

Подтверждают фамилию основателя села и слова *Александра Сербушко*: «В 1988 году мы ехали в Парабель, везли скот. Остановились по пути в магазин в Заводском. Подходит ко мне дед – высокий, стройный. Спрашивает: «Вы из Пудино?» Отвечаем, что из Пудино. «А что, дом Пудина там всё ещё стоит?». Я ему в ответ: «Качина, что ли?» Он – так зыркнул на меня: «Ну, Качина...» Отвечаю ему, дескать стоит ещё, что ему сделается? И тут же добавляю, вопросом: «А сколько ему, приблизительно?». «Да, лет сто уже, не меньше – отвечает...» Так что, 1915 год – это ещё не совсем точная дата основания Пудино... И Селивейкины мне рассказывали про купца, который построил этот дом. Называли фамилию Качин, а не Пудин. Пудин – это, скорее его прозвище – которое ходило в ту пору среди охотников и старожилых тех мест. Любимой ме-

рой веса у того Качина был – *пуд*, который он называл на свой манер – *пудик*. Вот и прозвали его за это **Пудиком, Пудиным...**»

Ещё сошлюсь на один источник. Им являются слова *Н.П. Останина* – остяка по материнской линии, родственники по отцу которого были основателями села Останино: «Качины были русскими, старообрядцами, выходцами из Дальнего Востока, с Амура. О них мне рассказывал дядя Вася Плюснин. Когда они попали в эти края, сначала основали на Чижапке село, назвав его Амуркой. А потом уже переселились на Чузик. Качины были нам какой-то родней... По крайней мере, в 1902 году дом Качина уже стоял тут...»

Таким образом, точная дата основания села Пудино Качиным, а не Пудиным, как считают, пока не установлена. Но то, что уходит она лет на 15-20 дальше от официальной даты – очевидно. Остаётся до конца не выявленным и то: куда же и когда исчез сам купец Качин (Пудин)? Ходили слухи, что его, якобы, расстреляли.

Уже в **1920 году** в Пудино был организован **сельсовет**, входящий структурно в Каргасокский район. На момент массового заселения и создания в рамках Нарымского округа Шерстобитовской комендатуры, населённые пункты, расположенные там, территориально относились в основном к Парабельскому району. По крайней мере, в Сводной таблице населённых пунктов (дислокации) спецпереселенцев по ЗапСиб-Краю, на **1 января 1938 года**, весь «Пудинский куст» территориально был закреплён за **Парабельским районом**. А в **1939 году** был организован **Пудинский район**, относящийся к Новосибирской области. В 1944 году была образована Томская область, и Пудинский район с этого времени вошёл уже в Томскую область. В 1959 году Пудино (и все прилежащие деревни) вновь передали территориально в Парабельский район.

Панорама Пудино

Сведений о Пудино в интернете не так много. Помимо даты образования и места нахождения, отмечается, что Пудино являлось административным центром Пудинского района с 1939 по 1959 год. После этого года и до самого начала 2000-х относилось это село к Парабельскому району. *(К примеру, даже в моём паспорте отмечается, что родился я в 1951 году в поселке Красный Яр Парабельского района, хотя в то время это был ещё явно Пудинский район – В. Ар.).*

С упразднением Пудинского района и передачей села в ведение Парабеля, жизнь в нём стала заметно затухать. Хотя в 60-70 годы там было всё ещё достаточно большое количество населения. Жив был ещё и совхоз «Пудинский», образованный в 1960 году на базе объединения колхозов всего бывшего района. Совхоз этот просуществовал немногим более 40 лет. За это время там родилось практически два новых поколения – внуков и правнуков спецпереселенцев.

В эти годы в Пудино было ещё несколько двухэтажных деревянных домов, хороший клуб, библиотека, гостиница, столовая, аэропорт; работали лесхимзавод и кирпичный завод, «заготпушнина», плотина с мельницей и электростанцией, почта, телеграф, телефон, детский садик, сельсовет; порядка 6 магазинов, в том числе продовольственные, раймаг, хозяйственный (скобяной), книжный, культмаг и прочие сопутствующие строения...

Пудинская средняя школа (ПСШ)

Важную (если не главную) роль в жизни Пудинской округи играла **школа**. Годом основания **Пудинской школы** считается **1930 год** – тот самый, когда сюда стали массовым порядком поступать ссыльные переселенцы.

У самых первых пудинских учеников ещё не было своего здания. И обучались они на дому. С каждым месяцем в 1930-31 годах детей школьного возраста становилось всё больше. И не удивительно: ссылали сюда, как правило, многодетные семьи, в которых 3-5 детей (и даже более) было нормой. И уже в первый год ссыльного поселения было решено строить специальное здание под школу. Поставить её решили на высокой горе берега Коньги (ныне эта улица носит имя Александра Ионина). И даже здание для неё было необычным – двухэтажным. Мало того, уже тогда при школе было построено здание под общежитие для учеников отдалённых посёлков. Возглавила новую школу, где было всего три учителя, К.И. Трояновская. Все учителя в ней были всё из того же контингента – ссыльных. На следующий учебный год директором школы был назначен Б.Д. Воронов. В школе стали преподавать М.В. Миронова, Н.Т. Сапранков, Т.И. Зырянова, ставшая директором на следующий год. Особо следует сказать и отдать дань талантливому учителю и воспитателю Никите Тихоновичу Сапранкову. На его счету тысячи обученных математике учеников. Проработал он в этой школе более 30 лет, с 1932 года и до самой середины 60-х, вырастив, воспитав и выучив и своих

четверых детей. Уже в 1932 году в Пудинской школе был открыт 5-й класс. Школа плавно перерастала в семилетку.

В период с 1939 по 1945 год директорами Пудинской школы были Я.И. Дорофеев, В.И. Руденский, Г.И. Бабкин. На территории вновь образованного Пудинского района уже в 1940 году насчитывалось 11 школ, которые выпускали ежегодно до 250 учеников. В ряде деревень начальные школы стали получать статус школы-семилетки. Так было в Нижней Таванге, Шерстобитово, Львовке. Мало того, на Пудинскую школу (как и на все прочие района) уже в 1940 году было возложено обучение всех взрослых неграмотных, получившее официальное название «ликбез».

1941 год принёс не только всеобщее горе с началом войны, Пудинская округа пополнилась очередной большой партией ссыльных – из Бессарабии, западной Украины, Белоруссии, Прибалтики. Здание Пудинской школы уже было не в состоянии вмещать всех детей школьного возраста. Принимается решение о строительстве нового здания, под которое отводили 2 гектара земли. Помешало реализации этого война. Однако, уже в 1944 году вновь вернулись к этой проблеме. И уже к следующему учебному году (1945) было построено и открыто новое здание школы, на углу улиц Горьковская и Советская. Продолжало функционировать и здание двухэтажной школы. Его разобрали и перенесли на новое место (на территорию «новой» школы) через 20 лет после окончания войны. И там оно прослужило ещё в своём прежнем качестве десятков лет.

На территории Пудинской школы было построено здание интерната, спортивный зал, производственные классы – для трудов и производственного обучения. В послевоенные годы Пудинскую среднюю школу (**ПСШ**) возглавляли директора Петрова и Курилович. В конце 50-х годов директором Пудинской средней школы стал бывший фронтовик Фёдор Филиппович Юрченко – преподаватель географии. Уместно будет здесь хотя бы перечислить тех людей, кто возглавлял Пудинскую среднюю школу в последующие годы: Петроченко Любовь

Михайловна (1964 – 1969), Колотовкин Борис Фёдорович (1969-1971), Зайцев Андрей Алексеевич (1971-1978), Овчинников Владимир Алексеевич (1978-1982 и 1989-1990), Воронова Елена Карповна (1982-1989 и 1990-1992), Абакумова Нина Петровна (1993-2006), Беспятова Ирина Леонидовна (2006-2009), Портнов Михаил Германович (2009-2010); Строкова (Капранова) Ольга Ивановна, Лазарева Наталья Владимировна. Сейчас Пудинскую школу возглавляет Макрицкий Александр Николаевич.

В Пудинской средней школе учились в две смены, количество учеников в ней достигало 4-х и более сотен, был при ней большой интернат. Так, в 1962 году, когда я пошёл в пятый класс этой школы, в ней набрали учеников аж на три пятых класса, а это – порядка 90 человек! В памятном 1966 году, когда был сдвоенный выпуск (11-классников и 10-классников), аттестаты зрелости получили порядка 60 выпускников. И в год моего выпуска (1968) из 2-х десятых классов аттестаты зрелости были выданы 40 ученикам.

ПСШ 1968 г. 10-б класс с учителями

Замечательных и талантливых учителей в Пудинской школе было очень много. И не только из бывших ссыльных, как было прежде. Сюда стали ежегодно направлять по распределению выпускников педагогических институтов и университетов. Среди учителей бывали и те, кто сами три-пять лет назад являлись ещё её учениками. Только простое перечисление всех учителей Пудинской средней школы (а они все этого вполне заслуживают!) заняло бы не один десяток страниц книги.

Не в обиду всем прочим, попытаюсь вспомнить тех учителей, кто работал в этой школе в мою бытность там учеником (1962-1968 годы): Юрченко Фёдор Филиппович – учитель географии (он же был позднее и директором Львовской восьмилетки, когда я там начинал карьеру школьного учителя начальных классов). Присовокуплю сюда и следующего директора – Петроченко Любовь Михайловну (учитель биологии и анатомии). В начальных классах долгое время проработали Мария Никитична Колбина, Анастасия Васильевна Бойкова и Ефросинья Павловна Попова. Теперь по предметам. **Учителями математики** в то время работали: Боярина Людмила Александровна (сама бывшая выпускница ПСШ с серебряной медалью), Зайцев Андрей Алексеевич (выпускник ПСШ), Сапранков Никита Тихонович, Сухорукова Станислава Николаевна, Савушкин Иван Тихонович (он же прекрасно вёл уроки рисования и черчения), Колотовкина Нина Андреевна; **Русский язык и литература**: Мартынова Антонина Ивановна, Окунева Зинаида Алексеевна, Незеёва Клавдия Елисеевна, Салмин Николай Алексеевич, Лукьянова (Небера), Нина Николаевна, Дейнека (Куликова) Татьяна Павловна, Абакумова Нина Петровна, Симаганов Николай Владимирович (выпускник ПСШ 1966 года); **Физику** преподавали: Боярин Виктор Акимович и Боярин Владимир Акимович (ему же принадлежит и инициа-

тива производственного профессионального обучения), Колотовкин Борис Фёдорович, Куликов Валерий Васильевич; бесменным учителем *Химии* была принципиальная и строгая учительница Волкова Мария Игнатьевна; уроки *Географии* вела деликатнейшая учительница Дядькова Софья Михайловна; уроки *Истории* преподавали: Часовникова Галина Тимофеевна, Боярина Инна Васильевна, Баронас Альберт (забыл отчество), Lupinos (Галкова) Галина Васильевна; *Ботаника, зоология, биология, анатомия*: Зайцева Елена Ивановна, Петроченко Любовь Михайловна; *Иностранный язык (немецкий)*: интеллигентнейшая Грашина Мирдза Карловна, Шарыпова Нелли (отчество забыл), Сухоруков Алексей Дмитриевич, Грашина (Симаганова) Рута Эдуардовна; *Рисование и черчение* – Савушкин Иван Тихонович; уроки *Пения и музыкальный факультатив* – Неретин Иван Петрович; *Производственное обучение и труды*: Ядрин Василий Андреевич, Зайцева Елена Ивановна, Попов Николай Яковлевич (выпускник ПСШ 1966 года). *Физкультуру* вели: Маркатун Геннадий Серафимович, Немцева Раиса Васильевна, Юдин (забыл имя и отчество).

Всем, всем, всем им, без исключения – самый низайший поклон! Да простят меня все те учителя, кого я забыл или не упомянул...

Особое место в истории школы принадлежит производственному обучению (самого начала 60-х годов), когда выпускники школы (в основном ребята) получали вместе с аттестатами зрелости ещё и удостоверения тракториста-машиниста. Первооткрывателем этого направления был учитель физики и машиноведения (и, кажется, он в то время был ещё и директором школы) – Владимир Акимович Боярин. Ему в подмогу пришёл в 1967 году недавний выпускник ПСШ, перешедший на заочное обучение студент филфака Томского пединститута

– Николай Яковлевич Попов. Это при нём была создана Производственная школьная бригада, снискавшая школе общесоюзную славу. Одно время ходили слухи, что Н.Я. Попова за успехи и достижения представляли к званию «Герой соцтруда». Что-то выискали, видимо, в биографии учителя чиновничьи бюрократы...

Много труда вложил в это дело и выпускник ПСШ 1971 года Жаржевский Михаил Николаевич. Вот как вспоминает он то время: «Я 30 лет отработал в Пудинской средней школе мастером производственного обучения. В это время школьной бригаде были отданы 300 гектаров земли Красного Яра. Тогда совхоз «Пудинский», к имеющейся школьной технике, выделил ещё и свою: трактора, косилки, плуги, комбайны. После смерти Николая Яковлевича Попова я стал фактически руководителем всей школьной бригады. В летнее время мы полностью выполняли все виды работ: от вспашки и до заготовки сена, силоса, сенажа и уборки зерновых...»

За достижения в производственной школьной бригаде лучших школьников не раз вывозили в Москву, на ВДНХ, вручая им и медали ВДХН. В 1974 году ученик Лановлюк Александр, победив в районных и областных соревнованиях, ездил в Пятигорск на Всероссийские соревнования пахарей. На аналогичных соревнованиях участвовал в Воронеже в 1981 году и Александр Крестьянов....

Менялось время, менялся и состав – как учеников, так и учителей. В 1979 году было построено новое двухэтажное здание Пудинской средней школы. В нём уже были специализированные классы и кабинеты, учительская, кабинет директора, хороший спортивный зал, библиотека, столовая.

Под руководством учительницы *Алексеевой Светланы Ивановны* в 2003 году была создана инициативная группа под названием КЛИШ (клуб любителей истории школы) и начал

создаваться **школьный музей**. Члены этой группы (школьники) стали собирать различный материал, фотографии, экспонаты, раритеты и оформлять тематические стенды и уголки. Ими были собраны материалы о всех медалистах – выпускниках школы. Вот лишь некоторые имена учеников, окончивших Пудинскую среднюю школу с *серебряной и золотой медалью*: Мельников Александр Васильевич (выпуск 1955 г.), Демешкина (Боярина) Людмила Александровна (1957), Кичигин Дмитрий Петрович (1957), Железняк Надежда Алексеевна (1960), Галкина (Насынова) Раиса Георгиевна (1964), Юрьева Олеся Анатольевна (1993), Фтёмова Марина Александровна (1996), Колобова (Росева) Ольга Степановна (2000), Липатникова Татьяна Сергеевна (2002), Часовских Ольга Петровна (2002), Липатникова Анастасия Сергеевна (2008), Васильева Мария Петровна (2008)...

Стенд под названием «**Ими гордится школа**» включал фотографии и персоналии следующих выпускников, среди которых *учёные* (доктора и кандидаты наук): Погребной Владимир Кириллович – доктор физ.-мат. наук, профессор ТПИ, зав. кафедрой, член-корр. Международной академии наук высшей школы, Международной академии информатизации (выпускник 1959 года); Беженарь Василий Георгиевич (доктор наук, академик, дважды мастер спорта); Палладий Михаил Васильевич (к.т.н., 1952 год выпуск), Гусев (Лозман) Иосиф Филиппович (к.б.н., 1955), Гуртяков Александр Васильевич (к.т.н., 1955), Янычарина Александра Максимовна (доктор ф.-м. н., 1959), Демешкин Василий Александрович (к.и.н., 1965), Дядьков Пётр Георгиевич (к. г-мин. н., 1966), Ковецкий Николай Сергеевич (к.м.н., 1967), Ковшаров Николай Фёдорович (к.т.н., 1969), Семёнова Наталья Михайловна (к.г.н, 1975), Токарева Наталья Валентиновна (к.м.н., 1995)... *Писатели*, члены Союза писателей СССР и РФ: Кругляков

Геннадий Владимирович (1956 г. вып.), Арнауты Виктор Степанович (1968), Крюков Владимир Михайлович, Косачёва Валентина Ивановна (1967). Среди именитых выпускников школы выделены персоналии Павлюкова Геннадия Николаевича (Секретарь Совета Министров СССР при Н.И. Рыжкове, 1954 г. выпуска), Махно Виктора Кирилловича (серебряный призёр чемпионата СССР по мотогонкам, 1961 г. вып.).

В фойе школы оформлен стенд выпускников школы, связавших свою жизнь с профессией военного, в том числе и с профессией военного врача. Среди многих имён – целая эскадрилья военных лётчиков, подполковников – из «гнезда» останинца Флегонта Кукушкина; полковник ракетно-космических сил Григорий Васильевич Пихенько, полковник Иван Анатольевич Красножён, майор Константин Александрович Хорошавин; военные врачи (полковники) – Владимир Радченко, Юрий Ковецкий, Илья Палинов и многие другие...

Значок-эмблема встречи пудинцев в Томске

*Томск, 2.06.2018. Пудинцы – В. Арнаут, А. Устюгов,
В. Ядрин, А. Синицын, Н. Уткин, Г. Красножён, В. Лавров*

*Томск. Встреча пудинцев: В. Арнаут, Г. Пихенько,
А. Устюгов, Н. Панфилов, Н. Ковшаров, Н. Уткин, В. Лавров*

2 марта 1969 года на советско-китайской границе, на острове Даманский, погибли два бывших ученика Пудинской школы – пограничники Ветрич Иван Романович и Ионин Александр Филимонович. Их имена теперь носят улицы в селах Пудино (Ионина) и Останино (Ветрич). А у входа в школу, на улице, в 2018 году установили два небольших обелиска – в память о них...

В центре Пудино открыт обелиск воинам-землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. На его плитах запечатлен 731 человек. **Вечная им слава и память.**

Стало давно уже хорошей традицией проводить здесь массовые мероприятия, посвященные Дню Победы. А с недавнего времени здесь, независимо от погоды, проводится массовое шествие «Бессмертного Полка», куда приезжают и многие жители всех окрестных деревень и города Кедровый.

Максим Панфилович Ядрышников – в строю Бессмертного полка

Следует сказать, что стало доброй традицией отмечать школьные юбилеи. На них съезжаются выпускники и учащиеся Пудинской школы не только из Томской области, но и со всех уголков России – от Ленинграда и до Камчатки. Немалая заслуга в том и организаторов этих встреч, директоров школ и учителей, таких, как Мартынова Антонина Ивановна, Абакумова Нина Петровна, Шкунова Валентина Кондратьевна, Строкова Ольга Ивановна. *(Скажу, не без гордости, лично мне довелось побывать на пяти таких замечательных юбилеях: на 60-летию (1990 год), 70-летию (2000 г.), 75-летию (2005), 80-летию (2010) и 85-летию (2015). И всегда эти встречи проходили в переполненных залах (классах), с хорошей организацией официальной части и особенно – при неформальном тёплом общении! Школьным юбилеям у меня посвящено несколько стихотворений).*

Среди выпускников Пудинской средней школы немало тех, кто посвятил себя педагогике, став учителями и воспитателями. Я уже упоминал неоднократно Зайцева Андрея Алексеевича, Боярину (Демешкину) Людмилу Александровну. Долгие годы проработала здесь учителем химии и биологии выпускница 1969 года Нина Петровна Панфилова (Суворова); Выпускниками школы были и учителя Цепелева (Шкунова) Валентина Кондратьевна, Строкова (Капранова) Ольга Ивановна и многие другие.

Мне не хотелось бы тут никого обидеть, но в качестве примера приведу ещё одну из таких выпускниц, которой я лично горжусь особенно – это моя родная племянница (дочь моей младшей сестры Раисы Степановны) – **Голева Наталья Михайловна**. После окончания Пудинской школы, поступила она в Томский педагогический институт. Успешно окончив его, вернулась домой дипломированным учителем химии и биологии. Однако, в родной Пудинской школе к тому времени не оказалось вакансий. И ей предложили должность учителя в соседнем Кедровом. С той поры она проработала там в Кедровской школе уже почти два десятка лет, будучи и рядовым учителем, и классным руководителем, и завучем, и даже ди-

ректором этой школы! А как тепло она отзывалась о своих учениках, выпускниках 2008 года, можно судить по тем стихам, которые посвятила она каждому из них. Стихи эти были напечатаны в газете «В краю Кедровом» от 19 июня 2008 года...

С 2004 года Пудино входит в состав «Пудинского муниципального образования», с центром в Кедровом. Население Пудино катастрофически уменьшается. Так, за последние 15 лет (с 2002 по 2015) оно сократилось на треть. (2002 год – 934 ч-ка, 2010 – 796, 2015 – 636 человек). В настоящее время там проживает порядка 600 жителей.

Причины тому известны: удалённость от областного центра, плохие дороги, особенно с апреля и по ноябрь, и отсутствие работы. Кроме сферы обслуживания, торговли и работы вахтовыми методами на нефтегазовых месторождениях, там практически больше нечем заняться. Сельское хозяйство – в виде кооперативов – практически отсутствует. Выживают отдельные частные хозяйства, обеспечивающие свою семью. Катастрофически сократилось поголовье крупнорогатого скота. Индивидуальное предпринимательство сопряжено с большими трудностями, и в основном, связанными с нашим далеко не совершенным законодательством.

И, тем не менее, люди здесь живут и выживают. Преимущественно пенсионеры, конечно. Но и среднее поколение пытается ещё как-то реанимировать наметившуюся к угасанию жизнь в родной деревне. Среди таковых можно назвать Синицына Петра Михайловича, Жаржевского Михаила Николаевича, Неизвестных Алексея Геннадьевича, Зайцева Александра Андреевича, Губачёва Михаила Васильевича, Голева Анатолия Ксенофонтовича, Голева Михаила Ксенофонтовича, Сербушко Александра Иокимовича, Вольхина Владимира Александровича, Кондратьева Валерия Фёдоровича и многих других. Подробнее о них самих и их занятиях – в разделе, повествующем о семейных историях.

Совхоз «Пудинский»

С самого начала освоения и заселения земель Пудинской округи основным видом работ было здесь сельское хозяйство. Почти в каждом населённом пункте спецкомендатур Пудинского куста уже в 1931-32 годах стали создаваться колхозы. При умелом хозяйствовании и трудолюбии бывших крестьян-единоличников (а таковыми были практически все «раскулаченные») вновь созданные колхозы довольно быстро становились на ноги. Мало того, что они в обязательном порядке сдавали государству зерно и прочую сельхозпродукцию, они обеспечивали и своих колхозников пропитанием, выдавая натуроплатой (на трудодни) причитающуюся долю урожая. Такие колхозы в принципе не могли быть нерентабельными. Ими руководили, как правило, опытные и авторитетные крестьяне. К концу 1959 года в районе насчитывалось 52 колхоза.

В августе 1960 года на базе упразднённых колхозов был образован совхоз «Пудинский», а это означало, что все его работники и служащие переводились на фиксированную зарплату или на тарифно-заработанные деньги. Деньги были невеликими, но на них уже можно было что-то купить в магазинах, а не искать пути реализации своей продукции, полученной в колхозе натуроплатой (хотя и там иногда колхозники получали наличными, распределяемыми по трудодням). Вот как о предвоенной колхозной поре вспоминал *А.А. Шадрин*: *«В 1938 году, вырастив хороший урожай и сдав государству плановые поставки зерна, молока, мяса и прочей продукции, в колхозе «Культура севера» каждому колхознику на трудодень выдали по 3 килограмма зерна и до 1 рубля денег».*

Сжатый экскурс в историю совхоза «Пудинский» частично взят из статьи моей давней и хорошей знакомой, бывшего редактора газеты «В краю Кедровом» Татьяны Яковлевны *Василевской*, напечатанной в газете от 15 октября 2007 года.

Первым директором совхоза был **А.С. Игнатилов** – волевой, требовательный и жесткий человек, направленный по ре-

комендации обкома партии из Новосибирской области. *(Это время я уже неплохо помню, помню и его сыновей – Геннадия и Валерия-голубятника. Младший Валерка (чуть постарше меня), увлёкся голубями, вместе с пацанами Голевыми. Приворачивали на току зерно для корма голубей, за что их даже трясли в милиции).* А.С. Игнатилов на этом посту проработал около 10 лет, создавая новые структурные подразделения совхоза. В совхозе было образовано 5 отделений: Калининское (Первое), Останинское (Второе), Рогалёвское (Третье), Тавангинское (Четвёртое) и Львовское (Пятое).

Объединённые колхозные поля и площади в каждом отделении совхоза доходили до 1,5 тысяч гектаров. Стада поголовья крупнорогатого скота насчитывали до 300 дойных коров, плюс 500-700 голов молодняка на каждом отделении. В отделениях совхоза стали внедрять машинную дойку; доярки получили возможность за счёт подменных отдохнуть в выходные дни. В зимнее время скотники занимались уборкой коровников и подвозом кормов. В это же время стали завозиться зимником элитные сорта семенного зерна; кукурузы и подсолнечника (на силос) и готовый комбикорм для откорма скота.

МТС, преобразованная в РТС (РТМ) совхоза, стала получать новую машинотракторную технику, которая закреплялась и распределялась по отделениям совхоза: появились новые трактора ДТ-75, МТЗ-50, комбайны СК-3 и СК-4; силосоуборочные агрегаты, типа «КИР», картофелекопалки, зерносушильные комплексы и прочая сельхозтехника. На базе Пудинской школы в старших классах стали преподавать машиноведение, и школьники, успешно сдавшие экзамены по производственному обучению, получали вместе с Аттестатами зрелости ещё и Удостоверения тракториста-машиниста широкого профиля.

Ещё более укрепился совхоз и вышел в передовики по району, когда на посту директора совхоза А.С. Игнатилова сменил **Ф.А. Железнов**. В его бытность стали практиковать

целевую учёбу в сельскохозяйственных институтах и техникумах Новосибирска, Омска, Томска, Колпашева – из выпускников Пудинской школы. Таким образом готовились свои специалисты с высшим и средне-специальным образованием – агрономы, механики, ветеринарные врачи, зоотехники, бухгалтеры. Студенты-целевики получали за счёт средств совхоза стипендию, которая была выше, чем у обычных студентов-бюджетников. Таким способом получили высшее агрономическое образование В.Д. Собакин и А.М. Жуков; механиков – А.Ф. Сеницын, Н.И. Шаров, В.Ф. Железнов (сын директора), Н.М. Уткин, А.А. Зайцев; ветеринарного врача – А.И. Шафранник и другие. Все они отдали дань своему совхозу и другим хозяйствам района, занимая должности главных специалистов и даже директоров совхозов. Основная часть молочной продукции перерабатывалась на маслозаводе, находившемся в Лушниково.

Многое было сделано в плане развития инфраструктуры совхоза (новые гаражи, коровники, склады, детские садики, новые дома из бруса для совхозников – во всех отделениях), когда директором совхоза работал **Н.С. Тюменцев**.

80-е годы значительно изменили промышленный профиль Пудинской округи. Началось освоение нефтегазовых месторождений. Надо было кормить промысловиков – в основном, за счёт производства местных сельхозпродуктов. И в задачи совхоза вошло перепрофилирование – с мясомолочного направления на молочно-мясное. И в этой связи нужно было обновить породу крупнорогатого скота. Что и было сделано.

По инициативе Первого секретаря Обкома КПСС Е.К. Лигачёва, в 1982 году директором колхоза был назначен **Ю.Н. Степанов**, проработавший на этой должности 7 лет. В 1984 году была произведена переориентация совхоза на производство преимущественно молочной продукции.

В 1988 году был создан своеобразный «клуб трёхтысячник», куда вошли доярки совхоза, надаивавшие за год по 3 ты-

сячи литров (и более) молока от дойной коровы. Среди таких, которым вручались и правительственные награды, были доярки: Л.С. Овчаренко (Калининск), Е.П. Собакина и В.П. Шафранник (Останино), З.В. Старикова (Рогалёво), Л.А. Богачёва (Львовка) и другие.

Немаловажную роль играли в совхозе и управляющие отделениями – организаторы производства на местах. Так, одним из первых управляющих Тавангинского отделения был честный и принципиальный П.Л. Лушов, затем – В.Г. Левченко. Не менее авторитетным и грамотным был управляющий Первого (Калининского) отделения совхоза Л.С. Беспятов. *(Чтобы дать передышку своим работникам, время от времени в летне-осеннее время он объявлял выходные дни и организовывал выезд на машине на рыбалку на Стариково. При нём бригадиром полеводов в 1961-1965 годах был и мой отец – Арнаут С.Ф., нередко заменявший управляющего – В. Ар.).* Ему на смену управляющими отделением приходили Ф.И. Руснак и В.Ф. Новосельцев. Во Львовке в 60-е годы управляющим отделением был Самуил. Немало потрудился управляющим в этом отделении и В.М. Силюта. Рогалёвским отделением совхоза долгое время умело руководил А.Т. Чуркин. В Останино – С.М. Собакин.

Во Львовском отделении совхоза плодотворно трудились целые семьи, среди которых: Богачёвы, Силюта, Лановлюк, Капрановы, Ребенковы.

Большой вклад в дело совхоза вносили главные специалисты: Н.М. Уткин (гл. механик, выпускник ПСШ 1970 года и окончивший сельхозинститут), А.П. Розин (гл. энергетик), Г.С. Горбунов (гл. зоотехник), А.И. Шафранник (гл. ветврач), Т.С. Горбунова (гл. бухгалтер). Почти 20 лет возглавлял ремонтные мастерские М.С. Полевчук; заведовал гаражом – М.Н. Игнатович.

В самом начале 70-х годов была создана школьная производственная бригада, которой отдали полностью 300 гектаров

земель Красного Яра (относящегося к Калининскому отделению совхоза). Возглавили эту бригаду учителя и мастера производственного обучения Н.Я. Попов и М.Н. Жаржевский.

В 1988 году в совхоз был завезён первый агрегат витаминной муки (АВМ), вырабатывавший за сезон до 1 тыс. тонн витаминной муки. 8 сезонов отработал в подшефном (Львовском) отделении совхоза И.И. Илавский на АВМ, будучи в командировках – с весны и по самую осень.

Немалый вклад в дело совхоза вложила и бригада Александра Андреевича Зайцева: *«...скооперировавшись с тремя энергичными и предприимчивыми сельчанами, взяли под полную обработку 200 гектаров земли – в районе полузаброшенных и зарастающих полей Сковородино и Лесково. Жили там едва ли не по всему лету, начиная с пахоты и сева и до самой уборки – в завезённых балочках. Десять лет отдано этому делу. Неплохо тогда и зарабатывали за свой труд».*

Некоторое время директором совхоза работал выпускник ПСШ М.И. Лановлюк. С **1993 по 15 февраля 2002** года совхоз существовал уже под грифом АОЗТ «Пудинский». В это время начинают закрываться отделения совхоза: Рогалёвское, Тавангинское, Калининское. Практически под нож было пущено всё дойное стадо Львовского отделения совхоза, признанное поголовно заражённое лейкозом. К 2000 году в АОЗТ фактически последним оставалось Останинское отделение. Была приватизирована (выкуплена по остаточной стоимости) среди бывших совхозников вся машинотракторная техника, сельхозагрегаты, запчасти. Земельные площади совхоза были распределены по паям. На этом закончилась история совхоза «Пудинский».

И последним его директором был также выпускник ПСШ 1966 года **Алексей Андреев**.

КЕДРОВЫЙ

*Я поверю в перемены
По дороге в город наш.
И, конечно, наш Кедровый –
Это явь, а не мираж!*

(Галина Ухова)

Въезд в город Кедровый и герб города

Начиная с 1947 года на территории Пудинского района стали проводиться геолого-разведывательные работы. А осенью 1956 года геофизик И.П. Лугинец открыл Пудинскую группу нефтяных и газовых месторождений.

У меня всплывают картины из раннего детства. Зима. Мы живём в Красном Яру и к нам на постой определили двух или трёх бородатых геологов. Спали они у нас на полу в толстых спальных мешках. Одного из них, что был помоложе, звали Васей. Геологи ходили на лыжах. И я тогда впервые увидел бамбуковые лыжные палочки. Я просто загорелся идеей заполучить такие же. Видимо,

подвыпив, Вася проболтался, пообещав мне достать такие палочки. И я постоянно спрашивал его, когда тот возвращался поздно вечером к нам, принёс ли он палочки? И наконец я стал обладателем таких лыжных палочек! Они были едва ли не в мой рост, но я очень гордился таким подарком. Такие бамбуковые палочки были среди всей детворы у меня единственного и прослужили они мне лет десять, пока подобные не появились в свободной продаже.

А вот как вспоминал о своих изысканиях будущий геофизик и писатель Геннадий Кругляков: *«Река Чузик в некоторых местах обнажает выходы некачественных железных руд, широко известных в нашей области. Кроме того, на болотах частенько можно было встретить фиолетовую плёнку, похожую на ту, которая образуется, если в воду попадает бензин. После седьмого класса, во время летних каникул, я собрал несколько образцов руды и с сопроводительным письмом, в котором сообщал о наличии в наших местах месторождений нефти, послал материалы в Томский музей...»*

Мы все слышали, что в наших местах открыли месторождения – не то нефти, не то газа. Что это такое – никто, конечно же, даже и не представлял. Но говорили, что будто бы сразу за кузницей Красного Яра, недалеко от силосных ям, запечатали трубу (скважину). И в то, что открытые месторождения будут здесь когда-то осваиваться, мало кто верил...

Самое крупное месторождение Пудинской группы, открытое И.П. Лугинцом, получило название в его честь – Лугинское. Освоение нефтегазовых месторождений началось в 1967 году. Немало тому способствовало тогда и руководство области, и в частности, её Первый секретарь Обкома КПСС Е.К. Лигачёв.

Уже в 1981 году в областных кругах стали ходить слухи о необходимости строительства современного населённого пункта городского типа – для более эффективного освоения нефтегазовых месторождений Пудинской группы. Предлагалось расширить структуру и статус села Пудино до города.

Высказывались мнения строительства нового города на месте бывшего посёлка Красный Яр.

По некоторым версиям, население нового города должно было достичь 50 тысяч человек. А в качестве коммуникаций сообщения с городом начато строительство автомобильной дороги. Снова всплыли некогда нереализованные планы строительства в новом городе железнодорожного вокзала и железнодорожной ветки, идущей через болото из Новосибирской области.

Немаловажную роль в перспективах развития города и прилегающей к нему округи с населёнными пунктами должны были сыграть строительство ЛЭП и нового аэропорта, способного принимать самолёты типа АН-24, ЯК-40 и АН-26. И эти проекты успешно реализовывались: был построен новый аэропорт, и через Пудино прошла ЛЭП. А вот с дорогами получилось не совсем удачно. О железнодорожной ветке, как об очень дорогостоящем проекте, пришлось забыть, а строительство асфальтобетонной автомагистрали между Кёнгой и Кедровым тоже осталось незавершённым.

На месте выбора будущего города и его названию немало важную роль сыграл бывший в ту пору Первым секретарём Томского обкома КПСС Егор Кузьмич Лигачёв. Председателем Пудинского сельсовета тогда являлся бывший директор школы Андрей Алексеевич Зайцев. Он рассказывал, что в Пудино прилетали сам Лигачёв и Председатель Парабельского райисполкома Кобелев. Вместе с лесничим Нечкиным исколесили тогда они на вездеходе немало мест и остановились на одном приглянувшемся местечке в сосновом бору. Росли там исключительно одни сосны. Но новое поселение для будущих жителей-вахтовиков решили назвать Кедровым. И опять на этом настоял сам Лигачёв. Пришлось согласиться с этим названием. Выбранное место под строительство вскоре начало интенсивно осваиваться. Вот как увидел эту стройку я, летевший самолётом в Пудино и описав это в своём рассказе «На

гребне перемен»: «**В** самом конце лета, предшествующего первому году Прораба Перестройки, занесло меня вновь в места столь знакомые и милые – Пудино. Лет восемь уже не был здесь, колесил по параллелям от Ленинграда до Курильских островов. И в наш, захиревший было окончательно, болотистый край стали интенсивно вводиться инъекции сменяющихся старцев-реаниматоров, полагаясь на скорейшие метаморфозы вливаний в явные нефтедоллары, и немалые. За трёхчасовой рейс из Томска с двумя посадками на вечном воздушном труженике АН-2, при низкой сплошной облачности, меня уболтало до состояния салажонка, пережившего первый шестибалльный шторм. На подлёте к Таванге небо прояснилось, самолёт пошел ровнее, и я стал всматриваться в знакомые ландшафты.

Сразу за Роголёвым, по правому борту, показался копошащийся хаос большой стройки. На месте некогда густого бора, что подступал с той стороны Чузика к нашему рыбацкому Эльдorado – Старикову, образовалась большая плешина. Торные извилистые песчаные дороги, подобно ножкам гигантского желтого паука, вели к его бесформенному телу – строительной площадке. По ним с натугой двигались груженные машины, питая молодой, растущий организм. Его сплошная прозрачная ненасытная утроба всё это поглощала, переваривала, жила.

Зарождался новый вахтенный посёлок городского типа – Кедровый. Ещё правее, за Чузиком, на месте Останинских рямов, словно Тунгусским метеоритом, повалило, покорёжило с сотню гектаров урманного леса. По краям огромной мелкой воронки торосились, щетинились сотни тысяч кубометров дёрна, торфяника, жирной коричневатой земли, вперемишку с рёбрами переломанного леса. Дождевая вода слилась с грунтовой ржаво-радужной торфяной жижей; заполнила и приямки самого котлована, и его окраины за пределами вала. И от этого монстра тянулась довольно прямая и широкая паучья нога-просека – будущая бетонка.

– Аэропорт строят для больших самолётов, – пояснил мне сосед по откидному боковому сиденью...»

Генеральный план застройки Кедрового разрабатывал институт «Томскгражданпроект». Для строительства города была создана специальная механизированная передвижная колонна

(ПМК № 156). Территориальное строительное управление возглавил Борис Мальцев. В качестве инженера немалую роль сыграл при строительстве Кедрового и коммуникаций бывший выпускник Пудинской школы **Александр Васильевич Гринев**.

Начало строительства базового посёлка для вахтовиков в виде деревянных брусовых двухэтажных строений под общежития относится к 1982 году. Чуть позднее стали возводиться и типовые пятиэтажные здания.

Панорама 2-го микрорайона города Кедрового

1983 год стал знаковым для Пудино и его окрестностей. В этот год для промышленного освоения месторождений Пудинской группы было образовано Томское Управление разведывательного бурения, с базировкой в Пудино (Лушниково), получившее сокращенное название аббревиатурой – УРБ. Под него стала разрабатываться и вся инфраструктура. Здесь было построено несколько вертолётных площадок, создан ОРС (отдел рабочего снабжения), в котором трудилось до 200 человек, по-

строены несколько современных складов, открыты магазины, офисное здание. Возглавил ОРС Анатолий Бекшенев. Совхоз «Пудинский» предлагалось перепрофилировать и перевести его на баланс «Томскнефти», сделав подсобным хозяйством нефтяников. В этих целях перепрофилировали и переоборудовали местный молокозавод, расширили мощности пекарни.

Статус города Кедровый приобрёл 22 декабря 1987 года, благодаря специальному Указу Президиума Верховного Совета СССР. Кедровый является городом областного подчинения.

Первым секретарём Горкома партии Кедрового стал Бадиков Фанис Идрисович. Тогда же были проведены выборы и в городской Совет народных депутатов. Была построена современная школа на полторы тысячи учеников.

Главами Администрации города Кедрового (муниципалитета) являлись: Синицкий Геннадий Николаевич, Нечитайло Александр Порфирьевич, Житник Николай Филиппович, Конарев Николай Алексеевич, Зубарев Михаил Васильевич, Зварич Леонид Степанович, с 2015 года – Соловьева Нелли Александровна.

В настоящее время Кедровый насчитывает немногим более 2 тысяч населения. Вместе с прилегающими посёлками там проживает около 3 тысяч человек. По численности населения Кедровый находится на 1103 месте из 1113 городов России. Численность Кедрового, увы, имеет устойчивую тенденцию к снижению. Пик роста населения приходился на 2003 год, когда в городе насчитывалось 3100 человек.

Площадь Кедровского муниципального образования составляет 1697 квадратных километров, это – всего полпроцента от площади Томской области. (Ещё для сравнения: самый маленький штат Индии Гоа – всего в 2,5 раза больше Кедрового, занимает площадь в 3,8 тыс. квадратных километров).

Большую часть площадей (порядка 68 процентов) составляют смешанные леса, почти четверть всей площади приходится на заболоченные равнины.

Специфика динамики населения во многом зависит от удалённости от областного центра (480 километров) и отсутствия при этом хорошей дороги, не зависимо от времени года. Стокилометровый участок дороги на Томск, между Кёнгой и Кедровым в весенне-осеннюю распутицу становится очень труднопроходимым. Тому немало способствуют ещё и большегрузы, идущие на нефтепромыслы и обратно, разбивая дорогу. Ещё одним слагаемым оттока населения является наличие работы. Помимо инфраструктурной сферы обслуживания, основным видом занятия является вахтовая работа на промыслах. Сельское хозяйство после окончательного развала бывшего Пудинского совхоза в катастрофическом упадке, даже и в рамках частных подворий.

В 2013 году был принят Генеральный план развития Кедровского муниципалитета, по которому к 2030 году население его должно вырасти до 6 тысяч человек. Однако, как уже отмечалось, наметилась устойчивая тенденция снижения народонаселения. Правда, на местах ближних месторождений (Лугинецкое, Герасимовское, Северо-Останинское, Казанское) построены современные комфортные вахтовые посёлки, где временно находятся вахтовые рабочие и инженерно-технический обслуживающий персонал. Увы, и площади, и сами месторождения, остались за пределами Кедровского (Пудинского) муниципального образования, отойдя к Парабельскому району.

В Муниципальное образование «Кедровый» входят семь населённых пунктов: город Кедровый, село Пудино и прилегающие малочисленные посёлки: Останино, Лушниково, Калининский, Рогалёво и Таванга.

Город Кедровый имеет и свой герб. В верхней его части, на серебристом поле, символизирующем чистоту и стремление к сохранению окружающей среды, изображена ветка кедра с шишками. В нижней части – лазоревый язык пламени природного газа и чёрная капля нефти – символы природных богатств.

С точки зрения природы, Кедровый находится в замечательном месте – сосновом бору, воздух в нём всегда свежий, с примесью запаха сосновой хвои и багульника. А ещё – совсем недалеко от него находятся два небольших озера с редкими целебными свойствами.

В Кедровом всего два жилых микрорайона, преимущественно из пятиэтажных домов. В его инфраструктуре: Администрация города, отличный Дом культуры, библиотека, современная общеобразовательная школа, оснащённая всем необходимым, детский сад, стационарная больница, полиция, почта, система магазинов, гостиница, АТС, центральное водоснабжение и отопление. Во всех населённых пунктах муниципалитета имеется многоканальное цифровое телевидение.

Все новости, решения Администрации, культурная жизнь и прочая полезная информации отражается на страницах газеты «В краю кедровом». Кедровчане любят и гордятся своим городом и округой. Работниками Дома культуры не оставляется без внимания ни одно важное событие. Совместно с библиотекой и школой проводятся массовые мероприятия. Уже много лет в Кедровом существует неформальное поэтическое объединение «Поэтическая гостиная», возглавляемое Галиной Ивановной Уховой. Силами местных поэтов подготовлено и издано уже три поэтических сборника. В частности, третий сборник под названием «Чудо там бывает, где о нём мечтают» был издан в 2017 году в Томске, поместивший подборки стихов и прозы 18 авторов. А в ноябре-декабре 2018 года, благодаря Администрации города и «Поэтической гостиной», был проведён уже Второй межрайонный фестиваль «Поэтическая провинция», инициаторами которого явились кедровчане. На него уже приезжают признанные и авторитетные поэты из Томска, Кемерово, Бакчара, Колпашева, Парабеля, Зырянки и других населённых пунктов области.

*Кедровый, ДК, 20.03.2019.
На творческой встрече писателя В. Арнаутова*

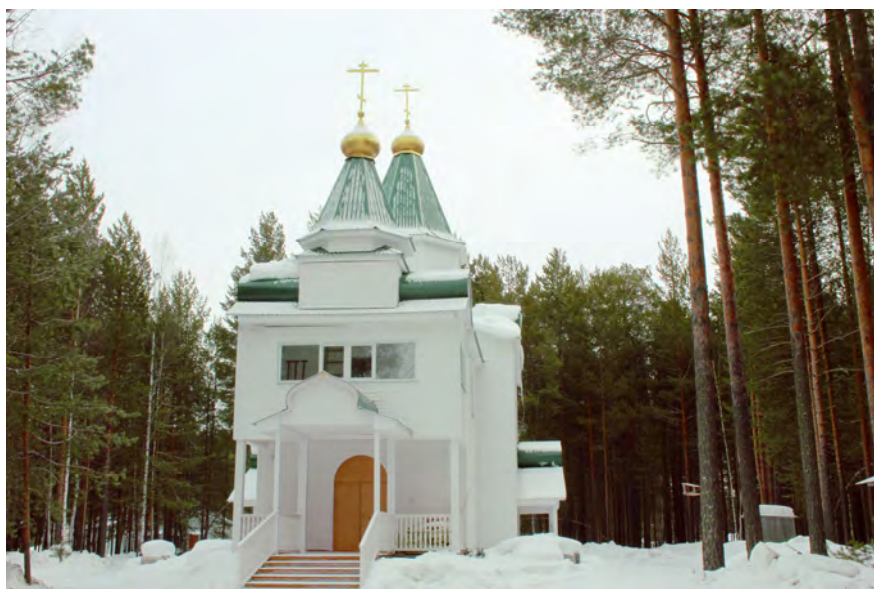
*Кедровый, ДК. На творческом вечере В. Арнаутова –
племянница Н.М. Голева-Овчаренко с детьми Варей и Ильёй*

Самодетельный вокальный ансамбль «Родники» из Пудино за свою тридцатилетнюю историю снискал себе заслуженную славу не только среди местного населения, его знают и далеко за пределами муниципалитета.

Вокальная группа Пудинского ДК «Родники»

С 2009 года в Кедровом начато строительство православного храма Преподобного Сергия Радонежского, который был открыт через 10 лет, и где в настоящее время 3 раза в неделю проходят богослужения. Открытие действующего храма – явление уникальное для истории всей Пудинской округи! Доселе ничего подобного ни в одном населённом пункте не было.

Кедровый. Храм Сергия Радонежского

Между городом и посёлками (Останино, Пудино, Лушиново, Калининск) имеется регулярное автобусное рейсовое сообщение. Сообщение с областным городом Томск и Новосибирском осуществляется межгородским маршрутным автотранспортом, находящемся в ведении юридических лиц. До недавнего времени недалеко от города был построен и функционировал отличный аэропорт, своими рейсами связывавший население муниципалитета и вахтовиков не только с Томском, Новосибирском, Парабелью, Барабинском, но и с более удалёнными городами, такими, как... Фрунзе. В июле 2006 года здание аэропорта сгорело, и регулярные авиарейсы с «большой землёй» практически прекратились. Ущерб от пожара оценивался в 40 миллионов рублей.

В районе Кедрового имеется 4 вертолётных площадки для приёма вахтовых вертолётчиков и экстренных бортов МЧС и медицины. Администрация муниципалитета по настоянию насе-

ления предпринимала усилия по восстановлению регулярных авиарейсов с Томском. С октября 2019 г. авиарейсы с Томском возобновились.

В настоящее время Администрацию города Кедрового возглавляет Нелли Александровна Соловьева, немало делающая для улучшения условий жизни и быта всех групп населения. Следует отметить и организации, оказывающие спонсорскую поддержку муниципалитету: ООО «Газпром трансгаз Томск», АО «Томскнефть» ВНК, ОАО «Востокгазпром», ООО «Профиль», ООО «Газпромнефть-Восток», ООО «ТомскГАЗПРОМгеофизика», ООО «Региональная транспортная компания» и др.

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

Талантливо-плодовитый французский писатель второй половины 19 века Эмиль Золя написал историю одной семьи, посвятив ей целый цикл (порядка 20) романов под общим названием «Ругон Маккары». Не менее талантливый, с мировым именем англичанин Джон Голсуорси создал аналогичный шедевр – многостраничную трилогию «Сага о Форсайтах». Мой друг из Кемерово, писатель Сергей Павлов, уже почти двадцать лет трудится над романом-пенталогией «Кузбасская сага», в центре которой на протяжении более 100 лет – несколько поколений семьи Кузнецовых. Совсем недавно вышел роман, а по нему уже снимется и многосерийный фильм, татарской писательницы Гузель Яхиной с названием «Зулейха открывает глаза» – об истории одной репрессированной и сосланной в Сибирь татарской семьи. Жути там и сгущённых красок преизрядно. Окрестностям Пудинской округи посвящен и роман томского прозаика Владимира Колыхалова под названием «Кудринская хроника».

Мне бы тоже хватило эмпирического материала на несколько романов, в центре которых были бы семейные исто-

рии-драмы, или на англо-скандинавский манер – саги (сказания). Объёмы данной книги, увы, не позволяют сделать этого. А посему мои семейные сказания-истории будут носить характер лаконичных очерков, всего на несколько страниц каждый...

...Очень и очень многое изменилось в округе Пудинской и в судьбах её обитателей! Ссылка и Шерстобитовско-Пудинская комендатуры, образно говоря, явились **общим знаменателем** для множества людских судеб – таких разных и уникальных – в своих **индивидуальных числителях**.

А вот для **их детей**, родившихся и выросших уже здесь, назовём их **первым поколением**, – Пудинская округа стала общей малой Родиной. Или, применив всё ту же метафору, – **общим числителем**. И насколько же уникальными и оригинальными оказались у них **индивидуальные знаменатели**!

Горькая участь их родителей с клеймом «Враг народа» или «Дети врагов народа» – ссыльных спецпереселенцев – послужила своеобразным импульсом для попыток вырваться из ярма спецучёта и колхозного закрепощения. И одной из таких возможностей явилось продолжение учёбы после окончания средней школы – в училищах, техникумах и вузах. Ещё одна возможность – служба в СА и ВМФ. А там – вольная жизнь!

Скольким же тысячам своих выпускников 50-80-х годов дала путёвку в жизнь Пудинская средняя школа! Это – тоже своеобразный *Общий числитель* – для общего старта в Большую жизнь с *индивидуальными знаменателями*.

В этом разделе книги я попытаюсь расположить семейные истории в некоторой логической последовательности: от старших поколений и детей первых спецпереселенцев – к поколениям последующим. Найдётся тут место и для тех семейных историй, члены которых оказались в нашей округе по доброй воле, то есть не являлись ссыльнопереселенцами.

Александр Шадрин
В округе Пудинской, земле Нарымской

ШАДРИНЫ

**«Если ты сохраняешь память о родственниках,
значит ты сохраняешь память о себе»**

*Автором этих материалов является мой родной дядя по маме – **Шадрин Александр Аввакумович**. Десятилетним мальчиком он был сослан вместе со своими раскулаченными родителями. И уже в феврале 1930 года, в числе самых первых спецпереселенцев он оказался в Шерстобитовской комендатуре. Для местожительства им сначала была определена деревня Собакино (будущий Калининский). Его отец, а мой дед, Аввакум Васильевич, был одним из основателей деревни Красный Яр – совершенно на диком месте. Прожил дядя Саша (так мы все его называли) трудную и долгую жизнь: с 1942 года и до окончания войны воевал на фронтах, имел ранения, оставаясь в здравом уме до последних дней жизни. Память его была просто феноменальной! Имея всего 4 класса образования, уже после войны добрал до восьмилетки. Окончил вечерний двухгодичный университет марксизма-ленинизма. Он был замечательным рассказчиком и образцовым, неутомимым жизнелюбом. Прожив 95 лет, 40 лет из них после инсульта, он был инвалидом первой группы, не сломленным жизнью. Его воспоминания – поистине кладезь! И мне есть кем и чем гордиться! – В. Ар.*

*Мой прадед – **Шадрин Михей Карпеевич**, русский, происходил из крестьян. Когда-то его семья переехала в Сибирь из Приуралья, Курганской области. На местожительства обосновалась в Малокрасноярском районе, деревне Москалёвка (ныне – Новосибирская обл., Кыштовский р-н, с 50-х годов деревни уже не существует). Было в деревне 60 дворов, имелись плодородные земли, богатые сенокосные угодья, сосновые рямы, березовые колки. Деревня находилась в 120 километрах от железнодорожной станции Чаны и в 25 километрах от районного центра. (Это – мой прапрадед по материнской линии – В. Ар.) Прабабушка Ефросинья также происходила из крестьян.*

Имели они с Михеем Карпеевичем четверых детей: Иван, Василий, Варвара и Михаил.

В.М. Шадрин с сыном Иннокентием

Мой дед – **Шадрин Василий Михеевич** – родился в 1877 г. в д. Москалёвка, в семье крестьянина, русский, неграмотный, занимался сельским хозяйством, служил в армии, в Уссурийске. В 1914 году участвовал в империалистической войне с Германией. 3 года находился в плену – сначала в Германии, а потом – во Франции. По возвращении домой занимался сельским хозяйством. Имел хороших лошадей, крупнорогатый скот, овец, свиней. Имел добротный рубленый деревянный крестовый дом, крытый железом, хорошие амбары и дво-

ры. Из техники было: сенокосилка конная, грабли, жнейка (самосброска), молотилка, веялка, плуги, бороны. По тем временам, в Москалёвке никто не имел столько техники и скота. Считался зажиточным хозяином. Был трудолюбивым, аккуратным хозяином. Нанимал сезонных рабочих. В 1929 г. был раскулачен, изгнан из дома и осужден на 3 года. Срок отбывал в Мариинске. Весь скот, инвентарь, техника, строения были изъяты и переданы колхозу. **Бабушка Зинаида Ивановна Новгородцева**, родилась в 1879 г. в д. Карбыза Муромцевского р-на (Омской обл.)

Было у них 4 детей: **Аввакум Васильевич** (мой отец) – 1899 г.р., Пётр (Фёдор) Васильевич (Зайцев) – 1908 г., Ольга Васильевна (Черемисина) -1912 г., Иннокентий Васильевич – 2.08.1921 г.

В мае 1931 г. Зинаида Ивановна была сослана с младшим сыном Иннокентием на Васюган (ныне Томская обл.), где и скончалась 5.09.32 г. Там же и похоронена.

Василий Михеевич, после освобождения, в 1933 году переехал добровольно на местожительство в

Шадрин Аввакум Васильевич

с. Шерстобитово. Там он женился повторно на Марии Терентьевне Шерстобитовой. На новом месте дед Василий работал рядовым колхозником, а во время войны был бригадиром, возглавляя полеводческую бригаду. В 1946 году повторно овдовел и женился в третий раз на Борисовой Наталье Ефимовне. В 1950 г. переезжают на местожительства в Томскую область, с. Пышкино-Троицкое – районный центр (ныне с. Первомайское) – в 8 километрах от ст. Асино на р. Чулым. В то время проживал там его младший сын Иннокентий. Дед Василий скончался в 1958 году, в возрасте 80 лет. Похоронен на кладбище с. Первомайское.

Мой отец **Шадрин Аввакум Васильевич** родился в декабре 1899 года в семье крестьянина в деревне Москалёвка Новосибирской обл. Русский, неграмотный. С ранних лет познал крестьянский труд. В 1918 году женился на **Борисовой Степаниде Кузьмовне**. Жили одной семьей с дедом Василием. В 1920 г. служил в Красной Армии в г. Тара Омской обл. В 1926 году отделился от отца. Построил пятистенный дом под

тёсом, амбар и все надворные постройки. Занимался сельским хозяйством. Имел: 5 лошадей, коров, овец, конную сенокосилку, плуг, бороны. К тому времени было 3 детей: Александр – (1.10.1920), Михаил – (1924) и Владимир – (1926).

Мать занималась домашним хозяйством. Поэтому отец на летне-осеннее время нанимал по договору рабочего и рассчитывался деньгами и сельхозпродуктами. Сено косили вместе с семьей деда Василия. В то время мы уже с Иннокентием тоже помогали на сенокосе – возили копны верхом на лошадях. На покосе все жили неделями в шалашах. Как и все крестьяне, тогда работали единолично в своих хозяйствах. У каждого хозяина была наделена земля и покосы, даже березовые колки – для заготовки дров. Сеяли: рожь, пшеницу, овёс, ячмень, лён, рыжик (масличная культура). Собранное зерно осенью продавали государству. Продавали и мясо, а часть скота сдавали в живом виде. Молоко сдавали на молокозавод за деньги.

В 1929 году началась в деревне коллективизация. Зажиточные семьи (а таковых в Москалёвке тогда было 6) были раскулачены. Всё отцовское хозяйство изъяли в пользу колхоза. Оставили одну лошадь, и всю семью сослали в «Нарым»– (Пудинский сельсовет) в **феврале 1930 г.** Тогда же были лишены бессрочно и гражданских прав.

В ссылку ехали на санях. Сверху короб был обтянут пологом. В этой «кибитке» ехали отец, мать и трое детей 300 километров, через Васюганское болото (60 км.) 15 дней. Ехали обозом в сопровождении милиции. Сначала семья остановилась в Собакине, у старожила Собакина Моисея Спиридоновича.

Отец с другими ссыльными поехали строить бараки на берегу речки Чузик совершенно на пустом месте, в тайге, в 8 километрах от Собакина. Позднее поселок называли **Красный**

Яр, так как большинство людей там были сосланы из Мало-красноярского района.

В одном бараке, где проживал отец с семьей, жили ещё 5 семей. В бараке были нары, где и располагались на ночь семьи с детьми. Люди недоедали, паёк был маленьким. В апреле стали болеть дети. Медицинской помощи не было никакой. Разразилась дизентерия. В конце апреля 1930 года после тяжелой болезни умерли на одной неделе два моих брата – Миша и Володя. Не было ни досок, ни гвоздей, чтобы сделать гробы. Долбили из цельных деревьев. Похоронены они были за деревней, в тайге. Впоследствии кладбище оказалось прямо в огороде. *(Помню, как раз на стыке нашей и соседской изгороди. Там рос хмель и баба Анастасия постоянно расчищала там место, ни самих холмиков, ни крестов в 50-е годы уже не было – В. Ар.).*

В январе 1931 г. отец купил в Собакино (**Калининском**) избу и корову, и семья, теперь уже из 3 человек, переехала. Поселок стал разрастаться, а было там ко времени переселения всего 8 дворов. К 1932 году насчитывалось уже порядка 60 дворов. В 1932 году там был организован **колхоз «Культура Севера»**. Пахотной земли было мало. Занимались раскорчевкой деревьев и кустарника.

14 марта 1932 года мать Степанида Кузьмовна родила двойню – **Евдокию** и Валентину, а в 1933 году заболела цингой. Лежала в Пудинской больнице, но спасти её не смогли. 6 сентября 1933 г. умерла, и похоронена была на старом Пудинском кладбище. Теперь там выросли большие ели, а были посажены на месте могилок маленькие елочки.

Все спецпереселенцы находились под надзором комендантуры ОГПУ (НКВД), паспортов не имели, и выезжать никуда не имели права.

В 1935 году отец отдал сестру Дусю в 3-х летнем возрасте на воспитание в семью Ивановых Якова Андреевича и Анаста-

сии Ивановны в пос. Красный Яр. В то время своих детей у них не было (*единственный сын Миша умер в малолетстве и похоронен рядом с Володиёй и Мишей – В. Ар.*). Это были хорошие знакомые моих родителей, по тому времени достаточно материально обеспеченные.

В 1936 г. отец женился на Полукеевой Прасковье Викторовне – тоже спецпоселенке, вдове расстрелянного в 1930 г. мужа, с двумя детьми: Ниной -1924 г. и Владимиром– 1928 г. Так у нас стала сводная семья. Отец работал в колхозе. Лето на лошадях пахал, сеял косил. Зимой – ездил в обозе до города Каинск (Куйбышев), за 300 километров. Туда везли из Райпотребсоюза мясо-туши, обратно – сельхозинвентарь для своего колхоза. Поездка занимала туда и обратно 25 дней.

Колхоз имел 300 гектаров пахотной земли. Все работы выполнялись вручную или на конной тяге. В хозяйстве колхоза тогда было: 2 конные сенокосилки, жнейка (самосброска), лобогрейка, молотилка, веялка, плуги, бороны. Работали за трудодни. После того, как урожай был собран, рассчитывались с госпоставкой хлебо-закупом – добровольно, но обязательно. Доводился план и по засыпке зерна на семена и фуража для колхоза. Остаток делился на трудодни – до 1 килограмма на трудодень, а то и меньше.

В личном хозяйстве была корова, 2-3 овцы. От них тоже нужно было сдать государству налог – молоко, мясо, шерсть, овчину. Так что семье оставалось совсем мало.

К 1937 г. колхозы стали укрепляться. Спецпереселенцам разрешили участвовать в голосовании при избрании депутатов в Верховный Совет. Однако, выезд с мест поселения так и не был разрешен.

В 1943 г. отца мобилизовали в Трудармию и отправили в Колпашево на строительство консервного завода. Оборудование было эвакуировано из г. Керчь. Когда завод стал работать,

отец работал там ездовым на лошадях, на территории завода, и так работал до июля 1945 года. После этого вернулся домой и продолжал работать в колхозе.

В июле 1950 г. с семьей переехал в Новосибирск, работал в артели «Прогресс» конюхом. В бараке получили комнату. Дочь Валентина работала на заводе N 677. В январе 1955 г. Валентина заболела и умерла.

Отец стал часто болеть и стал в той семье ненужным, вынужден был переехать в Новосибирск. Болезнь осложнилась, и он 20 августа 1963 года скончался, в возрасте 63 лет. Похоронен в Новосибирске на Клещихинском кладбище, в одной огранке с дочерью Валентиной. Отец был добродушный человек с мягким характером, аккуратен в быту, уживчив в коллективе. Прожил недолгую, но сложную жизнь, в колхозе был стахановцем и награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Брат отца **Шадрин-Зайцев (Пётр) Федор Васильевич** родился 14.10.1908 в семье крестьянина в деревне Москалёвка. Сначала жил в одной семье с отцом – Василием Михеевичем. В 1928 г. женился на Спирёвой Валентине, из богатой крестьянской семьи деревни Кашпиль. Во время коллективизации и раскулачивания пришлось ему сменить свою фамилию на Зайцева, а имя – на Фёдора и уехать сначала на прииск Алдан, а затем в с. Покровск (70 км от Якутска), где работал в связи. Там они прожили до 1970 года. Было 5 детей: Михаил – 1929 г., Галина -1932 г., Юрий, Владимир и Павел. В 1970 г. они переехали к младшему брату Иннокентию Васильевичу в Минусинск. Получили там квартиру. Умер Федор Васильевич 6 октября 1998, не дожив неделю до 80 лет, похоронен в Минусинске.

*Минусинск, 1987 г. Братья Шадрины
Иннокентий и Фёдор (Пётр)*

Сестра отца – **Ольга Васильевна Шадрина (Черемисина)** родилась в 1912 году в деревне Москалёвка. В 1930 году вышла замуж за **Черемисина Ивана Андреевича** 1910 г. рождения, из крестьян, дер. Бакейка Кыштовского р-на Новосибирской области. Сосланными жили в деревнях Львовка и Шерстобитово. Имели троих детей: Анна – 1932 г.р., Анатолий (1938) и Зоя (1949 г.) *Анна Ивановна Черемисина – Некрасова* – учительница, проживала в Томске. Имеет сына – Сергея Анатольевича Некрасова, 1961 г.р., военнослужащего (подполковник). *Анатолий Иванович Черемисин* – врач, проживал в Подмоскowie. *Зоя Ивановна* – врач проживает в Бутово Московской области.

Иван Андреевич Черемисин был участником Великой Отечественной войны. Оборонял Москву, Сталинград, был ранен, имел награды. Был очень душевным человеком. Умер

17.02.1983 года. Похоронен на Бутовском кладбище Подмосковья. *Ольга Васильевна* проживала в Бутово с дочерью Зоей. (умерла 16.06.98 года – В. Ар.).

Брат отца **Иннокентий Васильевич Шадрин** – 2.08.1921 г. родился в деревне Москалёвка. В мае 1931 г. был сослан с матерью, Зинаидой Ивановной, на Васюган Томской области. 5.09.31 г. мать умерла, а он воспитывался в детском доме. В 1933 году сродный брат матери Новгородцев Иван Алексеевич привез его с Васюгана в Калининский, а после возвращения из заключения отца – Василия Михеевича, переезжает к нему в Шерстобитово, где и закончил 7 классов. В 1939 г. уехал учиться в Новосибирск в техникум. В 1940 г. был призван в Армию и направлен на Дальний Восток. В звании *старшина* был командиром танка. Принимал участие в боях с милитаристской Японией, освобождал Маньчжурию. Имеет боевые награды. В июне 1946 г. демобилизовался и приехал в Пудино к отцу. Работал инструктором райкома партии. В 1947 г. был направлен на учебу в Томск в областную двухгодичную партшколу. Во время учебы в Томске, женился на студентке медицинского института *Нине Михайловне Черновой*, 1924 г.р., родом из Минусинска Красноярского края. После окончания партшколы, был направлен на работу в райцентр Пышкино-Троицкое Томской обл. зам. директора МТС по политчасти. В 1951 г. был повторно призван в Армию, уже офицером, и направлен в морскую пехоту на Русский остров, в 30 км. от Владивостока заместителем командира автобатальона по политчасти. Прослужил там до 1954 г. и снова вернулся работать в МТС. В 1958 году переехал в Минусинск. Работал в райкоме партии заведующим. Позднее – Председателем народного контроля. В 1981 году вышел на пенсию. Имеют двух дочерей: *Людмила Иннокентьевна Корягина* и *Ольга Иннокентьевна Катилевская*. Обе закончили Томский политехнический ин-

лометрах от дома. Зарабатывал там деньги по 60 рублей в месяц. С 1936 года работал в колхозе «Культура Севера» на полях, на пихтовом заводе, на заготовках кедрового ореха, охотничал. В 1938 г. стал работать в колхозной кузнице, сначала молотобойцем, а позднее научился ковать самостоятельно у кузнеца Боженко Поликарпа Григорьевича.

В июле 1942 года был призван в Армию. Все призванные, из бывших спецпереселенцев, попали сначала в 21-й запасной стрелковый полк, в учебно-миномётный батальон в г. Бердск. Жили в землянках, питания не хватало, а занятия на учебном полигоне длились по 10 часов. Обмундированы были во все б.у. В октябре 1942 г. были направлены на фронт, под Сталинград, в 321 стрелковую (позднее – 87 гвардейская) дивизию 65 армии, 487 полк, на Клетское направление. Из поселка Калининский нас было 9 человек. Я воевал в стрелковой роте с ручным пулеметом.

9 декабря 1942 года в бою под ст. Суровикино был ранен пулей в правую руку, выше кисти. Был направлен на лечение в госпиталь в г. Липецк. Все мои товарищи из Калининского погибли под Сталинградом (Кологривов И.А., Курбатов А., Труфанов Ф., Шипицын П., Бут И.К., Сухиня И., Осинцев И., Анисов П.Л.)

По выздоровлению, из госпиталя, в феврале 1943 г. был направлен в запасной полк, а затем в 69 армию 107 стрелковой дивизии, 504 стрелковый полк, 2 минометную роту, под город Белгород. С марта месяца часть стояла на формировании, где я закончил месячные курсы. Было присвоено звание *гвардии сержант* и был назначен командиром 82-миллиметрового (позднее -120 мм) минометного расчета.

6 июля 1943 г. вступили в бой на Орловско-Курской дуге. Здесь уже являлся комсоргом роты. При освобождении г. Белгород 5 августа 1943 г. был награжден медалью «За отвагу». 12

октября 1943 г. при форсировании Днепра, около г. Кременчуг, был ранен пулей в правое бедро. При освобождении Харькова 18 августа 1944 был контужен. После ранения был направлен в госпиталь на ст. Лосево. После излечения был направлен на 2-й Украинский фронт. Освобождал Молдавию, Румынию, Венгрию. После взятия Будапешта 13.02.45 г. наша часть была оставлена в гарнизоне и распределена по военным комендатурам в центральный район Пешта, где располагались Правительственные здания. Был помощником дежурного коменданта 6-го района города Будапешт.

*Будапешт, май 1945. А. Шадрин
с другом-пудинцем М.Ф. Семенчуковым*

В мае 1946 г. демобилизовался. После побывки дома, в Калининске, переехал в Новосибирск. Работал в артели «Прогресс», «Бытпром» помощником механика по оборудованию. Жил у родственников отца.

21 декабря 1946 г. женился на Анисимовой Александре Андреевне, 1925 г. рождения, происходившей из крестьянской семьи деревни Кондусла Убинского р-на Новосибирской области, работавшей там же, в артели, мастером-гончаром, затем бригадиром расчетной группы. 16 августа 1949 г. родился сын Владимир.

В феврале 1947 г. поступил работать в 6-ю Пожарную часть в Ленинском районе г. Новосибирска, сначала командиром отделения, затем старшиной части. С 1956 г. – инспектором ГПН. В 1952 г. закончил 7 классов вечерней школы. В 1962 г. – двухгодичный Вечерний Университет марксизма-ленинизма. 12 лет избирался секретарём партбюро части. Член КПСС с 1945 года. Демобилизовался на пенсию в звании *гвардии старшина* 13 апреля 1970 г. 22 июня 1972 г. заболел, стал инвалидом 1 группы.

Награжден: Орденом «Отечественной войны 1941-1945 гг. 1 степени», орденом «Красной звезды», медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и другими – всего 15 наград. (*Умер Александр Аввакумович 30 ноября 2015 года, на 96 году жизни. Похоронен с воинскими почестями в элитном месте на Клешихинском кладбище Новосибирска – В. Ар.*)

Сестра Евдокия Аввакумовна Шадрина-Иванова (*Арнаутова – моя мама – В. Ар.*), родилась 14 марта 1932 года в пос. Калининский (Пудинского района). После смерти матери, в 1935 г. была отдана на воспитание в семью Ивановых в пос. Красный Яр. Якова Андреевича Иванова забрали на фронт, где он и погиб в 1943 году под Курском. В ноябре 1949 года вышла замуж за Арнаутова Степана Федоровича (*мой отец – В. Ар.*) 1927 г. рождения, болгарина, сосланного из Бессарабии в 1941 году. Работали в колхозе. До апреля 1961 г. жили в пос. Красный Яр, затем переехали в Калининский. Имели четверых

детей: Виктор – 25.05.51, Владимир – 21.01.53, Татьяна – 27.04.54 и Раиса – 5.02.56.

Е.А. Арнаутова

1.05.1965 г. трагически погиб при заготовке дров Степан Федорович. Похоронен на Пудинском кладбище. *(В 1970 году сошлась с Реш Степаном Александровичем, переехала сначала в Пудино, а после окончания сыном Владимиром Томского автодорожного техникума и распределения его в Иркутскую область, переезжают в 1976 году в Куйтун Иркутской области. Там работала техничкой в райвоенкомате, райкоме партии. Вышла на пенсию. После смерти Реш С. А. в 1987 г. продала дом и переехала сначала в Красноярск к дочери Татьяне, а затем в Пудино – к Раисе. Сейчас проживает в деревне Калининск, где и родилась – В. Ар.)*

Все её дети получили образование: Виктор и Владимир – высшее, Татьяна и Раиса – средне-специальное.

*Красный Яр. А.И. Иванова с Витей,
Вовой и Таней Арнаутowymi*

Виктор Степанович Арнаутов. Родился в Пудинском роддоме. С мая 1951 года и по сентябрь 1962 года жил с родителями и бабушкой в деревне Красный Яр, там и окончил начальную школу. С 1962 года по 1968 жил в Калининске, окончил Пудинскую среднюю школу. Работал учителем начальных классов во Львовской восьмилетке. С 1969 по 1973 год учился и закончил Кемеровский институт культуры, был оставлен там на кафедре. Работал лаборантом, преподавателем, заместителем декана, доцентом кафедры. Заоч-

но закончил аспирантуру в Ленинграде. Проживает в г. Кемерово. Женат на *Великосельской Людмиле Михайловне*. Имеют двоих детей – *Ярослава* (1973 г.) и *Анастасия* (1982 г.). Член Союза писателей России с 2001 года. Написал и издал более двух десятков книг. Имеет около ста публикаций в литературных журналах России и за рубежом.

Владимир Степанович Арнаутов – после окончания Пудинской средней школы в 1970 году учился – сначала в Кемеровском институте культуры, был призван в Армию в 1971 г. Демобилизовался. Закончил Томский автодорожный техникум, а потом и инженерно-строительный институт, дорожный факультет. С 1976 г. проживал в с. Куйтун Иркутской области. Работал в ДРСУ и ХДСУ, занимая попеременно, практически, все инженерные должности, вплоть до начальника. Женат на *Кравченко Любови Пантелеевне*. Имеют двоих детей – *Елена*

(1977 г.) и *Алексей* (1983г.) В настоящее время на пенсии. Проживает в Красноярске.

Татьяна Степановна Арнаутова-Бояринова – закончила Томское фармацевтическое училище, распределилась в г. Киселевск Кемеровской области. Там вышла замуж за *Бояринова Леонида Владимировича*. Переезжают жить сначала в Куйтун, а затем – в г. Красноярск, где проживают и поныне. Имеют двойню – Ольгу и Анатолия (27.09. 1977 г.)

Раиса Степановна Арнаутова-Голева – после Пудинской средней школы закончила сначала в Томске ПТУ, а затем Кемеровский техникум кооперативной торговли. Работала бухгалтером, экономистом в Куйтуне, а затем в Калининске – в бухгалтерии отделения совхоза «Пудинский». В последнее время занималась коммерческой торговлей в Пудино и Калининске. Замужем за *Голевым Михаилом Ксенофоновичем*. Имели двоих детей – *Наталья* (2.08.77) и *Валентина* (1984 – умерла в марте 1988). Проживает в Калининске.

* * *

В феврале– марте 1930 года, во время сплошной коллективизации, по решению Советского Правительства многие жители нашей страны были лишены гражданства и направлены на спецпоселения. Одним из мест спецпереселения стал «Нарымский край». «За болото» люди были сосланы, в основном, из Новосибирской области и Алтайского края – бывшего ЗапСибКрая. Для многих местом спецпереселения стала нынешняя Томская область, Парабельский район. Семьи везли на лошадях, в повозках через Васюганское болото протяженностью 60 километров. Покидая последнюю деревню с говорящим названием Горемычка, Северного района, на всём протяжении болота нигде больше жилья не встречалось. На болоте рос лишь низкорослый карагайник да редкие сосенки. На другом конце болота стоял небольшой поселок Львовка. Выезжали из-за болота рано утром, чтобы к позднему вечеру преодо-

леть всё расстояние. По местам расселения выросли деревушки: Верх-Чузик, Львовка, Шерстобитово, Кулики, Ляшкино, Красный Яр, Коровино, Дудино, Боталёво, Собакино, Лушниково и много других. Основным стал посёлок Пудино, получивший позднее статус районного центра. Пудино получило своё название по фамилии остяка Пудина, который ещё до революции держал там лавку, и все окружающие остяки и остальное население сдавали ему пушнину, дичь, кедровый орех, ягоды и другие дары тайги.

За Пудино, вниз по течению речки с остяцким названием Чузик, образовались деревни: Останино, Гонохово, Язёвка, Стариково, Скит. По приезду переселенцев многие посёлки стали увеличиваться, а некоторые отстроены заново, такие, как Верх-Чузик, Казанка, Намеченное, Семеновка, Чарфо, Чага, Кулики, Красный Яр, Боровое. Несколько в стороне оказались Таванга, Рогалёво, Дерешево. Некоторые посёлки получили свои названия по фамилиям первопоселенцев – Собакино, Коровино, Гонохово, Останино; другие – от названий речек: Верх-Чузик, Большая Речка, Чага, Чарфо, Язёвка, Таванга, Корга, Казанка.

Старые посёлки были малочисленны. Так, в Коровино проживало 3 семьи: Коровина Киндина Климентьевича да две семьи Смирновых. Киндин Коровин был зятем Смирнова Ксенофонтия. Все три семьи были староверами (кержаки). Весь этот район ссыльного переселения находился посреди тайги, непроходимых болот да рямов, с полчищами комаров, паутов, слепней, мошки и прочего гнуса.

Деревня Собакино находилась четырьмя километрами выше Пудина по Чузику. Основал его охотник Спиридон Собакин. Кроме него жили самостоятельными семьями три его сына: Сысой, Моисей да Григорий. Всего же было 7 дворов. Кроме них жили там Гонохов Яков Родионович и Гонохов Кирсан Андреевич.

В 1931 году Собакино было переименовано в Калининский (*позднее стали называть его короче – Калининск, так что правомерны и то, и другое наименования – В. Ар.*), а к 1935 году в нём насчитывалось до 60 дворов. Открыта в нём была и начальная (трёхклассная) школа. Первым её учителем был Краснов Иван Васильевич (муж родной сестры матери Александры Кузьмовны).

В 1932 году в Калининском был создан колхоз – «Культура Севера». Первым председателем был избран Анисов Иван Яковлевич – малограмотный, но настойчивый, среднего роста, усатый. Колхоз сумел организовать толково. Были объединены лошади, сельхозинвентарь, выстроена добрая конюшня, амбары (лесу на постройку, конечно, хватало). Развели крупнорогатый скот и свиней.

Посевная площадь была мала, приходилось корчевать лес вручную. Место было глухое, необжитое, не было почти никакой связи. Правда, в 1931 году в Пудино была построена радиостанция, работавшая азбукой Морзе. Тогда это и было единственным источником оперативной связи с Центром ЗапСибКрая. Первым радистом был коренастый, невысокого роста человек в военной форме, по фамилии Панков. Станция размещалась в небольшом пятистенном домике, окруженном несколькими деревянными мачтами. Электроэнергия для радиостанции вырабатывалась небольшим двигателем внутреннего сгорания, который располагался в том же здании, что и станция.

Мотористом работал богатырского телосложения мужчина по имени Федя, учеником моториста – воспитанник Пудинского детского дома Ананченко Иосиф, который позднее и сменил Федю. Ученики Пудинской школы, открытой ещё в 1930 году, ходили на станцию на экскурсии, так как это было единственное место, где можно было показать технику.

В 1932 году на речке Коньга была реконструирована мельница. Позднее построили крахмальный и маслобойный заводики. В Пудино открыли больницу, аптеку, ветлечебницу.

Все грузы доставлялись зимой на подводах из Томска или Барабинска. Весной же, по большой воде – из Парабеля до Скита – на баржах. Летом, по мелкой воде плавали до Парабеля на больших лодках, крытых тёсом. С боков были борта по 50 сантиметров. С каждого борта по два человека, упираясь о дно реки шестью, толкали лодку с грузом недалеко от берега. На корме стоял рулевой. За световой день проходили встреч течения по 25-30 километров.

Только в 1935 году промкомбинатом был приобретен небольшой стационарный лодочный мотор, четырех лошадиных сил мощностью, поставленный на небольшую лодку. Эта лодка буксировала за собою ещё две лодки с грузом от Парабеля до Пудино. Мотористом работал Тютюнник Иван. Эта лодка-буксир прослужила до 46-го года.

В 1933 году Промкомбинатом был приобретен локомобиль английского производства, работавший на дровах, построили мельницу, дробившую зерно на простой размол, заведующим которой был Кращенко Дмитрий Иванович – высокий, тактичный человек. Мельником на ней работал украинец Приходько Дмитрий Корнеевич, механиком – Вдовиченко.

Уже с 1935 года локомобиль использовали для обмолота хлеба передвижным способом в поселках Пудино, Калининский, Красный Яр и других деревнях. Перевозили его на четырех лошадях. В 1934-35 годах кочегаром на локомобиле работал и я – Шадрин Александр Аввакумович, получая в месяц 60 рублей зарплаты. Зерно мололи в зимнее время. Несколько позднее, рядом с мельницей, была выстроена лесопилка, выпускавшая лес на плахи и тёс. Этот же локомобиль летом использовали на лесопилке.

Зимой колхозы занимались и лесозаготовками, увязывая лес в плоты в поселках Скит и Павло-Юдино, а весной, по

большой воде, плоты сплавляли до Парабеля. Каждому колхозу доводился план лесозаготовок.

Для колхозных нужд и по разнарядкам приходилось заниматься и побочными делами. Так, в колхозе «Культура Севера» уже с 1934 года вырабатывали кустарным способом дёготь в ямках. Дегтярем был старик – с грубым голосом, никогда не выпускавшим из рта самокрутки из самосада, славившегося на всю деревню – Филипп Мусатов. Ямки, или как их ещё называли, – корчаги были сделаны за Медвежьим ложком, в осинниках. Дно ямки обмазывалось глиной, куда клалась металлическая решётка. На решётку загружалась берёста и зажигалась. Ямка плотно закрывалась крышкой и обмазывалась глиной, чтобы вовнутрь не попадал воздух. Берёста тлела, и из неё выделялся дёготь, который стекал через решётку на дно. Через сутки крышку открывали, выбрасывали шлак, а со дна черпали дёготь. В 1937 году был приобретён котёл, стали вырабатывать паровой дёготь, излишки которого сдавали в сельпо, а оттуда бочками на баржах отправляли в Томск.

Берёста на дёготь заготавливалась в июне месяце, когда она хорошо дралась с берёз. Заготовкой берёсты занималась, в основном, бригада из молодёжи. От сданного дёгтя колхозы имели денежный доход, который распределялся по трудодням между колхозниками. Гонщиком дёгтя работал Колиденко.

Дед Мусатов, оставшись без работы, в летнее время стал заниматься изготовлением веревок из льна для колхоза. Около его избы было сделано приспособление для пряжи верёвок: большое деревянное колесо с ручкой, которое соединялось с роликом ремнём. Его старуха, бабка Анна, полная грузная женщина, сидела на табуретке и крутила колесо. Дед Филипп, обвешанный вокруг пояса льном, зацеплял прядь льна за крючок вращающегося ролика и, пятясь назад, отходил метров на пятьдесят вдоль забора. Напряденных несколько нитей свивал в одну верёвку. Из верёвок делались вожжи, постромки, череседыльники и прочее необходимое в хозяйстве.

В 1935 г. в Пудино был построен клуб, а в Калининском – новое школьное помещение с двумя классными комнатами, учительской и жилой комнатами для технички. Клуба в Калининском ещё не было. В здании школы проходили торжественные собрания, один раз в месяц демонстрировался фильм. На летний период в колхозе открывали детский сад. Заведующей работала Лопатина Елена.

В 1935 году по всей стране развернулось Стахановское движение. Люди, перевыполнявшие нормы на сельскохозяйственных работах, стали тоже называться *стахановцами* и заносились на Доску Почета. В колхозе «Культура Севера» тоже были замечательные труженики-стахановцы. Среди них – Зайцев Алексей Софронович, который при норме 70 соток вспахивал на лошадях по гектару и более раскорчеванной земли. Стахановками были колхозницы: Колесова Прасковья, Мусатова Александра Тимофеевна, Анисова Евдокия и другие. Перевыполняли нормы на уборке хлеба конными косилками Назаров Фаддей Иванович, Шадрин Аввакум Васильевич.

В декабре 1935 года совместно с Останинским колхозом «Ударник» был построен пихтовый завод, где работал бригадиром Косачёв Иван Тимофеевич – невысокого роста, худощавый, рыжеватый добродушный мужчина, рассказывавший по целой ночи сказки и прибаутки. На пихтовом заводе работала, в основном, молодёжь, по 15 человек от каждого колхоза. Завод был построен на Нижнем Армиче – недалеко от поселка Скит. Там был и пятистенный барак. В одной половине жили калининские, в другой – останинские рабочие.

На заготовке пихтовой лапки работали попарно – парень и девушка. Работа эта была тяжёлым трудом. Парень подымался на пихту до вершины и, спускаясь, рубил большим ножом сучья на расстоянии не менее 50 см. от ствола. При этом, нужно было оставить вершину дерева высотой 1,5 метра, чтобы дерево не засохло. На земле девушка специальным ножом обрубала спущенные сучья, формируя пихто-лапку – ветка у

основания должна была быть не толще школьного карандаша. После этого пихто-лапка складывалась кубометрами и вывозилась на пихтовый завод. Дневная норма составляла 1 кубометр на заготовщика. На обрубке с деревьев замечательно работали два Афанасия – Казаев и Куратов. За ними кое-как успевали обрубать по две девушки.

Пихтовый завод был примитивным: большой деревянный чан, куда загружалось до 12 кубометров пихто-лапки. Рядом находился замурованный в кирпичи металлический котёл, который заполнялся водой и нагревался. Пар из котла поступал в низ чана, где прогревалась лапка. Сначала пар попадал в сухопарник, а оттуда – в холодильник, т.е. – змеевик, который охлаждался водой. Получаемая жидкость отстаивалась в отстойнике. Так как масло легче воды, жидкость разделялась на фракции. Вода спускалась, а затем сцеживалось пихтовое масло. Завод находился практически под открытым небом. Одна закладка гналась сутки. Этим занимались гонщики. Через сутки из чана выгружалась парящая отработанная масса, и чан загружался по новой.

Годовой план пихтового завода составлял 12 тонн пихтового масла. Вырабатывали же до 15 тонн готовой продукции. Пихтовое масло шло на медицинские препараты. Из него вырабатывалась камфара и камфарное масло.

После отработки пихтового массива, завод был переведен вверх, по речке Коньга, в двадцати километрах от Калининска, по мирновской дороге. Пихтовый завод работал круглый год, принося колхозам хорошие денежные доходы. Пихтовое масло отправлялось в деревянных бочках в райпотребсоюз.

В 1936 году колхозом «Культура Севера» были приобретены: гармонь «хромка», патефон, радиоприёмник, работавший от батарей, и установленный в конторе колхоза. По вечерам сходились слушать радиопередачи. С большим волнением слушали материалы Чрезвычайного УИИ съезда Советов, проходившего в Москве в ноябре 1936 года, на котором была при-

нята новая Конституция СССР. По этой Конституции весь переселенный народ получил гражданские права, мог избирать и быть избранным в Советы.

Помимо прямых сельскохозяйственных работ колхозы занимались и попутными работами. В частности – заготавливали кедровый орех. Так, в 1936 году был сильный урожай ореха. В нашем колхозе в августе месяце была организована бригада из 9 человек и направлена в тайгу, на Верхний Армич. До болота – 30 км. От деревни довозили на лошадях, а дальше, через двенадцатикилометровое болото шли пешком, неся на себе всё продовольствие и инвентарь.

В кедраче была построена избушка с железной печкой (которую тоже доставляли на себе). На одного человека в день собирали до пяти мешков шишки. Когда сбор шишек заканчивался – начинали её перерабатывать, тоже вручную. Чистый орех сушился и ссыпался в амбарчик. За осень было заготовлено 10 тонн чистого ореха. Когда болото промёрзло, весь орех был вывезен на лошадях. Часть его сдали в сельпо, а часть роздана по трудодням.

Бригада орешников находилась в тайге с 20 августа по 1 октября. Бригадиром был Лопатин Алексей. На заготовке орехов в бригаде были: я, Лобановы – Михаил и Александр, Анисов И.Я., Казарин М, Остапенко В.И. и две женщины – Смолякова Евдокия и Семенова Мария.

В тайге водилось много пушного зверя – белки, колонка и другой живности. На осенний сезон из колхозников откомандировывались в тайгу промысловики-охотники, обычно с 25 октября и до тех пор, пока в тайге не выпадал глубокий снег, и пока собака не переставала брать след. С Сибпушниной заключались договора. В магазине выдавались боеприпасы, брезент для плащей, кожа для обуви.

Бригада промысловиков отправлялась в тайгу туда же, где заготавливали и орехи. Жили в той же избушке. За день иногда добывали до 20 белок на человека. Шкурка белки, первого

сорта, стоила тогда 3 руб. 60 копеек. Бригаду охотников составляли, в основном, те же колхозники, что и по заготовке орехов: я, Лопатин А., Остапенко В.И., Лобанов А.Т., Лобанов М.Т., Кологривов И., Куратов А., Чикишев К. Случалось забредать и далеко от избышки и ночевать в тайге одному, с собакой, у костра-ноды.

Были в колхозе и постоянные охотники. Летом они добывали земляного крота по тропе, которая вела на Мирное, до болота. По левой и правой сторонам тропы ставились деревянные ловушки возле норок. Проверяющий ловушки тропой доходил за день до болота, а на другой день возвращался обратно. Шкурка крота стоила 1 рубль. Весною охотились на бурндуков – на манок. Шкурку бурндука сдавали по 40 копеек. Зимой отлавливали капканами колонков, зайцев – в петли и капканами, горностая. За сданную пушнину охотники должны были вносить в колхоз определенную сумму денег. Им же за эти деньги начислялись трудодни. Постоянными охотниками были Лопатин А., Лобанов М.П., Остапенко В.И.

В стране успешно выполнялись пятилетние планы. Народ стал жить зажиточнее. Богатели с каждым годом и колхозы. Выдвинутый Сталиным тезис об обострении классовой борьбы привёл к массовым репрессиям. В стране начались массовые аресты ни в чем не повинных людей, так называемых, «троцкистов» – врагов народа. Не избежали этого даже в отдаленных районах и местах спецпоселения. Так, в 1937-38 годах, в Калининске были арестованы замечательные труженики: Колесов М. (завхоз), Горский В. – младший ветфельдшер, Горский П. – колхозник (два брата, поляки по национальности), Панкрац – отец и два сына – Иван и Давид (немцы), Кучевский Степан Иосифович, Попандопуло, Рассказов. В Пудино были арестованы: Внуков Иннокентий Васильевич, Шабалин, Сперанский и другие. В пос. Красный Яр – Севастьянов Сергей Максимович. Все они были полностью реабилитированы после 1954 года.

В ноябре 1937 года впервые в наши места прилетел двухместный самолёт – привёз выборную документацию. Это была такая диковинка, что с ближних деревень сбежался народ. Аэродрома никакого не было. Самолёт сел на снег на правом берегу речки Ольга, напротив поселка Лушиново. Был уже сильный мороз и северный ветер. Люди пообморозили себе носы и щёки, после этого долго смеялись над собой – как бежали смотреть самолёт.

12 декабря 1937 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Избирательный участок находился в Пудино, в клубе. Рано утром из близлежащих деревень ехали на санях с гармониями и песнями голосовать. Упряжки были разукрашены лентами. Это был незабываемый и неподдельный праздник для колхозной деревни.

Непроходимые, дикие места постепенно обживались, но ещё в нескольких километрах от деревни нередко можно было встретить и медведей. По осени медведи выходили к полям питаться овсом. Так, в Калининском, уже в 1931 году Рыбалкин Фёдор раскорчевал лес около болота и сеял там овёс, будучи ещё единоличником. Осенью овёс был скошен, связан в снопы и уложен в суслоны. Каждую ночь на «Рыбалкиной пашне» медведь, жируя, разбрасывал эти суслоны. Недалеко от этой полосы и залегла на зиму медведица.

В 1935 году в Калининске был построен магазин, на том месте, где позднее поставили клуб. Продавцом был Алексеев Дмитрий Яковлевич. К 1938 г. колхоз «Культура Севера» имел 300 гектаров пахотной земли, которая вся обрабатывалась конной тягой. Не смотря на отсутствие техники, урожай собирали по 15-17 центнеров с гектара. В основном сеяли рожь, пшеницу, овёс, ячмень, горох. Сажали картофель. Из техники в колхозе в то время имелось: 2 конных сенокосилки, конные грабли, самосброска, «лобогрейка», конная молотилка, 3 ручные веялки, агрегат для очистки и сортировки семян, 15 конных плугов, 20 борон.

Весенняя посевная длилась весь май и до 5-10 июня – из-за погодных условий и отсутствия самоходной техники. Зачастую и сеять приходилось вручную, из лукошка. Норма вспашки двумя лошадьми мягкой земли составляла 1 гектар. Уборка урожая тоже велась не только косилками, но и вручную. На одного косаря норма составляла 80 соток в день. Ударники выкашивали и по гектару.

Весь скошенный хлеб вязался в снопы и составлялся в суслоны. После окончания уборки, снопы свозились на телегах и бричках на ток и скирдовались. После скирдования днем и ночью начинался обмолот хлеба.

В 1938 году, вырастив хороший урожай и сдав государству плановые поставки зерна, молока, мяса и прочей продукции, каждому колхознику на трудодень выдали по 3 килограмма зерна и до 1 рубля денег.

Председателем колхоза в то время был работавший ранее бригадиром полевых работ – Красножен Дмитрий Петрович – хозяйственный, энергичный человек, без устали отдававший себя полностью колхозу. В 1942 году он ушел защищать Родину, и, вернувшись в 45-м, опять стал работать в родном колхозе бригадиром.

В 1938 году Райпотребсоюз приобрел автомашину – полуторку. Это была первая автомашина в районе. Шофером стал Макиенко.

... Летом, вечерами, после трудового дня калининская молодежь собиралась на берегу Чузика, около омута, где впадает речка Николка. Под гармонь Саши Орловского (погиб в Отечественную) пели песни, ходили вдоль берега по Зимнику. Особенно красиво бывало весной, когда зацветала черёмуха. Удовольствием было покататься на лодке по Чузику. Часто в Калининск приходила молодежь и из Лушниково, тоже с гармошкой и своим гармонистом. Гармонистом у них был Иван Петров, ставший мужем Зины Тихоновой. Поздно вечером,

калининские провожали лушниковских до дома. 2 километра дороги до Лушниково тянулись вдоль молодого березняка.

После окончания 7-10 классов в Пудино, молодежь разъезжалась на учёбу, в основном в Томск, в техникумы и даже в институты. Так, из калининских учиться уехали ещё до войны: Ковшаров Иван Дмитриевич, Коляденко Сергей, Смолякова Таня, Краснова Нина Ивановна, Клавина Вера, Шадрин Евгений. Последний – закончил Томский политехнический институт, аспирантуру, одним из первых защитил кандидатскую диссертацию, став кандидатом технических наук, и уже в 50-е годы заведовал кафедрой тепловых электростанций ТПИ.

Вся колхозная техника ремонтировалась в то время в колхозной немеханизированной кузнице, где имелся ручной мех для раздувания горна (для этого использовался древесный уголь), наковальня, тисы, самодельное сверло для сверловки отверстий в металле. Для нарезки резьбы на болты и гайки использовали также самодельные плашки и метчики. Стандартного железа не было – привозили зимой из Барабинска металлическую обрезь, метр длиной, шириной 10 см. и толщиной 2 см. Из этого металла изготавливали болты, гайки, подковы, гвозди и прочее.

Зимой колхозный обоз увозил через болото туши мяса в Барабинск, а оттуда вёз в колхоз всё необходимое для хозяйства: сельхозинвентарь, металл и проч. На путь до Барабинска и обратно обоз затрачивал около 20 дней. Груженные подводы в день проходили до 30 километров.

С начала организации колхоза «Культура Севера» в кузнице работал кузнецом Боженко Поликарп Григорьевич – среднего роста, крепкого телосложения старик с седой окладистой бородой, украинец, 1870 года рождения, никогда не употреблявший спиртного и не куривший табак, проработавший в колхозе, а затем и в совхозе ещё 36 лет. Скончался он в 1968 году, в возрасте 98 лет. Будучи в возрасте 95 лет, ходил ещё пешком за 6 километров косить вручную сено для своей коро-

вы. Воду носил из колодца всегда без коромысла в двухведёрных самодельных ёмкостях. Это был настоящий труженик-богатырь. Никогда не болел и не обращался к врачам. Буквально всё делал для себя сам: шил кожаные сапоги, катал валенки, даже сам вытачивал из лошадиных зубов протезы для себя и сам вставлял их.

В кузнице вместе с Боженко работал и я – А.А. Шадрин, сначала молотобойцем, а затем и кузнецом, с 1937 года и до самого ухода на фронт, в 1942 году.

В Калининском проживала замечательная семья тружеников **Ковшаровых – Дмитрия Андреевича и его жены Пелагеи**, воспитавшая 8-х детей: 5-х сыновей и 3-х дочерей. Все дети, как только подрастали, трудились в колхозе. Старший сын – Иван Дмитриевич – после окончания семилетки, уехал учиться в техникум, был призван в Армию, участвовал в Отечественной войне, дослужился до подполковника, ушел на заслуженный отдых по выслуге лет, но продолжал ещё трудиться в Хабаровске. Второй сын – Фёдор Дмитриевич, защищая Родину, потерял правую руку, вернулся домой и продолжал трудиться в колхозе, а затем в совхозе «Пудинский», заведующим кадрами. И третий сын – Дмитрий – стал офицером Советской Армии, уже в послевоенное время, вышел в отставку подполковником.

От своих родителей любовь к труду передалась и всем детям. Исключительной души человеком была и мать семейства – Пелагея. Успевала и вести домашнее хозяйство, и воспитывать детей, а летом – помогала и на колхозных работах. Отец семейства, Дмитрий Андреевич, летом бывал занят на полевых работах, а зимою – пилил вручную продольной пилой плахи и тёс для колхоза с Легостаевым Г. Кроме того, отличало его и постоянное стремление к изобретательству – он собирал из старых колес, шестерней, подшипников всевозможные механические приспособления – точила с редукторами, соломорезки и прочее. Не переставал он работать и после ухода на пен-

сию – на подсобных и плотницких работах. В зимнее время, дома, много вязал сетей для ловли рыб, приспособив для этого и специальную плашку, так как у него отсутствовал большой палец на одной руке и зажимать узелок было нечем. У Фёдора Дмитриевича Ковшарова уже после войны родилось трое детей, средний из которых, Николай Фёдорович Ковшаров, стал кандидатом технических наук.

Для нужд колхоза требовалось много пиломатериалов на строительство домов, амбаров, скотных дворов. К тому же, имелась и столярная мастерская, где столярами работали Андришкевич Тихон Петрович и Моргун Сергей Савельевич, которые для Райпотребсоюза изготавливали мебель, школьные парты, лыжи и др. От столярной мастерской колхоз имел денежный доход.

В поселке Красный Яр председателем колхоза был малограмотный, но хозяйственный человек – Голубев Павел Андреевич – тучный мужчина среднего роста, крепкого телосложения, не куривший, но нюхавший табак. Голубев умело руководил колхозом, который считался и был зажиточным. В нем работали дружные трудолюбивые люди.

В 1937 году колхоз приобрел локомобиль отечественного производства, работавший на дровах. На окраине деревни была построена мельница. Ближайшие сёла возили в Красный Яр зерно для размола. Осенью локомобиль использовали и для молотбы хлеба. Когда колхоз заканчивал обмолот собственного урожая, локомобиль нанимали для этих же целей и соседние колхозы. Во всём районе это был единственный колхоз, который имел тогда собственный локомобиль. Механиком работал Гриднев Иван.

22 июня 1941 года грянула война, и мирный труд стал перестраиваться на военный лад. Основным стал лозунг: «Всё для фронта, всё для победы!» Колхозники не считались ни с чем, трудились день и ночь. Для фронта стали готовить тёплые вещи.

В июне 1942 года из Калининского ушли защищать Родину сразу 23 человека: Лобанов А.Т., Данилин А.Н., Беспятов Сергей, Кологривов Иван (погиб под Сталинградом), Бут И.К. (погиб под Сталинградом), Сухиня И., Сухиня Н., Анисов П.Л., Труфанов Ф., Куратов А., Осинцев И., Шипицын П. (все погибли под Сталинградом), Семенов Дмитрий, Чернуха Петр, Шадрин Александр Аввакумович и другие.

Многие девчата были мобилизованы на заводы в Новосибирск: Смолякова Д., Григорьева Н., Семёнова М., Чернухина М, Полукеева Н., Легостаева А.

В Колпашево, на строительство консервного завода, в Трудармию были мобилизованы: Шадрин А.В., Пономарев П., Орловский Ф.Л., Сергеев И.С.

В колхозе остались старики, женщины да подростки, которые заменили ушедших на фронт и мобилизованных на заводы и Трудармию отцов, мужей, братьев. На их плечи лёг непомерный тяжелый труд: нужно было выращивать хлеб, производить мясо, молоко, масло и другую сельскохозяйственную продукцию...

АРНАУТОВЫ

Судьбы моих предков по отцовской линии оказались не менее драматичными. Их малая этническая Родина – солнечная и приветливая Бессарабия (юг Молдавии), которая, впрочем, и сама имела непростую историю. Её земли, между Днестром и Дунаем, неоднократно топтали валахские, болгарские и молдавские господа, румынские короли и турецкие паши, наместники русских императоров. Так что перемешано там на её весьма небольшой территории множество национальностей: молдаване, болгары, румыны, греки, украинцы, турки, гагаузы, русские и даже армяне.

*Ф.А. Арнаутков –
курсант военного училища*

нальным кадровым военным офицером, окончившим Аккерманское (ныне город Белгород-Днестровский) военное училище. Во время Первой мировой войны принимал участие на фронтах, командуя взводом и ротой. Дослужился до штабс-капитана. Революция и гражданская война внесли свои коррективы в судьбы многих людей. В 1918 году территория Бессарабии была оккупирована болгарской Румынией. Побывал наш дед, как известный лите-

Мой дед по отцу – **Фёдор Афанасьевич Арнаутков**, болгарин по национальности, родился в 1895 году в селе Владичены (Владичень) Болградского района Измаильской (Одесской) области. Его отец был зажиточным крестьянином, имевшим несколько гектаров земли, в основном, под виноградники на побережье лимана Дуная (озера Ялпуг). Фёдор Афанасьевич был профессио-

Ф.А. Арнаутков. Накануне репрессии

ратурный герой Григорий Мелехов – и у белых, и у красных. О дальнейшей истории нашего деда рассказывал его младший брат **Иван Афанасьевич Арнаут**ов:

«Будучи офицером, дав присягу на верность царю и Отечеству, поручик Фёдор Арнаут

ов воевал с немцами в Первую мировую, командуя сначала взводом, а потом и ротой... После революции, оставаясь верным присяге, он, штабс-капитан, побывал сначала в армии Деникина. А после её разгрома, перешёл на сторону красных, воюя против белополяков в составе армии Тухачевского, пройдя с боями аж до Варшавы.

После Брест-Литовского мира, Советы, боясь не удержать власть в захваченных территориях, часть территории вернули Польше, и Фёдор оказался в плену. Из-за невыносимых условий содержания многие пленные солдаты и офицеры сгинули на чужбине. Согласно договорённости, офицеров из плена можно было иногда и выкупить. Об этом брат Фёдор каким-то образом сообщил домой, своему отцу Афанасию. Имея в своём владении землю с виноградниками, расположенными вдоль лимана (озеро Ялпуг), напротив Болграда, отец продал два гектара и на вырученные деньги выкупил сына из плена. Таким образом, Фёдор оказался в 1921 году дома, в Бессарабии, на территории, отошедшей по Брестскому договору к королевской Румынии...»

Почти два десятка лет занимался наш дед на выделенном ему участке земли виноградарством и виноделием. Его, время от времени, как кадрового офицера, призывали в качестве резервиста на сборы румынской королевской армии, присваивая и очередные офицерские звания.

За это время он успел жениться на дочери болгарского служащего Павла Манолова – **Прасковье Павловне** (1899 года рождения, болгарка). Прасковья Павловна (наша бабушка) ко времени выхода замуж успела закончить в Болграде гимназию с правом преподавания физики и математики. От этого

брака у деда с бабушкой рождается трое детей (Александра, умершая в детстве) и двое сыновей – Анатолий (1925) и Степан (1927).

Накануне войны, 10 июня (в некоторых источниках – 12 и 13 июня) 1941 года Фёдор Афанасьевич Арнаутов был арестован и осуждён Одесской опертройкой по политической статье 58.4. Вот что сообщила «Служба безпеки України»: «Арнаутов Фёдор Афанасьевич... был арестован 12.06.1941 года Болградским РО НКВД – как бывший белый офицер Деникинской армии, проводивший контрреволюционную агитацию». Помимо того, ему вменялась принадлежность к либеральной партии.

Дальнейшая его судьба практически неизвестна. И лишь в официальных источниках, в ответ на мои многочисленные запросы о его реабилитации я получил следующее: «Находясь в стационаре Ивдельлага (Свердловская область) **15 марта 1942 года Арнаутов Ф.А. умер.** Постановлением УНКВД по Свердловской области от 04.07.1942 года уголовное дело в отношении Арнаутова Ф.А. прекращено по статье 4 п.1 УПК РСФСР».

«Постановлением прокуратуры Одесской области от 27 марта 1990 года изменены основания прекращения уголовного дела в отношении Арнаутова Ф.А. на ст. 6 п.2 УПК УРСР (за отсутствием в его действиях состава преступления)».

Примерно в то же самое время Решением Управления НКВД по Измаильской области от 12 июня 1941 года были высланы из села Владичень Болградского района Измаильской области члены семьи Арнаутова Фёдора Афанасьевича на спецпоселение в Томскую область: «жена – Арнаутова Прасковья Павловна, 1895 г.р. (*дата рождения указана неверно – В. Ар.*), сын – Арнаутов Анатолий Фёдорович, 1926 г.р. (*дата рождения указана неверно – В. Ар.*), сын – Арнаутов Степан Фёдорович, 1927 г.р.)». Основанием к выселению членов се-

мьи Арнаутова Ф.А. послужила справка опертройки Болградского РО НКГБ о том, что «Арнаут Фёдор Афанасьевич является «белым» офицером, состоял в рядах либеральной партии *(никогда даже не доводилось слышать о таковой – В. Ар.)* и проводил контрреволюционную агитацию».

Таким образом, наш отец, Арнаут Степан Фёдорович *(как «социально-опасный элемент», в некоторых справках значилось, как «особо-опасный элемент» – В. Ар.)* со своей матерью Прасковьей Павловной и братом Анатолием оказались на поселении в Томской области.

Вот какую справку я получил из Томского информационного центра УВД от 9.01.1997.

«По данным информационного центра УВД Томской области значится, что на основании Справки опертройки УНКГБ Одесской области от **10.06.41** г. – как особо опасный элемент выселены из с. Владичень Одесской области и прибыли на поселение в Томскую область в 1941 году: Арнаутова Прасковья Павловна, 1899 г.р., сын Арнаут Степан Фёдорович, 1925 г.р, сын – Арнаут Анатолий Фёдорович, 1927 г.р. **С учёта спецпоселения сняты 10.03.1958 года».**

«Постановлением УКГБ УССР от 5 мая 1990 года отменено **Решение** УНКГБ по Измаильской области от 12.06.1941 года **о выселении** из с. Владичени Болградского района Измаильской области на спецпоселение в Томскую область Арнаутовой Прасковьи Павловны, 1895 г. *(дата рождения указана неверно – В. Ар.)*, Арнаутова Анатолия Фёдоровича, 1926 г.р *(дата рождения указаны неверно – В. Ар.)* и Арнаутова Степана Фёдоровича, 1927 г.р. – **как незаконное».**

Мною специально выделены даты ареста и снятия со спецучёта. Почти на 17 лет затянулась их ссылка в Сибири.

Когда вышел Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года, оказалось, что в соответствии с ним, мы, дети Степана и Анатолия Арнауто-

вых, рождённые в местах спецпоселений, (а мы все родились до того, как наши родители были сняты со спецучёта в 1958 году), приравнивались в правах и льготах к пострадавшим от политических репрессий. По инициативе и совету маминого брата А.А. Шадрина, я принялся собирать необходимые документы, чтобы получить официальный статут «пострадавшего». На это мне понадобилось более десяти лет! Гораздо больше того времени, которое потратили сатрапы деда Фёдора и его семьи, чтобы осудить их по статье 58.4... А о том, какими путями и с какими трудностями мне довелось столкнуться при нашей российской бюрократии, можно было написать приключенческий роман! У меня сохранилась толстая папка переписки и различных справок. И, тем не менее, я приведу здесь копию той **Справки под № 4/А-10** о моей личной **реабилитации: «Арнаутов Виктор Степанович, 1951 года рождения, родился на спецпоселении в Томской области. С рождения вместе с отцом находился на спецпоселении в Томской области – как член семьи социально-опасного элемента. Основание применения и вид репрессии по политическим мотивам в административном порядке: Справка опертройки Болградского РО. НКГБ от 10 июня 1941 года. На основании п. «в» статьи 3 и части 1 статьи 1.1 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» Арнаутов Виктор Степанович реабилитирован».**

Подобные справки по моим стопам получили и мой брат Владимир с сёстрами Татьяной и Раисой – уже практически безо всяких проволочек и очень быстро.

Теперь вернёмся к нашему отцу с матерью Прасковьей Павловной и братом Анатолием. Везли их эшелонам – со многими ссыльными «нового контингента». Попав в Пудинскую спецкомендатуру, распредели их на место жительства в Красный Яр. Приютила их на первую зиму семья спецпереселенцев

(ещё с 1930 года) Ивановых – в бане. О том, что довелось им пережить, можно только догадываться. Но наша бабушка (Иванова) рассказывала, что у них в колхозе была лошадь Силач. Когда в ту зиму лошадь пропала, труп отвезли и сбросили в «пропащую» яму. Так вот, наш отец с братом откопали ту падежину, варили и ели... А весной – перерыли весь огород, в поисках оставшейся мёрзлой картошки...

Отец с братом Анатолием подались работать в колхоз. Их мать, бывшая учительница гимназии, к тяжёлому физическому труду привыкшей не была.

*Красный Яр. 1949 г. Прасковья Арнаутова
с сыновьями Анатолием и Степаном*

Женились оба брата в 1949 году. Степан женился на местной – Евдокии Ивановой (Шадриной), а Анатолий – на Непомнящих Наталье Матвеевне, проживавшей в Куликах.

В семье Степана родились четверо детей: Виктор (я, 1951), Владимир (1953), Татьяна (1954) и Раиса (1956).

Семья Анатолия в 1949 году переехала с матерью из Красного Яра в Кулики. Там у него родилось трое детей: Тамара (1950, Геннадий (1952) и Раиса (1953).

Степан Фёдорович Арнаутов работал в колхозе Красного Яра разнорабочим, на лесозаготовках, пастухом, конюхом. В 1957 году окончил в Томске шоферские курсы и некоторое время работал на машине ГАЗ-51. В 1961 году он перевёз свою семью в Калининский, устроившись там сначала кладовщиком, а потом и бригадиром полеводов. На всех работах был на хорошем счету, и на этом основании уже в 1963 году был принят в члены КПСС. В конце апреля, заготавливая себе дрова, по неосторожности попал под падающее дерево, был сильно травмирован и умер 1 мая 1965 года. Мечтал всё время вернуться к себе в Молдавию. Не получилось.

Судьба его брата **Анатолия Фёдоровича** была более благосклонной. В Куликах он работал егерем. После окончания курсов бухгалтеров, в 1958 году переехали с семьёй в Пудино, купив на улице Горького небольшой домик. Работал бухгалтером. Его жена, Наталья Матвеевна, работала продавцом в раймаге.

Летом 1961 года решились они переехать в Молдавию. Но и тут им отыгнулась ссылка: ни в Болграде, ни во Владичени поселиться им не разрешили. И лишь в двух десятках километров от советской Родины в районном центре Вулканешты (позднее стал городом) их приютили практически незнакомые люди. Там они построили свой дом, обустроились, обзавелись огородом, засадив его виноградом и прочими фруктовыми деревьями.

*Молдавия. Анатолий Арнаутов
с женой Натальей и детьми
Тамарой и Раисой*

Работал Анатолий Фёдорович до пенсии в различных бухгалтерских и аудиторских конторах, умер в Вулканештах в 1997 году.

Нашу бабушку Прасковью Павловну Арнаутову, получившую известие о смерти сына Степана, в 1965 году парализовало. И уже после инсульта оправиться она не смогла, умерла 18 декабря 1968 года в Вулканештах. Там же умер и сын Анатолия Фёдоровича Геннадий – в год переезда их из Сибири. Старшая дочь Тамара окончила Кагульское педагогическое училище, работала воспитателем в деском садике. Младшая – Раиса Анатольевна

на (в замужестве Юдинцева) после окончания школы поступила учиться в Московский институт культуры. Окончив его и выйдя замуж за художника Юдинцева Александра, получила распределение в Москве. Там она работала в библиотеке завода ЗИЛ. В их семье двое детей: Наталья и Александр.

Долгожительством одарила судьба жену Анатолия Арнаутова **Наталью Матвеевну Непомнящих**, родившуюся 13 сентября 1918 года. Об этой семье поведала моему брату Владимиру Степановичу в Москве, в мае 2019 года, наша двоюродная сестра Юдинцева Раиса Анатольевна. Вот что она рассказала. Многодетная семья Матвея Ивановича Непомнящих, потомков кержаков, жила в селе Меньшиково Венгеровского района Новосибирской области. В семье было пятеро детей:

старшая – Анна, Лазарь (1916 г.р.), Наталья, Варвара (1919) и младшая Федора. Старший сын Матвея Макар жил уже отдельно.

Как и большинство крестьян, имели своё добротное хозяйство, выращивали на реализацию скот (более десятка одних коров), держали птицу (кур, уток, гусей) и прочую сельхозпродукцию, которую глава семейства возил на продажу аж в Новосибирск. На вырученные деньги покупал (или обменивал) всё необходимое. Семья считалась зажиточной и во время кампании раскулачивания попала под репрессии. В декабре 1930 года Матвей подался, как обычно, в город с готовой продукцией. А в это время его семью раскулачили, описав и изъяв всё движимое и недвижимое имущество. 12 декабря посадили всех на повозку и в сопровождении конвойных отправили в нарымскую ссылку. Вернувшись из поездки, глава семейства узнаёт о случившемся и пускается вдогонку. На третьи сутки он догнал свою семью, и уже дальше следовал вместе с женой и детьми. Однажды по пути они остановились в одном бедном доме, в котором даже стены просвечивались. Жена Матвея Марья Михайловна (в девичестве Холмогорова) накопила в подполье глины и замазала все щели. Хозяйка избы стала упрашивать конвойных оставить семью у неё, но те не разрешили. Так и оказалась вся семья Матвея Непомнящих «за болотом», на Казанке Шерстобитовской комендатуры. Жили в наспех вырытой землянке. За время пути и в первую зиму ссылки дети сильно попростывали, да так, что старшая Анна впоследствии оказалась бесплодной. Работали на лесозаготовках, получая за тяжелейший труд скудные пайки хлеба. Наталья Матвеевна росла смышлёным и сообразительным ребёнком, хорошо училась в начальной школе. Особенно ей легко давалась математика. Три класса она окончила ещё до ссылки, в четвёртый пошла на месте поселения. Но продолжить дальнейшее обучение не дали. Наступили голодные времена, и Матвей решился тайком отправить Наталью с братом Лазарем обратно,

за болото, к родне. Многих попутчиков их, которые пытались сбежать из ссылки, поймали и вернули, а этим удавалось скрываться от преследователей. Так они и добрались до родственников на «большой земле». Там они пережили в рабочих два трудных и голодных года. После чего Матвей разыскал их и вернул в семью. Повзрослев, все стали работать, обросли скарбом, хозяйством, сажали огород. Что-то получали и в колхозе за работу. Жить стало полегче. Поскольку Наталья умела хорошо считать, её в Казанке определили в магазин, а оттуда уже перевели в Кулики, тоже продавцом. В самом начале войны, сильно заболев, умер Матвей. Почти на два десятилетия пережила его Мария Ивановна, поднимая на ноги всех детей. Умерла она в 81 год.

Живя в Красном Яру с матерью и младшим братом Степаном, повзрослевший ссыльный болгарин Анатолий Арнаут устроился работать лесником. Делая объезды своих владений, конце 40-х годов зачастую он оказывался и в Куликах. Бывая в магазине, он стал проявлять в отношении Натальи знаки внимания. Наталья сначала ни в какую не хотела выходить замуж за нерусского, к тому же и намного моложе неё. Но тот оказался очень настойчивым ухажером, и Наталья сдалась. Стали они жить вместе, сначала не расписываясь. В 1950 году у них родилась дочь Тамара, через два года сын Гена, а следом, в 1953 году – дочь Раиса. До конца пятидесятих годов семья Анатолия Арнаутова, который перевёз из Красного Яра и свою мать, жила в Куликах. Четыре года прожили они в Пудино, а оттуда переехали в Молдавию, обосновавшись в Вулканештах...

С распадом СССР и получением Молдавией самостоятельности, оказалась Наталья Матвеевна Арнаутова, после смерти дочери Тамары и мужа Анатолия, одна и без особой поддержки. Изрядно похлопотав, продав дом практически за бесценок, дочь Раиса Анатольевна перевезла мать в Москву. И вот же случай! Видимо, как награда за все мытарства и лише-

ния, Наталья Матвеевна Арнаутова (урождённая Непомнящих), 13 сентября 2018 года отметила своё столетие! И продолжает жить в здравом уме в Москве в семье дочери Раисы.

СОБАКИНЫ

*«Всё отцовское хозяйство изъяли в пользу колхоза. Оставили одну лошадь, и всю семью сослали в «Нарым»– (Пудинский сельсовет) в **феврале 1930 г.** В ссылку ехали на санях. Сверху короб был обтянут пологом. В этой «кибитке» ехали отец, мать и трое детей 300 километров, через Васюганское болото (60 км.) 15 дней. Ехали обозом в сопровождении милиции. Сначала семья остановилась в Собакине, у старожилы Собакина Моисея Спиридоновича, – так написал в своих воспоминаниях мой родной дядя по маме – Александр Аввакумович **Шадрин**. – Деревня Собакино находилась четырьмя километрами выше Пудина по Чузику. Основал его охотник Спиридон Собакин». А ещё дядя рассказывал мне, что накануне ссылки его отец, а мой дед Абакум (Аввакум), как чувствовал (или знал), что его семью раскулачат и сошлют именно туда, увёз ещё санным путём два короба зерна и тайно оставил их на хранение именно у Собакиных. Это и помогло выжить не только его семье и пережить самое трудно время, но и часть зерна оставить на посев.*

Лично я знал, пожалуй, не менее половины Собакиных: детей Моисея Спиридоновича: Данилу Моисеевича, Михаила Моисеевича, Евгению Моисеевну (Голеву), Семёна Моисеевича; а с детьми Данилы Моисеевича – Владимиром, Юрием, Александром и Валентиной мы выросли вместе, ходили в школу и даже дружили, особенно с Александром Даниловичем. Каждый из моих ровесников достоин того, чтобы писать и говорить о нём. В рамках же данного Проекта приведём здесь рассказ **Семёна Моисеевича**, записанный мною в марте 2019 года, и статью Анны Кедровой «Лесной человек» – о **Михаиле Моисеевиче Собакине**, напечатанную в газете «Жизнь» от 18 сентября 2002 года.

Семён Моисеевич Собакин – родился в 1945 году, последышем в семье старожилы Пудинской округи – Моисея Спиридоновича и Февроньи Андреевны Собакиных – в дерев-

не Тамбаево. «В семье Моисея Спиридоновича было 8 детей: Данила, Дмитрий (погиб в конце войны), Евгения, Иван, Михаил, Виктор, Клавдия и Семён. В настоящее время в живых остались лишь Клавдия, да я (*Семён Моисеевич*)».

С.М. Собакин с женой и сыном

Род Собакиных уходит в давние времена заводчиков Демидовых, на Урал. Относились Собакины к старообрядцам. От Демидовского произвола и притеснения за веру бежали Собакины сначала на Алтай. Но и там они соблюдали свою веру и жили по правилам старообрядцев. Старательство и работы на Демидовских заводах Урала не прошли даром. И на Алтае они были в числе первопроходцев по открытию и освоению месторождений меди, железа, серебра, золота. Однако, гонения за веру вынудили Собакиных податься искать уединённые места в таёжной глухомани Западной Сибири.

Так они и оказались в местах Нарынья и Васюганских болот. Сначала они обосновались на территории нынешнего

Бакчарского района, создав там оседлое поселение, получившее название по их фамилии – Собакино. Благодатные таёжные места позволяли им заниматься там пчеловодством, охотой и рыбалкой.

В 1885 году, охотясь, облюбовали они место на берегу речки, где стоял уже дом купца **Качина**, к которому съезжались окрестные охотники, в основном из аборигенов-остяков да кержаков, меняя пушнину, кедровый орех и прочие растущие здесь в изобилие дикоросы, на охотничий провиант и продукты питания. А через десять лет, в 1895 году, дети Спиридона Собакина – Сысой, Григорий, Моисей и Семён обосновались на горе, под которой мелководная, но рыбная речушка Николка впадала в широкий и глубокий омут Чузика, в пяти километрах от дома купца Качина. Сначала жили одним домом, потом каждый из них выстроил свой. И это поселение без особых хитростей стало называться Собакино. Переименовано оно в посёлок Калининский было уже в середине 30-х годов.

«К югу и западу от поселения были гари, на которых братья разрабатывали поля – для покосов, пастбища и сева зерновых. Как рассказывали, первые гари были здесь ещё в 1885 году, повторно выгорала тайга в 1905 году. После гарей земли были особо плодородными, а растущие и цветущие травы на них – отличными медоносами. Собакины и здесь не перестали заниматься пчеловодством, держа пасеку, в лучшие годы – до 600 колодок (ульев). Качали отличный таёжный разнотравный мёд, возили за болото зимой на продажу, в Каинск, на ярмарку. Везли туда и добытую пушнину, ягоды, орехи. Оттуда затаривались мукой-крупчаткой, солью, охотничьим провиантом. Покупали одежду, обувь и прочие материалы, необходимые для жизни в отдалённой местности.

В 1928 году (-? – В. Ар.) сюда, в район Пудино, стали ссылать самых первых раскулаченных крестьян. (Мама, Февронья Андреевна, говорила, что ссылали сюда не кулаков, а «дураков» – которые не сумели сбежать и увильнуть от кол-

лективизации в города, на железную дорогу и прочие места). Первых раскулаченных везли сюда по Чузику катерами и баржами. Выгружали прямо на берегу Чузика, в районе нынешнего Останина. Селились они все в землянках. В том числе и конвоиры-охранники из комендатуры.

И первым делом, с чего начинали обустриваться, – строили больницу, школу, здание комендатуры. Потом – уже клуб, здания администрации. И лишь после этого строили бараки и свои избёнки, совсем небольшие по размерам. Кого-то из ссыльных на первых порах забирали к себе местные, особенно детей – селили к себе в избу, в бани, помещения для скота и прочие хозяйственные и подсобные постройки...

1930 год стал особо богатым на ссыльных. Везли их сюда всю зиму, санным путём, из-за болота. Их уже принимались расселять по всей округе, в основном по берегам Чузика и его притокам – Таванге, Корге, Казанке, Чарфо, Муго. А чуть позднее – и на Чижапку направляли. Там тоже уже были кое-какие поселения: Мирное, Амурка... Таким образом, только в пойме Чижапки насчитывалось в довоенное время до трёх десятков скороспелых и очень недолговечных поселений, в которых порой проживали всего по пять-восемь семей».

С увеличением количества ссыльных, едва ли не в каждом посёлке стали образовываться колхозы. Были они на первых порах маломощными и малочисленными, зато в некоторых сёлах было по два-три и более колхоза. Получалось в итоге: от чего многие сосланные пытались уйти на своих прежних обжитых местах – к тому их вынудили прийти в местах ссыльных поселений. Правда, и тут не все сосланные соглашались объединяться в колхозы, оставаясь единоличниками, которых облагали налогами сильнее колхозников.

«Стали притеснять и местных, «коренных» жителей, изымая в пользу колхозов их исконные земли и площади. Не обошла стороной эта доля и семьи Собакиных. Им предложили уехать из фамильного селения в Среднюю Тавангу. Но и

там не пожилось. Семья Моисея Спиридоновича перебралась на Чижапку, в деревушку Тамбаево».

А с началом войны почти всех аборигенов-охотников и даже ссыльных стали призывать на фронт. И не совсем так, что ссыльных не призывали на войну до 1942 года. «К началу войны официально часть ссыльных уже считалась полноправными гражданами, их снимали со спецучётов, хотя они по-прежнему проживали в местах спецпоселений и мало чем отличались от ссыльных. Так в Тамбаево, например, едва ли не с первых дней войны позабирали на фронт почти всех здоровых мужиков призывного возраста. Некоторых – прямо с полей, в чём были, не дав даже толком проститься и собраться. Наскоро обучив, из них формировали сибирские дивизии и направлял экстренно прямо под Москву, у стен которой уже стоял враг. И ведь отстояли! Во многом – благодаря сибирякам, в том числе и из бывших ссыльных, раскулаченных... Так, из 73-х человек тамбаевцев, вернулись живыми всего трое. Из моих братьев на фронте побывали старшие – Данила и Дмитрий. Данила Моисеевич вернулся инвалидом, Дмитрий – погиб... Воевали **за Родину**, не за Сталина, или партию, обрекшую их на страдания...

Начальную школу закончил я в Тамбаево. Потом мы переехали поближе к центру, поселились в Останино. Стали укрупняться и вымирать малые и удалённые деревни. С упразднением комендатур и района, в Пудино, на базе упразднённых колхозов, в 1960 году образовали совхоз «Пудинский».

С 5 по 7 класс учился я в Пудино. Потом поступил в Томский сельскохозяйственный техникум на ветеринарное отделение. После окончания техникума по специальности поработать не дали: призвали в армию на действительную службу. Демобилизовался в звании младшего лейтенанта запаса. Вернулся домой, женился в 1970 году на Прянишниковой Екатерине. Родили четверых сыновей: Евгений, Михаил, Алексей и Виктор. Есть уже и внуки.

Работал в совхозе на разных работах и должностях. Был ветеринаром, управляющим Останинского отделения совхоза, председателем рабочкома, скотником и даже техником-осеминатором. Останино оставалось единственным и последним отделением некогда не такого уж и маленького совхоза. С развалом совхоза работал в экспедиции. Сейчас на пенсии.

Почти все Собакины издавна промышляли охотой и рыбалкой. Места здесь в те времена были богатыми зверем, в том числе и пушным; в реках и озёрах водилось много всякой рыбы, особенно в Мирновских озёрах, на Скитовском озере, Герасимовском. Да и в Чузике хватало, пока не стали сливать в него отходы от промыслов. Не говорю уже про Чижапку...

После того, как поработал в совхозе ветврачом, на четыре года уходил в профессиональные охотники. Зарабатывал там не так уж и много, зато сам себе был хозяином, никто не понукал. Добывал даже и лосей. Имелись свои охотничьи угодья.

В отношении воспитания детей придерживался дедовских методов, пусть и не совсем педагогично, жёстко, зато результаты были налицо. Один из сыновей как-то сказал, если бы ты, папа, пришёл пораньше из тайги, я бы учился и сдавал всё на одни пятёрки. Один из сыновей, Евгений, закончил Выборгское лётное училище. Сейчас живёт в Санкт-Петербурге.

Ну, а я, практически, кроме армейских лет, всю свою жизнь провёл и проработал здесь. И не жалею о том. Как говорится, где родился, там и пригодился...»

Михаил Моисеевич Собакин (1935 г.)

Писавшая очерк о нём журналистка назвала его «лесным человеком», в анонсе сообщив, что «67-летний Михаил Собакин уже одиннадцать лет живёт отшельником в таёжной глуши».

А я от себя добавлю: когда мы с моим другом Александром Собакиным, младшим сыном Данилы Моисеевича, не поступили на учёбу в институты после школы, Саша ушёл осенью 1968 года на несколько месяцев в тайгу на промыслы именно со своим дядей Михаилом. И там он у него немалому научился, добыв даже само-

стоятельно несколько соболей... И этот эпизод его жизни послужил реальной основой для художественного отражения в моих рассказах и даже в романе. Сделав не очень сложные математические вычисления, можно сказать, что Михаилу Моисеевичу было в то время порядка 35 лет... А Александр Данилович Собакин, окончив институт, многие годы отдал лесничеству и борьбе с лесными пожарами на Урале – В. Ар.

«...В конце августа (2002 год) вертолёт кедровского лесничества приземлился на месте бывшей таёжной деревушки Лавровка, что в 100 километрах от Пудино Томской области. В селении, давно считавшемся заброшенным, лесников встретила целая делегация. Они были весьма удивлены, увидев вышедшего им навстречу человека с ружьём и четырёх собак, захлёбывающихся отчаянным лаем.

Ещё в начале века здесь, в таёжной глуши, кипела жизнь: создавались колхозы, стояли крепкие деревни, сибиряки с энтузиазмом осваивали бескрайние пространства. Всё изменила война. Люди стали покидать обжитые места. Зброшенные деревеньки исчезали с лица земли одна за одной. Михаил Собакин хорошо помнит те времена. Он сам вырос в этих местах, работал здесь связистом. Семья Собакиных всегда славилась охотниками. Мужчины уходили в лес надолго, иногда на несколько месяцев. Тем, кто в тайге промышляет, хорошая изба просто необходима. И Михаил неподалёку, на Фадихе, поставил себе охотничий домик. Обустроил его по-хозяйски. Установил миниатюрную электростанцию, срубил баньку и амбарчик для хранения продуктов. Жильё было подходящим даже и для длительного пребывания: имелась вся необходимая утварь, дом был крепкий и тёплый.

Потом Михаил женился. Молодые поселились в Пудино. Жили душа в душу, хозяйство держали крепкое, в доме всегда был достаток. Вырастили четверых детей. Со временем три дочери и сын обзавелись уже и своими семьями. И тут чету Собакиных постигло несчастье: всё рухнуло в одночасье. В 1990 году сгорел их дом в Пудино. Не удалось спасти ни вещи,

ни документы. С бедой этой справились, дети помогли. Да только беда не приходит одна: умерла Анна, супруга Михаила, с которой они прожили вместе 33 года...

Тогда-то у 56-летнего Михаила и созрело решение: уйти в лес и поселиться на Фадихе. «Дети и без меня обойдутся, проживут, а я там не пропаду, тайга прокормит», – рассудил Михаил.

Хижина отшельника стояла на высоком берегу речки. Рядом с домом он разбил огород. Стал выращивать картофель, овощи. На зиму в Чижапке заготавливал рыбу. Кроме того, бывалому охотнику тайга сама тропы открывает, а Михаил все её тайные знаки читал, как книгу. Необходимые инструменты он прихватил ещё из Пудино. Были у него бензопила и даже швейная машинка. Так и прожил он тут одиннадцать лет.

Верными друзьями ему были охотничьи собаки, самым мудрым собеседником – окружающая природа. Ни волков, ни медведей он не боялся. Обратно к людям не тянуло. Хотя, бывало, в зимнюю пору вставал он на лыжи и отправлялся в Пудино, детей попроведать, с внуками повидаться.

Но и в лесу не обошли Михаила несчастья. В конце мая этого (2002) года от лесного пожара на Фадихе сгорело всё: и дом, и все постройки. Еле удалось самому выбраться из пожара, да кое-какие припасы унести. Кошмар одиннадцатилетней давности повторился уже здесь.

Развернулся лесной человек и побрёл от пепелища. За три километра от Фадихи некогда находилось село Лавровка. Много лет тут уже никто не жил. Однако до сих пор там ещё оставалось несколько заброшенных домиков, приспособленных под охотничьи зимовья. Вот туту-то и решил поселиться отшельник. И объявил себя, в соответствии с новыми веяниями, «мэром Лавровки». Принялся обживать заново. Опять помогли дети и добрые люди. Привезли одежду, инструменты, посуду...

Не отпускает тайга Михаила. А свой век он хочет дожить всё в той же Фадихе. Решил возродить своё поместье. Уже и новый сруб там поставил, картошку посадил. О пережитом говорить не хочет, упрямо сжимает кулаки, и – снова за работу.

Михаил Моисеевич признался, что мечтает о том, что в Лаврову когда-нибудь вернутся ещё люди. И будут строить там избы, рожать детей. А он станет с новыми соседями гулять по березняку, который вырастет ещё на месте пожарища. «Природа – душу очищает. А душа – основа человеческой жизни, – философски говорит Михаил Моисеевич. – Значит, будем жить!»»

В заключение хочу сказать, что поколения Собакиных не закончилось на тех людях, о которых говорилось в этой главе. Так, все дети Данилы Моисеевича получили высшее образование. Старший, Владимир Данилович Собакин, после окончания Омского сельскохозяйственного института распределился в родной совхоз «Пудинский». Работал здесь главным агрономом. Потом ушёл на повышение – директором совхоза в Парабельском районе. Последнее время жил в Омской области. Юрий Данилович – окончил спортфак Томского педагогического института, работал учителем физкультуры в родных местах. Самым одарённым оказался из братьев Александр Данилович. Самоучкой отлично играл с детства на гармонии, потом на баяне. Окончил политехнический институт в Йошкар-Оле. А когда освоил гитару, выступал уже и на различных фестивалях, наряду с именитыми бардами. Будучи директором мебельной фабрики на Урале, организовал у себя на предприятии музыкальный вокально-инструментальный ансамбль, и сам играл в нём на соло-гитаре. В последнее время был заместителем Главы Администрации города Верхний Уфалей. У всех у них уже есть свои взрослые дети и даже внуки...– В. Ар.

САЙДАКОВ

Сайдаков Александр Андреевич – один из оставшихся в живых могижан – участников Великой Отечественной войны, обладающий до сих пор отменной памятью и жизнелюбием. Его воспоминания –

поистине неоценимый клад эпизодов его жизненного пути, совпадающего с историей нашей Родины и нашей Пудинской округи. Мало того, начало его воспоминаний подано с попыткой рифмовки и стихотворного размера с ритмом. И ещё. В предоставленной мне рукописи, написанной очень чётким и разборчивым почерком, по словам самого Александра Андреевича содержится лишь 20 процентов того, что ему пришлось пережить.

Лушино, 2012 г. А.А. Сайдаков и Владимир Арнаут

Расскажу я вам про нашу несчастную судьбу,
Как мы жили-обживали эту Нарымскую тайгу.
Долго жили мы в бараках – в тесноте и грязноте.
Лес корчевали, лес пилили и таскали на себе.
Хлеба мало нам давали, не хватало нам пайка.
Эх, ты, доля, наша доля – доля горькая така!

И попала наша доля под расправу комендантам и стрелкам... Коменданты были главарями: что хотели, то и делали с

людьми. За малейшие пререкания сажали на ночь в баню, а утром опять отправляли на работу. Родители мои были сосланы из-за болота, Новосибирской области. Васюганские болота – что океан. От Горемычки – 60 километров сплошной непроходимой летом трясины, поросшей мелким карагайником. На том болоте спастись было негде. Костра – и того не развести из карагайника. А ночевали зимой так: сначала надо было разгрести снег, развести костёр, чтобы хоть немного прогреть почву. Потом кострище разгребали, на это место настилали хвойный лапник и ложились на него. Сверху укрывались чем только могли, иначе к утру – гибель. Помимо этого, надо было чем-то кормить и лошадей. Лошадь копытами разбивала снег с кочек. Те кочки вырубали топором и давали мёрзлыми или оттаявшими на костре на корм. А какой с них корм?

Родители мои были высланы из Купинского района, деревни Ново-Розино, за 500 километров от кромки болота. Стало быть, только до него надо было ехать около 10, а то и более дней. И ночевать зимой – у костра. В семье было двое малолетних детей – 5,5 лет и полтора годика.

По приезду, обосновались в Останино. Стали там строить бараки. Печей не было. Лепили их из глины. Для посёлка надо было раскорчёвывать тайгу, чтобы сеять хлеб и посадить картошку.

Когда моей маме исполнилось 29 лет, а мне всего семь, она умерла. Родился я 10 августа 1926 года, в деревне Ново-Розино Купинского района Новосибирской области. Вместе с семьёй родителей был выслан в Нарымский округ в 1930 году.

В 1934 году я пошёл учиться в школу. Проучившись 4 года, пришлось идти работать в колхоз на разные работы. Проработал там, до самого призыва в армию. Призвали меня ровно за год до Победы, 10 мая 1944 года.

Служба в армии. Война. Победа.

Заграница. Брянск. Дорога домой.

Сначала мы проходили службу в Бердске Новосибирской области, там нас обучали военному делу. Стояли мы в сосно-

вом бору. Было два учебных полка – 21-й и 22-й. В каждом полку было по 4 тысячи человек. Обучали нас в Бердске до 10 сентября 1944 года. Специализировались по пулемётно-стрелковому оружию.

На фронт оправили из Куйбышева (Каинска). А накануне мы все прошли своеобразную отборочную и распределительную комиссию. В комиссии были и сотрудники Особого отдела НКВД, интересовавшиеся, не были ли репрессированы родители. Тех, кто был «чист» или соврал, распределяли в десантные войска. Меня, как сына репрессированного «врага народа», из десантуры отсеяли. Но на фронт отправили. Куда нас везли – никто не знал.

Проезжая места, где были бои и докуда дошли немецкие войска, мы видели разруху и сгоревшие деревни. Железная дорога и мосты при этом были уже восстановлены, для переброски войск. Привезли нас в Эстонию, неподалёку от Чудского озера. Там мы провели боевые учения. Эти учения нам в дальнейшем во многом пригодились, в том числе и выжить. Далее, через Вологодскую область нас направили в Архангельск, к Белому морю, в г. Онега. Но и там мы всё ещё были вдали от места непосредственных боёв. Похоже, нас, сибиряков, держали в резерве Ставки Верховного командования. Наконец стали грузить и нас по вагонам, в пульманы, по 50 человек.

Боевые действия у меня начались в Польше. Я был станковым пулемётчиком. Пулемёт этот очень даже тяжёл. И всего его надо было таскать на себе. А проходили порой до 40 километров маршевыми бросками. Весит он 66 килограммов: тело пулемёта 24 кг., станок – 34, щит – 8. А к нему ещё и 9 коробок с патронами, каждая по 10 килограммов. Во время маршевых переходов засыпали иной раз прямо на ходу. Врага мы преследовали с такой целью, чтобы он не успел при отступлении закрепиться на новом месте. А получалось немного иначе: они-то отступали на технике, а мы их преследовали пешими. И враг, всё же успев освоиться на новом месте, встречал нас, как говорят, ураганным огнём.

Нас распределили по расчётам, и командира моего расчёта ранило едва ли не в первом же бою в коленный сустав. Тогда я стал и командиром, и первым номером своего пулемётного расчёта. До марта 1945 года я провоевал пулемётчиком, а когда к нам в роту прибыло пополнение, попросил командира роты, чтобы он перевёл меня в другой взвод. Тогда он предложил мне перейти в разведвзвод. И перешёл в разведчики. Точнее сказать – в разведчики боем, чтобы знать, где находится неприятель.

А 6 февраля нашему подразделению было дано задание: взять какой-то населённый пункт. Мы подошли к нему. Над нами пролетел самолёт-«рама», разведчик (у него два фюзеляжа и бронированный низ). В наступление и взятие деревни нас бросили без предварительной разведки. Сначала по нам открыли огонь вражеской артиллерии. Команда «Вперёд» бросала прямо к вражеским окопам, нас встречали шквальным пулемётным огнём. Пока мы получили команду отойти назад к деревне, половина нашего личного состава была уже выведена из строя. Позади меня лежал раненый командир и звал на помощь санитаров. Я повернулся к нему и почувствовал, как меня обожгло, в глазах стало краснеть от крови. Я получил ранение в голову. Всё же я оттащил командира на безопасное расстояние, а сам пополз в деревню за санитаром.

В том бою из нашей деревни Останино был тяжело ранен М.А. Цыбульник, а из пудинских – убили Фёдора Тимофеевича Купина.

Мне сделали перевязку, я хотел остаться в строю, но командир роты и взвода отправили меня сопровождать раненых в медсанбат. Мне наказали, чтобы мы продвигались по телефонному проводу, который должен привести к медсанбату. Мы двинулись, но нас заметил противник и стал обстреливать. Пришлось изменить маршрут, и мы попали в другой медсанбат. Я зашёл, доложил о прибытии раненых. Меня спрашивают, из какой мы части? Я назвал, мне говорят, что вы не из нашей части, принимать не будем. Тогда я спросил, где нахо-

дится штаб полка. Нашёл штаб полка, доложил о прибытии раненых и почему мы сбились с дороги. Там разобрались и даже похвалили нас за то, что мы изменили маршрут, иначе бы нас там всех перебили. Раненых наших они приняли, а меня похвалили.

Подлечившись, снова пошёл в свой разведвзвод служить до самой победы. Лично мною был взят в плен один немецкий солдат. А когда мы были в разведке втроём, пленили целое немецкое отделение. За это был я награждён медалью «За отвагу». А другая такая же медаль искала меня 57 лет.

С боями мы дошли до самого Берлина. А когда 2 мая 1945 года был взят и Берлин, нашу часть отправили в Чехословакию. После Победы нас опять вернули в Германию. Там мы построили летний лагерь, но жить в нём пришлось мало.

Из Германии нашу часть направили в Венгрию. При этом 900 километров пути мы должны были пройти маршевым строем пешком, чтобы показать всей Европе – городам и сёлам, что Красная армия – это мощь и сила. По словам начальства, там, в Венгрии, мы должны были помогать восстанавливать заводы. Однако вскоре мы поняли, что направляемся туда, как оккупационные войска.

В ноябре наша рота оказалась в Закарпатской Украине, в 15 километрах от Мукачева. Там мы занимались заготовкой дров для отопления вагонов эшелонов, которыми выводили наши войска из Европы. Нам было дано задание: заготовить тысячу кубометров дров. К концу января 1946 года эту задачу мы выполнили. Находясь в Западной Украине, приходилось изрядно опасаться банд бандеровцев, которыми были в избытке наполнены местные леса и горы. На въездах и выездах из городов и населённых пунктов стояли посты с часовыми.

Припоминаю случай. 5 февраля мы остановились на ночлег в какой-то закарпатской деревне. А 6 февраля – были назначены выборы в Верховный Совет СССР. Зашли мы с сержантом в какую-то хату. Хозяйка спрашивает нас: «Вы, наверное, кушать хотите?» Мы говорим, что у нас есть своя кухня и

скоро будет у нас ужин. Хозяйка вышла на улицу. И вскоре возвращается с патрулём. Патруль требует показать нам свои документы. Мы в свою очередь спросили патрульных показать их документы. В их документах было сказано, что эти люди имеют право задерживать всех подозрительных и сопровождать их к комендантам. Тогда там это было в порядке вещей, поскольку очень часто бандеровцы обряжались в форму советских солдат, приезжали в населённые пункты и вырезали малочисленные патрули и даже местных жителей. А у местных они ещё занимались грабежом и мародёрством, держа их под прицелом своих ружей. Резали скотину, забирали хлеб, картошку, а порой и силком уводили в свои банды мужчин...

Уже немного позднее, когда я вернулся домой по демобилизации, мне приходилось встречаться здесь и с сосланными в наш район бывшими бандеровцами. Они занимались лесозаготовками, работая в леспромхозе в Какше – это между Скитом и Осиповым. Я был в то время уже дорожным мастером, и мы прорубали дорогу до Осипово. Они работали у меня...

8 марта мы были направлены в 74-й отдельные железнодорожный батальон под Брянск. Там для нас были выкопаны землянки, где мы и устроились попервости. И, как оказалось, провели мы в этих землянках целых два года, восстанавливая железнодорожные мосты и пути. Все работы при этом производились вручную. Кранов не было...

В мае 1947 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о досрочной демобилизации из рядов Красной армии военнослужащих, в семьях которых были нетрудоспособные лица. Из Пудинского военкомата мне выслали документы, что моя семья находится в тяжёлом положении. 24 января 1948 года меня демобилизовали.

По пути домой, в Останино, я решил заехать в Купинский район НСО, на свою Родину в Ново-Розино, откуда были высланы мы вместе с родителями. Добираться туда пришлось всякими правдами и неправдами, повсюду были патрули, а документы у меня были выписаны напрямую до Новосибирска.

А денег у меня не было. Но, как говорится, солдат солдата в беде не оставит, особенно, если это фронтовик. Помог попасть на поезд мне один майор. Ехал я демобилизованный в одних ботинках. А была зима, ноги прямо примерзали к земле. Спасибо, выручили одни деревенские, у которых пришлось попроситься на ночлег. Дали мне свои валенки...

Ещё 50 километров пришлось добираться на подводах. И тут мне помогли, даже тулуп дали укрыться от мороза. Слава Богу, добрался наконец-то я до своей малой родины, даже и ноги не обморозил. Родня встретила меня хорошо. Погостил у них 10 дней, даже побывал на свадьбе у сродного брата. И там я встретил человека, который собирался поехать в наши края (Пудино) за стариками. Договорились с ним поехать вместе. Родня собрала мне в дорогу продукты, дали 300 рублей денег. А главное – валенки.

И опять, с большими приключениями, но добрались-таки мы до кромки болота. А там посчастливилось повстречать какого-то парня, который на быках ехал на Львовку. В Горемычке переночевали, а на следующий день, положив свои котомки с продуктами на повозку, подались пешком. Добрались за день до барака, что стоял посредине болота. Там в одной половине жила женщина, которая и отапливала тот барак, приводила его в порядок после проезжих постояльцев, останавливающихся на ночлег. Дорогу зимой торили санными обозами – в нашу сторону – наши пудинцы, в сторону Северного – новосибирцы. Добрались мы, переночевав, к вечеру следующего дня до Львовки. А уже оттуда – и до Останина.

Зашёл в свой дом. Встретились с отцом. А рядом стоял дом одного деда – того самого, к которому ехал попутчик, чтобы забрать его к себе. Спрашиваю у отца: «А чего это так много народа в ограде деда?» Отец отвечает: «Деда уже нет. Умер он. Сейчас повезут его хоронить...» А я ему и говорю, дескать, вместе со мной его внук прибыл сюда, чтобы забрать его...

Подались мы с отцом и приезжим внуком на могилки. Там я разыскал могилу матери. Подошёл к ней. Стал, поклонился. И говорю: «Встань, мама родная, и погляди: твой сын из армии пришёл...» Никакого ответа я, конечно, не дождался. Заплакал... Слезы и воспоминания детских лет душили меня...

...После смерти мамы отец через некоторое время стал вечерами уходить в Пудино, оставляя меня одного дома. Там у него была зазноба, моложе его на 8 лет. Помню, речка Коньга разливалась тогда очень сильно. Отец дошёл до речки, мост был затоплен. Его перевезли на обласке. И он ушёл, оставшись в Пудино до утра. А я забрался на крышу сенок дома, и до смой темноты мне видна была оттуда мамина могилка... Я плакал и звал маму прийти ко мне, боясь оставаться на ночь один в доме. Иногда меня выручала бабушка – за которой приехал потом вместе со мной её внук. Фамилия у неё была Бондаренко. Она забирала меня к себе домой, и там мы с ней плакали вместе. И так повторялось не одну ночь.

Однажды утром отец пришёл домой не один. Привёл меня от бабушки. А там была уже новая «мать». Отец сказал мне: «Вот, теперь она будет твоей матерью». Так началась моя новая жизнь в семье отца. А моя родная мама – и не проводила меня на войну, и не встретила с неё... Провожала меня на войну сестра отца, моя тётя...

В мостостроителях

В марте 1948 года пошёл я устраиваться на работу в дорожный отдел. Там вакансии не оказалось, все штатные места были заняты. И мне предложили поработать на строительстве от колхоза деревни Гонохово. Колхозы были вынуждены выделять своих людей на строительство дорог и мостов. В конце года за работу колхоз платил мне 200 рублей денег, выдавал 20 килограммов пшеничной муки и 15 центнеров сена – для коровы. Корова у нас была, а вот сена косить было негде, так что это сено оказывалось очень даже кстати. На таких условиях проработал я год.

А тут подвернулся случай. Одного человека, работавшего в дорожниках, за неуплату алиментов посадили на год. И меня вместо него приняли на должность дорожного мастера. Проработал я на этой должности до самой ликвидации отдела 12 лет. А работа мастера – труд нелёгкий. Вообще, в этом отделе из вновь принятых на работу мало кто задерживался дольше, чем на полгода-год. Выдюжили мы на этой работе лишь вдвоём со старшим десятником Г.М. Бортным.

Строить дороги и мосты приходилось по всем деревням тогдашнего Пудинского района. Жить было негде, гостиниц не было, да и платить за гостиницы было нечем. Приходилось проситься к людям на постой, на квартиру. Пускали нас с неохотой. Места для ночлега отводили где-нибудь у порога. Утром просыпались, и голова порой была покрыта инеем.

Приходилось мне быть и мастером-строителем, и организатором, и агитатором. За строительство дорог и мостов со строительным отделом расплачивались колхозы. А денег у них и самих было – кот наплакал. Вот и приходилось вести переговоры, вплоть до боёв, с председателями колхозов, убеждая их в необходимости моста или дороги. Иной раз председатель сам брал вилы в руки, ссылаясь на то, что доярка у него заболела, а коров кормить надо. Скотников-то тогда свободных не полагалось... Доярки не только доили свою группу коров, но ещё и кормили их сами, да и на водопой гоняли...

Мосты строили едва ли не полностью вручную. Даже и сваи вбивались вручную. А для этой работы требовалось не менее семи человек. А прежде, чем вбивать сваи под опоры мостов, надо было подготовить ямы под них. Нередко делалось это зимой, когда земля была мёрзлой. У заборных стенок промерзала иной раз до полутора метров. И в этих условиях надо было пробить по семь ям с одного и с другого берега. Бывало, что строили новый мост, разбирая одновременно и прежний, пришедший в негодность. Дерево старого моста пускали на дрова – под обогрев себя и оттаивания земли. Сваи за-

бывали вручную на четырёхметровую глубину. Делалось это в основном в зимнее время.

Территория нашего района, бывшего Пудинского, была очень большая, труднодоступная, со множеством рек и речушек, болотин и рямов. Когда начали ссылать первых раскулаченных в Шерстобитовскую комендатуру, задолго до образования Пудинского района, организаторы этой подлой акции не ведали о настоящем положении рельефа и географии региона. Ими планировалась в ближайшее время протянуть железнодорожную ветку на Пудино (и далее – на Парбиг, Бакчар, Томск) из Барабинска. Идея эта витала в воздухе и позднее, когда ещё только планировались нефтегазовые промыслы в наших местах. Как говорится, увы и ах... Единственная дорога на Кедровый-Пудино из Томска – и та до сих пор не имеет надлежащего воплощения, особенно в весенне-летне-осеннюю пору. Говаривали, что на её строительство не хватило всего-то двух-трёх лет Советской власти... – В. Ар.

В целом же было построено не менее 50 мостов и проложено более 100 пропускных труб.

Строительством мостов и дорог в наших местах занимались, в основном, силами колхозников. В 1936 году 3 марта было принято Постановление правительства, согласно которому каждый трудоспособный колхозник должен был отработать 6 дней в году бесплатно – на строительстве мостов и дорог. Бюджет строительства пополнялся и за счёт налога на гужевой транспорт.

А летом – занимались ремонтом и строительством дорог. И опять преимущественно безо всякой дорожно-строительной техники. Мало того, в конце лета и осенью обычно посылали ещё и работать в колхозы. До самых «белых мух», по два месяца трудились там на всяких работах. Разнарядку давали райком и райсовет. За честный и добросовестный труд по уборке хлебов в колхозе каждую осень я получал Почётную Грамоту Райисполкома.

В феврале 1957 года наш доротдел сократили. Пошёл работать в пищецех. А с августа 1957 года меня, по решению

Райисполкома, перевели на должность Заведующего общим отделом, где проработал до самой ликвидации района в 1959 году. В мае 1960 года устроился на работу мастером нижнего склада Пудинского лесхимзавода, где трудился ещё 20 лет до выхода на пенсию в 1980 году.

Помимо боевых наград – медалей «За отвагу», «За победу над Германией» и ордена «Отечественной войны I степени», имею медаль «За доблестный труд» а также правительственные и юбилейные медали.

Проживаю в данное время в селе Лушниково, а в Пудинской округе – с 1930 года и по сею пору, за исключением 4-х лет участия в военных действиях и службы в рядах Красной армии после войны.

29 марта 2012 г.

P.S. В 30-е годы в Пудино, в клубной ограде, был поставлен памятник В.И. Ленину, в полный рост, с рукой, указывающей на восток. И на четыре стороны от памятника были выстроены стенки. На первой стенке, от улицы Советская – были изображены медведица с медвежатами и была надпись: «ТАК БЫЛО». Вторая стенка памятника, от улицы Октябрьская изображала жизнь села: кругом лес, идёт его раскорчёвка вручную, распахивание земель лошадьми, много народа и надпись: «ТАК ЕСТЬ». На третьей стенке изображались уже построенные дома, зеленеющие поля, и надпись «ТАК БУДЕТ!». Наконец, четвёртая стенка изображала улицу Ленина с Ленинскими воротами поперёк неё, с развивающимися флагами, плакатами, построенными больницей, школой, клубом, детским домом, с едущей по улице машиной и летящим по воздуху самолётом. Надпись-девиз гласили: «ТАК ДОЛЖНО БЫТЬ!»

В 30-40-е годы практически не было ещё моторного водного транспорта. Для перевозки грузов по Чузику из низовья делались большие лодки, грузоподъёмностью до 5 тонн. Продвигались на шестах: четверо толкали лодку, упираясь шестами о дно, а пятый был на руле. Расстояние по воде до Парабе-

ля было порядка 250 километров только по сухому, по воде – в три раза длиннее.

В деревне Останино была паровая мельница, приводимая в движение паровым двигателем-локомотивом, 24-х лошадиных сил, работавшим на дровах. Дровами топились котёл, наполненный водой, кипящая вода испарялась, превращаясь в пар, начинал работать двигатель, вращая шкивы-колёса, к которым были подсоединены ремённой передачей колёса с мельничными жерновами. Для этой мельницы было построено двухэтажное здание. Здание паровой мельницы в сороковых годах сгорело. Паровик спасли и через некоторое время для него было оборудовано новое помещение. Была здесь даже и своя бумажная фабрика. Бумага изготавливалась на ней очень некачественная, серая, но всё равно это было уже лучше, чем писать на бересте.

На речке Коньга была возведена плотина, стояла на ней водяная мельница и был даже свой крахмальный завод. Так, в марте 1957 года, когда был упразднён дорожный отдел, и я пошёл работать в пищекомбинат, там сначала занимался тем, что изготавливал бочки деревянные под крахмал и сока из ягоды. Там же была построена и сушилка для крахмала. Делали там мы и чаны – как для крахмала, так и для пихтового завода.

В Пудино, на речке Чузик, напротив Борового была возведена плотина и стояла мельница и электростанция, вырабатывающая электрический ток – для бытовых нужд и освещения села Пудино. Эта плотина и электростанция проработали до семидесятых годов.

Подобные плотины с мельницами на них были построены на Чузике в посёлках Шерстобитово, Львовка, Большая речка, Намеченное. На речке Таванга стояли плотины с мельничными жерновами в посёлке Таванга и Дерешево.

И плотины, и оборудование для мельниц делали вручную, в основном люди-практики, не имевшие специального образования, но большие труженики и умельцы.

ОСТАНИН

*Слухи о том, что полуграмотный пастух Коля Останин пишет книгу взбудоражили наш Калининск в ту пору, когда сам я ещё и не помышлял о сочинительстве. И вот теперь, собирая материалы об аборигенах наших мест, я вспомнил об этом факте, надеясь из первых уст получить какие-то новые сведения. А ещё я припомнил, что когда я был в пионерском лагере в Пудино, летом 1961 года, пионервожатой у нас была Любовь Ерофеевна Останина. И вот что поведал нам **Николай Порфирьевич Останин**.*

Родился я в Амурке в 1935 году. Отец мой был русским, а мать – Мария Варфоломеева Ваянова – селькупка, или, как у нас тогда называли – остячка. У неё и в паспорте в графе «национальность» стоит именно «остячка». Родилась она в 1911 году. А Качины – основатели Пудино – были её родственниками.

У отца с матерью, помимо меня, были ещё дети – Тамара (1938) и Володя. У моего отца Порфирия был брат Ерофей Останин. Они не были ссыльными. Поселились в этих местах ещё до массовых переселений. И деревню Останино обосновали мои родственники по отцу. Здесь уже были деревни Гонохово, Большой Скит. Жили там в основном старообрядцы. Из местных остяков тут раньше проживали Чичиковы, Кунины, Пачельгины.

В Амурке я закончил начальную школу. В это время шла война. Жили бедно, сиротливо. Рано начал работать, помогать по дому, хозяйству. С 1954 по 1956 год служил в рядах советской армии, во внутренних войсках, сначала на Камчатке, потом на Курилах. После армии вернулся в Амурку. А вскоре деревни стали укрупняться и началось переселение. Мы переехали на Мирное. Работал там на пихтовом заводе. А когда пошли первые экспедиционные партии разведчиков, устроился к ним в экспедицию.

Перебрался с Мирного в Пудино, когда деревня почти полностью оттуда переехала. Стал работать в Пудино пожарным-дежурным, на пожарной каланче. В 1965 году окончил курсы штукатуров-маляров. А позднее, в 1970-71-х годах учился на курсах ветеринаров. Получил удостоверение младшего ветеринарного фельдшера. Из Пудино переехал в Останино, а оттуда – уже в Калининск. Женился в Калининске на вдовой Раисе Карпуниной, взяв её с двумя пацанами. В Калининске работал на разных работах отделения совхоза «Пудинский»: был и ветеринаром, и скотником.

В 1971 году у нас родилась дочь Наталья, которая сейчас живёт в Кедровом и занимается торговлей. По северному стажу вышел на пенсию в 55 лет. Сейчас проживаю в Кедровом, в деревянном доме-общезитии.

Отца моего посадили ещё в 1939 году. Охотой-рыболовством, как все остяки-аборигены, заниматься особо не пришлось. В совхозе на это просто не хватало времени. Меня всегда занимала история наших мест и то, за какие грехи был посажен отец? Откуда и как они здесь появились? В 80-е годы стал заниматься сбором материалов, опрашивал и слушал рассказы старожилов этих мест. Намеревался написать книгу, где в центре было бы описание жизни матери и её семьи. Писал в общей тетради, отдельные листки и записки были в общей папке. Что-то даже написал... Страниц пятьдесят, не меньше было черновиков. Интересовался семьёй Качиных. О них мне и о нём самом, построившем первый пудинский дом, рассказывал дядя Вася Плюснин. По рассказам его, Качины переехали сюда с Амура. Сначала обосновались на Чижапке, а поселение своё называли Амуркой, как напоминание о своём прежнем местожительстве. И по национальности Качины были русскими. Были они верующими староверами. В Амурке они раскорчевали под поля тайгу и гари, 10 гектаров земли, две полосы по 5 гектаров. А уже потом перебрался Качин на Чузик. Построил здесь дом, занимался торговлей...

К сожалению, все мои рукописи сгорели во время пожара. А восстанавливать всё это по новой уже не было настроения... А теперь уже и память моя стала не та, многое забыл, путается во времени...

ФЕФЕЛОВ

Иван Иванович Фефелов – представитель жителей Пудинской округи, которых не коснулись ссылка и переселение в 30-е и 40-е годы. Родился Иван Иванович в селе Шерстобитово в 1927 году. Родители его были из «вольных». Вот что он рассказал:

И.И. Фефелов

Отец, Иван Михайлович, приехал в Сибирь с пятью братьями. Поселились на речке Казанка. От нашей фамилии там пошло и название деревушки – Фефелово. На горе жил дядя Кузьма. Недалеко была деревня Кулики.

Моя мама, Кристина Николаевна, 1895 года рождения, была из обрусевших поляков, сосланных в Сибирь ещё в 60-е годы 19 века. Жила её семья в посёлке Горелый Яр, потом они переехали в Язёвку. А из Язёвки – в Шерстобитово. В Шерстобитово до 30-х годов было всего 12 домов. Там жили семьи Шерстобитовых (Степан, Василий), Ивана Коровина, Сидельниковых, Городецких...

В 30-е годы в Шерстобитово была уже школа-семилетка. Там я окончил 3 класса. С детских лет приучали к работе. Возил траву на силос в ямы, копны к стогам сена. Весной – боронил землю, позднее – доверяли уже и пахать. За работу в колхозе начисляли трудоводни-палочки.

Когда мы переехали в Пудино, занимался строительством, выделкой медвежьих шкур, работал в пищекомбинате. К концу войны призвали в армию. В Бердске проходил военную подготовку по автоматическому стрелковому оружию. Изучали пулемёты, его материальную часть, пели песню:

«Мой пулемёт в бою горячем не остывает никогда!

Эх, кожух, короб, рама, шатуны с мотыльём

Возвратная пружина, приёмник с ползуном!»

Призывали меня вместе с Александром Сайдаковым, вместе проходили и подготовку. Но он прибавил себе один год. И его увезли на фронт, а я – остался. На войну я не попал. Нас потом перебросили на Дальний Восток:

«В путь-дорожку дальнюю я тебя отправлю...

Эх, подари мне сокол на прощанье саблю

Вместе с саблей ты мне песню подари!»

Но и там мне не довелось принять участие в боевых действиях. У меня сильно заболел глаз, и меня комиссовали. Вернулся я домой. Подался опять на пищекомбинат. А оттуда меня взял к себе ездовым в Леспромхоз Хомичев. Я его возил по местам работы и обхода лесного хозяйства. Председателем тогда был там Вьюнников. В лесу заготавливали лес, возили на пилораму, делали из кругляша разные пиломатериалы. Позднее директором леспромхоза стал фронтовик Семенчуков

Матвей Фёдорович. В леспромхозе был я и плотником, столяром, делали большие чаны для пихтовых заводов и даже гробы...

А в летнее время при леспромхозе начинал работать ещё и кирпичный завод. Я бывал там за бригадира. Работали на нём в основном пудинские школьники старших классов. К кирпичному заводу возили на лошадях глину и песок. Завод работал круглосуточно, в две смены. За смену иной раз изготавливали до 8 тысяч сырых кирпичей. Потом эти кирпичи загружались в специальные печи, по 25 тысяч штук «ёлочкой» — для обжига. Обжиг (каление) партии кирпичей длился неделю. Печи топили швырками до метра — отходами от пилорамы.

Кирпичи нашего завода славились своей особой прочностью, не рассыпались и не разваливались. Потребность в кирпичах росла, особенно после того, как из них стали делать кирпичные здания. За сезон порой изготавливали на нашем кирпичном заводе до 1,5 миллионов штук кирпичей!

КУПИНЫ

— Мама, — звоню по телефону. — Тут, в Кемерово, недавно я познакомился с одним интересным человеком, журналистом Фёдором Мефодьевичем Ягуновым. Так вот, у него есть очерк «Всего одна судьба». И знаешь, о чём он? О нашем Пудино. Точнее о его жене, Зое Тимофеевне, которая, можно сказать, и родилась в Пудино. Почти твоя ровесница... А фамилия у неё была Купина. Случайно, не помнишь таких?

— Купины, говоришь? — отзывается мама. — Как же, помню. Жили в Пудино такие. Я, кстати, когда ты ещё маленьким совсем был и орал без умолку, к бабке Купихе даже возила, чтобы она заговорила тебя...

— Тогда это, точно, они, — оживляюсь я, радуясь своей новой «находке». И продолжаю. — А ты знаешь, какие совпадения бывают? Ведь я, оказывается, в институте четыре года проучился в одной группе с дочкой этой самой Зои Тимофеевны, с Тamarой Ягуновой... И не подозревал даже, что её мать — наша, пудинская... А

недавно, был уже и у них в гостях, дома. Та вот, Зоя Тимофеевна всё расспрашивала меня про Пудино, собирается даже как-нибудь приехать туда. Очень хочется ей побывать на своей малой родине... А уехала она из Пудино ещё в 45 году, в Колпашево, к старшей сестре...

...Будучи в гостях у Ягуновых, на Телецентре, я оказался обладателем уникальной самиздатовской книжицы, «Последние свидетели», которую **Фёдор Мефодьевич Ягунов** подарил мне с автографом: «Виктору Степановичу Арнауту – от последнего свидетеля, 30 апреля 2009 года». Из этого сборника я и сделал реферативную выборку очерка «**Всего одна судьба**» – о семье раскулаченных **Купиных**.

Кемерово, 1 мая 2009 г. У Ягуновых (В.Арнаут, Фёдор Мефодьевич, Тамара и Зоя Тимофеевна (Купина)

...Василису предупредили: завтра придут тебя выселять. Уже знали, что раскулачивают, выгребают всё подчистую. Ва-

силиса всю одежонку, какую можно было, надела на ребятишек, затолкала их на печку, туда же забросила подушки. Пришли активисты, загалдели, начали хозяйничать в избе, в стайках, на конюшне. Очистили сундук, сволокли во двор всё, что было в избе. Стали доставать с печки подушки. Перепуганные дети подняли рёв, за подушки цепляются, не отдают. Отступили активисты, потом с руганью, с угрозами опять полезли. Дети снова в рёв. Три раза так подступали.

Василиса все свои двадцать восемь лет прожила в родной Новомосковке. Всех знала, все, вроде, были люди, как люди. А тут, как разбойники какие. Глаза горят, рты перекошены. Среди них усердствует комсомолец, родной Василисин племянничек Кирюша.

Хозяйство Тимофея Купина, по всему видно, не было кулацким. Оно и на середняцкое-то едва тянуло. Но деревенская власть давно имела на Тимофея зуб – неподатливый был. В колхоз не хотел вступать, на займы неподъёмной для него суммы не подписывался. А тут ещё происшествие. Ночью кто-то поджёг колхозный амбар, куда свезли реквизированный у единоличников хлеб. Начали и выяснять: кто, что? Вот кто-то возьми и скажи: «Тимофей Купин. Он поздно ночью шёл навеселе, свистел. Он и поджёг». Ночью к ним в дом постучался приятель: «Тимоха, уходи! Придут тебя арестовывать. На тебя показали, что ты амбар поджёг». Василиса в слёзы, и туда же: «Уходи. Посадят, что я одна с детьми делать буду?!» Тимофей даже детей будить не стал, поцеловал сонных, оседлал Бурку и скрылся в ночи.

Дети малые. Полине, старшенькой, ещё и семи нет, Фёдору – четыре, а Марфушке – три. Муж в бегах, сама на последнем месяце беременности. Что она могла сделать? Назначенные от колхоза мужики запрягли оставшегося в конюшне коня,

кинули в розвальни охапку сена: пожалуйста на высылку, гос-пожа кулачка!

Теперь везли их на сборный пункт, на станцию Карасук. Начались схватки. Выхала с тремя детьми, а в дороге четвёртое прибавилось. Девочка родилась 2 марта 1930 года.

По санной дороге малолюдного Васюганья тащились подводы. Закутанные кто во что, высылаемые из родных мест, люди жались друг к другу, стараясь не растерять остатки тепла. Возчики нахлёстывали коней, торопились, им предстояла ещё обратная дорога. Март хотя и морозил ещё, но солнце показывалось всё чаще. Вот-вот начнут подтаивать снега, солнце порушит зимник, растопит необъятные Васюганские болота, не пройдёшь, не проедешь тогда.

Покормив грудью малютку, у которой ещё и имени нет, Василиса укладывает её в тряпки, накрывает подушкой, сверху на подушку кладёт свои ноги. Сердце её разрывается от грешной мысли, что она, мать, хочет, чтобы девочка задохнулась под подушкой, умерла. Незачем ей жить, незачем мучиться на этом страшном безжалостном свете. Она ещё ничего не смыслит, ещё безгрешная, и пусть никогда не узнает, как злы и несправедливы бывают люди... Не в силах больше терпеть душевную муку, Василиса спохватывается, сбрасывает подушку – жива ли? Видит, что жива, дышит. Но облегчённый вздох не приносит ей радости.

А между тем, всё чаще и натужней плачет и кашляет Марфушка. Приложит Василиса ладонь к лобику девочки, чувствует – жар. Надо бы освободить её от давящих одежек, напоить чем-нибудь тёпленьким, да где? Кругом лес, снег и ветер. Наконец остановились на ночёвку в каком-то хуторе.

Ночью Марфуша умерла. Василиса молила возчиков: «Дайте похоронить!» Ничего не хотят слышать, торопятся. Тот

человек, что пустил их на ночь, сколотил гробик, в виде ящичка, положил в него Марфушу, унёс в сарай. «Ничего, – утешает, – не плачь, молодушка, не убивайся. У меня вот мать умерла, вместе их и похороню...»

Пришёл мужик, поговору – татарин. Предложил Василисе за булку хлеба отдать новорожденную. Дескать, всё равно ведь, умрёт дрогой. И в голове у Василисы будто помутилось. И отдала бы, чем кормить? Согласилась даже. Да только татарин тот сам отказался, когда узнал, что это – девочка: «Мне мужик нужен...»

Василиса потом не могла и вспомнить: сколько дней ехали, как ехали, как оказались в деревне. Возчики заявили, что дальше не поедут. Болота начинают таять, им назад не воротиться. Свалили прямо на улице, под тремя черёмухами: живи, как хочешь, и уехали. Так и оказалась Василиса Федотовна Купина с оставшимися тремя детьми в очень отдалённой деревне Пудино, затерянной в бескрайних просторах Васюганья.

Сидела Василиса под тремя черёмухами, обхватив и прижав к себе своих детей. Приготовилась уже этой ночью замерзнуть...

Но, Бог не без милости. Видит она, идёт мимо дедушка, как потом узнала, по фамилии Татауров. «Что плачешь?» – спрашивает. – «Как мне не плакать, – отвечает Василиса. – Привезли, бросили здесь, сами уехали. А мы замерзаем...» – «Ждите меня туту, никуда не уходите. Не дам я вам замёрзнуть...».

Возвратился тот дедушка с большими санками. Сложил на санки поклажу, благо, было её – кот наплакал. Привёл к себе. Домишко у дедушки неказистый, весь снегом заметённый. Но тепло в нём, и печка топится. Бабушка в домике, забегала, засуетилась. Дедушка полез на крышу, приволок люльку, по-

том жердь небольшую, воткнул её между печью и полатами, подвесил колыбельку. Василиса распеленала младенца, бабушка дала ей на пелёнку сухую тряпку. Покормив девочку грудью, уложила её Василиса в люльку.

Девочку называли Зоей. Семья Василисы Купиной из всех сил пыжилась выжить. Пришло лето. Где могла, Василиса находила работу. Ребятишки шныряли по лесу, выискивая колбу, съедобные корни, травы.

Однажды прибегает Федька: «Мама, там наш Бурка стоит!»

Не поверила Василиса, думала, ошибся малец. Однако, пошла. Посмотреть. И точно: стоит у сельсовета привязанная лошадь, похожая на Бурку. Но откуда она могла взяться здесь? Поближе подошла. Конь, увидев её, заволновался, переступая ногами, заржал. В это время из сельсовета вышел знакомый мужик: «Ты, что, – спрашивает, – коня узнала?» – «Не я, конь меня узнал...». Однако, расспрашивать не посмела. Прибежала, дедушке рассказывает, возбуждённо. Дедушка Татауров и выяснил, что приехал на нём бригадир сплавщиков из соседнего плотбища, там и хозяин коня работает с ними вместе, приезжий он. Не говоря ничего Василисе, дед сам на другой день подался на плотбище, где лес сбивали в плоты. Там встретил он мужчину, который колол дрова. Разговорился с ним, да и поинтересовался у него, дескать, не знает ли он Тимофея Купина? Тот ему и отвечает: «Это я – Тимофей Купин».

Вернулся дед домой, рассказал Василисе, о том, что встретил её мужа на плотбище. А потом уже и Василиса стала встречаться тайно с мужем. Решали уже вместе: как быть дальше? Боялись, если Тимофей объявится, то его могут приписать к Пудинской комендатуре. Однако, деваться было некуда. Перебираться к мужу на плотбище уже отказалась сама

Василиса, боясь, что снова придётся рисковать детьми. Пришлось Тимофею являться в Пудино, в комендатуру. И уже здесь подневольная жизнь колхозника, от которой они старались избавиться у себя на родине, настигла их.

Возле тех трёх черёмух, под которыми свалили в кучу Василису с детьми, построили к зиме избушку, три на четыре метра, в которой была печка, общие нары да висела люлька, которую подарил дед Татауров. Стали жить, перебиваясь, как могли. Через год завели корову, забот с ней прибавилось, зато и молочко детям появилось. Правда, многое от этого пожирал ещё и налог, приходилось сдавать натурой.

По нарымским посёлкам стал Тимофей разыскивать своих родителей. И отыскал – и мать Василисы Лукерью, и отца – известного кузнеца Федота, перевёз их в Пудино. А вместе с ними, ещё и младшую сестру Василисы Нюру. И помогала нянька Нюра Василисе ставить на ноги своих племянников: сначала Федьку с Зоей, а потом уже и родившуюся в Пудино Маню. Родившиеся позднее Лида и Николай уже росли без помощницы-няньки.

Пришлось и дом расширять, точнее, ставить на прежнем месте новый, пятистенник, на две комнаты. Всё делалось урывками, после колхозной работы, за счёт сна и отдыха.

Умер Федот, самобытный деревенский кузнец, который мог из любого куска железа выковать нужную по хозяйству вещь. А вслед за ним ушла и Лукерья Лактионовна. Посчитала себя обузой, отрывающей кусок хлеба от детей. Руки на себя накладывать не стала, грех это, а просто отказалась от еды, уморив себя голодом. В те годы сельское кладбище новыми могилками прирастало быстро.

Надеждам на улучшение жизни не суждено было сбыться. Началась война. Давили налогами, ежегодными займами да

самообложениями. Палочками, что ставили в колхозе за работу, заём было не погасить, нужны были живые деньги. Пришлось продать дом, переселившись опять в хибару в два окошка.

На войну, по болезни, Тимофея Купина не призвали. Работал он в колхозе на разных должностях, одно время заведовал животноводческой фермой. Потом, когда стали сильно болеть ноги и почти совсем не мог ходить, был конюхом.

А в 1943 году призвали на войну и сына Василисы и Тимофея – Фёдора, военкоматы перестали «брезговать» и давать в руки оружие тем, кого ещё недавно и не считали за людей. А 12 апреля 1945 года пришло извещение, в котором значилось: «Выдано Купиной Василисе Федотовне, проживающей с. Пудино, Пудинского района, Томской области. Сообщаю, что ваш сын, стрелок, младший сержант Купин Фёдор Тимофеевич, уроженец села Пудино, в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 8 февраля 1945 года. Похоронен на братском кладбище пос. Кехендорф в районе города Гродхау, Германия». *(Строка Купин Фёдор Тимофеевич высечена на Пудинском мемориале – павшим в Отечественную войну – В. Ар.)*

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 июня 1946 года Василиса Федотовна Купина, как мать, родившая и воспитавшая шестерых детей, была награждена «Медалью материнства». Дожила Василиса, вопреки всем превратностям судьбы, до 90 лет.

И лишь на основании Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года, по пункту «В», Зоя Тимофеевна Купина (Ягунова) получила справки о реабилитации своих родителей.

ЖАРОВА

Екатерина Францевна Жарова родилась на Мирном Озере (В сокращённом варианте – Мирном), в 1931 году. Её можно с полным основанием считать аборигенкой этих мест, не являющейся ссыльнопоселенкой.

Е.Ф. Жарова

Её мама – Голева Анна Осиповна – происходила из староверческой семьи Голевского рода, пришедшего с Алтая в поисках лучшей жизни и от притеснения за веру. От своего деда-старовера у Екатерины Францевны осталась память – латунная икона – двустворчатый складень с вкраплениями голубой лазури. С детских времён помнила, что у деда Осипа была большая библиотека из божественных книг, сгоревшая вся при пожаре. «Дед был грамотным человеком, а вот мама – неграмотная совсем, – говорит Екатерина Францевна. – Всё время придерживались старой веры, пока были живы родители. У

них даже и могилки были отдельно. Не хоронили их вместе с другими. Там и маму нашу похоронили, на Мирном...»

Уж каким образом в местах поселения ссыльных оказался немец Франц Шафраник (ударение на букву *и*), теперь стало преданием, но женился он на русской кержачке. Якобы, когда-то он сбежал из-за границы, а в России его осудили на десять лет и сослали в таёжные места.

Малолетняя Катя отца не помнила, а у взрослой – даже и фотокарточки его не осталась. Досталось ей от отца лишь непривычное для тех мест отчество в свидетельстве о рождении – Францевна. Остальные её братья и сёстры уже носили «русский» вариант отчества – Фёдоровичи, а фамилия по мужской линии трансформировалась в Шафранник (с двумя буквами *н* и уже с ударением на вторую букву *а*).

Екатерина окончила в Мирном начальную школу, правда, всего три класса. А с началом войны, с десятилетнего возраста уже трудилась в колхозе на посильных работах. Председателем колхоза на Мирном был тогда Яковлев, которого не взяли на войну из-за очень плохого зрения: читая, он буквально водил носом по бумаге.

«Проработала к колхозе всю войну, учиться было уже некогда. Мужиков-то в войну всех позабирали. Земли на Мирном были жирными, чернозёмными, урожай с них собирали хороший. Да у каждого ещё и свои огороды были. Держали скотину. Даже лён сеяли, а уж из него вили нитки, ткали самодельными кроснами, а уж потом из холстин шили одежду, другого-то материала не было. Кросна почти в каждой избе стояли. Места наши были рыбными, вокруг Мирного было много больших озёр, богатых всякой рыбой – крупные щуки, окуни, язи, караси... В лесу водились звери, всякая птица, летом утки много прилетало. Мужики охотились, даже лосей добывали, рыбачили...»

В семье было пятеро детей: Иван и четыре девочки. От Ивана-то Фёдоровича и повёлся новый род Шафранников. Все

дети, подрастая, работали с малолетства в колхозе. Работала Екатерина Францевна и телятницей, и свинаркой. Повторная волна репрессий для мужчин прокатилась в 1937 году. «Многих тогда позабирали по доносам, – рассказывает Екатерина Францевна. – Из Голевых были арестованы дети дяди Терентия – Ксенофонт и Фома. Оба сидели. Селю уже прямо из тюрьмы на войну призвали. Пришёл с войны сильно раненым. Помню, когда он вернулся, мама возьми, да и спроси его: «А ты там моего не встречал?». Он побледнел весь, нагнулся, снял с ноги ботинок да как замахнётся им на маму: «Я с фашистами воевал, а ты ещё и спрашиваешь меня про него!» А какой отец наш фашист был? Ну, немец, так не все же немцы были фашистами и воевали с русскими...

А когда стали укрупнять колхозы и объединять их в совхоз, Мирновское хозяйство объединили с Останинским. На ферме в Останино нужна была доярка. Председателем колхоза там в то время был Михаил Крюков. Как-то он оказался в доме Сели (Ксенофонта) Голева. В это время у них находилась и я. Мне было тогда уже лет двадцать с небольшим. Крюков был хорошим председателем. Вот он и предложил мне переехать в Останино и пойти работать там на ферму дояркой. Я согласилась. Зиму прожила на квартире у наших мирновских, уже переехавших в Останино. А из Мирного я привела с собой корову. Продала её, колхоз мне добавил 500 рублей денег, и за полторы тысячи купила себе в Останино избёнку. Здесь я вышла замуж за Василия Жарова.

Здесь у нас родились две дочери и сын Юрий. Дочь Нина работает врачом. А другая – вышла замуж за приезжего гуцула-строителя Васю Юрака.

Родной мой брат Иван родился на Мирном, в 1925 году. Отчество у него Фёдорович, а фамилия Шафранник. Жили тут же, в Останино, когда переехали с Мирного. У Ивана дети – Леонид Иванович и Фёдор Иванович, уже Шафранники. *(С Леонидом я учился в 5-м классе Пудинской школы и даже сидел за од-*

ной партией – В. Ар.). А дочь Фёдора Ивановича – Татьяна Фёдоровна – вышла замуж за сына Сербушко Александра. Татьяна Фёдоровна работает учительницей английского языка в Пудинской средней школе, а ещё и завучем этой школы...».

Многие эпизоды жизни Екатерина Францевна уже забыла, что-то путается – в именах и датах. К тому же, явно стесняется нас, грамотных и моложе её. Вот и рассказы её получают-ся краткими и сдержанными...

... Что и говорить, досталось детям войны лиха сполна – будь они из репрессированных семей или из вольных людей. Трудились в колхозах едва ли не наравне со взрослыми уже с десяти-двенадцати лет. Благо дело, хоть это им зачлось: приравнивали к труженикам тыла. Вот и Екатерина Францевна Жарова имеет удостоверение труженицы тыла. В её «иконостасе» наряду с дедовской латунной иконой красуются всяческие Грамоты, юбилейные медали, да фотографии. Ну, и к пенсии, слава Богу, прибавка полагается.

Как говорится, и на том спасибо... Да было бы здоровье.

ГОЛЕВЫ

Многочисленный род Голевых можно безо всякой натяжки отнести, наряду с Собакиными, Лавровыми, Останиными, Кондратьевыми и другими семействами – к аборигенам Пудинской округи. Их никто не ссылал, как большинство семей спецпереселенцев, практически не раскулачивал. Ещё до революции, с конца 19 века, предки этих кланов, гонимые за старую веру, бежали от преследователей и уже добровольно осваивали малонаселённые просторы будущей Пудинской спецкомендатуры и Пудинского района. Воали от цивилизации и властей, потомки старообрядцев-кержаков жили патриархальными укладами, рожая детей, охотясь и рыбака, засе-вая небольшие участки отвоёванной у тайги земли зерновыми, за-водили домашний скот и птицу, ставили на малых речках мельни-цы...

*Инициатор этого Проекта, муж моей младшей сестры Раисы – **Голев Михаил Ксенофонтович**, стремится разузнать о своих предках как можно больше, отразить это в печатных словах и передать эти знания, ставшие уже нередко слухами и легендами, своим потомкам. С него и начнём.*

Голев Михаил Ксенофонтович родился в 1955 году в посёлке Мирное Озеро – в семье **Голева Ксенофонта Терентьевича** и **Марии Григорьевны** (в девичестве Зориной). До войны отец имел уже семью, и у него был сын Василий, 1936 года рождения.

Дети Ксенофонта Голева: Николай, Михаил, Валентина, Григорий, Владимир, Анатолий

В новой семье выжили шестеро детей: Валентина (1945), Николай (1947), Григорий (1951), **Михаил** (1955), Владимир (1957) и Анатолий (1958). Из всех шестерых детей Голева Ксенофонта от этого брака осталось в живых к настоящему времени всего двое: я и Анатолий.

Большой клан под фамилией **Голевы**, живших в Алтайском крае Турочакского района, по религиозным соображени-

ям, чтобы сохранить свою кержацкую веру, и ещё несколько семей, в середине 19 века начали искать глухие места в Томской губернии. Пришли они в Васюганье.

Из Голевых это были мой прапрадед Иван с сыном Осипом. Первым их пристанищем стала заимка Двухречье Александровской волости Томской губернии. В 1875 году там родился мой дед Терентий Осипович. Потом они переселились в деревню Альмяково Новокусовского района, где в 1898 году родился брат моего деда Голев Дмитрий Осипович.

После 1910 года прадед Осип и его семья обосновались в посёлке Мирное Озеро, там он и умер в 1936 году. По словам отца и родственников, прадед мой был могучего телосложения и отменного здоровья. Его вес достигал 150 килограммов. И сила была такая, что могучий, по моим воспоминаниям, дед Крымский называл себя против него едва ли не пацаном. Примерно таким же здоровяком был и дед Кондратьев. Это были истинные русские богатыри! Вывозя сено или дрова из леса, они выпрягали лошадь, жалея её, сами брались за оглобли и вывозили гружёные сани на торную дорогу, приговаривая: «Если я не вывезу, так уж где ей, родимой, с такой ношей справиться...».

В 1933-1937 годах из Алтайского края в Нарымский округ были сосланы ещё несколько семей Голевых, доводившихся нам родственниками, насчитывавших 21 человек.

Осип Иванович Голев был очень набожным и грамотным человеком, из кержаков-староверов. У него была большая библиотека старинных старообрядческих книг на старославянском языке. Многие книги были толстыми, с кожаными переплётами и медными застёжками. Были у него и старообрядческие иконы – как писанные на досках, так и литые из меди и латуни. Одна из таких старинных икон прадеда (складень из трёх частей со створками) сохранилась у внучки прадеда Жаровой Екатерины Францевны – нашей родственницы, носившей в девичестве фамилию Голевых. Её мать, Анна Осиповна, была

дочерью нашего прадеда. К сожалению, вся библиотека и большинство икон, особенно деревянных, сгорели во время пожара.

Мой дед **Терентий Осипович** Голев в 1933 году был осуждён на 5 лет. Женат он был дважды. От этих двух браков у него родилось 11 детей. От первого брака были дети: Андрей, Софья (1904), Фома (1908), Прасковья (1912), Ксенофонт (1913 года, наш отец), Степан (умер в госпитале уже после войны после 12 операций), Зиновей, Нина. И дядя Степан, и дядя Зиновей, по слова отца, долго скрывались от властей в тайге, когда начали забирать мужиков по линии НКВД. А когда началась война, дед Терентий наказывал им выходить из схрона и идти на войну. Дядя Зиновей, будто бы говорил: «Я не хочу идти воевать за коммунистов», на что ему отец ответил, что ты не за коммунистов и власть должен воевать, а защищать свою Родину. Дядя Степан вышел и попал на войну, а Зиновей – нет, где-то так и сгинул в тайге, как и ещё один сын деда – Андрей. Ходили слухи, будто бы Андрея даже расстреляли. Может быть, в том же Колпашево, на печально-известном яру, который подмыла позднее обская вода. От второго брака у деда были дети: Голев (Юрьев) Влас, Кирилл и Екатерина. Многие Голевы – отпрыски прадеда Осипа и деда Терентия похоронены на кладбище посёлка Мирное Озеро. Покоятся там и мои братья и сёстры, умершие во младенчестве.

У дяди, **Фомы Терентьевича** Голева, от первого брака было четверо детей: Никита, Куприян, Мария (Немцева) и Нина (Чеботарёва). Куприян Фомич был женат на Евгении Моисеевне Собакиной. Одно время они жили во Львовке. Куприян Фомич доводится мне двоюродным братом, ему уже под 90 лет, жив до сих пор, проживает в Останино, под присмотром сына Юрия, живущего рядом с отцом отдельным домом.

Фома Терентьевич оказался во «врагах народа» по навету и оговору, был осуждён на 10 лет, сидел в тюрьме на Дальнем

Востоке. А когда его освобождали, он поинтересовался у начальства: «Скажите, хоть за что я сидел?» Ему показали документы, в которых он увидел, что показания на него давали его же родственники. И когда ему сказали, что, дескать, он свободен и может ехать домой, тот отказался: дескать, домой я не поеду, я их там всех доносчиков поубиваю...» Так и остался на Дальнем Востоке, женившись и создав ещё одну семью. От второго брака у него был сын Николай и две дочери – Соня и Паша.

У **Степана Терентьевича Голева** (брата отца) было два сына – Митя Голев и Пётр, обоих уже нет в живых.

Наш отец, **Голев Ксенофонт Терентьевич**, не был ссыльным, но пострадал во время репрессий 1937 года. Как врага народа, его забрали по «линии НКВД» и этапировали в Коми АССР. Там он находился в сталинских лагерях. А когда началась война и немцы уже вплотную подошли к Москве, начали формировать сибирские дивизии. Тогда в них стали набирать и узников лагерей, формируя штрафбаты – фактически смертников. Освободили и отца, переодели в белые полушубки и отправили в штрафники, прямо на фронт, в самое пекло, под Москву. На фронте он пробыл до 1942 года, получив очень тяжёлое ранение в голову, с повреждением лица и челюсти. Год находился он на излечении в госпитале города Иваново. Оттуда его и комиссовали по ранению.

Вернулся он в свой посёлок Мирное. Жена не дождалась... Вдовушек к тому времени было уже в избытке. Отец поехал по работе в Тавангу и там приглянулась ему одна из вдов, работающих в колхозе. Мария Григорьевна Зорина жила в соседней деревне Дерешеве. Вот он и сосватал её. Привёз в Мирное, и стали они жить вместе, рожая детей и работая в колхозе. Всего у них родилось там 11 детей, выжили лишь шестеро. А когда родился в 1958 году младший сын Толя, мама сильно заболела и умерла.

К этому времени как раз относится начало вымирания окрестных деревень – после того, как упразднили комендатуры, и бывшие спецпереселенцы стали возвращаться к себе на родину. Разваливались и сами колхозы, а на их останках уже создавался совхоз «Пудинский», и вокруг Пудино стал формироваться своеобразный центр из соседних деревушек – Останино, Гонохово, Лушиково, РТС, Калининский.

В том же году, когда умерла мама, наша семья переехала из Мирного в Останино. Выхаживать новорожденного Толю легло на плечи сестры Валентины. Труд этот был очень нелёгким. И по настоянию опекунов, Толю решили отдать в дом малютки, в Чердаты, в районе Колпашева Томской области. Там он и пробыл до первого класса.

Нелегко досталось и нашему овдовевшему отцу. Выход был один: найти очередную спутницу жизни. Однако, далеко не всякая женщина рискнёт взять на себя такую обузу из оравы малолетних детей. Нашлась, однако – вдовая женщина, потерявшая мужа на войне – **Прасковья Алексеевна Кологри-вова**, родная старшая сестра Андрея Алексеевича Зайцева, жившая в Калининске. Был и у неё сын, довоенный Евгений, к этому времени уже имевший свою семью, женившись на Римме Калугиной. Наша новая мама оказалась очень хорошей и заботливой женщиной. Царство ей небесное... Прасковья Алексеевна всех нас выходила, подняла на ноги. Да к тому же, ещё и настояла, чтобы забрали в семью из детдома и нашего младшего брата Толю, как раз к началу его обучения в школе.

Рос Толька шептунным и ершистым пацаном. Сказались безотцовщина и детдомовское воспитание. Проучившись в первом классе, его признали трудновоспитуемым, и настояли снова отправить его в спецшколу-интернат в деревне Крыловка, недалеко от Подгорного Чаинского района. Проучился там он до пятого класса, всякий раз приезжая к нам на летние каникулы. Несколько раз приходилось и мне после летних каникул сопровождать его обратно.

В последний раз повёз его я, когда сам уже учился в девятом классе. Везу – и плачу, оба плакали... Довёз попутками, оставил там его. Домой вернулся. А через неделю глядим: Толька сам «нарисовался» дома с плетёной лука через голову на шее. «Ты зачем сбежал, удрал из школы?» – спрашиваем его. А он говорит, так это наивно-откровенно и обескураживающе: «Так я же вам лука привёз...» А накануне его отъезда мама ещё пожаловалась отцу, что в этом году лук плохой уродился, не хватит на зиму... Вот он и услышал тогда этот разговор... В общем, после этого его уже никуда не отправляли, а оставили у себя, и учился он уже, закончив семь классов, в Пудинской школе. Пошёл работать трактористом...

Я же проучился все десять классов в Пудинской школе. А семья наша вскоре переехала в Пудино. Мама подрабатывала билетёром в клубе. Дом наш до сих пор стоит на углу улиц Октябрьская и Советская, переделанный ещё братом Анатолием под магазин.

В школе у нас были очень хорошие учителя, работали по призванию, а не по обязанности. Это: Зайцевы – Андрей Алексеевич и Елена Ивановна, Савушкин Иван Тихонович, Татьяна Павловна и Валерий Васильевич Куликовы, Николай Яковлевич Попов, Алексей Дмитриевич Сухоруков и другие. Первой учительницей моей была очень красивая женщина – Ефросинья Павловна Попова. С ранних классов школа приучала всех нас к труду. Мы помогали совхозу заготавливать сено и убирать осенью картошку. Практически силами одних учеников заготавливали на зиму дрова для школьных печей.

Нередко тех, кто учился слабовато, «тянули» учителя до выпуска и получения аттестата зрелости, веря в то, что из них всё равно получатся хорошие люди и работники, а не лоботрясы и тунеядцы.

Во время летних каникул многие пудинские школьники подрабатывали на кирпичном заводе под бригадирством Ивана Ивановича Фефелова. За смену иногда удавалось изготовить

до 7-9 тысяч кирпичей. Кирпичи Пудинского кирпичного, видимо, из-за особых свойств местной глины и песка, отличались особой прочностью и котиrowались очень высоко.

В старших классах мы изучали производство. В это же время на базе школы была сформирована учебно-производственная бригада, и в опустевшем Красном Яру был организован Летний лагерь труда и отдыха. За достижения в сельскохозяйственных работах, школьная бригада во главе с её руководителем Н.Я. Поповым однажды была премирована поездкой в Москву, на ВДНХ, а я и ещё несколько школьников были даже отмечены медалями ВДНХ!

После окончания 10 классов ПСШ, встал вопрос: куда податься дальше? Зная меня по работе в школьной бригаде, Н.Я. Попов предложил мне поработать с ним по производственному обучению, в качестве мастера-инструктора. Проработав с ним год в автоклассе, понял, что педагогика – не моё призвание – из-за взрывного характера и слабых нервов. Ушёл в лесхимзавод, где заготавливали лес и пихтовое масло – дизелистом на пилораму.

В армию призвали служить с задержкой в один год, в 1976 году. Служил на Дальнем Востоке, в Пограничном, в Укрепрайоне, рядом с китайской границей, в ракетных войсках. Служил в реактивной батарее. Во время несения боевой службы, лёжа на голой земле, простыл и заболел. Начались проблемы с почками. Пришлось полежать в госпитале, в Уссурийске, почти полгода, после чего меня комиссовали.

Вернулся домой, отдохнул и по рекомендации директора школы Андрея Алексеевича Зайцева, пошёл работать к нему завхозом. Поступил заочно в сельскохозяйственный техникум.

Подошла пора жениться. А я ещё со школьной поры дружил с одноклассницей – **Арнаутовой Раисой**. К тому времени она окончила в Томске торговое ПТУ и уехала с матерью жить к брату в Иркутскую область. Вот отец, зная о моей дружбе с Раисой, и отправил меня за ней. Поехал, да с первого раза не

доехал. Тормознулся у брата Григория в Томске. Вернулся без невесты. Отец во второй раз отправил меня за нею. На этот раз уже привёз её в Пудино. Сыграли свадьбу в родительском доме. Началась новая пора в нашей совместной жизни, длящаяся уже более сорока лет.

Калининск, 2019. Голевы – Анатолий, Михаил, Раиса и Илюша

Надо было отделяться от семьи отца. Директор школы, родной брат приёмной матери, Зайцев Андрей Алексеевич, предложил мне отремонтировать под жильё бывшее школьное подсобное помещение и класс производственного обучения девушек – на две половины. Отремонтировал. В одну заселились мы с Раисой, а к тому времени, в 1977 году у нас появилась уже первая дочь **Наталья**, в другую – поселились две молодых новых учительницы. Одна из них, Нина, вышла замуж за Николая Бурдужа, другая, Татьяна, – за Сергея Кузьмина. После них некоторое время там жил и будущий директор Пудинской школы Владимир Овчинников.

Поработав завхозом в школе, надумали мы переехать жить в райцентр Куйтун, Иркутской области, где обосновались мать и брат Раисы. Там Раиса устроилась работать в торговлю, а мне предложили должность начальника пожарной части. Пожили, поработали. Домой обратно поманило.

Вернувшись, решили обосноваться в Калининске. Рая пошла работать в бухгалтерию Калининского отделения совхоза, а я подался в скотники, на ферму. Здесь мы получили квартиру в брусовом двухквартирнике. Здесь у нас родилась в 1984 году вторая дочка Валя. К большому горю, Бог не дал ей долгой жизни... Похоронили её на Останинском кладбище, где через пару месяцев, в мае 1988 года, оказался рядышком и мой отец, её дедушка – «водиться» с внучкой...

Когда мы обосновались в Калининске, отец привёл нам корову, сказав, что с ней мы не пропадём. С этого и началось наше подворное хозяйство.

Проработав 5 лет в отделении совхоза, ушёл в аэропорт и проработал там два года стартёром-грузчиком. А тут началось активное освоение месторождений и строительство нового города Кедровый. Здесь образовалось и базировалось в районе Лушникова УРБ (Управление разведывательного бурения). При нём создали ОРС – как филиал «Томскнефть ОРСа». В лучшие годы только в ОРСе насчитывалось до 200 работников! Там и проработал я экспедитором до самой пенсии. Летали на вертолётах по всей области за продуктами и развозя их по промысловым точкам.

А когда совхоз развалили окончательно, все кинулись как-то выживать. Выгодной стала коммерция, торговля. Особенно на первых порах, хотя и она требовала немалых вложений, с нуля приходилось всё оборудовать и начинать. Не стало работы и у Раисы. Решились и мы открыть в Пудино торговую точку, благо, у Раи было образование: и Томское училище торговли, и Кемеровский торгово-кооперативный техникум. Оборудовали под «смешанный» магазин сначала балок. Позднее

открыли магазин и в Калининске, сначала это тоже был балок, потом сделали из бруса пристройку. Для торговли приходилось нанимать продавцов. И сама Раиса стояла за прилавком. Иногда и дочери Наталье приходилось помогать в этом деле, хотя и работала она уже учителем и даже завучем Кедровской школы на полную нагрузку.

Для завоза продуктов и товара из Томска и Новосибирска купили машину «Уазик». Сами ездили за товаром, потом пришлось от одного магазина избавиться – конкурентов развелось в торговле слишком много. Да и годы стали брать своё, здоровье тоже надо иметь отменное. Пришлось со временем продать и второй магазин.

Росло и домашнее хозяйство. В лучшие времена, когда были силы и здоровье, держали на подворье до трёх коров, телят, до 20 свиней, много кур. Тогда ещё был нормальный рынок сбыта, сравнительно недорогие корма и дешёвое горючее. Было куда и что продать, получив при этом неплохие деньги. Сейчас держать скотину стало невыгодно, себе в убыток. К тому же и рынка сбыта нет. В магазинах всё затоварено, вплоть до фасованного порошкового молока и генномодифицированных продуктов. От натуральных продуктов народ отвык, к тому же они и дороже суррогатов. Выручает, правда, картошка, которую сажаем по 40-50 соток на реализацию в школьной столовой и на промыслах.

Постепенно в Калининске мы стали расширяться с жильём: сначала пристроили летнюю веранду к сеним. Потом купили вторую половину дома. И к ней ещё сделали несколько пристроек. Так что в нашем доме всё почти по-городскому: есть два тёплых туалета, канализация, ванная, душевая и даже просторная бильярдная, не говоря уже про жилые комнаты, просторный зал и спальни с детскими. Любят здесь бывать внуки – дети дочери Натальи и Ивана Овчаренко: Варвара (восьми лет) и Илюша (ему скоро будет уже три годика). Для них в ограде обустроил детскую площадку, с красивой и про-

сторной беседкой, качелями. В ограде и огородчике выращиваем много цветов. Полностью обеспечиваем себя свежими и натуральными (без химии) овощами. Разбил даже небольшой сад, с ягодниками. Уже и районированные яблоньки начинают давать первые плоды. Намерен ещё посадить яблоневый сад, оставив после себя память. Люблю время, когда цветут яблони. Пусть и короткий век цветения, но с ним будто и сам молодеешь, и на душе становится светлее и радостней...

Дочь **Наталья** после окончания Пудинской средней школы поступила в Томский педагогический институт, окончила его. Вернулась домой, а в Пудинской школе на то время не оказалось вакансии. Пришлось устраиваться в Кедровый, благо, в то время там было ещё полно учеников, до 500 школьников и при штате учителей до 50 человек. Работала сначала учителем химии и биологии, была много лет завучем школы и даже её директором. В Кедровом купили для неё хорошую квартиру, обустроили и обставили по-современному. Там она вышла замуж за нашего парня – **Ивана Викторовича Овчаренко**. У них теперь двое детей: **Варя и Илюша**. Иван работает вахтовым методом на промыслах.

В общем, как бы ни хаяли нынешнее время, если есть желание и стремление – жить можно! Теперь ведь никто не мешает. Живи, работай на себя – не то что раньше нашим родителям доставалось: вкалывали от зари до зари, а в итоге получали трудовни-палочки. Да ещё и годы колхозной работы в трудовой стаж не включали при начислении пенсии... Не понимаю я тех людей, которые живут одним днём, картошку для себя – и то посадить ленятся...

Голев Анатолий Ксенофонович – самый младший сын в семье Голева Ксенофонта, родился в Мирном, летом 1958 года. Родную мать не помнит – умерла сразу после его родов. Воспитывался и учился в детских домах до пятого класса. После пятого класса вернули в семью отца. В Пудино проучился ещё два года и с малых лет пошёл работать трактористом на

тракторе «Беларусь». Два года прослужил на Дальнем Востоке в стройбате. Освоил ремесло лесоруба и плотника.

Голев Анатолий (справа) с женой и сыном Русланом

Вернувшись домой, снова засел за баранку колёсного трактора. Так и работал на нём до сорока лет, пока не женился, взяв в жёны женщину – Любовь Петровну с сыном Русланом.

В кризисные времена, посоветовавшись с женой, решили попробовать заняться торговлей. Приходилось брать ссуды и влезать в долги. Оборудовал сначала под магазин родительский дом. Приобрели машину «УАЗ» – для завоза продуктов. И – где сам, где с наёмным шофёром, раза по два-три в неделю ездили в Томск и Новосибирск за свежими продуктами. Торговля стала налаживаться, появились деньги для расширения.

В конце тысячелетия и в начале нулевых годов стали активно осваиваться ближние месторождения: Лугинецкое, Северо-Останинское, Казанское. Тяжеловозы и грузовые машины

пошли туда потоком, объезжая по окружности село Пудино. Вот тогда-то, по совету шоферов, и надумали Анатолий с женой открыть на их пути, в районе бывшего кирпичного завода и лесхоззавода торговую точку с пунктом питания.

Там же стал строить и новый просторный дом, привлекая к этому и подрастающего сына жены Руслана. Отстроили дом, все постройки, погреб, огород, дровник, навесы. Рядом – построили здание под кафе-столовую. И – началась настоящая работа, да так, что и не успевали уже справляться своими силами. Приходилось организовывать работу кафе-столовой круглосуточно, так как машины с грузом и обратно шли день и ночь. Правда, было это сезонно, в основном, в зимнее время, начиная с ноября и по конец марта. В такое время работали в кафе-столовой и буфете до двух десятков человек.

Никто и подумать прежде не смел, что ему, Голеву Анатолию, вечному трактористу, которого никто и полным именем-то не называл, тем более по отчеству, не имеющему даже полного среднего образования, хватит ума и смекалки, чтобы развернуть такое дело! Откуда только и коммерческая жилка у него проклюнулась?!

Был у него с давних пор приятель – Вася Петрухин – изувеченный лихими людьми, но безотказный в помощи и работе. И его приютил возле себя Анатолий. Даже и пенсию по инвалидности помог ему выхлопотать...

В самый разж стала входить семья Анатолия Ксенофонтовича. Его уже знали все коммерсанты не только своей округи, но и поставщики Томска с Новосибирском. Про многочисленных транзитных водителей – уже и разговора не было. Порой по несколько десятков водителей одновременно останавливали свои машины, чтобы передохнуть и подкрепиться возле усадьбы и кафе-столовой Анатолия и его жены Любови Петровны.

Соседи начали косо и завистливо поглядывать на них: не нравилось то, что на глазах стал наживать капитал новоявленный коммерсант, а большегрузы разбивали подъездные дороги

и загрязняли своими выхлопами воздух на несколько сот метров в округе.

Может, со сглаза, или недобрых слов в его адрес, но в одночасье пришлось лишиться абсолютно всего! Ведя очередные пристроечные работы, от неосторожного обращения со сваркой, случился пожар. И мигом распространился на все его деревянные постройки. Сгорели и сам дом, и кафе-столовая и всё, что было на его участке... Ладно, сами уцелели...

Можно только представить, каково пришлось им тогда всем. Ребёнком малым, потерявшим свою родную мать, рыдал Анатолий! И не один он...

Казалось бы, всё. Уже никогда не подняться с колен и не выбиться из той нужды и постигшего их несчастья. Пришлось даже жильё снимать хотя бы и временно. Однако, как говорится, мир не без добрых людей. Помогали, кто чем мог – и родня, и соседи, и добрые люди. А больше того – всё те же водители-шофера, привыкшие уже к тому, что на бесконечных трассах и немеряных километрах, всё же есть местечко, где им можно передохнуть и покушать горячей и вкусной пищи. Помогли с доставкой леса, бруса, плах, тёса и прочих строительных материалов.

И опять, как прежде, взялся Анатолий за строительство и возрождение своего предпринимательства. И ведь поднялся, не на тот уровень, конечно, но возродился. Вновь построил дом, открыли кафе-столовую, при ней – буфет. Правда, за продуктами уже сам редко выезжать стал – и годы уже не те, да и здоровье оставляет желать лучшего. Помогают ему в этом деле и жена, и приёмный сын, работая на кассе...

И с семьёй оставшегося единственного родного брата Михаила, продолжает общаться, будучи неизменным крёстным – и дочери брата Натальи Михайловны, и теперь уже внуков... А вот самому обзавестись своими собственными детьми и внуками не довелось. Как говорится, на то, видать, Божья воля...

ЗАЙЦЕВЫ

Прежде, чем начать повествование о Зайцевых со слов самих представителей двух поколений этого рода, Андрея Алексеевича и его сына Александра Андреевича, хочу от себя сделать небольшое вступление. О семье Зайцевых мне ведомо с ранних детских лет. Я припоминаю, как у нас, в Красном Яру, частенько останавливалась в доме во время объезда колхозов красивая белокурая женщина, Елена Ивановна, – зоотехник. Для меня тогда даже само слово «зоотехник» было чем-то непонятным и экзотическим. Елена Ивановна была женою пудинского учителя Андрея Алексеевича Зайцева, преподававшего сначала физику, а потом и математику.

Потом, когда мы переехали в 1961 году в Калининск, там в небольшой избе, рядом с конторой, жил престарелый мужчина, седой и не очень высокого роста – Алексей Сафронович со своим сыном Егором. Егор был своеобразной примечательностью не только Калининска, но его знали едва ли не все в Пудинской округе. А причиной тому было то, что у него, как говаривали в народе, «были не все дома». Мы, пацанва, потешались над ним и нередко даже обижали. Иначе, как Готя, его никто и не называл. И у меня даже написан один из самых ранних рассказов с таким же названием – «Готя». Конечно, в рассказе, поданном художественно, что-то я показал и не совсем так, как было в реальности. Но в нём нашлось место и самому Егору, и его отцу, Алексею Софроновичу, и Андрею Алексеевичу, и его сыновьям. Хорошо помню, как Андрей Алексеевич постоянно приезжал из Пудино в Калининск на своём мотоцикле ИЖ-56, посадив сзади и спереди себя всех троих малолетних сыновей.

Помню, что о самом Алексее Софроновиче мой дядя Саша всегда отзывался очень уважительно, как о большом и честном труженике. А когда я собирал материал для этой книги, Александр Андреевич Зайцев предоставил мне копию фотографии своего деда (времен Германского плена) и копию выписки из «Личного дела» Зайцева Алексея Софроновича. Из этой выписки очень хорошо видно: на каких основаниях лишали гражданских прав крестьян и ссылали в Нарымский округ. Когда Алексея Софроновича 30 мая 1930 года Сельская Учётная комиссия при Щербаковском сельсовете Татарского района Барабинского округа лишила права голоса (гра-

жданского права), через некоторое время он подал апелляцию на восстановление этих прав. Орфография сохранена.

А.С. Зайцев. В Германии

Выписка из протокола №3 заседания сельской учётной комиссии при Щербаковском сельсовете Татарского района Барабинского округа от 30 мая 1930 года.

Слушали: рассмотрение и утверждение списка явно кулацких хозяйств, подпадающих под признание индивидуального обложения.

Постановили: Гражданина Зайцева Алексея Сафроновича обложить индивидуально 75% размера годового дохода за эксплуатацию наёмного труда, закабалял бедноту раздачею хлеба под отработку исключительно с целью извлечения обогащения.

(Обратите внимание на размер (75%) изъятия доходов и на основание – «раздавал хлеб под отработку». Фактически он авансировал голодающую бедноту, а ему это за вину признали – В. Ар.).

Вторая выписка из протокола касается уже решения властей по просьбе А.С. Зайцева в восстановлении права голоса.

Выписка из протокола Сельской избирательной комиссии при Щербаковском сельсовете Татарского района от 13 декабря 1930 года.

Слушали: заявление Зайцева А.С. о восстановлении в правах.

Постановили: оставить в списках лишенцев как эксплуататора батрачества.

В деле имеется **справка** батрака Арбацкого И.В.

Я, ниже подписавшийся гражданин Арбацкий Ифим Васильевич, даю настоящую справку, что я действительно жил в батраках у гражданина Зайцева Алексея Софроновича в 1926 и 1927 годах, в чём и расписуюсь.

Ещё одна **справка** из личного дела наглядно иллюстрирует наличие описанного и изъятого имущества крестьянской семьи А.С. Зайцева, сделанного Председателем Щербаковского сельсовета в присутствии двух понятых: Дом – (800 руб.), амбар – (100 руб.), завозня – 1 (25 руб.), скотские дворы – 2 (40 руб.), поднавес – 1 (25 руб.), погреб – 1 (20 руб.), сенокосилка – 1 (25 руб.), жатка – 1 (20 руб.), невод – 1 (10 руб.), телега – 1 (10 руб.), ходок – 1 (30 руб.), молотилка – 1(40 руб.), рабочие лошади – 2 (200 руб.), молодые лошади – 2 (200 руб.), дойные коровы – 4, овцы старые – 2 (30 руб.). **Всё имущество оценено на сумму 1595 рублей и сдано в сельхозартель 2 мая 1930 года.**

Повторная жалоба А.С. Зайцева о несправедливом лишении избирательных прав была рассмотрена районной комиссией 30 марта 1931 года. **Постановление** было практически прежним: отказать как эксплуататору батраков и закабаления бедноты, давая хлеб под отработку.

Всё. А далее – путь известный: на ссылку, в Нарымский округ. Указан и состав семьи на момент высылки из селения Тамбовское Щербаковского сельсовета:

Зайцев Алексей Сафронович – 43 года, его жена – Анна – 42 года, дочь – Прасковья – 15 лет, сын – Егор – 6 лет и сын Пётр – 2 года.

Указано в Деле и вид занятия, то есть чем занимался: до 1917 года – крестьянствовал, после 1917 года – крестьянствовал. К этому следует добавить, что Алексей Сафронович был и ратником: в Первую мировую (Германскую) войну, побывал он и во вражеском плену, горбаться на хозяина-бауэра. На старинной фотографии, сделанной в то время в Германии, выглядит он весьма крепким и бодрым человеком.

Не удержусь привести цитату из воспоминаний А.А. Шадрина в отношении сосланного А.С. Зайцева – о его работе: *«В 1935 году по всей стране развернулось Стахановское движение. Люди, перевыполнявшие нормы на сельскохозяйственных работах, стали тоже называться стахановцами и заносились на Доску Почета. В колхозе «Культура Севера» тоже были замечательные труженики-стахановцы. Среди них – Зайцев Алексей Софронович, который при норме 70 соток за день вспахивал на лошадях по гектару и более раскорчеванной земли».*

Ещё об одном человеке семейства раскулаченного и сосланного А.С. Зайцева – **Прасковье Алексеевне Зайцевой-Кологривовой** – следует хотя бы упомянуть. Вырастив сына Евгения овдовевшая солдатка, женила его, а сама впряглась в непосильную ношу, выйдя замуж за вдового фронтовика-инвалида Голева Ксенофонта Терентьевича и поставила на ноги шестерых его малолетних детей! Это ли не героический гражданский подвиг Женщины?! Низкий поклон ей и вечная Память!

Зайцев Андрей Алексеевич – один из старожилов Пудинской округи, рождённых уже здесь 1 сентября 1931 года, в семье спецпереселенцев. Его биография полностью связана со своей малой родиной. На данное время ему уже без самого малого – 90 лет. Давненько на пенсии, похоронил любимую жену Елену Ивановну, живёт до сих пор самостоятельно, как некогда и его престарелый отец, своим домом и хозяйством.

Зайцев Андрей Алексеевич

Жизнь в малолетстве не была мазана мёдом. С детской поры познал труд селянина, во всём помогая родителям. Учился хорошо и прилежно. Сначала в начальной школе Калининска, учителем в которой был Нестеров Дмитрий Григорьевич, потом и в Пудинской средней школе. Окончив её, поехал в 1949 году поступать в институт – едва ли не одним из самых первых выпускников школы из спецпереселенческих детей. С ним вместе тогда поехали учиться его сверстники: Семёнов, Димитренко Иван, Кукушкин Василий, Назаров Анатолий.

Хотел выучиться на врача. Мечтал об этом с детства. Поступал в медицинский институт, но до зачисления в студенты не хватило двух баллов. Его приятель из Калининска Анатолий Назаров посоветовал тогда с выпиской о сданных экзаменах попытаться поступить в Томский педагогический институт, на тот же факультет, что и он – физмат. И оба они были зачислены в студенты этого института. Оба выучились, рабо-

тали учителями физики и математики, позднее – завучами и даже директорами школ. Анатолий Фаддеевич Назаров в последнее время проживал в селе Мельниково – центре Шегарского района, неоднократно приезжал на юбилейные вечера встреч бывших выпускников Пудинской средней школы.

Окончив институт в 1953 году, вполне мог сын спецпереселенца Андрей Зайцев остаться работать и в городе, однако поманила малая родина. Приехал домой и устроился работать сначала учителем физики в родную школу. О той поре вспоминает бывший ученик Андрея Алексеевича полковник *Григорий Васильевич Пихенько*: *«Прошло 60 лет после окончания школы, и жив не только я, но и мой учитель физики Зайцев Андрей Алексеевич, который пару раз доверял мне вести урок в своём классе, когда мы проходили оптику»*.

А когда я учился в Пудинской школе, в 9 и 10 классах, Андрей Алексеевич преподавал у нас алгебру и геометрию, одновременно являясь и завучем школы. Его жена, Елена Ивановна, тоже перешла работать в школу. Преподавала она производственное обучение (труды) у девушек, была ответственной за пришкольный участок и руководила обязательно для всех учеников, начиная с пятого класса, летней практикой.

Елена Ивановна приехала в Сибирь, можно сказать, по комсомольской путёвке, после окончания в 1953 году сельскохозяйственного техникума в Великом Устюге. А родилась она в 1932 году в Архангельской области.

Пожились Андрей Алексеевич и Елена Ивановна в 1957 году, некоторое время жили в Калининске, а потом переехали в Пудино. Родилось в их семье трое сыновей: Михаил (1957), Александр (1959) и Леонид (1962).

25 лет отдал Андрей Алексеевич Зайцев школьной педагогике, будучи даже в семидесятые годы и директором школы. А когда начинали строиться город Кедровый и осваиваться месторождения нефти и газа в Пудинской округе, он занимал

должность Председателя Пудинского сельсовета. Четыре года он был на этой должности. Он же явился и одним из участников выбора места под новый город Кедровый в сосновом бору, принимал участие и в дискуссии по выбору названия новому городу, на котором настаивал тогдашний Первый секретарь Обкома партии Е.К. Лигачёв.

Работа в школе и Председателем сельсовета не способствовали укреплению здоровья и нервов. Отдыхал он душой и телом на любимом занятии – рыбалке. Приобщал он к ней и своего брата Егора, и всех сыновей.

А перед пенсией пришлось ему уйти с престижных должностей в обычные кочегары... Годы, увы, не красят человека и не прибавляют ему здоровья. Однако, Андрей Алексеевич Зайцев по-прежнему переживает за нашу малую родину, обладает неплохой памятью и является неперменным оптимистом, поддерживаемый своими сыновьями и внуками.

Детей Андрея Алексеевича Зайцева можно считать уже **очередным поколением бывших спецпереселенцев**. И уже все они пенсионеры.

Старший сын Андрея Алексеевича – **Михаил Андреевич Зайцев**, после окончания Электро-физического факультета ТПИ сначала распределился на «КрасМаш». Отработав после распределения там три года, приехал домой, в Пудино. И проработал практически до самой пенсии в организации «Трансвязьнефть», женившись и живя в Пудино.

Младший сын А.А. Зайцева **Леонид**, окончив Пудинскую среднюю школу, практически сразу же сел на трактор. В армии служил в войсках связи. А вернувшись домой, по рекомендации старшего брата в 1998 году устроился на телефонный коммутатор города Кедровый всё той же организации «Трансвязьнефть», проработав в ней до самой пенсии, на которую вышел в 55 лет.

Наиболее коммуникабельным и словоохотливым из братьев Зайцевых является **Александр Андреевич**. Ему и слово. «Родился я в 1959 году в Калининске. В 1976 году окончил ПСШ, сев на трактор до службы в армии. Служить пришлось в городе Назарово Красноярского края с 1978 по 1980 год.

Вернувшись из армии, решил продолжить учёбу, и уже в том же году был зачислен на Рабфак (подготовительное отделение) Новосибирского сельскохозяйственного института. После года Рабфака зачислили на первый курс механического факультета. Во время учёбы, ещё в 1983 году, женился на студентке этого же института – Наталье Николаевне, а в следующем году у нас уже появился первенец – дочь Елена. Институт окончили мы с женой в 1986 году и решили уехать в Пудино. Приехав домой, в родном совхозе для меня должности по институтской профессии не оказалось. Предложили должность инженера по охране труда и эксплуатации машинотракторного парка. Поработав там почти два года, понял: не моё это дело.

В 1988 году пришлось снова вспомнить молодость, сев на трактор. Помимо этого, работал на разных работах в совхозе, даже помощником ветеринара.

Немного позднее, скооперировавшись с тремя энергичными и предприимчивыми сельчанами, взяли под полную обработку 200 гектаров земли – в районе полузаброшенных и зарастающих полей Сквородино и Лесково. Жили там едва ли не по всему лету, начиная с пахоты и сева и до самой уборки – в завезённых балочках. Десять лет отдано этому делу. Неплохо тогда и зарабатывали за свой труд.

В 1993 году, на базе развалившегося совхоза «Пудинский» решили создать Акционерное общество закрытого типа (АОЗТ). В нём мне предложили должность главного инженера. Так я проработал до апреля 2002 года, доставая всеми правдами и неправдами запчасти, дорожающее горючее, занимались

бартером. В общем, в «лихие девяностые» выживали, как могли.

Во второй половине 90-х годов, когда уже было нечем платить зарплату своим рабочим, решением Общего собрания стали реализовывать под зарплату и технику, по остаточной стоимости. Подзаяв денег у матери и старшего брата, выкупил трактор за 13 миллионов и я. В 2000-м году приобрёл таким же образом ещё один трактор. Оставалось ещё много всякой безнадзорной и брошенной техники и сельхозмашин. Это хозяйство уже начали растаскивать кто хотел и на что хотел, в основном на запчасти.

К этому времени из бывшего совхоза оставалось лишь одно Останинское отделение. Незадолго до этого прекратило существование Калининское отделение. Под нож пустили всё стадо во Львовке, признав всех дойных коров заражёнными лейкозом.

На пай стали раздавать совхозную землю. Из расчёта 10 гектаров на один пай. Мне досталась 20 гектаров земли на Коровино – между бывшими Красным Яром и Ляшкино.

С 2002 года стала расширяться организация «Трансвязь-нефть». Электромонтёрами брали туда едва ли не всякого, кто умел держать в руках отвёртку. Мало того, там уже работал старшим инженером и брат Михаил. Вот туда-то и пришлось устроиться на работу. И начиная с 2004 по 2016 год проработал там, разъезжая по всем точкам системы.

Всю жизнь держали своё подворье: коров, свиней, кур. Хорошо выручали поля на Коровино и приобретённая в своё время техника. Излишки сена продавали...»

Если детей Андрея Алексеевича Зайцева я отнёс к третьему поколению потомков спецпереселенцев, родившихся и выросших уже здесь, то их детей можно отнести к **четвёртому поколению.**

Немного и о них, со слов Александра Зайцева.

Александр Зайцев с женой

Как уже отмечалось, старшая дочь Александра и Натальи – **Елена Александровна** родилась в Новосибирске, во студенчестве родителей. Сама она окончила медицинский институт, по специальности «Педиатрия». В настоящее время работает в районной Бакcharской больнице.

Ольга Александровна родилась уже в Пудино, в 1986 году. Училась на юридическом факультете в Томске – филиале Новосибирского сельхозинститута. В настоящее время живёт в Санкт-Петербурге, работает юристом в системе ЖКХ по капитальному ремонту. Помимо этого, преподаёт на курсах в Центре переподготовки и повышения квалификации, специализируясь по трудовому праву и кадрам.

Самая младшая – **Екатерина Александровна** родилась в 1989 году, училась в Томском педагогическом институте на воспитателя детских садов. Пошла по пути родителей, родив ещё во время учёбы сына **Андрея**. Воспитывать помогали и

родители, и даже старшая сестра, на время переехав к ней в Томск.

Помимо внука Андрея, у Александра Андреевича и Натальи Николаевны ещё трое внучат. Все их уже можно отнести к **пятому поколению Зайцевых**.

СЕВАСТЬЯНОВЫ

Я хорошо ещё помню бабу Катю Севастьянову. Моей бабушке, Ивановой Анастасии Ивановне, она приходилось родственницей: их мужья были двоюродными братьями. И выживать им пришлось вместе в первый год ссылки, в Красном Яру, в наспах отстроенном браке на несколько семей. У неё с мужем Сергеем было четверо детей: один – «привезённый» – Михаил и трое – Мария, Пётр и Валентина – родившиеся здесь, на поселении. Сам Сергей Севастьянов попал «под раздачу» вторично, уже тут, в 37-м, как говаривали, по линии НКВД – по навету его причислили к троцкистам... По статье 58.

*На заре своей писательской карьеры, я написал рассказ **«Когда ракеты в космос летят...»**. Он – практически документален, основан на рассказах бабы Кати и её сына Петра Севастьяновых. И я посчитал уместным поместить его в немного сокращенном виде в эту книгу.*

Вечерело. Я сидел в приятной истоме после домашней деревенской бани в горнице. Тело моё ещё источало банновениковый берёзовый аромат с примесью душицы и мяты. Я вытирал с лица и головы постоянно выступающие капли пота.

Мама сутилась в кухне около русской печи. У меня – последний день отпуска дома, в Пудино, завтра снова самолёт, снова Кемерово. Мимо низкого, с изморозью, окошка промелькнуло тёмное пятно. Дверь в прихожей открылась, и кто-то вошёл в дом.

– Здорово, кума, – донесся из передней низкий, с хрипотцой, но будто знакомый голос.

– Петро, ты, что ли? – послышался несколько удивлённый голос мамы. – Здравствуй. Проходи, садись на стул.

– Гость-то дома?

– Дома, дома. Только что из бани пришёл, отдыхает. Завтра вот и уезжает уже...

Я быстро оделся и вышел в переднюю. На стуле возле тёплой белёной русской печи сидел Петро Севастьянов – наш дальний родственник, лет сорока пяти. Был он в старомодной тужурке-москвичке, на ногах – катаные валенки, с взъерошенными, начинающими уже седеть, волосами на голове. В огромных, натруженных и узловатых руках он держал свою потрёпанную шапочку и что-то завернутое в газету.

Он встал. На чернявом лице появилась довольно приятная улыбка. Мы тепло поздоровались. Петра я не видел лет семь, но за это время он мало чем изменился. По рассказам мамы и бабки Катерины, Петро где-то мотался по нашим просторам, успел даже по пьяному делу схлопотать несколько лет застенков. Он достал из кармана «москвички» початую бутылку водки и поставил на стол.

– Подождите немного, – сказала мама. – Сейчас я на стол соберу...

– Да ты не суетись, кума, – обратился он к маме. – Я ненадолго. Решил вот повидаться с твоим сыном, да гостинчик ему передать.

Он передал мне свёрток, в котором оказалось несколько тёмно-бордовых ремней вяленого лосиного мяса. Я поблагодарил его за подарок.

– А знаешь что? – неожиданно сделал мне предложение Петро. – Давай-ка ко мне домой. Да и бабка Катерина хотела с тобой повидаться. Она уже там и пельменей наготовила.

Я начал, было, отказываться, но Петро настоял на своём.

– Ты уж там недолго, смотри. Последний ведь вечер дома,
– напутствовала меня мама.

Бабка Катерина жила домов через пять от материной избы. Мы вошли в небольшой, но опрятно убранный домишко. Бабке Катерине шёл уже семьдесят шестой год. За последние три лета, что я не видел её, она заметно сдала. Совсем седые волосы выглядывали из-под ситцевого, белого в мелкий горошек, платка. Прищуренные глаза блестели радостной искринкой на ссохшемся, некогда красивом, небольшом личике. Мы поздоровались, сняли верхнюю одежду. Она стала быстро усаживать нас за стол. На столе появилось солёное сало, нарезанное тонкими ломтиками, маринованные огурчики, домашние постряпушки с черёмуховой и маковой начинкой. Запарили в глубокой тарелке маленькие аккуратные пельмешки. Петро начал по стаканам разливать водку.

– Мать, давай и себе рюмку.

– Поди, не надо, Петя.

– Давай, давай, мать...

– Ну, со свиданьем, – сказала бабка Катерина, перекрестившись и поднося рюмку ко рту. – Спасибо, что зашёл, не погребовал старухой. Уж и не знаю, увидимся ли когда, нет?

Мы выпили. Я хрустнул огурчиком и приналёг на горячие вкусные пельмешки. Петро снова за бутылку взялся.

– Петя, ты бы уж не пил больше, поди хватит тебе...

– Ладно, мать, – «послушался» Петро, берясь за наполненный стакан.

От выпитого бабка Катерина покраснелась. Она сгорбленно сидела на широком старинном сундуке – видать, привезённым сюда ещё во времена ссылки; теребила снятый с головы платок, смотрела на нас и покачивала головой из стороны в сторону.

– Не стало здоровьишка-то, совсем не стало...

– А что, баба Катя, поди всё ещё летом косить сено ходишь?

– Не-е-ет, милоч, – голос бабки Катерины звучит в верхних регистрах, ручейком журчит, и не подумаешь, что ей уже семьдесят пять. – Последний раз третьего года косила. Поди помнишь, ты ещё помогал мне. А теперь вот Петя вернулся. Так в этом году я ходила, только грести помогала. А косить уже не кошу, силушки не-э-э-ту...

Я вспомнил, как три лета назад, отдыхая у матери после окончания института, помогал ей косить ручную траву на сено.

– А ведь признаться, с непривычки-то я здорово уставал тогда. Дня три потом бок болел...

– Ну-у-у, милоч, в твои-то годы я и не знала, что такое усталость...

Я поддерживаю разговор, продолжая вспоминать:

– А знаешь, дядя Петя, косили мы тогда, три лета назад с нею, на вашем покосе. Баба Катя просила помочь. Так я и не знал: когда же день кончится?! Косим, косим, а солнышко – всё ещё высоко. Ну, думаю, замотает бабка горожанина. – Я неловко улыбнулся. – Знаешь, грешным делом, я и литовку-то ей точил лишь для виду... Думаю: устанет бабка, домой скорее пойдём. А она всё косит и косит, косит и косит...

– А я, милоч, и не замечала вовсе. Помощников-то тогда у меня не было. Думаю: покосим подольше – раз человек помогает, самой-то мне одной – сколько махать надо... Да-а, досталось нам, милоч, тута... И косили, и корчевали ручную, и пахали на быках... Всё было. Сам посуди: четверо у меня их на руках было. А Сергея – как в тридцать седьмом забрали, так и не видали его больше...

Мы выпили ещё.

– Да-а-а, милоч. Всяко бывало... Жили-то мы раньше хорошо. В Мало-Красноярском райвоне. В деревне Заливиной

мы жили. У нас и лошадей, и коров много было. Работали много, сами. Ну, нанимали, конечно, не без этого. И платили батракам хорошо, не обижали никогда...

Я вспомнил, как баба Катя принесла мне после сенокоса две десятки, за работу, за два дня. Я упорно отказывался от денег, мне было очень неловко брать их за помощь. Но она настояла на своём, матери оставила. Я-то уже от чистого сердца помогал, как говорится, безвозмездно. А она всё ещё по тем меркам жила: раз работают на неё, значит надо заплатить. Пусть, из совсем скудной своей колхозной пенсии.

– Работали мы тогда по-сумасшедши, – продолжала она, жалуясь. – Теперь так не работают...

– А сколько вы подати платили? – встрял Петро.

– Подати? А я уже теперь и не припомню...

– Ну, на жизнь-то вам оставалось? Хватало?

– А чё же не хватало. Хватало, конечно. А потом это, колхозы стали... Мой-то Сергей никак в колхоз не хотел идти... Хлебушек изымать стали...

– Сколько хлеба-то отобрали у вас? – спросил сын.

– Хлеба-то? Да, как бы не соврать... Много, однако. Две тыщи триста пудов, как сейчас помню...

Я прикинул в уме, и выходило – более тридцати тонн зерна. Подумал ещё, что-то, наверно, поднапутала баба Катя.

– А какого хлеба-то? – вёл диалог захмелевший Петро.

– И рожь была, и пшеница, и мука... Овёс тоже был... Вот я вам скажу: первый раз приехали к нам за хлебом. Увезли тридцать коробов. Да в другой раз ещё увезли шестьдесят возов...

– Во-во-во, – постоянно перебивал мать Петро. – Это ж получается, цельных девяносто возов, что ли? А из одежды чё взяли?

– А из одежды? Растащили всё! Что было у нас нажито – всё растащили. И деньги у нас были...

- И деньги были? Сколько денег?
- Не помню, сколько денег было...
- Ну, хотя бы примерно, – наседал Петро.
- Ну, я даже не знаю, как сказать...
- Говори, как на допросе!

И не понять было: то ли Петро подшучивал над матерью, то ли и в самом деле от выпитого начал входить в роль прокурора-следователя.

– Ну, а потом, это... Скотину у нас отобрали, – продолжала она. – А нас тогда сослали. На голу кочку. Зимой... В каком же это месяцу? Погоди-ка...

– В декабре, – подсказывает Петро. – Ну, по моей памяти, как ты рассказывала.

– В декабре? Ну, да, правильно. В декабре, в тридцатом годе. Везли нас тогда вдоль речки Тара, до болота. А перед болотом была деревня, как сейчас помню, Горемычка. А дальше – болото сплошное. Шеисят километров. И холодища была! Снегу тоже в тот год было много. Везли нас на санях. Два дня через болото ехали. Привезли нас туда. По другу-то сторону болота деревня уже была Львовка. Говорят, оставайтесь пока тут. А потом: куда пожелаете, в каку сторону. И называют деревни: тута така деревня, там такая... Ты же ведь знаешь, – обращается она уже ко мне, – какие там деревни были. Правда, каки деревни – названия одно... Потом повезли нас дальше, ещё шеисят километров. Привезли в деревню Собакино. Это теперь Калининск, а тогда его называли ещё Собакиной. Спиридон Собакин с сыновьями своим раньше там жил. Пожили мы тама какое-то время, потом нас ещё дальше повезли, на Чижапку. Привезли нас туда. Бараки начали строить. Рубили прямо сырой лес и складывали из него стены, ни моху, ни соломы никакой нет, чтобы ряды-то проложить... Так, лишь бы на первое время, хотя бы от ветра укрыться... Помимо нас там ещё семьи были. Однако, семей тридцать... Мы-то ещё ладно.

А многие – прямо на улице, на холоду да на морозе. Сперва балаганы делали. Ну, из этой вот, из пихты. Одни погорели даже в этом балагане, все вещички, каки были, пожгли, кое-как ребятишек спасли... Так и жили в балаганах, покуда барачишки не построили...

Мы сидели с Петром примолкнув, пытаюсь представить себе то время и те условия, в которые бросила советская власть обездоленных людей на произвол судьбы.

– А потом переехали мы в Красный Яр, это в восьми километрах от Собакина. Это уже по весне было... Едем мы, значит, по дороге. Ну, там на санях барахлишко какое лежало, да Миша в коробе. А мы с Сергеем позади пешком идём. А я в пимах шла. Пимы-то на мне маловаты были. Ноги все в кровь поистёрла. Иду и плачу. Плачу и причитаю: «Господи, господи, мои-то родные все спят, а я, несчастная, мучаюсь, все ноженьки в кровь поистёрла...» Парнишка плачет. Ему полтора года, два ли всего... А меня Сергей всё утешает: что, мол, плачешь? Вот скоро уже и дойдём... Дороги-то никакой наезженной не было. Лошадь идёт плохо, за всякие корни, пеньки цепляется... Теперича чё? Приехали мы. Около одного барака остановились. Зашли в него. Я стала и молюся: «Слава тебе, Господи, ещё и живы остались...»

Бабка Катерина заплакала, вытирая слёзы ситцевым платком.

– Вот так-то, паря, – обращаясь уже ко мне, как бы поддерживал мать Петро. – И отцу твоему, Степану, тоже лиха досталось. Правда, их уже позже сюда привезли, в сорок первом, война уже шла. Большие друзья мы с ним были. Ну, как говорят, царство ему небесное... Ладно, мать, не плачь. Дальше-то что было, давай, рассказывай...

– О, господи, – бабка Катерина всхлипнула, – всё было... Приехали мы, значит, в Красный Яр, а в барачишке том уже ваша баба Настасья с мужем, Яковом, проживала. С Сергеем

моим оне братья сродные были. Ну, стали мы в одном бараке жить. Да помимо нас, однако, ещё семьи три было. Потом лето подошло. Голодные все, как волки зимой. Исть охота. Летом, правда, полегче стало. Колбу ходили собирать, ягоды, орехи кедровые. Правда, ягоды с грибами много росло. Ну, это уже в тридцать первом было. А что творилось в тридцать седьмом...

– Мама, ты Расскажи в крайнем случае (Петро сделал ударение на среднем слоге) о том, как вас от колбы ворочали.

– Да, было...только ты не перебивай меня. Комендантом у нас в деревне тогда Кузнецов был. А из Новосибирска, или откуда ещё, приехал к нам его начальник с проверкой. Вот Кузнецов и хвалится ему: «Вот, вы знаете, мы у одного гражданина телёнка отобрали». Это у кого-то корова отелилась, да и пропала, а телёночек остался. Телёнок тот вырос в нетель. Ну, мы в складчину эту корову и купили. Отелилась она первотёлком. Молоко стала давать. А кормить ребятню нечем. Вот мы тогда и порешали миром, чтобы телёночка-то зарезать на мясо ребятишкам. А кто-то взял, и донёс на нас. Вот телёнка-то того у нас и отобрали. Ладно. Про этого телёнка-то, которого отобрали у нас и докладывал Кузнецов. А начальник ему: «А что же это? Как же так? Кто вам приказал телёнка отбирать?» Ну, ладно. А Кузнецов, комендант, возьми, да ещё и добавь тому про свои старания: «Вот, мы и женщин ещё садим в байню, за то, что они в лес за колбой ходят...» Ну, начальник ему: «Как этот так? Разве вы не знаете, что люди у вас голодают? Вы посылаете их лес корчевать, а за то, что они для себя в лес за колбой ходят, вы ещё их и в байне запираете?! Это почему же так получается?»

– То был – настоящий коммунист! – комментирует Петро. – Из Новосибирска-то, ага. Вот в чём суть дела-то! Ладно, поужай, мать дальше.

– Потом, правда, полегче нам стало. Колхозы стали создавать и тут. Куда деваться? Обчеством-то ведь, и взаправду,

тут выживать было полегче. Работали. Много работали. Избёнки стали отстраивать себе, из бараков отселяться. Огородышки, какие-никакие пораскорчевали. Картошку там, мелочишку выращивали, всё не так голодно стало, как в первую зиму... Ну, а потом – опять беда: в тридцать седьмом-то году Сергея мово забрали, а у меня осталось четверо ребятишек...

– Двадцать седьмого июня, в аккурат, в день моего рождения, когда мне четыре годика исполнилось, – конкретизирует Петро.

– Ну, да, в июне это было. Старшему, Мише, уже восемь исполнилось. Пете – четыре годика. Девочке – одной пять лет, а другой, Вале, полтора месяца всего и было... Помню, когда пришли к нам в избу, Миша и говорит: «Мама, пришли отца забирать». Откуда он знал это? Я даже и не знаю. Может, чувствовал, что ли... А Петя встал около двери, плачет и говорит: «Мама, я папку не отдам никому...» Так он говорил тогда...

– Мама, знаешь, – вклинивается снова Петро, – детская память – она ведь такая, цепкая... Я, как сейчас, помню: подбежал к двери, закрыл её на крючок, и пока мать не оттащила меня от двери, не давал открывать её никому. Потом отца повели. А я ещё полтора километра бежал за ними, пока Мильшин...

– Не Мильшин его забирал...

– Мама, я хорошо помню, это был Мильшин, ага. Так вот, Мильшин подозвал меня и сказал: «Гражданка Севастьянова, вы отойдите в сторонку, я с пацаном поговорю». Ты отошла в сторонку, а мне он так сказал: «Сынок, ты иди, твой папа вернётся... – а потом добавил: – через двадцать лет». И я ушёл. Он мне так и сказал, мол, через двадцать лет... ладно, понужай дальше...

– Петя, ты что-то путаешь, не Мильшин его забирал, а Филатов.

– Мильшин! – настаивал Петро. – Мама, у меня память-то помоложе твоей будет

– Да, кого там, ты ведь совсем ещё ребёнком был...

– Ну, а вам хоть объяснили: за что его забирают? Обвинения какие-нибудь предъявили? – интересуюсь я у своих собеседников.

– Ни-и-и-чём нам не говорили. Только пришли и сказали: «Гражданин Севастьянов, вы арестованы». А мы ничего и не знали. Никакой вины не знали за ним...

– Вообще-то потом ходили слухи, – говорит Петро, – что были среди мужиков доносчики, белогвардейцы недобитые. Работали со всеми вместе, да на своих же и наговаривали. Сначала – председателю колхоза, а потом уже и комендантам. Будто бы тот то и тот – советской властью недовольны, что такая власть им не нужна. А от наших родителей такого никогда мы и не слыхивали. Наоборот, хотели они всем обществом жить. А мой отец, например, в рядах Красной армии два года сражался, против беляков...

– А ведь и Настасьин мужик, Яков Андреевич, бабушки твоей, ведь тоже служил у красных, в Иркутске. Командиром каким-то был, – поддерживает сына баба Катя. – После-то, жили хорошо, всё горбом своим наживали. Нажили, на свою беду, – баба Катя опять принимается плакать.

– Вот мать сейчас рассказывает, и плачет. Не удивительно. Не удивительно... Ну, а потом он был реабилитирован, – продолжал Петро и добавил: – посмертно. По заключению врачей, ага, из Новосибирска, ответили: «Умер в 1944 году в селе Пудино...» Ага, это когда мы уже здесь проживали и отца живым никто из нас не видел... В Пудино...И, главное, указали причину смерти: «Инфаркт миокарда». Хорошенькое дело – инфаркт миокарда! Это в то время, как отец никогда на сердце не жаловался...

Выпитое и воспоминания разбередили душу этому чёрствому, на первый взгляд, человеку. Своими огромными натруженными кулаками он тёр глаза и было видно, что прошлое и настоящее уже начало тесно переплетаться в его затуманенной голове. Как и у любого выпившего, пошли у него повторы, он стал заикливаться на незначительных деталях и эпизодах, ссылаться на свою нынешнюю горемычную жизнь, в его рассказах стала нарушаться временная последовательность. И всё же порой ещё прорывалось что-то ясное и вразумительное, вроде этого:

– Помню, играл я с ребяташками начальников, и они все рассказывали мне, кто и у кого был их папа... Вот про Мильшина ничего не скажу, его пацан нам никогда про своего отца не рассказывал. А я, хоть фактически и не курил, а табачок всегда имел в кармане, менял его на хлеб, вот так-то, паря... Мне и сейчас в жизни не везёт, из-за таких вот, как моя жена... Ну, да ладно...

Притихшая бабка Катерина поуспокоилась и вдруг спросила:

– А, может, вернётся ещё всё старое? Мы ведь ничего не знаем...

И трудно было понять, что она имела ввиду: то ли 20-е годы и свободную жизнь крестьян, то ли новое раскулачивание, первые годы ссылки, то ли 37-й год и большая война...

– Мама, – перебил её Петро. – Когда в космос ракеты летят, это уже не вернётся никогда! А будет только общий мирный труд и спокойствие для рабочего человека! Вот как!

– Правильно он говорит? – недоверчиво глядя на сына, обратилась бабка Катерина ко мне.

– Правильно! И совершенно верно! – отчеканил, как отрезал, вместо меня Петро.

... До власти Меченого оставалось всего десять лет.

ПИХЕНЬКО

Г.В. Пихенько

О Григории Васильевиче Пихенько мне довелось впервые услышать на одном из школьных юбилеев в Пудино. Тогда, в числе именитых выпускников школы прозвучала и его фамилия. А ведущая того мероприятия, похоже и его же режиссёр, учительница (и тоже бывшая выпускница этой школы) Валентина Кондратьевна Шкунова (Цепелева), с которой мы быстро нашли общий язык, сказала и то, что он, Григорий Пихенько, якобы, ещё и пишет стихи. Я к тому времени уже тоже имел книжечку стихов и две или три книжки прозы.

Потом выяснилось, что он даже является дальним родственником моему школьному другу Анатолию Ивановичу Устюгову. А через некоторое время услышал я о нём же и от писателя Геннадия Круглякова. Оказывается, они вместе учились в Пудино и были одноклассниками. После этого было несколько звонков Григория Васильевича уже из Москвы. Мы познакомились по голосам и надеялись на визуальное знакомство.

Такая встреча состоялась в июне 2018 года в Томске, и на этой встрече настаивал сам Григорий Васильевич. Тогда-то я и увидел этого инициативного, обаятельного, общительного и отзывчивого, по-военному подтянутого, стройного человека – моего земляка, полковника запаса ракетно-космических войск Григория Васильевича Пихенько. Мы обменялись с ним своими книгами и публикациями. И уже из подмосковного Одинцово он выслал мне очерк, написанный о нём нашим же земляком **Юрием Лавровым**.

Очерк был назван «**Страница бытия родного края!**» (с подзаголовком «**Герой рассказа Григорий Пихенько**»)

Его, этот очерк, я и решил поместить в эту книгу, в несколько сокращённом и отредактированном виде. В принципе, очерк этот значительно шире: он не только о «герое рассказа», но и о его предках, родственниках, сосланных в Нарымский край, и том самом времени, «когда деревья были большими», а также о том месте, которое мы зовём своей малой Родиной. И ещё, автор этого «рассказа», Юрий Лавров, несомненно обладает даром лирического прозаика. Обратите внимание на то, как это написано, по крайней мере, в первой половине. Это – и впрямь уже литературно-художественное творение.

...Апрельский солнечный день на реке радовал своим теплом всякую живность и обитателей её акватории. На проталинке, около воды, уже летали красивые бабочки, пролетали мухи на фоне ещё нарастающих островков снега. На прибрежных деревьях трещали сороки, прыгали с ветки на ветку, поглядывая на свои гнёзда. На самой вершине муравейника уже копошатся пока ещё немногочисленные его труженики. На распутившейся вербе жужжат лохматые шмели. Солнце испускало свои тёплые лучи на землю, согревая и лаская её, как родное дитя.

Олег Васильевич свернул своего коня с грязной дороги и направил вдоль берега реки по старой пожухлой траве. Шелест травы и внезапно появившийся на высоком берегу всадник испугнул мирно гревшегося в плавнике бобра. Он, плавно согнувшись дугой, нырнул в воду, не забыв при этом резко хлопнуть по воде своим широким хвостом. Резкий хлопок на воде нарушил благолепие весеннего дня.

Олег Васильевич еле удержался в седле, шарахнувшегося от резкого звука коня. Успокоив его, он решил передохнуть и полюбоваться красивым изгибом русла реки перед омутом. Спрыгнув с коня, он привязал повод уздечки за сучок упавшего дерева, сел на его ствол и закурил свой любимый «Беломор». Солнце уже поднялось высоко и казалось, что своими лучами готово было обогреть каждого желающего после длинной и холодной зимы.

В это время Чужик уже освободился ото льда, и только мелкие его осколки внезапно появлялись, сносимые быстрым течением, то там, то тут. Олег Васильевич заметил какую-то необычную активность одной из таких льдинок, движущуюся против течения. И тут его осенило: оказывается, он принял за льдинку гоголя, выплывавшего из-за поворота реки в омут. Отбросив папиросу, он схватил свою одностволку и стал выцеливать птицу. Выждав момент, он нажал на спусковой крючок курка. Раздался выстрел. Гоголь перевернулся вверх лапками, продолжая дрейфовать к противоположному берегу. Прибывшись к берегу на омуте, тушка утки застряла в небольшом кустике.

«Зачем было стрелять птицу на противоположном берегу? – мелькнула запоздавшая мысль у охотника. – Как теперь доставать добычу?» Река в русле не очень широка, но всё-таки глубокая. Да к тому же, ещё и вода, как ледяная, не успела прогреться.

Упускать добычу, однако, было жаль. И Олег Васильевич решился переплыть на Савраске по летнему броду на тот берег, где когда-то была деревня Большая Речка. Он снял с себя верхнюю одежду, оставшись в одних белых кальсонах и такой же белой нательной рубашке. Направил коня в воду. Тот сначала отфыркивался и никак не хотел идти в холодную воду. Однако, от понукания уздой и ударов в бока голыми пятками всадника, конь всё же вошёл в воду и поплыл. Ледяная вода резко обожгла всаднику голые ноги и всё остальное – до пояса. Вскоре Савраска благополучно достиг противоположного берега, резко выпрыгнул на сушу, отфыркиваясь и вздрагивая от остатков воды.

Олег Васильевич тоже прыгнул с коня, сняв кальсоны, принялся выжимать их. Выжав их, повесил на ветку, а сам, сверкая голым задом, побежал к реке за добычей. Валявшимся на берегу сучком он принялся подтягивать тушку утки к берегу. Однако, как только он вызволил утку из плена кустика, те-

чение реки тут же подхватило её и понесло дальше, к середине реки. Олег Васильевич силился достать палкой утку, не получалось. Тогда он зашёл в воду по пояс – тщетно. Добыча была безвозвратно утеряна.

Вернувшись к месту, где висели его подштанники, он принялся натягивать их на себя. Конь стоял рядом и, казалось, с усмешкой поглядывал на действие своего хозяина. Справившись с подштанниками, Олег Васильевич взобрался в седло и намерился обратно перебраться на другой берег и облачиться в сухую, оставленную там одежду. Однако конь ни в какую не хотел погружаться вторично в водяную купель. Не прельщало и его самого снова лезть в воду. Тогда он решил добраться до своей одежды в круговую – через Львовку, где был мост через Чузик. До деревни было километров пять. Вот уже и поскоти-на показалась. Ворота были открыты, и наш всадник на белом коне торжественно въехал в деревню. Понимая, что вид его в исподнем никак не выглядит на триумфатора, Олег Васильевич, пришпорив коня, рысью проскакал мост. И поскакал в другой край деревни.

В краю деревни, на «Захаровке», жила бабка Аксинья Коровина. Она сидела у своего дома на лавочке, греясь на солнышке. Увидав всадника во всём белом, да ещё и на белом коне, она, перекрестившись, юркнула в ограду и заблажила: «Свят, свят, свят! Конец света!» Набравшись смелости, она ещё раз выглянула из ограды и, убедившись, что ей не помешался «всадник на белом коне», заскочила в избу и, пав на колени перед образами, принялась молиться.

До «Трофимовки», где была оставлена одежда, добрался Олег Васильевич уже без приключений. Облачившись в сухое, он приободрился и поехал дальше по своим делам.

А в это время во Львовке явление «белого всадника на белом коне» стало «притчей во языцех». Бабка Аксинья, намолившись, понесла эту весть по деревне, побежав по соседям. И уже кто-то из жителей, живших за речкой, подтвердил, что то-

же видел «белого всадника». Вся деревня принялась ожидать «Конца Белого Света»...

Олег Васильевич, благополучно добравшись до Шерстобитова, оставив коня на конюшне, сдал седло в «хомуталку» и пошёл домой, к Степаниде Бородавко, где жила его молодая жена Надя Пехенько – дочка Степаниды...

«Надя доводится мне двоюродной сестрой по отцовской линии – сообщал в переписке Григорий Васильевич. – Её отец – Пехенько Пётр Васильевич, и её девичья фамилия – тоже Пехенько. А вот её старший брат Николай носил фамилию Вerezуб. Их же мать была Бородавко Степанида, она официально не расписывалась, а детей записывала на фамилии отцов. Олег Васильевич Макаров прибыл в Шерстобитово за скотом из Томска. Познакомился с Надей, женился на ней и остался в Шерстобитово. Позднее они перебрались во Львовку. Отец Нади куда-то исчез перед войной, и его больше уже никто не видел...»

А в том месте, где «Белый всадник» совершал свой «подвиг», в недавние ещё времена стояла деревня Большая Речка. Сын председателя колхоза Пихенько Василия – Григорий – босоногим пацаном начинал здесь свою яркую и долгую жизнь...

Раннее утро на реке радовало не только игрой солнечных зайчиков на воде и густым ароматом воздуха, настоящего на запахах черёмухового цвета, но и хорошим клёвом чебаков. На небольшом мысочке среди тальника стояли два рыбака. У одного была удочка, на которую он после каждого заброса вытаскивал очередного чебака. Второй рыбак, мальчишка, радостно наблюдал за действиями своего товарища Володи Дагилева. Володя обещал ему каждую вторую выловленную рыбу. Всякий раз, поймав чебака, Володя приговаривал: «Эта рыбка мне, следующая тебе» – и так – раз за разом. После пятой выловленной рыбы из кустов выскочил Яша Фрумусати: «Ах, вот ты где, гадёныш!» Володя бросает удочку вме-

сте с уловом на берегу и бежит наутёк. Зато весь улов достаётся доверчивому мальчику Грише Пихенько, который поверил хулигану и принёс ему отцовские удочки...

Этот далёкий жизненный эпизод запомнился полковнику авиации, участнику запуска первой группы космонавтов, бывшему жителю Большой Речки, Григорию Васильевичу Пихенько. Его любовь к малой Родине не прошла с годами, не затуманилась его крутой военной карьерой. Вот что он пишет в своих воспоминаниях:

«Весь посёлок Большая Речка находился на правом берегу Чузика, где в него впадала небольшая речушка с таким же названием. На левом берегу Чузика была колхозная контора, амбары, кузница, стояла сельхозтехника. И был мост через Чузик, высокий, с перилами... Мне одно время каждую ночь снился посёлок, наш дом и огород. Я видел каждый куст, каждую грядку – такими, какими они были тогда! Это было что-то!

Начну с моего родного гнезда – Большой Речки. В марте 1931 года мои родители, тёти и дяди, бабушка с бабушкой, их братья и сёстры с семьями – были репрессированы. Их привезли в Шерстобитово, где жили, в основном, охотники, и определили место для поселения – в пяти километрах от него, в тайге. Родителей с двумя маленькими детьми (2,5 года и 6 месяцев) приютила семья Седельниковых. Позже я учился до 10 класса с их сыном Петром и всегда дружил с ним (похоронен в селе Мельниково).

С наступлением тепла начались работы по раскорчёвке леса, строительству землянок и подготовке полей для колхоза. Наш отец сумел взять с собой лошадь, она помогала ему строить рубленый домик, где и родились впоследствии ещё шестеро детей! Здесь был образован из ссыльных колхоз «Первое Мая», и отец был его председателем с 1938 года и по 1953 год.

Вскоре началась война, и всех мужчин забрали на фронт. Вернулись очень немногие. В 1945 году я пошёл в школу и помню, как возвращались с фронта земляки.

До ссылки вся моя родня жила в селе Орехов Лог Краснозёрского района Томской губернии (ныне НСО). Из 150 семей деревни были раскулачены и высланы более 100! За что?! А за то, что не хотели сдавать всё своё имущество, скот, сельхозинвентарь в коммуну и идти в создаваемый колхоз. Чтобы понять их, представим нынешнее время: к вам придут с пистолетом и предложат сдать машину, холодильник, телевизор, квартиру и т.д. и идти жить в общагу...

... В первые годы жила наша сосланная семья в маленьком домике, хозяйства почти никакого. И уже в первый год ссылки половина сосланных вымерла от голода, многих расстреляли за украденный колосок, за какое-то слово против власти. Комендантом был некто Кондратьев, я помню его появление в посёлке на красивом жеребце, с кнутом в руках. Люди в страхе падали на землю. Отец никогда в жизни не сказал нам ни одного плохого слова против власти, понимая, чем всё это может закончиться. И это спасло жизнь всем нам. Став в 30 лет председателем, он сумел руководить людьми. А что касается «бывший кулак» – так там других не было...»

Я не знаю, как читателю, а мне начала вырисовываться картина парадокса: оказывается, Василий Наумович Пихенько со всей семьёй и многочисленными родственниками был выслан за то, что они не хотели у себя на родине идти в создаваемый колхоз. А здесь, в ссылке, он не только стал членом колхоза, но даже и его председателем! Стоило ли идти на такие страдания? От чего ушли на Родине, к тому и пришли в ссылке, испив всю горькую чашу лишенцев и спецпереселенцев... Это ли не парадокс?!

Про своё детство Григорий Васильевич вспоминает с любовью:

«В Шерстобитово родители жили с 1954 по 1968 год. Я уехал в училище в 1956 году, но каждое лето прилетал в Пудино, а потом и во Львовку, чтобы навестить их и пройтись по местам детства. Сколько раз я прошёл и проехал через Намечено, Семёновку, Кулики, Ляшкино, Красный Яр, Калининск – в Пудино и обратно! Хотя родился я и закончил начальную школу в Большой Речке, что была между Львовкой и Шерстобитово, где впадала в Чузик речушка, давшая название и посёлку. Рыбалку я любил в разных видах, но всё ограничивалось речкой Чузик. Как жаль, что уже никогда не удастся увидеть исчезнувшие села и посёлки!

Про Шерстобитово могу сказать, что в то время для нас это был центр цивилизации. Там была семилетка и туда съезжались дети – от Лавровки, Львовки и до Куликов. Жили мы в интернатах (сначала все в одном помещении, потом для ребят построили отдельное). Львовский парень Юра Иванов, как и я, но годом раньше, учился (и окончил) в Ачинском авиационном военном училище.

Прекрасно помню Альму Яковлевну Секлер, нашего фельдшера. И её отца Якова Секлера. Начальником почты был Василий Бабич, там работала и моя двоюродная сестра Надя Пехенько. Потом все они перебрались во Львовку, где открыли аэропорт. Мой брат Александр восьмилетку заканчивал уже во Львовке, а десятый класс – в Пудино, в 1967 году. В 1960 году отец временно работал продавцом в Шерстобитово, когда оттуда уехала Гертта Моисеевна. Парфёнов при мне работал и Председателем сельсовета, и Председателем колхоза. Потом перевели его в Пудино, и он долгие годы возглавлял Леспромхоз».

Свою автобиографию в нескольких вариантах Григорий Васильевич изложил в стихотворной поэме, напечатанной в этой книге в разделе «Поэтической строкой». Какая судьба! Какая целеустремлённость! Какое терпение! Какая карьера! И, наконец, какой человек! Каждому ли дано такое? Вы, как хо-

тите, а я не могу удержаться от соблазна, сказав: «Это доступно только настоящему сибиряку!»

Суровые условия проживания в Сибири и в то же время – красота природы – делают здесь человека особенным. Чего только стоит одна речка Чузик, на которой вырос Григорий! Если не считать Великого Васюганского болота, то Чузик – главная достопримечательность этого края! Протекая от болота и до великой сибирской реки Обь, он на своих берегах приютил все окрестные деревни, жители которых многое брали от этой реки. Рыба, птица, зверь, ягоды, лес, транспортная артерия и даже электричество – всё это давал Чузик! В омутах Шерстобитовских, от Первого до Четвёртого, на их песчаных берегах загорали и резвились местные ребяташки. Во Львовке, Шерстобитово, в Пудино на реке стояли плотины. Здесь были мельницы и были генераторы, дающие электроэнергию. Весной все берега реки утопали в черёмуховом цвете. Черёмухи тогда было столько, что её сушёную мешками мололи в муку на мельницах. А из той муки, запаривая кипятком, делались вкусные деликатесы, пеклись пироги с незабываемым вкусом!

В чистых водах Чузика водились во множестве пескари – забава для местной детворы, да ещё и лакомство в жареном виде!

«До сих пор вижу «фото» своей деревни, – откровенничает Григорий Васильевич, – улицы, дома, речки, огороды, ферму, школу... 1 сентября 1945 года я первый раз сел за школьную парту. В классе – два ряда парт. Справа сидят третьеклассники, слева – первый. Я сижу у окна, смотрю в него, забылся, что на уроке, да и запел. Учительница спрашивает: «Кто это у нас тут поёт?» Я чуть не умер от страха. К первому классу я уже умел читать и писать. И даже решать примеры для третьего класса. Когда те ученики не могли что-то решить, учительница вызывала к доске меня. В третьем классе я сидел за одной партой с Катей Плоских. Я не мог насмотреться на неё, так она мне нравилась! Началь-

ную школу я закончил в 11 лет. Но меня не отпустили в Шерстобитово, и я пропустил один год. За отличную учёбу я каждую четверть получал подарок (тетрадь, резинку, ручку или карандаш)

В Шерстобитово, в интернате, сначала мальчишки и девчонки жили в одном здании, спали на двухъярусных кроватях. А через год мальчишек переселили в новое отстроенное здание. Со мной учились Петя Седельников, Коля Парфёнов, Толя Черемисин, с которыми мы потом продолжили учёбу в Пудино. Выпускной у нас продолжался три дня. Был замечательный ужин – на средства, заработанные нами на заготовке дров для школы. От меня тогда ни на шаг не отходила девочка Клара Кучера. После она уехала учиться в Томск, некоторое время мы с ней переписывались, присылала даже фото, которое у меня хранится и по сей день...

Что касается учёбы в Пудино, то мне сильно повезло в том, что я жил на квартире Скляр Сергея Ивановича – заместителя директора Леспромхоза. Директором уже тогда работал наш Парфёнов Иван Моисеевич. Сергей Иванович научил меня фотodelу и это очень помогло мне в жизни. До сих пор я люблю это дело. У меня много альбомов, я их открываю, и вся моя жизнь с окружавшими меня людьми, – как на ладони.

Прошло 60 лет после окончания школы, и жив не только я, но и мой учитель физики Зайцев Андрей Алексеевич, который пару раз доверял мне вести урок в своём классе, когда мы проходили оптику. С классным руководителем Антониной Ивановной Мартыновой я переписывался до последних дней, пока она не погибла трагически в Томске. Меня всегда тянуло на сцену. В начальной школе я играл Ваню Солнцева, в семилетней читал стихи Крылова, Михалкова, Маршака, а в средней школе пел песни: Когда я иду Подмосковьем... Дорогая моя столица, золотая моя Москва!»

В Пудино у меня был роман с одноклассницей Наташей Вольхиной, а когда они куда-то уехали, дружил с сёстрами Коли Парфёнова – Дусей и Таней. В 10-м классе я подружился с Олей Железняк, потом мы с ней переписывались в течение года, позднее всё сошло на нет. Встретил я её через несколько лет во Львовке в аэропорту, где её муж работал начальником порта. Очень мило пообщались...

Да, вот они моменты ностальгии и приятных воспоминаний молодости. Слава Богу, что есть ещё такие люди, которые могут вспомнить свою юность и запечатлеть её в письменном виде. Интерес к быту и образу жизни поколения прошлого всегда изумляет настоящих людей. Не смотря на суровость и трудности той жизни, сейчас многое из того уже воспринимается в розовых тонах. Не просто было и с продуктами питания. В то время в каждом доме была русская печка, в которой готовили еду и выпекали хлеб. Хлеб выпекали из собственного зерна, получаемого в колхозе на трудодни. Зерно мололи дома на примитивных жерновах или на колхозной мельнице. Картошку и капусту выращивали на собственных подсобных огородах. Очень хорошо выручали дикоросы. Ягоды и грибы были в каждой семье. Трудности были в заготовке кормов на зиму для своего скота: косить приходилось либо в лесу, либо по болотам, или по обочинам колков между колхозных полей. Не было и свободного времени для этого, так весь световой день летом трудились на колхозных работах. Часто помощниками по домашней работе были дети, уже с раннего возраста их приобщали к труду.

В сельповском магазине продавали керосин, спички, чай, сахар да селёдку в бочках. Дрова для топки печей заготавливали в лесу вручную – пилили либо двуручными пилами, либо лучковыми, чурки кололи колунами. Взрослые валили деревья, распиливали их на чурбаки. Старшие дети кололи их на поленья, а младшие – укладывали в поленницы. Заготавливали дрова обычно весной, когда берёзы и осины давали сок, и пи-

лить и колоть было много легче, чем летом. На заготовку дров обычно выходили всей семьёй. За лето дрова, сложенные в поленницы, высыхали, а осенью и зимой, с первым снегом, их вывозили на конных санях. Случалось, и зимой вывозили из леса брёвна, а уже дома их распиливали на чурки и кололи. В каждом дворе можно было увидеть козлы для распиливания брёвен на чурки. Вот так! Жернова да пилы, коромысло да колун, лопата да коса с вилами и граблями – основные орудия производства в семье. Время на отдых было только поздними вечерами да ночью – до первых петухов.

Это сейчас многое вспоминается в розовом цвете. А тогда, даже на нашей памяти: ели, как деликатесы, чай плодово-ягодный, прессованный кубиками, кубики кофе со сливками. В интернате, в Пудино, готовили картошку, жареную на плите, ездили на пищекомбинат за костями для борщей и супа. Всё это было, было. Но прошло. И только память наша ещё в состоянии это воспроизвести.

Закончилось то время и наступила новая эра. Мечты и грёзы. Кое для кого они стали осуществимыми. Одним из немногих детей бывших спецпереселенцев с осуществившимися мечтами является и Григорий Васильевич Пихенько, готовивший и отправлявший в первые космические полёты наших космонавтов – истинных героев мирного времени. Он – полковник в отставке, ветеран космодрома Байконур, Почётный ветеран 54-й ракетной дивизии, Почётный ветеран Подмосковья, кавалер ордена Красной звезды. И всё это он – сын раскулаченного и сосланного в Нарымскую ссылку крестьянина, сын председателя колхоза «Первое Мая», выпускник школ: начальной – Большая Речка, семилетней – Шерстобитово, средней – Пудино. Вот таких людей рождала и воспитывала наша Сибирь, наша Пудинская округа!

Теперь мы вынуждены говорить о многом в прошедшем времени. Мы сокрушаемся о переменах в нашей стране, и опять – далеко не в лучшую сторону. Богатейший и необжи-

тый край того времени, ещё богаче оказался теперь. Край, наш край, но не люди в нём! Здесь открыли огромные запасы нефти и газа! «Газпром», как пытается нас убедить реклама, является нашим «национальным достоянием». Правда, люди работают в нём, в основном, не местные, а вахтовики из других регионов России.

Местное население переехало в большие города, с упразднением комендатуры и крепостнического надзора. А деревни, где они некогда жили, забрал «Белый всадник», которого Олег Васильевич невольно представлял на белом коне. А бабка Аксинья своим кликом возвещала о конце белого света.

Вот и пришёл он – конец света – для мест Пудинской округи. Теперь уже даже трудно определить то место, где родился Григорий Васильевич, где была его родная деревня Большая Речка, где было село Шерстобитово, Львовка, Кулики, Ляшкино, Красный Яр – до самого Пудино. Реквием – иначе и не называть. Реквием – даже не по людям – по вымершей деревне...

И вроде бы, благое дело сделали на самом закате Советской власти: рядом с селом Пудино построили город Кедровый – удобный город, современный, красивый. Казалось бы, живи и радуйся! Но...и тут: нет хорошей дороги, нет работы, почти полностью зачахла больница. Привозные продукты дорогие. Как жить дальше? Как выживать? И почти у каждого жителя этих мест одно желание: как бы продать квартиру, да рвануть на «Большую землю»!

Вот на такое грустной ноте приходится заканчивать наш рассказ. Однако, грустить сибирякам не к лицу. Закрыта ещё одна страница нашего бытия. Нам посчастливилось её перевернуть. Но ведь и за этой страницей открывается другая, новая. Какая? Надеюсь, что наши потомки напишут её, и мы ещё успеем её прочесть...

УСТЮГОВЫ

Автором этого материала является мой давний друг со школьных времён **Анатолий Иванович Устюгов**. Человек он разносторонний: заядлый рыбак и охотник, классный бильярдист. А если вы наберёте в поисковике интернета «Чузик», то непременно «выскочит» и его рассказ о речке нашей малой Родины. Так что, Анатолий Иванович – ещё и пишущий человек, его публикуют в газете-толстушке «Охотник и рыболов Сибири», а также в знаменитом альманахе «Охотничьи просторы». А сколько приятных часов провели мы с ним вместе на реке и у костра на берегу Оби... Анатолий Иванович является прообразом моих рассказов «Азартный ты, Парамоша», «Сочинение, которое никто не читал» и других. Живёт он сейчас в селе Мельниково, что в 60 километрах от Томска. По моей просьбе он предоставил эти материалы.

А.И. Устюгов с В.С. Арнаutowым на рыбалке

Родители мои, как по маме, так и по отцу были сосланными ещё в 30-году из-за болота. Основной поток ссыльных шёл через деревню Украинка, получившую в народе название Горемычка, что находится в Северном районе Новосибирской области, по другую сторону Васюганского болота.

Мой дед по матери – **Люшаков Михаил Никитич**, родился в 1870 году в селе Локтенки Краснозёрского района. Принимал участие в русско-японской войне 1905 года. С войны вернулся в звании унтер-офицера. В своей деревне обучал новобранцев строевой подготовке. Хорошо помню, как зимой, лёжа на русской печи он распевал песни, которые ему приходилось петь в окопах. Вместе с семьёй был раскулачен и выслан в Шерстобитовскую комендатуру, в деревню Большая Речка, которая находилась на правом берегу Чузика между Львовкой и Шерстобитовым. Умер он в 1958 году.

Моя мама, Мария Михайловна, родилась ещё до ссылки в 1926 году. Малолетней девочкой была привезена в ссылку вместе с родителями. Училась в школе, работала в колхозе. Переехав во Львовку, работала продавцом в магазине. Когда стали распадаться наши деревни, в семидесятых годах переехала поближе к Томску, поселившись в деревне Анастасьевка Шегарского района. Там и умерла в 2014 году.

Мой дед по отцу, **Устюгов Афанасий Иванович**, родился в 1904 году в селе Загайново Троицкого района Алтайского края. Был женат на Устюжаниной Ефросинье Трофимовне, 1903 года рождения. По документам Исполнительного комитета Троицкого района Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов, в 1930 году был лишён избирательных прав, признан кулаком; хозяйство раскулачено, а сам он с семьёй был выслан в село Шерстобитово. Вместе с ним был выслан и его отец – Иван Трофимович Устюгов, 1879 года рождения.

В 1942 году моего деда Афанасия Ивановича, призвали служить в РККА. Воевал, по его рассказам, под командованием Рокоссовского, награждён боевой наградой – медалью «За

отвагу». После ранения, в 1943 году был демобилизован, умер в 1991 году в Анастасьевке.

Мой отец, **Устюгов Иван Афанасьевич**, как и мама, родился ещё до ссылки, в 1929 году. Женившись, большую часть жизни провел в селе Шерстобитово, работая в колхозах. В то время там было аж три колхоза: «Красный факел», «Первое Мая» и им. В.П. Чкалова.

Я, **Устюгов Анатолий Иванович**, родился в селе Шерстобитово 30 сентября 1951 года. В 1968 году окончил Пудинскую среднюю школу и в том же году поступил в Томский политехнический институт, который окончил в 1974 году по специальности «Инженерная электрофизика». Был распределён на Оренбургский машиностроительный завод на должность инженера-технолога в отдел электрорадиоиспытаний. В 1978 году был назначен начальником систем управления этого же отдела. Вскоре был закреплён на заводе ведущим по производству в части электро-радиоиспытаний морской крылатой ракеты «Гранит» – от этапа лётно-конструкторских испытаний до серийных контрольных испытаний с имитацией старта и сдачей изделий военному представительству Министерства обороны.

В 1978 году без отрыва от производства окончил Оренбургский общественный институт патентоведения с квалификацией «Патентовед ВОИР». Автор более 20 рацпредложений, по одному из которых была внедрена автоматическая проверка электрических цепей во время сборки изделия «Гранит», что позволило на порядок сократить трудозатраты по этой операции.

В 1981 году уволился по собственному желанию в связи с переездом в Томскую область, в село Мельниково. Там был принят мастером на Шегарский завод строительных материалов объединения «Томскагропромстрой». В 1982 году назначен начальником арматурного цеха, а в 1983 году – заместителем главного инженера. С 1985 года – главный инженер этого завода, проработав на этой должности 12 лет.

За период работы на заводе произвёл техническое перевооружение производства: на газовое топливо были переведены три котельные, вращающаяся обжига печь керамзитового гравия, двухканатная туннельная печь обжига кирпича. По коллективному рацпредложению была изготовлена и внедрена установка производства по формовке и немедленной расправке (без пропарки) стеновых камней из керамзитобетона, производительностью 75 штук за одну формовку.

В 1997 году избран Генеральным директором акционерного общества «Шегарское автотранспортное предприятие». В АТП организовал заказные пассажирские перевозки вахтовиков на север области к местам промыслов по зимним дорогам. Сформировал автопоезда для перевозки нефтепродуктов на север области, перевоза за один рейс по 60 тонн ГСМ, Одним из первых предприятий области перевёл автобусный парк на газомоторное топливо – сжатый природный газ.

Дважды (2002 и 2003 годы) Международной академией реальной экономики (МАРЭ) присваивалось звание «Академик МАРЭ», а возглавляемому предприятию присуждался диплом «Лидер рыночной экономики».

С 2011 года – на пенсии. Участник встреч выпускников ПСШ в Пудино и в Томске. Женат, двое детей, внуки.

КРУГЛЯКОВ ГЕННАДИЙ

*Жизнь, которую уготовала этому человеку Судьба, поистине уникальна и драматична, пожалуй, уже с самого начала. Это – довольно известный на территории бывшего СССР писатель – поэт, публицист и прозаик **Геннадий Владимирович Кругляков**. И никто иной, как всё та же Судьба, «подарила» ему даже и этот Псевдоним. Под ним скрывается (и вовсе не по прихоти самого писателя) **Геннадий Теодорович Браницкий-Захаров**. Увы, как писателя я узнал и признал его поздновато. А когда почитал его книгу «**Слушая реки и травы...**», особенно ту её часть, где шли описания нашей малой Родины, проникся к нему уважением и симпатиями. Мы по-*

знакомились с ним сначала по переписке, потом перезванивались по междугороднему телефону (жил он уже тогда в Подмосковном городе Электросталь), а в сентябре 2005 года он побывал и у меня дома в гостях, в Кемерово. И был позднее написан у меня о нём очерк, напечатанный в журнале под названием «Слышавший реки и травы, и даже недра земные...». Выдержки из названной книги, касающиеся непростой биографии Геннадия Круглякова и нашей общей малой Родины, я и решил поместить здесь. И ещё, Геннадий Кругляков доводился по материнской линии троюродным братом моим друзьям детства – однокашникам Александру и Михаилу (Фёдоровичам) Синицыным, а также Анатолию и Владимиру Захаровым.

Кемерово, 2005 г. Г.В. Кругляков и В.С. Арнаутков

... Биография писателя – это, прежде всего, его родина, географическая. Духовная. Его родовые корни, отческие могилы. Художника формирует вековая среда обитания и личная судьба. Чем искреннее автор, тем большую ценность представляет его творчество.

Родился я в 1938 году в деревне **Ляшкино** Пудинского (ныне Парабельского) района Томской области. Деревня была срублена на берегу таёжной речушки Чузик в начале тридцатых годов братьями Захаровыми, моими дедами (Иван, Потап и Никифор) – коренными уроженцами Барабинской степи. Сами они уже и не помнили, кто из их предков первым пришёл в Западную Сибирь. И откуда пришёл?

Достоверно знаю, что принадлежали мои предки по матери к старообрядческому роду. Православные книги древнего письма передавались здесь из поколения в поколение, как и старославянская грамота. В детские годы я видел эти тяжеленные рукописные тома в семье деда Потапа Захарова. Он и оставался их последним чтецом. Где теперь эти святыне книги – Бог знает...

Насильственное переселение дедов из лесостепной Новосибирской области в край непроходимых болот и девственной тайги коренным образом не изменило привычного уклада их жизни. За малым исключением, свободные люди, никогда не знавшие крепостного ярма, оказались людьми поднадзорными. Ни один человек в Советской России не был застрахован от произвола «борцов за равноправие». В первые годы ссылки, когда жить приходилось в скученных бараках, быт поселенцев ещё не был обустроен. Многие, особенно дети, заболевали и умирали. Даже стакан молока в тех местах для детей было найти невозможно.

Мой дед, Иван Фёдорович Захаров, как я узнал позднее, в середине тридцатых годов был снова «востребован» органами и сгинул, возвращаясь с Сахалинской каторги в 45-м или в 46-м году. Собственно, и возвращаться-то ему было уже некуда.

Детство, юность, как и вся моя последующая жизнь, связаны с разными поколениями трёх сибирских семей: Захаровыми, Кругляковыми, Кононовыми. У меня сохранился смутный образ моей матери – Захаровой Прасковьи Ивановны. В памяти осталась только великая любовь к ней. С началом большой войны наша ссыльная деревня наполовину вымерла,

однако и изрядно пополнилась ссыльными «новой волны». Это были «буржуазные» семьи, высланные из Прибалтики, после занятия её советскими войсками. Не все семьи из Молдавии смогли пережить военный голод и холод. Пополнялся численный состав ссыльных деревень людьми из очень разнообразных национальностей. Моё детство проходило среди русских, нескольких молдавских семей и одной латышской.

В начале войны наша ссыльная деревня, вернее коллективное хозяйство и жители оказались на грани вымирания. В четыре года я должен бы что-то помнить, но истощённый голодом, детский мозг вычеркнул из памяти эти чёрные дни и месяцы. Председателем вымирающего колхоза был мой родной дядя Иван Иванович Захаров. Вскоре он умер. Скончался и мой двоюродный брат. Навеки покинула мама. Ещё раньше умерли бабушка, прадед и прабабушка. Целый пантеон, нашедших свой приют на безымянном таёжном кладбище.

Помимо хлеба насущного война требовала для своего оснащения многочисленный перечень продукции. Из тайги вывозили не только лес. Стратегическим сырьём было и пихтовое масло. На фармацевтических фабриках из него изготавливали ценный медицинский препарат – камфару. И вот, на базе соседнего колхоза, в Ляшкино была создана артель по заготовке пихтового масла. Председателем этой артели назначили энергичного бригадира из соседнего колхоза **Владимира Дмитриевича Круглякова**. Семья нового председателя жила в соседнем (в шести километрах) селе Красный Яр. Ему приходилось постоянно ездить домой. Его семью формально никто не ссылал, он добровольно поехал вслед за высланными престарелыми родителями. И уже здесь потерял он с женой Праксковьей Даниловной двух малолетних мальчиков.

Между мной, оставшимся круглым сиротой и проживавшем в семье двоюродного деда Потапа, и новым председателем артели Владимиром Кругляковым стали завязываться взаимные симпатии. По утрам я встречал его далеко за околицей. Помимо вкусных гостинцев, которые он привозил, я въезжал в

деревню вместе с ним верхом на коне. Долго моё одинокое существование не могло продолжаться. Вскоре моя судьба была решена.

Моего усыновления никто и никогда не скрывал. Более того, моя приёмная мама Прасковья Даниловна (урождённая Кононова), выпекая что-нибудь вкусное в родительский день, напоминала мне помянуть мою родную маму. С нею они были знакомы ранее, помнили её ещё и подростком, и девушкой. Моя привязанность к новым родителям была так глубока, а любовь их ко мне настолько естественной, что мне и в голову не могло прийти, что я не родной их сын.

Моя приёмная мама происходила из семьи сибирских старожилов Кононовых – тех самых, кто вели свою родословную от легендарного Макара Кононова, который, якобы, пришёл с Дона и стал мастеровым человеком при самом Никите Демидове. Была мама человеком необыкновенно честным и справедливым.

Отец, Владимир Дмитриевич Кругляков, при других обстоятельствах, получив образование, мог бы достичь многого. Был он, несомненно, человеком умным и способным к учению.

В новой семье, усыновившей меня, я уже не испытывал той крайней нужды, я не был голоден, был обут и одет. Произошло какое-то удивительное перевоплощение. словно по велению волшебной палочки, в одно мгновение, из умирающего беспризорника я превратился в благополучного мальчика. Теперь у меня были не только отец с матерью, рядом со мной находились ещё и дедушка с бабушкой (родители приёмного отца).

Переезд на короткое время в **Красный Яр** расширил мой кругозор. У меня появились товарищи среди сверстников. В Красном Яру, мне казалось, было больше света, чем у нас в деревне. *Дом стоял напротив школы, в центре села, на пересечении улиц.* На улицах – сплошная супесь. Картошка на огороде вырастала вкусная, рассыпчатая. Место для закладки села было выбрано удачное. Оно возвышалось над поймой реки Чу-

зик. В недавнем прошлом на месте села был кедровый бор. На порыжевших огромных пнях вырубок вырастали изумительные опята. И каким же вкусным бывал грибной суп из этих опят, особенно зимой!

Нельзя отгородиться от многообразия мира жизни. Мне и сейчас страшно представить поток мошкары в предвечернее время, застилающей глаза, лицо, уши. А комаров было столько, что в одну секунду они могли покрыть сплошной серой массой каждую часть твоего тела. В середине лета животные и люди не знали спасения от оводов. На ночь комаров обычно выкуривали дымом. У кого была возможность, спали под марлевыми пологами. А каково было людям подневольным в тундре или тайге?

Последний год перед школой я провёл долгую зиму в Красном Яру. Об электричестве и речи не могло быть. Керосина тоже не было. Зимние вечера коротали с лучиной. Чтобы не случилось пожара, тлела она над деревянной шайкой с водой. Щипали лучину из ровных сухих берёзовых поленьев. Использовали её и для растопки русской печи.

Годы войны помню смутно. Перед глазами – плакат. На нём, кажется, красноармеец штыком прокалывает Гитлера. А вот День Победы отчётливо врезался в память! Стояла весенняя распутица. Ещё не просохли и не прогрелись пригорки, не проклюнулись первые ростки зелени. Кое-где лежит снег. Вдоль деревенской улицы, прямо по лужам, бежит долговязый пожилой еврей, одетый в какое-то тряпье, с криком: «Победа! Победа!» Это был какой-то неестественный крик, будто он сам и победил! Еврейские семьи появились в наших краях после занятия советскими войсками Западной Украины, Белоруссии, Бессарабии, накануне начала войны и были депортированы сюда, уже «второй волной». Скорее всего, это были семьи лавочников, ювелиров, аптекарей. Для жизни в колхозе, да ещё и в Сибири, они были совершенно не приспособлены. Жили эти поселенцы, в основном, благодаря посылкам из Международного Красного Креста и щедрой помощи от соплеменников из

богатой Америки. Какой там колхоз, какие трудодни?! У некоторых представителей этих семей можно было достать редчайшие по тем временам лекарства. Когда зимой 1944 года у меня случилось простудное заболевание, отец смог выменять на продукты у пожилой еврейской четы пенициллин – в годы войны редчайшее чудо-лекарство!

А перед тем, как мне пойти в первый класс, мои приёмные родители продали свой дом и переехали в мою родную деревню Ляшкино. Начальной школы там не было, её открыли в Ляшкино немного позднее. С началом моей учёбы в школе, началась и моя новая «взрослая жизнь». В первый класс школы пошёл я в Красном Яру. И квартировал я тогда у моей двоюродной тёти Антонины Потаповны Синицыной (Захаровой). Удивительная была это женщина! Рядом с тётей жили Васюковы, и я подружился с одним из младших братьев Васюковых. Как-то, ближе к первой весенней зелени, зашёл я к своему однокласснику. Мне нужно было помочь ему, как слабому ученику. Чернил не было, да и тетрадей тоже. Мы обмакивали стальные пёрышки в свекольный сок, делая домашнее задание. Но запомнилось мне не это, а тошнотворный кисловатый запах крайней бедности. Мой сверстник предложил мне покопать землю в огороде и поискать в ней редкие клубни перезимовавшего картофеля. Порезав на ломтики, их можно было поджарить прямо на чугунной плите. Всё-таки лакомство, других не было. И не трудно представить, какой радостью бывал для такой семьи небольшой улов рыбы...

В Красном Яру отец частенько навещал нас – то по пути в районный центр, то обратно, выбирая минутку, подъехав верхом. Однажды что-то долго его не было. Мне захотелось самому побежать в Ляшкино. Дорогу я уже знал, даже там, где её можно было сократить по пешеходной тропе. Дорога, по которой побежал я в родную деревню, была единственным сухопутным путём, который связывал наши населённые пункты с райцентром. Шаг влево, шаг вправо – вели уже в таёжные дебри и в топи непроходимых болот. Как же мне не помнить эту

дорогу? Её проторили мои деды, по ней ходили мои родители. Не одну сотню раз позднее проходил по ней и я, в разное время суток – домой – с опустошенной котомкой, обратно, в школу, – с недельным запасом продуктов...

А в тот раз, чтобы сократить время и путь, я пошёл не по колёсной дороге, а пошagal по чуть заметной тропе. Солнце светило, щебетали птицы. Не знаю, что меня отвлекло, чем я залюбовался, может быть, стайей рябчиков, которые спорхнули и расселись по кустам рябины... Когда же я решил пойти дальше, то понял, что сбился с тропы. Не знаю, долго ли я блуждал, и было ли мне страшно? Но неожиданно появился отец на высоком коне. Радости моей не было предела. Кажется, он звал меня, и услышав его голос, я откликнулся. Оказывается, что отец, узнав, что я пошёл в Ляшкино один, тотчас поскакал следом. И не нагнав меня на основной дороге, поехал зимником. Так я и отыскался... Но сколько же волнений доставило моё бегство из Красного Яра близким людям!

В первый класс я пошёл годом позже, чем было положено. Хотя первая попытка (я очень хотел учиться) была 1 сентября 1945 года. Я пришёл в школу и даже сел за парту, но мне почему-то сказали прийти через год. И вот, как бы то ни было, но к новому учебному году я уже умел читать и прочёл тоненькую книжку, отрывок из романа В. Гюго – о Гавроше.

Местоположение первой моей школы в Красном Яру помню отчётливо, но время, проведённое в ней, вспоминается смутно. Одноэтажная, стояла она на песчаном берегу Чузика. Ниже простиралась речная пойма с высыхающим в летние дни озерцом, поросшим осокой. Не припомню, одна или две учительницы преподавали в школе, скорее одна, на все четыре класса. В прихожей школьного здания сидела пожилая женщина (*баба Саня Сковородина, она и жила там в одной из подсобок – В. Ар.*) со звонком-колокольчиком, какие обычно привязывают на шею лошадям, отпуская их в ночь на пастбище. После уроков местная детвора спешила домой, а мы, дети из Ляшкино, шли на свои квартиры.

На уроках математики я никак не мог вникнуть в смысл какого-то арифметического действия, и всё думал: неужели я глупее других? И вдруг я всё понял! И с того времени математика стала самым благополучным моим предметом.

Школа. Сельская школа, – её давно уже нет, как и многих её первых учеников. Исчезли с лица земли давно и мои деревни....

Со второго класса и до окончания начальной школы в Красном Яру я жил на квартире у тёти Тани – по мужу Кругляковой. Она осталась вдовой. На войне погибли её муж (двоюродный брат отца) и старший сын. Дом колхозной вдовы и домом-то назвать нельзя было. Обычная изба с русской печкой. Под потолком возвышались полаты – настил из досок. Там я и спал. Посредине избы висела люлька, в ней лежала дочка тёти Тани Нина, прижитая от служащего из заготконторы Коцюбинского. Когда тётя Таня отлучалась, мне приходилось нянчить девочку... Мой мир был совершенно иным. С каждым днём появлялось в нём что-то новое. Самое главное – книги. В зимние вечера читать не приходилось. Керосиновую лампу зажигали на время, чтобы поужинать. И всё-таки читал я много. «Остров сокровищ», книги Марка Твена, другие книги, что были в библиотеке. Самым ярким событием того времени было, пожалуй, знакомство с творчеством Гоголя. Волосы встают дыбом. Ничего не вижу и не слышу. Страшно! А ещё более любопытно осознавать, как Вий поднимает свои веки...

А вот стихи меня не интересовали. «Лесенка» Маяковского меня просто раздражала, его стихи казались мне тарабарщиной. Конечно, стихи, которые нам задавали на дом, я заучивал наизусть. Однако, уже в третьем классе, ближе к весне, я тоже решил попробовать свои силы в стихосложении. Насколько помню, кроме «сигналов», что снег растаял, и скворцы прилетели, ничего больше сообщить я не мог... Меньше всего меня интересовали всякие пионерские мероприятия. К тому же, куда я пойду, когда на руках младенец?

...Стоит ли говорить, какие надежды связывали граждане нашей горестной Родины с каждой новой весной в военные и первые послевоенные годы. Дожить бы! Первой съедобной травкой была для нас колба, или как её называют в других местах – черемша. Наиболее вкусными считались её сочные стебли, а вовсе не листья, похожие на листья ландыша, которые так щедро продают на подмосковных базарах ранней весной. У нас колба росла повсюду. Колба многих поднимала на ноги. Ели её сырой, толкли с солью, добавляли вместо лука в окрошку. Вроде бы в годы войны её засаливали в бочки. Позднее – увидеть колбу – значило для меня то же самое, что встреча с родными местами.

Яркое впечатление детства – это белый хлеб, выпеченный в казённой пекарне. Такого хлеба я не ел никогда. И запах у него был какой-то особенный.

Вскоре после усыновления и моего переезда в Красный Яр, как-то зимой привёз меня отец в Ляшкино. Приехал я *в гости*. Заглянули в дом к деду Потапу. Парамоновна, его жена, засуетилась, хотя бы что-то поставить на стол. Но какие там угощения – шла война. И тут я увидел мальчика, бледненького, почти сверстника. Зимой его, видимо, даже не выпускали на улицу. Может быть, не было валенок, тёплой одежды. Как же он обрадовался моему приезду! Я привёз небольшой резиновый мячик. Мы сели в низкой комнате на деревянный пол в разные углы и стали перекатывать мячик друг к другу. Сколько было счастья в той забаве! Мячик я, конечно, подарил своему новому другу. Павлик не был исключением, большинство детей нашего возраста росло в то время зимними затворниками. (*Павел Захаров – самый младший сын деда Потапа и брат Антонины Потаповны Синицыной – В. Ар.*)

Усадьба деда Потапа с банькой и с какими-то пристройками примыкала к крутому берегу реки. Из огорода тропинка спускалась по овражку. Там-то я и продемонстрировал своё умение плавать, полученное во время пребывания в пионерском лагере. Первым в речную купель я заманил Пашу. Затем

к нам примкнули младшие братья Гиеш – Миша и Сидор. *(Припоминаю, как дразнили последнего: Сидор Гиеш – хлеба не ешь! А ещё: «Сидор – вице молоканки» – В. Ар.).* Их старшие братья, Иван и Василий, работали на пихтовом заводе и редко появлялись в деревне. Это была большая молдаванская семья: мать, четыре сына и дочь. Крестьянское трудолюбие помогло им выжить. Моё детство было непосредственно связано с молдавскими семьями. Миша был почти моим ровесником, Сидор – помладше. Более тесная дружба у них была с Павликом. Латыш Ян Муценикс, постарше меня, присоединился к нашей компании чуть попозже. С тех пор большую часть времени мы проводили на реке. Появилось и другое увлечение – рыбалка.

Купаться в реке мы начинали примерно с двадцатого мая. Чуть позднее открывалась охота на щуку. Мы ловили их самым простым способом – на силок. Из конского хвоста выдёргивался волос, делалась петля и привязывалась на конец удилища. Чтобы не спугнуть стоящую на солнце щуку, приходилось осторожно подходить к ней. Затем ловко наводить через голову рыбы петельку за жабры и дёргать вверх. Петля захлёстывалась, и щука была поймана. Величину щуки измеряли детской четвертью. Трофеями являлись обычно «четвертушки» или «полторушки», если удавалось вытащить щуку в «две четверти» – это считалось уже большой удачей. А где щука, там и пескарь. Пескарей ловили на песчаных отмелях, на крючок, чаще самодельный, насаживая дождевых червей.

Важным событием для меня стало окончание начальной школы. Для многих моих сверстников на этом и заканчивалось школьное обучение. Чтобы учиться дальше, подростку нужно было жить в районном центре, а для этого у большинства не было ни средств, ни возможностей. Прощай, Красный Яр! Он так и остался в стороне от главной дороги, мне даже ничего не известно о судьбах его жителей. Собственно, и самого села уже нет.

Пудино! Совершенно иной мир! Деревянные тротуары, районный Дом культуры, где чуть ли не каждый день показы-

вали кино. Да что – кино! В районной библиотеке оказалось столько интересных книг. В раймаге, да и в других магазинах было много всякого такого, чего я и в глаза не видел. Кое-какие деньги мне всё-таки выделяли, но, видимо, не более рубля. Это тоже по тем временам немало, ведь оклад уборщицы составлял 30 рублей в месяц, а отец, как председатель артели получал 60 рублей.

В Пудино я жил «на всём готовом». В субботу после уроков, с пустой котомкой спешил домой (*до Ляшкино было 18 километров – В. Ар.*). В воскресенье, к вечеру, с недельным запасом продуктов возвращался в районный центр. Иногда приезжал отец, но это было редко. Я вовсе не бедствовал, моё положение было гораздо лучше по сравнению с учениками из двух отдалённых сельских Советов, которым приходилось жить от каникул до каникул на квартирах. И всё-таки, как защемило сердце, когда перечитывал рассказ Валентина Григорьевича Распутина «Уроки французского»...

Дорога домой для меня стала в три раза длиннее. Запомнилась она на всю жизнь: небольшие овраги, снежные перемёты среди полей, мелкие перелески. И всё же, двенадцать километров до Красного Яра так и остались чужими. Но, минуя Красный Яр, я был уже почти дома. В начале пути я спешил, заранее загадывал для себя расстояние: мол, дойду до этого поворота или мостика через речку, а там уже будет пройдена почти половина пути. И чтобы дорога не казалась такой долгой, старался думать о чём-нибудь приятном. За всё обучение в начальной и средней школе я не пропустил ни одного «похода» домой. Не прогулял ни одного урока. Не было случая, чтобы я не сделал домашнее задание.

В Пудино, начиная с пятого класса, почти все последующие годы я жил у бабушки Тарабыкиной. Удивительный человек! Для меня и сейчас остаётся загадкой, каким образом оказались они с мужем ещё задолго до коллективизации на берегу таёжной речки Чузик? В Ляшкино стояло становье охотника Тарабыкина – дом, обширный огород, домашняя живность.

Охота в тайге не проводилась стихийно, было заранее уговорено: кто и где ведёт свой промысел. Вся тайга, вверх по течению реки Чузик, оставалась вотчиной Тарабыкина. Детей у них не было. А незадолго до начала войны охотника сильно помял медведь. Вскоре пострадавший умер. Бабушка Тарабыкина осталась вдовой. В деревне все называли её Тарабычиха. Знала она все сокровенные места вокруг деревни: самые ягодные и богатые кедровым орехом. Из Ляшкино она вскоре переехала в Пудино.

У каждого человека есть что-то своё, сокровенное. Есть такой заповедный уголок и у меня – это **тайна моего появления на свет божий**. Образ моей родной мамы сохранился у меня навсегда в душе. Хотя после её смерти не осталось ни одной фотографии.

Видимо, в четвёртом классе, или в пятом, роюсь в бельевом шкафу тёти Тани, я неожиданно обнаружил в нём странный документ. Он поразил меня, как удар молнии. Это было свидетельство о моём рождении. Имя было моё, но там значилась другая фамилия и отчество (*Геннадий Теодорович Браницкий – В. Ар.*) Вероятно, лестно себя сознавать, например, потомком Александры Васильевны Браницкой (1754-1838), урождённой Энгельгардт, племянницы князя Потёмкина, жены коронного гетмана Франциска Ксаверия Браницкого! Её дочери, Елизавете Ксаверьевне Браницкой-Воронцовой, А.С. Пушкин посвятил, по крайней мере, два самых загадочных стихотворения... Не знаю, к какому роду принадлежал **мой отец Фёдор или Теодор Браницкий**, как это было указано в первоначальном свидетельстве о моём рождении? Поразила и другая находка – удивительное панно, которое вскоре исчезло из дома. Видимо, очень искусная мастерица вышивала шёлком его: красивая украинская хата, ночной пруд, тёмное небо – удивительная картина, прямо-таки со страниц ранних повестей Гоголя.

А у меня сохранилось выцветшее холщовое полотенце. На нём неровными буквами вышито красными нитками: «Сы-

ночку Геночке Пана Захарова» Это моя родная мама оставила мне на память свой автограф. И это – главное моё сокровище в жизни. Мне трудно теперь сказать: сон это или явь. Моя мама, чувствуя свою кончину, ослабевшая, берёт меня за руку. Помню крутой спуск. В укромном месте она зарывает в расщелину узелочек или свёрток и просит меня запомнить это место. А когда я стану взрослым, прийти сюда и забрать спрятанное... Минувло несколько десятков лет. Я посетил родные места. В нашей деревне не осталось ни одного дома, ни одного жителя. Тщетными оказались и мои поиски...

А историю моего появления на свет я слышал уже позднее от моей тётки **Елены Ивановны Григорьевой**. В 1937 году моя мама училась на курсах бухгалтеров в селе Парабель. Среди преподавателей был человек, который стал её избранником, конечно же, тоже из ссыльных, поляков. Положение спецпереселенцев в правовом положении ничем не отличались от положения бывших крепостных царской России. Воссоединиться маме с отцом суждено не было. О дальнейшей судьбе своего родного отца так ничего и неизвестно... Тайну моего рождения мои родственники унесли с собой в могилы. В 1950 году для поступления в Пудинскую среднюю школу мне понадобилось «Свидетельство о рождении». И оно оказалось у меня на руках с пометкой «повторное», выданное моим приёмным родителям именно в том же году. Основание выдачи: соответствующая запись в Пудинском районном ЗАГСе под номером 3 от 9 декабря 1942 года. Видимо, это и есть дата моего действительно усыновления Владимиром Дмитриевичем Кругляковым. Так я и прожил всю оставшуюся жизнь Геннадием Владимировичем Кругляковым.

В условиях ссылки выживать приходилось кто как мог. Хорошим подспорьем колхозникам были различные промыслы, которые приносили реальные деньги, а не трудодни.

Помню, рядом с нами, пацанами, частенько с удочками на реке сиживал дед Ропал (Ропало). Родом он был, кажется, с Кубани или с Краснодарского края. Кажется, там у него жил

взрослый сын, который иногда присылал ему посылки с сухофруктами. Перепадало тогда и нам, ребятам. Это было так вкусно! Ропалу было, видимо, лет шестьдесят. Постоянной работы у него не было. Правда, была своя «специализация».

А начале лета, в полной таёжной амуниции, в накомарнике, с топором и специальной пикой он уходил в лес **«драть бересту»**. В это время берестяной покров легко отделялся от коры деревьев. На высоте человеческого роста по вертикали топором разрубался берестяной покров. Если ствол берёзы был ровным и высоким, требовалась специальная пика, чтобы сделать разрез и выше, до трёх метров. У Ропала это хорошо получалось. Для промышленной заготовки бересты в лесу отводились специальные делянки. Деревья с содранной берестой не засыхали на корню, а продолжали свой век.

Содранную бересту складывали «рулон в рулон» и сносили в одну кучу. Затем на земле расчищалась ровная площадка, на неё продольно ложились несколько жердей и начиналась укладка бересты в своеобразные тюки. Сверху, для прессовки накладывались сырые брёвна. Берестяные тюки укладывались в корчаги, в специальные ямы. Под ними разводился огонь и под воздействием высокой температуры из бересты выгонялся **дёготь**. Дёготь при гужевом транспорте был также повсеместно необходим, как в наши дни распространённые смазочные масла. Ни один экипаж или телега не выходили в долгий путь, пока не были смазаны дёгтем оси. *(Помимо прочего, дёгтем пропитывались и кожаные сапоги, чтобы они не пропускали воду и влагу. Кроме того, дёготь в то время был едва ли не единственным средством, отпугивающим мошку и прочих гнус – В. Ар.)*

За сезон (месяц-полтора) дед Ропал зарабатывал какую-то сумму денег, которой ему хватало свести концы с концами в последующие месяцы. Помню, в этой трудоёмкой работе принимала участие и мама с Пелагеей Томиловой, а в старших классах я тоже работал на делянках.

Главным мастером и начальником дегтярного «завода» был старик Чечулин. *(Такие «заводы» обычно ставились на окраи-*

не деревне или в некотором отдалении и назывались дегтекурками – В. Ар.) За время выгонки дёгтя сам дед Чечулин так пропитывался его устойчивым запахом, как египетская мумия благовониями.

Изделия из бересты широко применялись издавна в России. Очень хороши были берестяные туюски – для хранения масла (и прочих продуктов питания) в погребе. Торбы и короба были легки и очень удобны для сбора брусники и клюквы.

В летнее время самой массовой работой был сенокос. Здесь всем находилось дело. Поначалу я переворачивал травяные валки, помогал сгребать их в небольшие кучи, возил на лошади копны к стогу, а взрослея, выполнял и более тяжёлую работу – метал высохшую траву, на прополке полей.

Ближе к осени начиналась страда. Вызревшие злаки жали, в основном, вручную, серпами и вязали в снопы. Снопы ставились по несколько штук в суслоны. Их просушивали и свозили под специальный навес, где затем обмолачивали механической молотилкой. Она захватывала и перемалывала снопы, благодаря конной тяге. Три или даже четыре лошади приводили в движение такой молотильный агрегат. Зерно осыпалось по узкой горловине вниз молотилки, а солому по широкому желобу выбрасывало в сторону. Наша артель, в которой отец был председателем, хотя и считалась промысловой, но план по сдаче зерна распространялся и на неё. Кроме того, для лошадей сеяли зерно. Лошади в то время были основной подмогой во всех делах. Заведовал конным двором (конюшней) дед Потап.

Недалеко от нашего дома в Чузик впадала небольшая речушка Чарфо. Там, на небольшом пригорке стоял сарай, где при необходимости досушивали кирпичи-сырец. Формы и яма для кирпичных замесов находились тут же.

Много было летом и домашней работы. Прополка и окучивание картофеля, покос и заготовка сена для собственной коровы. Косить сено для себя мы могли, как и другие члены артели, только по вечерам или рано утром (до и после основ-

ной работы). У нас в деревне было небольшое стадо личных коров, которых пасли по очереди.

За лето на огородах вырастала зелень, появлялись овощи. Изобилие ягод в лесу (и на болоте) радовало глаз.

С нетерпением возвращался я после летних каникул в Пудино. Хотелось встретиться с друзьями, которые жили, в основном, в Пудино. Класа с седьмого у нас появился молодой учитель истории. По совместительству он же стал вести и уроки физкультуры. Вот он и организовал у нас в школе акробатическую секцию. Из нашего класса активными её членами стали Петя Сидельников, Володя Хорошавцев и я. Мы с Хорошавцевым были «верховыми», Петя, более крепкий, коренастый, стал «низовиком». Работали они в паре с Володей. У меня «низовиком» оказался Саша Гуртяков, он учился классом выше. Позднее Александр Максимович окончил механический факультет Томского политехнического института, защитил диссертацию и преподавал в родном институте. *(Заочно и меня Геннадий Владимирович познакомил с А.М. Гуртяковым, мы даже перезванивались с ним, и я подарил Гуртякову несколько своих книг о нашей общей малой Родине, с автографами – В. Ар.)*

Вместе с Гуртяковым учились Ян Муценикс и Петька Кайгородов, который тоже какое-то время жил в нашей деревне. После пакта Молотова– Риббентропа, ссыльный контингент наших деревень значительно пополнился депортированными из Прибалтики, Бессарабии, Буковины, Польши. Среди выходцев из Прибалтики были только женщины и дети. С началом войны от холода и голода большинство таких семей вымерло. Какое-то время несколько сирот, в их числе и я, обитали в колхозных яслях. В нашей деревне выжили только Сильва Ивановна Муценикс с сыном Яном. На родине Сильва Ивановна преподавала русский язык и литературу. Её муж, если не изменяет память, был помощником (*заместителем*) военного министра «буржуазной» Латвии. В Ляшкино жили они на краю села, вместе с многочисленным семейством молдаван Гиеш. Высокий, худющий и нескладный Ян смог всё-таки учиться

без троек и поступил после окончания школы в Томский строительный институт. Как они пережили ссылку – только Бог знает...

Я почему-то плохо помню своих учителей. Знаю, что в старших классах у нас появились молодые педагоги, бывшие выпускники Пудинской школы: по математике – Коровина, по физике – Зайцев. Одно время математику в старших классах вёл неординарный учитель Аврелий Васильевич Деттерер. Позднее он стал проректором в Томском педагогическом институте.

К окончанию Пудинской школы возник вопрос, кем же мне быть? Запомнился мне один разговор с дедушкой. Тогда он посоветовал мне стать офицером. Мы с моим другом Петей Сидельниковым подумывали тогда о мореходном училище.

В 9-м классе я квартировал в семье Осетровых, давних знакомых отца. Оля Осетрова училась в одном классе со мной. А её старший брат Николай был студентом Геологоразведочного факультета в Томском Политехническом институте. На каникулы он приезжал в студенческой форме, которую тогда носили студенты горных и геологических факультетов. Однако причиной выбора геологической специальности было не только это. Река Чузик в некоторых местах обнажает выходы некачественных железных руд, широко известных в нашей области. Кроме того, на болотах частенько можно было встретить фиолетовую плёнку, похожую на ту, которая образуется, если в воду попадает бензин. После седьмого класса, во время летних каникул, я собрал несколько образцов руды и с сопроводительным письмом, в котором сообщал о наличии в наших местах месторождений нефти, послал материалы в Томский музей...

Смутно помню выпускные экзамены. Я заранее послал документы в Томский Политехнический институт. Вскоре пришёл вызов. Провожали меня всей деревней. Проводы длились два дня. Сильва Ивановна дала мне адрес Яна в Томске. Мать перекрестила меня, и мы уехали с отцом в какую-то

лёгкую коляску... Мог ли я тогда предположить, что прощаюсь навсегда не только с деревней, с памятными и дорогими с детских лет местами, но и большинство жителей деревни я уже никогда не увижу. Когда выехали с отцом за околицу, слёзы всё же выступили на глазах...

Вот и сельский аэродром. У меня тяжёлый деревянный чемодан с домашними припасами. Прощаемся с отцом. Двуместный биплан (Як-12 – В. Ар.). Передо мной кабина пилота. В затылок смотрит другой пассажир. Два или три часа в воздухе – и я приземляюсь в совершенно другом мире...

Р. С. Как я уже писал, судьба подарила мне возможность познакомиться и даже пообщаться с этим удивительным человеком. Инициировал это знакомство мой школьный друг и однокашник Михаил Фёдорович Сеницын, уникальный пудинский умелец-Кулибин – троюродный брат Геннадия (сын Антонины Потаповны Захаровой-Сеницыной).

Истинным и шокирующим открытием для меня явилось то, что мы с Геннадием, оказывается, оба жили в одном и том же доме, в Красном Яру, что стоял как раз напротив школы. Только он жил там не так много времени и ранее меня десятью годами, а у меня в нём прошло моё сознательное детство, с 1956 по 1962 (1965) год. Зато мы с ним – дважды одношкольники. Сначала – по начальной – в Красном Яру, а потом и по Пудинской средней школе! Естественно, с разницей в десять-двенадцать лет.

Сначала я писал Круглякову письма в Подмосковье, высылал несколько своих книг, видеозаписи с наших школьных встреч, а позднее довелось и свидеться. Мой очерк о нём был напечатан в нашем кузбасском журнале. Имеется в моём домашнем архиве и несколько фотографий, на которых мы вместе с ним. Очень тепло отзывались и говорили о нём на встрече пудинцев в Томске 2 июня 2018 года, и прежде всего, его одноклассник, полковник в отставке Г.В. Пихенко и вдова Павла Потаповича Захарова – Людмила. Были на той встрече и троюродные брат с сестрой Геннадия – Александр и Екатерина Сеницыны.

В заключение хотелось бы мне отметить, что Геннадий Владимирович не только окончил ТПИ, став классным геофизиком. Был и ещё один вуз на его счету – Литературный институт им. Горького. Как геолог и геофизик, в первые годы своей профессиональной карьеры, он немало потрудился в Кузбассе, исследуя и открывая месторождения не только полиметаллических руд в Горной Шории, но и месторождения скарнового золота в Тяжинском и Тисульском районах Кемеровской области. Потом были геологические экспедиции по Алтаю и горам Средней Азии. А самая первая поэтическая книжка его вышла тоже здесь, в Кемеровском книжном издательстве, в 1967 году. И называлась она «Взмах крыла». Потом были книги «Звёздная чаша», «Золотое руно», статьи о творчестве русских и российских писателей и многие другие. Из числа книг следует отметить его прозу – «Пегие горы», посвященную геологическим изысканиям и открытиям замечательного учёного и геолога И. Б. Мушкетова.– В. Ар.

КРЮКОВ ВЛАДИМИР

***Владимир Михайлович Крюков** по возрасту старше меня всего на два года. Родился он в 1949 году в Пудино. Его я не помню, а вот его маму и горбатую тётку, работавших в Пудинской больнице и в аптеке, припоминаю. В начальные классы Володя ходил в Пудинскую школу, а потому вполне заслуженно ему отведено место в школьном музее. Уехали они из Пудино, когда ему было всего лет двенадцать. Но детская память сохранила многие картины – и окрugi, и самого села Пудино, и, разумеется, речку нашего детства – Чузик. Лично с ним мы познакомились уже на писательском поприще: сначала у нас, в Кемерово, на каком-то юбилее писательской организации, потом уже и в Томске встречались. В настоящее время Владимир Крюков возглавляет Томскую областную организацию Союза российских писателей и является соредактором томского литературного журнала «Начало века». А наш кемеровский журнал «Огни Кузбасса» неоднократно печатал подборки его стихов, краеведческие и публицистические статьи и рассказы. В четвёртом но-*

мере журнала «Огни Кузбасса» за 2015 год был напечатан его рассказ «Большая река». В этой «большой реке» совсем нетрудно угадать наш Чузик и многих людей – такими, какими мы воспринимали их в нашем детстве.

*Томск, 2013 г. В. Арнауты и В. Крюков.
На Дне Памяти жертв политических репрессий*

Большая река

Ах, давно это было! И время было непростое, но для мальчишек тех лет весёлое, манящее дальше по бесконечному полю жизни. Вот какое было время: на всю деревню – три мотоцикла, и пацаны бежали за проносящимся «ижом», стреляющим сизым дымом, чтобы глотнуть, вдохнуть отработанный бензин из выхлопной трубы. Они любили и другие, близкие с рождения запахи – навоза для огуречной гряды, коровьего стада, растекающегося вечером с улицы по дворам, любили

дым сжигаемой картофельной ботвы. Но это был новый, экзотический запах и новый голубой дымок романтики.

В тот год весной взлетел в космос Гагарин, и все обсуждали нерядовую новость. Старики и вполне пожилые крестьяне, сосланные сюда, за Нарым, говорили про этот виток ракеты вокруг Земли спокойно. А тех, кто помоложе, внезапная гордость охватила. Казалось, у них тут своих забот хватает – и по мере взросления их только прибавляется. Но, может быть, жизнь больше и не даст повода для такого высокого чувства. А тут оно всколыхнулось. Затрепетало. Не всякий сейчас вспомнит знаменитый год, начало космической эры. 1961-й.

Под косогором на краю деревни текла речушка. Название у неё было красивое – Ольга. Она была мелкая, но хорошо проточная, потому не было мест, захваченных тиной. На таком мелководье вода, что у берега, что на серёдке, была равно тёплая. И хорошо было в ней плескаться – всем по пояс и лишь на самой *глыби* – до плеч. Каждый летний день часами валялись у воды несколько таких же малолеток, как Митя (он первый класс нынче закончил). И тучи не пугали, не отпугивали: бежать до деревни в случае затяжного ливня или дождя недалеко. Но погожих дней было несравнимо больше.

Взрослые ребята купались на другой реке, до неё надо было идти через поле и овраги, пожалуй, километра два. Там, на большой реке, были места, где сразу резко от берега начиналась глубина. Ребята отыскивали такой крутой обрыв, где с разбега можно было нырять хоть солдатиком, хоть повзрослому – вниз головой, с вытянутыми вперёд руками. Там над водой нависали большие деревья. Рассказывал об этом Мите Васька Помешкин, насмешливо глядя на мелководную Ольгу. На берегах Ольги, кроме яркой зелёной травы, ничего не росло, ни одного куста, помогающего спрятаться от зноя. Здесь в солнечный день, да ещё в безветрие, было утомительно. Рассказы Васьки западали в память, и снились Мите иные берега, иные волны.

Зато в августе, когда уже не палило, а грело, выйдя из воды, можно было зарываться в тёплый песок. На нём оставляли следы присутствия деревенские коровы, и не только следы копыт, но и большие блины, которые рождались иногда прямо на глазах малышей. Коровы задирали хвосты, и лепёшки укладывались на землю со звуком, напоминающем хлопки в ладоши. Ребяшня прогоняла коров подальше вовсе не из-за этих лепёшек, быстро подсыхающих на солнце, а из-за паутов – тупых и агрессивных кровососущих. Часть их, прилетая за коровами, переключалась на детей. Из-за бесшабашной устремлённости на кровь, век паутов был недолог. Наглость не прощалась, вера в безнаказанность их губила. Даже самые маленькие пятилетки (в деревне их привычно звали шибздиками) лупили мерзавцев наповал, не давая им присосаться. Но лучше бы их вообще не было.

Митя прибежал домой голодный. Бабушка встречала радостно, приговаривая: «А мы сейчас живой рукой соберём на стол». *Живой рукой* – это он запомнит на всю жизнь – то есть, скоренько, по-быстрому. А сколько других её присказок забудутся, затеряются в суетной жизни. Бабушка по-кержацки звала верхнюю одежду *лопотинной*, улица у неё называлась *улка*, красивое платье было *баское*.

Или вот ещё, история про Сухиню. Наверное, всё дело не только в этой необычной фамилии. Рассказывалась довоенная ещё история, когда некоторые ссыльные из этих мест совершали побег. В основном зимой, когда застывали реки и болота. Рисковые были люди, и не у всех получалось уйти далеко, затеряться в просторах Сибири. Но кому-то и удавались эти отчаянные походы. Так и ушёл, схоронив жену, Сухиня с подростками – дочерью и сыном... Через несколько лет вернулся в деревню, отслужив в армии, сын колхозного конюха Ляхов. Среди многих армейских баек он поведал и такую.

В начале службы было у них общее построение. Командир выкликал по фамилии, будущие солдаты отвечали: «Я!»

Ляхов на всех поглядывал. И вдруг закричал, когда один парнишка отозвался на фамилию Панов: «Какой же ты панов? Ты ж – Сухиня!» произошла заминка, командир строго спросил: «В чём дело?» И придурковатый Ляхов охотно ответил: «Я ж узнал его!» После строя давал он пояснения начальству. И Сухиню уже больше никто из солдат не видел... Старухи, слушавшие эту историю, качали головами. И Митя, кажется, впервые переживал предательство, как будто оно коснулось именно его. Но старухи почему-то не поминали того Ляхова недобрыми словами, а лишь говаривали: «Вот Бог его и наказал...», потому, что погиб Ляхов чуть ли не в самом начале войны.

«А за что же тогда Бог наказывал хороших людей, – думал Митя. – Вон, у Васьки Помешкина отец пришёл с войны израненный, и десяти лет после Победы не прожил. А сколько вообще не вернулось? Как их вспоминают: какие они были добрые, весёлые и славные люди...».

Однажды утром Митя отправился обычным маршрутом в магазин за хлебом. Иногда, как сегодня, приходилось дожидаться, когда из пекарни приедет подвода. Подъехав к магазину, извозчик Гена Полоротый (у него и вправду рот всегда был приоткрыт) привязывал лошадь к столбу ограды и распахивал большой деревянный ларь. Там на поддонах лежали свежие булки с наплывающей, нахлобученной коркой. Такой хлеб был только в том деревенском детстве. Во взрослой жизни Митя покупал уже аккуратный стандартный хлеб, который не нужно было взвешивать на весах. А какой одуряющий запах шёл от этого хлеба! Может, из-за него, этого вкусного, дразнящего запаха и стоило приходить прямо к разгрузке.

В это утро Митя неожиданно стал центром внимания. Мальчишка годами тремя старше (Митя знал его по фамилии – Брагин) смотрел на него насмешливо-внимательно и вдруг спросил таких же по возрасту спутников:

– Этого, что ли, бабушка привязывает ниткой за ногу, чтобы не потерялся?

Товарищи его засмеялись. Митя стоял, не зная, что ему делать. Хотелось повернуться и убежать, но он уже понимал, что это будет трусость. Но не оправдываться же, не смеяться вместе с ними. И кто это придумал такую глупость?

Тут из переулка появился босоногий Васька Помешкин со своей кирзовой сумкой в руке. И к нему тоже обратился Брагин:

– Его бабушка привязывает ниткой, чтоб далеко не убежал?

Васька обернулся к растерянному Мите. Сказал подросткам:

– Не, это не про него. Он вообще с нами просится к реке сходить.

– Ну, если просится, давай сегодня и возьмём. Пойдёшь с нами?

Отступать было некуда, и Митя кивнул. Тут Гена хлеб привёз. И другие темы разговора нашлись. И Васька уже на пути из магазина довольный лопотал своей скороговоркой:

– Ну, ты ж правда, на реке ещё ни разу не был? Пойдём? Только прихвати у бабки пару огурцов да кусок хлеба, только незаметно, чтобы шум не подняла. Я тебе под окном помаячу и побежим.

И ушёл тогда Митя к большой реке, не сказавшись бабушке. Перешли Ольгу вброд, спустившись прямо с улицы Набережной сразу за колхозным конным двором. Весело шла новая для него компания по незнакомому лугу. То есть, луг этот Митя видел со своего огорода и с берега родной для него Ольги. Но луг заканчивался для глаза полосой тёмного ельника на взгорке. За чёрные пики ёлок и садилось летнее солнце. Теперь же они шли по лугу, по едва намеченной дороге, но всё-таки она была, продавленная тележными колёсами, отмеченная кое-где следами конского навоза. А вокруг стояли тра-

вы, в них гремели кузнечики, иногда в чистый свежий запах луга вплетался сладкий дух лабазника или медуницы. Вдруг кто-то из пацанов срезал высокий стебель пучки, отрубил до размеров школьной линейки и начал пулять в товарищей через эту полу трубку загодя прихваченным из дома горохом. Надоело – бросил её в траву. И опять они шли, смеясь и болтая, по зелёному лугу. Потом поднялись на пологое взгорье, прошли еловым леском (тем, который казался из деревни краем мира) и вновь спустились.

И это уже был берег реки. Она казалась Мите большой. Да такой и была – метров с полста до другого берега, густо поросшего тальником и черёмухой. Светло-зелёная вода медленно двигалась мимо. И в этом достойном движении, в отчуждённости и независимости виделось ему что-то тревожное и опасное. И, несмотря на галдящих собратьев, сбрасывающих свои холщовые штаны и сатиновые трусы, он не мог освободиться от этого чувства. Но нашлась и для него заводь с мелкой прогретой водой, куда он и вошёл, и присел, погрузившись до шеи. А дальше открывался широкий простор, куда заплывали ребята постарше. Потом они жгли костёр, ели, что Бог послал – огурцы, яйца вкрутую, хлеб. Брагин со своим соседом пили молоко из одной бутылки. Хотели сегодня дойти и до плотины, но уже устали от плавания, заленились. Ладно, *в другой раз...*

Митя возвращался, гордый победой над собой, с радостным чувством открытия новых земель. Сколько прибавилось сегодня освоенного пространства! И вот, Митя видит у крыльца свою бабушку. На ней лица нет. Самые страшные бабушкины ругательства: «Пролета голубушка» (от проклятая), «Будь ты неладна» (чаще всего обращенное на себя за какие-то промашки). И уж вовсе экзотическое: «Андрян дикой» и «тун-тун-игоян-братка» И ни одного из них удостоен Митя в этот раз не был.

Соседские старухи, и это не раз слышал Митя, грозились беспутным внукам карой: «Ох! Смотри, паршивец! Бог – он всё видит! Накажет, так и знай!» Бабушкин Бог был человечнее. Он жил в её благодарных молитвах и никогда не представлял строгим экзекутором. И сейчас она к нему не зывала. Она просто молчала, только позволив себе заплакать, когда отпустило напряжение. Как же всё меркнет перед этим горем! И раскаяние охватывает Митю, и стыд – как он мог ещё минуты назад радоваться удачному обману, бесследному исчезновению из-под бабушкиного призора?! Они примиряются, бабушка тихо плачет, прижимая его к себе и поглаживая коротко стриженую голову. И завтра он уже не идёт с пацанами, не смотря на их подначивание.

А после обеда бежит по улице тётя Шура – из сосланных латышек, и кричит: «Ребята потонули!» Они дошли-таки до плотины, а там на привязи чья-то лодка, они забрались в лодку, лодку снесло к водопаду. И один из троих не выплыл. «Это и был *другой раз*» – с ужасом подумал Митя.

Уже вечером эту жуткую историю представлял её участник Васька Помешкин: «И какого чёрта эта мелюзга в лодку полезла?! Их снесло к водопаду и выбросило в поток. Крыгин ещё успел выпрыгнуть. Сашку Пестерева я выловил, его почти к берегу прибило. Он воды нахлебался. А Вальку не удалось догнать. Я бежал вдоль берега, думал перехватить его на мостках, которые там недалеко. А он нырнул – и с концами! Мужики его ниже нашли, где течения уже почти нет...»

Валька Чудаков был мальчишка из параллельного Мите класса. Русский, невеликий ростом, но складный, заводной, вполне отвечавший своей фамилии. Митя вместе с другими на переменках не раз смеялся его проделкам. И вот сейчас Валька вернулся домой не своим лёгким шагом – его привезли бездыханного на телеге. И мать, и сёстры плачут, убиваются. А отец сидит во дворе и курит папиросы одну за другой.

Митя не пошёл проводить Вальку на кладбище. «Я не могу, баба», – сказал он, умоляюще глядя в её глаза. «Ну, и не надо, если не можешь. И не надо, – бабушка провела рукой по его голове, похлопала по спине и, уже отворачиваясь, проговорила тихо, для себя, но он услышал: Наглядишься ещё...»

И вот, родители переехали в посёлок далеко отсюда, ближе к городу.

... Когда Дмитрию было уже далеко за двадцать, полетел он на родину на испытанном друге северян Ан-2, глядя в иллюминатор рокочущей машины, видел внизу редкие ниточки речушек, иногда массивы тайги, а больше всё – болота, болота. Ни жилья, ни возделанной земли. Безлюдье и болота...

Теперь он уже знал, какая злая воля сорвала людей с насиженных мест и бросила сюда, на край света. Тех, кто это устроил, нimalo не заботило, выживут ли мужики, женщины, дети. А они, скреплённые общей бедой, выжили (не все, понятно) и почти сроднились.

Уже не первый год шофёры укрепляли на ветровом стекле фотографию человека, который «выиграл войну и спас СССР». Человек этот при царизме отбывал ссылку в этих местах и благополучно бежал, то есть, почти не таясь, уехал отсюда на пароходе до Томска, а там – по железной магистрали последовал дальше, в Россию, чтобы с товарищами продолжить подготовку освободительной революции. И новая власть посчитала эти места вполне пригодными для новой ссылки, но она учла просчёты и послабления царской системы. При советской власти только крепкие люди решались на побег отсюда.

А такие хрупкие, как Альма Яковлевна... С непроходящей жалостью вспоминал он эту яркую красивую еврейку с грустными глазами, на которую засматривался с детской влюблённостью. Её разлучили с мужем, сослали в эту глушь из тёплой, обжитой предками Бессарабии. И спасло её здесь медицинское образование, полученное не где-нибудь, а в Вене.

Подумать только: где Вена и где забытое Богом село в Нарымских болотах?!

После отмены комендатуры многие ссыльные уехали – кто почти втихую, наскоро собравшись, как будто боясь, чтобы власти вдруг не передумали. Кто, попрощавшись полюдски, вечером в небольшой компании за самогоном, как отец Митиного одноклассника Юзика, крепкий молчаливый литовец.

Уехала на родину и Альма Яковлевна. И вдруг на другой год возвратилась. В родных местах никого из той счастливой жизни она уже не нашла и не встретила: муж погиб в лагерях, брат умер, другой брат уцелел в военной круговерти, но очутился в Америке. И оказалось, что самые близкие её люди живут здесь – врачи, учителя, медсёстры и их дети. С мужчиной она ни до отъезда, ни после не *сошлась*, как это называли в деревне. Но место в больнице для неё нашли. Не врача, конечно, Никакого венского диплома она предъявить не могла, да, наверное, начальство и не признало бы несоветской бумаги. Но старшею медсестрой работала до конца жизни. И прожила она немного за шестьдесят. Она переписывалась с братом, получала редкие посылки, угощала Митю заморскими конфетами, шоколадом.

... Но ни Альмы Яковлевны уже не было в живых, ни тётки Шуры – глашатая всех новостей – и трагических и радостных. Тётя Шура тоже покоилась здесь, не пожелав отправиться, когда это стало возможным в свою Прибалтику.

Здесь же были похоронены и Хохряковы. Когда-то они жили по соседству с бабушкой. Тётя Люба работала медсестрой в больнице, а сын её, взрослый парень, нигде не работал. Но это не как сегодняшние великовозрастные балбесы, которые просто не хотят. Миша не мог работать. Левая рука его висела плетью. Но мало того – он и умом был тронутый. «Февраль» – таких называла мать Васьки Помешкина, подразумевая, что у этого человека «не хватает». А в чём это выража-

лось? Ему уже семнадцать-восемнадцать, а люди называли не иначе, как Мишкой. Но Митя, в отличие от других, звал его Миша. Оба они самозабвенно любили кино. В деревне, понятно, на киносеансы все ходили. Но так смотреть, чтобы назавтра припоминать поразившие места, хохотать, или, наоборот, ужасаться, могли немногие. Правда, вспоминал эпизоды Митя, обращая к старшему другу реплики, типа «а помнишь?», «а здорово, да?». В ответ Миша лишь гудел да смеялся охотно. Иногда Митя, глядя, как под вечер стянуло тучи, мог сказать: «Похоже, завтра погода испортится?», в ответ слышал: «А что? Свободно!» И остался Миша у Мити в памяти на всю жизнь со своим неизменно добрым взглядом.

Митя пришёл на кладбище. Когда-то его обнимал березняк. Сейчас остались деревья, которые росли у самых могил и тронуть их было, видимо, неловко. Остальное выпилили на дрова. Остановился с краю, не стал пробираться между холмиками и погнившимися оградками, искать знакомые имена на крестах и памятниках. Всё кладбище для него было одной дорогой могилой. Всех вспоминал он, стоя в пожухлой сентябрьской траве – и безымянных людей, которых встречал на улицах, в магазине, и тех, с кем сидел за чаем в гостях у одноклассников, и знакомых бабушки, и друзей отца-матери. Все они были ему родней.

Р. С. В этом небольшом по объёму ностальгическом воспоминании о детстве и малой Родине, где родился и рос будущий краевед и писатель Владимир Михайлович Крюков, узнаваемы многие персонажи. И прежде всего – в Мите – как в зеркале отражается сам автор конца пятидесятих-начала шестидесятых годов. Даже я ещё помню Витю Хохрякова (Мишу), у которого «левая рука висела плетью» и которого мать Васьки называла «февраль». Васька По-мешкин в будущем станет ни кем иным, как профессором-историком Томского университета Василием Александровичем Де-мешкиным. Альма Яковлевна – кто ж из старшего поколения пудинцев не помнит её, так же, как и басовитую латышку тётю

Шуру?! Ну, и, разумеется, речки, обнимающие «деревню» (Пудино) – с северо-востока – Коньга, с востока – Чузик и с юго-запада – Ольга. Они-то – никуда не делись, не уехали, а лишь продолжают, как и сотни, тысячи лет, нести свои воды – сначала в Парабель, а потом и в Обь, едва ли не параллельно знаменитому Васюгану, впадающему и впрямь в «Большую реку» – в Обь, пониже Нарыма и Колпашева... Изменяется, конечно, и их внешний облик, но они-то в большей степени и являются незабываемыми атрибутами нашей общей малой Родины. (Комментарий В. Арнаутова).

ХОРОШАВИНЫ

Одной из немногих возможностей вырваться из колхозно-крепостнического ссыльно-поселенческого плена была служба в армии, пожалуй, ещё и учёба в высших учебных заведениях. Как я уже писал, в первые годы войны, на фронт не призывались те, кто являлся спецпереселенцем. Даже «первой волны» (1930-1935 годы). И лишь после того, как основные резервы «свободных» граждан СССР были на пределе, а враг вплотную подошёл к Волге, вспомнили и о спецпереселенцах. С них стали стирать клеймо «ссыльных» и «спецпереселенцев», снимая со спецучёта в комендатурах, и, обучив на скорую руку военной науке, через месяц-другой отправляли на фронт, в самое пекло. Многие из них сразу же попали летом 1942 года под Сталинград. Там и сгинули. Зато и их семьи были сняты со спецучётов в комендатурах. Правда, освободиться от колхозного ярма и покинуть места спецпоселений и им было по силам далеко не всем. А тех ссыльных мужчин призывного возраста, кого депортировали «второй волной» – (в 40-м 44-м годах) не призывали на войну вообще – видимо, опасались, что они, испив полную чашу лишенцев в уготованном им советской властью «рае», тут же окажутся перебежчиками. Те же бывшие спецпереселенцы, кому посчастливилось остаться в той бойне живыми, вернувшиеся домой, старались при возможности уехать в город (Томск, Новосибирск, Барнаул,

Омск) и, получив паспорта, остаться там, устроившись на работу где угодно.

Выезд из мест поселения на учёбу тоже давал возможность после окончания института получить распределение на работу в иные города и веси СССР. И, наконец, послевоенная служба в рядах СА и ВМФ тоже позволяла освободиться от колхозного бремени. Многие либо оставались по месту службы сверхсрочниками, либо вообще не возвращались домой.

Одним из таковых, кто посвятил себя службе в армии стал **Константин Александрович Хорошавин**, 1944 года рождения. Родился он в пяти километрах от Пудино, в селе Гонохово, куда были сосланы раскулаченные его предки. Константин вышел на военную пенсию в звании майора, захватив и службу в Афганистане.

В силу нашей разницы в возрасте (7 лет), его я не помню, зато хорошо помню его младшего брата Михаила (годом двумя старше меня), с которым мне даже как-то довелось быть одновременно в пионерском лагере, в Пудино (жили в одной комнате здания интерната, ходили купаться на Плотинское озеро, в поход с ночевой в Гонохово). Познакомились мы с Константином – этим интересным и инициативным человеком – на встрече Пудинской диаспоры в Томске, 2 июня 2018 года. Он был единственным участником (из 65 человек), кто прибыл сюда (он – из Омска) в военной парадной форме. При всех регалиях. Тогда же, в ответ на мою подаренную книгу, я стал обладателем уникального альбома, в двух томах! В этом альбоме, выполненном очень качественно, поразили меня в первую очередь отличные красочные копии **Герба рода Хорошавиных**: на четырёх фотографиях представлены Титульный лист, Гербовая грамота, Описание Герба и Семантический лист к Гербу рода Хорошавиных. На следующем развороте альбома была схема генеалогического древа Хорошавинского рода.

Герб рода Хорошавиных

Грбовая грамота Хорошавиных

К чему я всё это? Да к тому, что мы, потомки, — дети и внуки спецпереселенцев — наконец-то начинаем осознавать, что мы — не из племени Иванов-родства-непомнящих! Настала и наша пора восполнить пробелы семейных преданий и историй. Пока ещё не утраченных окончательно и не канувших в Лету — реку забвения...

И современная геральдика — это далеко не снобизм провинциалов, пыжащихся подняться до уровня потомственной и родовитой аристократии. Это осознание собственного достоинства и средство передачи своей родовой новым поколениям, которые бы, в свою очередь, лишь стремились к улучшению и упрочению родовых ветвей генеалогического древа.

Помню, на одной из школьных юбилейных встреч в Пудино профессор ТГУ, историк Василий Александрович Де-

мешкин сказал, что сюда был выслан **генофонд** русской нации. Я бы расширил это до генофонда национальностей СССР 30-40-х годов. И вот, этот самый **генофонд** сохранился в нас – потомках той элиты – из трудового и предприимчивого крестьянства, настоящей интеллигенции и кадровых военных бывшей России и даже Российской империи.

Рассказывать о себе, своей прежней жизни, работе и службе наши родители не очень-то любили. По крайней мере, лично я это не очень хорошо помню. Думаю, что они просто опасались, что мы, по своей малолетней наивности и простоте могли где-нибудь проболтаться. А за любое слово, сказанное против власти или строя, наказание было очень строгим. Они-то ещё очень хорошо помнили и годы раскулачивания, и ссылки, а ещё лучше – годы повторных репрессий – 37-й год, когда забирали уже работающих мужиков из мест ссылок «по линии НКВД». И чаще всего – по наветам и случайно выпорхнувшему слову или анекдоту. Увы, из-за молчания наших родителей очень многое потеряли и мы, их ближайшие потомки.

При этом, поразительное дело: мы практически не помним, чтобы наши репрессированные родители жаловались на советскую власть. Они вынуждены были жить и выживать по её правилам, условиям её законов. Мало того, кое-кто из них становился проводниками её идеологии, вступая даже и в ряды КПСС. Особенно это касалось тех, кто был на фронте. Так, мой родной дядя Александр Аввакумович Шадрин, на спецпоселении с зимы 1930 года, призванный на фронт в 1942 году, во время войны был комсоргом батальона и в её конце был принят в ряды ВКП(б). А младший брат его отца (дядя – ровесник Александра) Иннокентий Васильевич Шадрин, бывший детдомовец в Васюгане, воевавший с японцами, после окончания войны был направлен в Томскую партшколу. В партию был принят и мой отец, Арнаутов Степан Фёдорович, кажется, в 1963 году, находящийся как «социально-опасный элемент» на учёте Пудинской спецкомендатуры с 1941 по 1958 год! Од-

новременно с ним принимали в партию и нашу незабвенную учительницу немецкого языка – латышку, истинную интеллигентку-дворянку Мирдзу Карловну Грашину – тоже из ссыльных переселенцев «второй волны»...

Однако, вернёмся к Гербу рода Хорошавиных.

Признаться, до этого мне не приходилось вплотную сталкиваться с геральдикой. И я с каким-то даже трепетом и подбострастием стал вглядываться в него. Попробую кое-что взять оттуда и прокомментировать.

«Фамильный герб является собственностью всех членов одного рода и передаётся из поколения в поколение – от первого лица, создавшего этот знак, всем его потомкам, как по женской линии, так и по мужской» – таков официальный статус этого документа.

На первом листе – сам **Герб рода Хорошавиных** – в виде старинного пергаментного свитка.

Инициатором и исполнителем данного герба и явился отставной военный майор Константин Александрович Хорошавин. Он изучил все требования к традиционной и современной геральдике, разработал, официально зарегистрировал и внёс его в реестр Гербовника Российского Центра Родословия 17 февраля 2015 года под № 2025, о чём свидетельствует Гербовая Грамота, удостоверяющая герб рода Хорошавиных.

В **Гербовой же Грамоте**, в нижней части, указаны и исходные (прямые) владельцы герба. Это:

Константин Александрович Хорошавин

Сергей Константинович Хорошавин

Михаил Александрович Хорошавин

Галина Александровна Хорошавина

Сергей Егорович Хорошавин

Третий лист этого документа содержит **«Описание герба»**:

В червлёном поле над золотой оконечностью, обременённой четырьмя червлёными звёздами о семи концах – серебря-

ный обращённый горноста́й. В нашлемнике серебряный возникающий медведь, держащий в лапах золотой натянутый лук с громовой стрелой и несущий за спиной золотой колчан на ременной перевязи с колосьями того же металла. Намёт червлёный, подбит серебром. Девиз: «ВЕРА, ЧЕСТЬ, ДОЛГ» начертан золотыми литерами по червлёной ленте.

И, наконец, на четвёртом листе в красочной вязевой окантовке содержится **«Семантический лист к гербу рода Хорошавиных»**, то есть смысло-символические пояснения и комментарии.

Герб рода Хорошавиных рассказывает о жизненных ценностях владельцев. Золото, жёлтый цвет в геральдике традиционно символизирует богатство, справедливость, величие, силу, верность, чистоту, постоянство, могущество, знатность, веру, милосердие, смирение. Серебро, белый цвет олицетворяет непорочность, мудрость, безмятежную радость, благородство, чистоту, откровенность, надежду, преданность. Червлёно-красный цвет символизирует храбрость, смелость, мужество, неустрашимость, огонь, теплоту, любовь.

Медведь олицетворяет силу, мужественность, защиту близких, служение Отечеству; занятие гербовладельца охотой. Он также является символом России, Сибири, в которой живут гербовладельцы и жили их предки. Зигзагообразная стрела является символом войск связи, в которых служили представители рода. Форма стрелы также напоминает об изломанной судьбе предков гербовладельцев, раскулаченных и сосланных в Томскую область. Помимо этого, лук и стрела – расположены на гербе Вятской губернии и Царства Сибирского, поэтому являются символами истории рода, связанного с этими местами. Также эта фигура указывает на мужественность личности, достижение цели, внутреннюю гармонию, занятие гербовладельцев охотой. Тетива лука, соединяющая два его конца – подобно месту соединения двух берегов, и потому указывает на Новосибирск. Колчан символизирует крепкую сплочённую

семью, члены которой занимались одним и тем же делом – служением России. Колосья являются традиционным символом занятия сельским хозяйством, поднятия целины и освоения Сибири предками гербовладельцев. Горноста́й – пушной зверёк, символизирующий Сибирь. Эта фигура символизирует достоинство, чистоту, религиозность. Горноста́й повернут в необычную для геральдики сторону – вправо, указывая на перемещение предков гербовладельцев в Сибирь из Вятской губернии. Фамилия Хорошавин произошла от слова хорошавый – в значении красный, чистый, поэтому горноста́й, славящийся своей красотой, также является гласным символом фамилии и рода. Звезда символизирует получение награды гербовладельцем и их предками, а их число указывает на отца гербовладельца и его трёх братьев, участвовавших в Великой Отечественной войне.

Хочу обратить внимание, насколько лаконично и в то же время полисемично-ёмко и много заключено в символике фамильного герба! Тут – и история переселения предков, и их занятия сельским хозяйством, и пристрастия к охоте; служение Отечеству, вплоть до рода войск и даже наград... Возможно, кто-то из читателей этой книги тоже решится на разработку фамильного герба! Честь и хвала тому, и – Бог в помощь!

Однако, очень кратенько – о предках гербовладельцев и разработчике этого герба. В немногословных текстовых фрагментах этого альбома Константин Александрович отмечает, что его предки не зря получили свою фамилию Хорошавины, поскольку проживали в 19 веке в селах Верхошижемье и Хорошавино Вятской губернии. По всей вероятности, это были фамильно-дворянские имения Хорошавиных, либо Хорошавины были в числе крепостных крестьян барской усадьбы. Вместе с тем, в середине 19 века, а после отмены крепостного права в России – особенно, многим крестьянам из центральной России и её окраин была дана возможность переселиться на обширные и богатые пустующие земли за Уралом, в Сибирь.

Тогда-то и подались добровольные переселенцы – три брата Хорошавиных – на сибирские просторы Алтая, Кулунды, Барабинских степей. Один из братьев подался в степную зону Алтая, другой – в Барабу, а третий, **Григорий**, осел в деревне Орловка Кыштовской волости Томской губернии (ныне – Новосибирской области).

Одним из сыновей Григория Хорошавина, родившегося уже в Орловке, был **Иван Григорьевич**. От его-то корней и стало разрастаться вширь древо рода Хорошавиных. Пятеро сыновей Ивана Григорьевича: **Александр Иванович**, Семён Иванович, Василий Иванович, Михаил Иванович и Филипп Иванович – все они родились свободными людьми в Орловке. Все пятеро побывали на фронте, четверым из них посчастливилось выжить, а вот Филипп Иванович Хорошавин погиб в самом конце войны, в 45-году, прервав собою родо-фамильную ветвь. Вот потому-то на ленте Герба рода Хорошавиных всего 4 (а не пять) звезды, символизирующих ветви рода. Все воевавшие братья имели военные награды.

А до войны, начиная с зимы 1930 года семьи Ивана Григорьевича и его сыновей (братьев Хорошавиных) были раскулачены и депортированы из села Орловка Кыштовского района в Томский округ, в Шерстобитовскую комендатуру. Местом поселения для них стало село **Гонохово**, в пяти километрах от Пудино, вниз по течению Чузика.

Там, в Гонохово, и родился в 1944 году **Константин Александрович Хорошавин**. Помимо него в семье Александра Григорьевича родились на поселении в Гонохово старшая дочь Галина и младший сын Михаил. Галина Александровна Хорошавина вышла замуж за Крачкова, давшего побочную ветвь генеалогического древа Хорошавиных.

В пятидесятые годы семья Александра Григорьевича Хорошавина переехала в Пудино. Здесь, в Пудинской школе учились и его дети. После школы, Константин и младший брат

Михаил, по достижению призывного возраста, служили действительную службу в рядах Советской армии.

Константин Александрович попал служить в радиотехнические войска, в Хабаровск. А после окончания действительной службы, в звании младшего сержанта, он решается на продолжение службы в рядах СА, поступив на офицерские курсы по подготовке политработников. Гео-биография политработника Советской Армии Константина Хорошавина весьма широка, войска связи нужны везде. Довелось ему служить и в приполярных холодных районах Якутии, Таймыра, Хатанги, и в пронизывающей ветрами пустынной Монголии, и даже в пекле Афганистана.

Но, и распрощавшись, казалось бы со службой в армии, майор запаса Константин Хорошавин продолжает служить ещё почти двадцать лет (с 1994 по 2012 год) инженером по гражданской обороне и инженером по охране труда в Управлении МЧС России по Омской области. В настоящее время он проживает в Омске, время от времени наведываясь и на свою малую Родину, в Пудино. Одним из инициаторов встречи пудинцев в Томске в июне 2018 года явился и Константин Александрович Хорошавин.

Вот что может рассказать о человеке и его родне семейный альбом, обладателем которого я стал не так давно...

СЕРБУШКО

Общаться с этим неординарным человеком, для нас, его ровесников, – просто Сашей Сербушко, – очень легко и просто. Заводится он на раз. Дай только тему! Общителен и коммуникабелен – в любой компании. Он – и отличный рассказчик, и гармонист, и частушечник! Тайга для него – что свой огород. Ягодные и охотничьи места лучше его, пожалуй, никто и не знает в округе. Он и по сей пору имеет арендные охотничьи угодья, с охотничьими станциями, оборудованными вплоть до миниэлектростанции. А ещё о таких говорят: где родился, там и пригодился!

По-моему, в нём безвозмездно потерян для большой науки отличный историк-краевед. Лучшие его в настоящее время из наших сверстников, пожалуй, никто не знает историю нашей Пудинской округи. По памяти он воспроизводит все населённые пункты, не хуже любой карты или схемы-плана, некогда существовавшие на территории Пудинского района и Пудинской спецкомендатуры. А их получается не менее семидесяти! А сколько преданий и легенд из семейств сосланных и аборигенов хранит его память! Кстати, он убеждён, что Пудино – гораздо старше своего официального возраста, исчисляемого с 1915 года. И первый дом купца Пудина, фамилия которого вовсе не Пудин, а Качин, был построен ещё в конце 19 века...

А.И. Сербушко

Сербушко Александр Иокимович родился в деревне Гонохово в 1953 году – как он любит говаривать, в семье «врагов народа». Оба его родителя были из спецпереселенцев. И по национальности – у него «гремучая смесь»: отец – из православных молдаван, мама – из польских католиков, с двойным

именем. Высланы они были уже, как спецпереселенцы «второй волны», накануне большой войны, в июне 1941 года. Впрочем, сам Александр сейчас уже является весьма обрусевшим человеком и настоящим патриотом своей малой Родины!

Отца Иокима Захаровича (вместе с родителями) сослали из Молдавии, из села Большие Сношены. Мама – Людмила-Павлина Константиновна Маланчук была родом из города Черновцы – Западной Украины. Участь сосланных поляков разделила и сестра мамы Антония-Юзефа, вышедшая замуж за Пономаренко. Судьбы обеих семей подвели черту под общим знаменателем: мужчин, глав семейств, отделили уже на вокзалах, направив в сталинские лагеря, а женщин с детьми посадили под конвоем в теплушки и отправили в Сибирь, в Нарымский округ. Тогда в спешном порядке гнали целые эшелоны сосланных в Сибирь – из молдаван, болгар, евреев, поляков и прочего люда -вошедших в состав СССР областей Бессарабии и Буковины...

Дальнейшее повествование предоставим самому автору – Александру Сербушко: «Окончил в Гонохово начальную школу. В пятый класс пошёл уже в Пудино. Первую четверть ходили туда пешком, за пять километров, а после ноябрьских каникул, в 1964 году, семья переехала в Останино, в новый дом.

В 1970 году, после окончания ПСШ, съездил в Новосибирск, пробуя поступить в сельхозинститут, не прошёл по конкурсным баллам. Хотя перед зачислением нам сказали, что мы проходим по конкурсу, но оказалось, что наши конкурсные места отдали каким-то иностранцам, едва ли не из Мозамбика.

Вернулся домой, устроился работать в совхоз «Пудинский» и до призыва в армию в 1972 году проработал в совхозе. За это время успел жениться на своей девушке, она училась классом позднее меня – Часовских Надежде Павловне. А к моменту призыва на службу у нас уже была одиннадцатилетняя дочка Люда, 1971 года рождения.

С 1972 по 1974 год служил в рядах Советской армии, в автомобильных войсках: сначала в сержантской школе в городе Острогожск Воронежской области, а после присвоения сержантского звания – в Челябинске, в батальоне обеспечения учебного процесса Автомобильного военного училища. Там пришлось водить разные машины: «МАЗ», «КРАЗ», «ГАЗ-66», неоднократно ездил в Свердловск.

Демобилизовавшись, вернулся домой. Снова устроился работать в совхоз, сначала трактористом. Парадокс: но служа в автомобильных войсках и водя тяжёлые и серьёзные машины, после армии более двух лет проработал на тракторе, пока в 1976 году не перешёл на автомашину.

В 1975 году получили мы от совхоза квартиру. Поступил и заочно окончил Колпашевский сельскохозяйственный техникум. Около двух лет проработал в совхозе инженером по охране труда. В целом же, проработал в совхозе практически до его упразднения, до 1989 года, без малого двадцать лет.

Пока служил в армии, жена выучилась в Томске на телеграфистку. Работала в Пудино на почте-телеграфе. А, закончив заочно педучилище, перешла работать в детский садик воспитателем.

У нас трое детей: Люда (1971), Александр (1976) и Виктор (1979). Все дети обзавелись семьями и живут практически здесь. Людмила в настоящее время работает учителем младших классов в родимой, Пудинской, школе. Александр вахтами шоферит на Герасимовском месторождении. Его жена, Татьяна Фёдоровна, урождённая Шафранник, также, как и наша дочь, работает в школе завучем и преподавателем английского языка. Виктор работает также на месторождениях, начальником газо-компрессорной станции, живёт в Стрежевом. И у наших детей уже свои взрослые дети, наши внуки.

У Людмилы – Евгений и Марина. Марина учится в Красноярске на авиадиспетчера. Дочери Саши – пока ещё тоже

студентки: Ксюша учится в Томске в пединституте на учителя младших классов, а Даша – в ТГУ, на экономическом факультете. Сын Виктора Андрей – пока ещё школьник, заканчивает 9 класс, в Стрежевом.

До сих пор в хороших дружественных и родственных отношениях со сватом – Фёдором Ивановичем Шафранником – отцом жены сына Александра. Он – профессиональный строитель. Почти рядом с нашим домом, напротив, построили вместе и дом для семьи Александра с Татьяной.

...Увлечений много. С ранних пор научился играть на гармонии. Но самое любимое занятие – охота! С давних лет заболел ею. Даже когда работал, старался взять отпуск осенью и уйти в тайгу. Мои нынешние охотничьи угодья – на Ершовке и на Армиче, примерно в двух десятках километров отсюда. Там у нас имеются две избушки, полностью оборудованные всем необходимым, вплоть до бани и электростанции с телевизором. Для зимнего времени – снегоходы.

Охотимся обычно втроём, с сыновьями, я и их приучил к охоте. Объектами пушного промысла бывают в основном белка и соболь. Для себя – птица, мелкий зверь. Угодья все официально закреплены за нами в областном охотобществе. Платим за аренду. На это у нас имеется официальный документ. Пушнину реализуем среди заготовителей, в основном, частных. Государству сейчас, оказывается, ничего не нужно, всё отдано на произвол и откуп в частные руки. Вот эти-то заготовители и диктуют свои рыночные цены за пушнину. Доходит до смешного: за шкурку соболя дают по две-две с половиной тысячи рублей. А сколько труда и своих средств приходится нам затрачивать, чтобы добыть того же соболя – кто бы посчитал... А в этом сезоне заготовители на аукционе закупили много шкурок соболя, выращенного в искусственных условиях. И очень много, и очень дёшево. Меха такого соболя на международном рынке не котируется, он и в самом деле значительно

ниже по качеству, чем у добытого в таёжных условиях. Заготовители-оптовики меха искусственного соболя свои склады затарили, а сбыта на них не находят. Вот и наш мех им уже не нужен, пока не реализуют тот... Но наш мех не испортится за год-другой, подождём. И в этом году мы за сезон добыли на троих по 12 соболей...

Для себя всю жизнь держали на подворье разную скотину: корову, свиней, овец, кур и прочую живность.»

Помимо рассказов о себе и своей семье, Александр показал нам ещё и уникальную карту – снятую от руки кальку карты-схемы поселений Пудинской округи. В нужном месте я ещё воспользуюсь ею...

БУШМАНОВЫ

Этого человека прежде я не знал лично. Он – старше меня, жил в Пудино и уехал оттуда, когда я ещё не ходил в среднюю школу. Зато я знал и помню его брата Николая, старше меня двумя годами, и младшую сестру Веру, учившуюся вместе с моим младшим братом Володи. О Викторе Ивановиче Бушманове узнал я благодаря его книге «Возрождение», написанной им и изданной в Искитиме Новосибирской области в 2014 году. Книгу эту, когда она попала мне в руки, прочитал я полностью с огромным удовольствием. Она – документально-мемуарная. А это – всегда интересно. Мало того, книги такого рода читаются едва ли не нарасхват, так было и два года назад, когда я был в очередной раз у мамы в гостях. Почитав книгу, я решил связаться с Виктором Ивановичем по телефону. Мы добродушно пообщались. И я даже высылал ему по почте свою книгу «Перепутья судеб», о которой и он неплохо отзывался. Все материалы, помещённые здесь о семье Бушмановых я взял из книги Виктора Ивановича Бушманова «Возрождение».

В.И. Бушманов

«Мои деды, как по отцу, так и по матери – репрессированные и сосланы за Васюганские болота на жительство под контролем Пудинской комендатуры. У их семей было отобрано всё имущество, все средства к существованию. Оставлены только дети.

Бушмановы

Мой дедушка, Василий Степанович Бушманов, родился в 1867 году, по рассказам отца, где-то за Уралом. Отчётливо помню, что дядя Алексей, младший брат отца, называл меня «пермячок-солёны уши». Из своей де-

ревни они отправили ходоков искать хорошее место для жительства.

У дедушки было два или три брата. Конечной точкой пути моего деда оказалось **село Еланка** (нынешнего) Усть-Тарского района (Новосибирской области). Земли там давали столько, сколько семья могла обработать. Семья у дедушки Василия Степановича и бабушки Марфы Михайловны была большая: 5 сыновей – Гаврила, Антон, Иван (мой отец), Алексей, Фёдор и три дочери – Екатерина, Арина и Мария.

Получив 7,3 десятины земли и подъёмные от государства, они с головой ушли в работу. Но тут случились революция и Гражданская война. Разруха.

К 1930 году титаническим трудом всей семьи крестьянское хозяйство было восстановлено. Имелось у них: 8 коров, 3

лошади, 20 овец, 2 свиньи; сенокосилка, грабли, сноповязалка... Отобрали всё. Даже дом.

В ссылку, за Васюганские болота, разрешено было взять одну лошадь, запряжённую в сани. И из вещей – с разрешения предисполкома – только то, что можно было загрузить в одни сани. Все документы у них были отобраны, а у начальника обоза имелись только общие списки сопровождаемых. И он нёс ответственность только за численность раскулаченных, поголовно.

Путь в ссылку лежал через тайгу Северного района, замёрзшие Васюганские болота – в Томскую область, в Пудинскую комендатуру. Так мой дедушка Василий Степанович и отец **Иван Васильевич** на долгие годы стали «врагами народа». Дедушка – пожизненно, его реабилитировали только 18 октября 1991 года. А отец, Иван Васильевич, был снят со спецучёта только 23.03.1950 года.

Шалтанисы

Семья Шалтаниса Ивана Казимировича – деда по матери, **Тафелии Ивановны**, была выслана из деревни Большие Кулики Северного района НСО. В крови Ивана Казимировича (1888) и Марии Селивёрстовны (1887) текла кровь поляков и литовцев. Их предки были сосланы из Польши ещё в 1862 (или 1864) году – после польских восстаний.

В Больших Куликах у Шалтанисов были мельница, кожевенный завод, паровая машина и прочее хозяйство. Раскулачили семью Шалтанисов 7 января 1929 года. Избирательных прав были лишены и высланы:

– Отец – Иван Казимирович, 39 лет, мать – Мария Селиверстова – 37 лет и семеро детей: – дочь – Бронислава – 16 лет, дочь **Тафелия** – 12 лет, сын – Александр – 11 лет, сын Валентин – 7 лет, дочь – Неля – 6 лет, сын Гелярий – 5 лет, сын Болеслав – 3 года.

Вместе с ним были сосланы семьи братьев – Иосифа Казимировича (1891 г.р.), Петра Казимировича (1898 г.) и Ивана Верниковского (женатого на Марии Казимировне Шалтанис). Все семьи Шалтанисов были поселены в деревне Дерешево. Выживать в невероятных условиях помогали друг другу. Все обществом отвоёвывали у леса площади для посевов и покосов; разводили скот, прорубали просеки под дороги.

Только стали помаленьку обживать, а тут новая беда: среди сосланных принялись выискивать новых врагов народа – троцкистов. Всех более-менее здравомыслящих и работоспособных мужиков-поляков арестовали и привезли в Пудино. А оттуда – баржами – в Парабель и далее. Больше их никто и не видывал. Не получали от них никаких весточек, похоже всех их расстреляли. Так сгинул и мой дедушка по матери Иван Казимирович Шалтанис.

Во как вспоминает это дочь Петра Казимировича Шалтаниса Регина Петровна: *«Летом 1937 года (1 июля) случилось большое горе для всех наших родственников. В одну из ночей приехали 3-4 человека в форме НКВД в нашу семью, а потом и в семьи других братьев Шалтанис. Произвели обыск и забрали отцов, в чём они были одеты. Мне было 11, 5 лет. Мама и мы, дети, плакали и кричали. Мы даже не смогли попрощаться, как следует. Забрали кроме папы дядю Ваню, дядю Юзю, Ивана Верниковского – мужа папиной сестры Марии. Сбежались к нам жёны всех забранных и всю ночь проплакали. Мужчины ночевали под стражей в комендатуре деревни Нижняя Таванга, а рано утром их повезли в райцентр Пудино. Провозили мимо нашего огорода. Мы с мамой стояли в огороде и провожали их издали. Нам даже не разрешили к ним приблизиться. Остались одни четыре молодые женщины и 22 ребёнка на всех. Это было такое горе, такое потрясение не только для родственников, но и для всей деревни. Бабушка потеряла сразу четырёх сыновей. Она всё время молилась и плакала. Умерла,*

ослепнув от горя и слёз. А их всех обвинили в принадлежности к кадетско-монархической и эсеровской организации. Приговорили в высшей мере наказания и 15 августа всех расстреляли...»

Бабушка осталась одна с семьёю ребятишками, сумев всех их сохранить, за исключением самого младшего. Ко всему – не озлобиться на окружающих их угнетателей. Старший сын бабушки Валентин был призван на войну в 1942 году и погиб, защищая советскую власть. Александра призвали в Трудармию, Гилярия – в железнодорожные войска. Все дочери вышли замуж, создав дружные семьи.

Пудино

Село Пудино расположено было на слиянии трёх рек: Чузик, Коньга и Ольга. Место высокое, ровное, первоначально заросшее берёзовыми лесами. Даже в самые сильные весенние половодья, когда вода в Чузике поднималась на 10 метров, до домов она никогда не доходила.

Когда-то на высоком мысу, у впадения Коньги в Чузик построил себе большой дом купец Пудин. В течение всего года со всей округи по северу Васюганских болот, километров за 150-200, к нему приходили местные люди – остяки. Меняли и продавали пушнину на охотничий провиант, ружья и продукты питания.

Завоз всего необходимого осуществлялся только во время весенней воды – из Парабели и Томска. Река Чузик в летнее время была единственной дорогой на большую землю. Был и ещё одни, зимний путь – через Васюганские непроходимые болота. Его с усилием осваивала Советская власть – для депортирования ссыльных в зимнее время – санными обозами под усиленной охраной.

Сразу же за Васюганскими болотами для спецпереселенцев была создана Шерстобитовская спецкомендатура – со стороны Северного района Новосибирской области.

В 1939 году в рамках спецкомендатур был образован Пудинский район – со всеми атрибутами власти: милиция, прокуратура, военкомат, суд, райисполком, райком; промкомбинат, пищекомбинат, больница, почта...

Все ссыльные начинали свою жизнь на новых местах строительства шалашей и рытья землянок. В первую зиму мой дед и отец Бушмановы доживали в конюшне у одного доброго местного человека. И как только земля оттаяла от мерзлоты, на берегу Чузика выкопали себе землянку, в которой зимовать пришлось и следующую зиму. И только в 1935 году семье Бушмановых было разрешено построить и перебраться в небольшую избушку.

Жизненные условия в землянке и конюшне для деда Степана не прошли бесследно. Он заболел и в возрасте 63 лет умер в 1936 году.

Отец вступил в совхоз «Авангард» и часто ездил на санях и телеге в лес – то за сеном, то за дровами, то за иными грузами. Его путь иногда пролегал через деревню Дерешево, которая находилась в 30 километрах от Пудино. Вот там-то он и встретил мою маму – скромную и необычайно красивую девушку, не совсем чётко говорящую по-русски. В феврале 1937 года отец приехал к ней в Дерешево со сватами. Моя бабушка, Мария Селиверстова, по национальности была литовкой. До ссылки она окончила 2 класса церковно-приходской школы.

Сосватав, мой отец женился на Тафелии Ивановне Шалтанис. В том же году женился и его брат – на Марии Тимофеевне, тоже из сосланных. В Пудино они решили жить в одном доме, разделив его на две половины и сделав два входа. С каждой стороны пристроили сени, построили небольшой двор для коровы и поросят, небольшую баньку.

В 1938 году в семье Ивана и Тафелии Бушмановых родился первенец – сын Володя, а через три года, в 1941 году – дочь Валентина. Мама на постоянной работе в колхозе не ра-

ботала. Но её регулярно привлекали на принудительные сезонные работы: сенокос, раскорчёвка, прополка, работа на зернотоку и прочие работы.

Я появился на свет **в августе 1943 года** – лишь по той причине, что моего отца по состоянию здоровья отправили не на фронт, а в Трудармию. В Новосибирске они строили аэропорт. Кормили там плохо, труд был очень тяжёлым. Отец заболел и его комиссовали домой.

Родился я в Пудино, в доме, который строил ещё дедушка Василий Степанович. Себя помню с 4-5 лет. Семья наша была большая и постоянно увеличивалась. Всего нас было шестеро детей. Мальчиков и девочек в ней было поровну: Володя, я и младший брат Николай; сёстры – Валентина, Шура и Вера. Вместе с нами в избе зимовали куры под кроватью и только что народившийся телёнок. Жили мы дружно. Зимой дом топили почти постоянно, поскольку снизу он подгнил почти под самые окна. Мы, ребяташки, спали на полатах и на русской печке – пока были маленькие. Потом – на кровати – поперёк, сколько войдёт, подставляя под ноги скамейку.

Отец наш работал конюхом в промкомбинате. Зарабатывал мало, иногда и на хлеб не хватало. Ели картошку, капусту, морковь, брюкву, репу пареную, бруснику... С нетерпением ждали, когда весной появится первая колба, крапива, лебеда. Отца видели дома мало. Всем в семье заправляла мама. Старшие водились с младшими. Помогали родителям по дому. Я с семи лет уже носил воду за 300 метров от дома, заносил в избу дрова, помогал управляться со скотиной, вычищать навоз, дать сена, напоить. В более старшем возрасте пилили в лесу дрова; сажали, пололи, окучивали, копали картошку. Помогали косить сено.

Чета Бушмановых

Была у нас ещё одна семейная профессия. Когда дедушку высылали из Еланки, он привёз с собой в Пудино колодки для изготовления пимов (валенок). Вот этим ремеслом мы и занимались всей семьёй, подрабатывая на жизнь. Заказов на самокатанные валенки было много. В ущерб своему отдыху и сну, да и здоровью, отец находил время и для этого занятия. Топили баню. Мама теребила овечью шерсть. После возвращения с работы, часов в 10 вечера, отец начинал взбивать шерсть специаль-

ным лучком и заращивать валенки. На следующий день валенок катали (стирали) набивали колодку, сушили, чистили пемзой, палили. Пара валенок изготавливалась в общей сложности за неделю. *(От себя скажу: мало, пожалуй, найдётся семей в Пудинской округе 50-60-х годов, кому бы не катал аккуратные и мягкие валенки старший Бушманов. Приходилось носить такие валенки и мне. – В. Ар.)*

Когда мне исполнилось 12 лет, отец решил построить новый дом по улице Октябрьская. Старый совсем догнивал, крыша, крытая земляными дерновыми пластинами, совсем прохудилась. Заготовили лес на дом, вывезли его из тайги на конных волокушах, ошкурили, дали просохнуть. Весной наняли двух человек – рубить сруб размером 5,2 x 10 метров, с сенями и кухней. Когда сруб был готов – всего за один день он был поставлен на фундамент, брёвна были проложены мхом. Я

впервые в жизни увидел, как весело, споро и задорно работали мужики и женщины! Всего за один день – положить на фундамент, собрать стены, перекрыть и утеплить потолки тёсом – это была победа! Такие работы на селе называли по-народному – «помочью». Делались они миром, помогая друг другу. После этого – непременно застолье с брагой и угощениями... К зиме мы вошли в новый дом. Хотя долги были большие.

Школа

В школу меня привела сестра Валя, старше по возрасту на три года. Школа стояла на высоком красивом берегу Коньги. Была она двухэтажная и от нашего дома находилась примерно в километре. В этой школе я проучился 4 года, но окончил только 3 класса, так как из-за болезни пришлось два года просидеть во втором классе. Когда я пошёл в четвёртый класс, мы перешли в новое здание школы.

Я до сих пор преклоняюсь перед учителем математики и физики – Никитой Тихоновичем Сапранковым. Он научил меня любить эти предметы, научил игре в шахматы. Сам он был тоже из ссыльных, к тому же – инвалид с детства. Большой души был человек! Была у него большая и дружная семья. Однажды на его уроке, уже не помню по какому поводу я сказал: «Какой бардак!» Он обратил на это внимание. Подошёл ко мне сзади, положил на голову ладонь больной, парализованной, руки, поднял здоровой рукой средний палец, постучал им по голове и сказал: «Дети, он сказал сегодня нехорошее слово. Запомните его и никогда не повторяйте, не зная смысла».

Повзрослев, летом я обычно работал, помогая родителям заработать хотя бы какие-то деньги для семьи – то подпаском, то ездовым. А на рубеже 7 класса жизнь моя едва не оборвалась из-за аппендицита. Точнее, уже перитонита. Спасибо врачам! Сделавшим операцию, хотя и с большим запозданием, но выхотившим меня и спасшим от явной смерти.

Окончив 8 классов, я решил уехать из Пудино и учиться там, где не только учат, но ещё и кормят, и одевают. Выбор пал на Томское горное училище. А перед этим, летом я усиленно работал, чтобы заработать деньги на получение паспорта в Парабели и поездку в Томск.

Мы рвались на свободу, оставляя наших родителей с их вечными заботами о детях, недоеданием, с ношей тяжёлого труда...»

Р. С. Жизнь и судьба Виктора Ивановича Бушманова сложилась нелёгкой, но очень интересной и насыщенной. На его пути были и учёба в вечерней школе, и обучение в Омском сельскохозяйственном институте на технологическом факультете – с трёхгодовичным перерывом на службу в рядах советской армии, в престижных ракетных войсках.

Была и любимая работа на различных предприятиях и должностях по переработке сельскохозяйственной продукции. Его, как умелого организатора, технолога и руководителя, знали не только в административных и партийных кругах Новосибирской области, но и в Министерствах. Обо всём этом он сам подробно рассказал в своей книге. Вот уж, поистине – Возрождение! Возрождение крестьянской жилки, переданное ему через гены репрессированных родителей и дедов! Ведь раскулачивали и ссылали туда, где «Макар телят не пас» – настоящих рабочих, крестьян-тружеников и кормильцев народа, а не бездельников, дармоедов и пьяниц!

А ещё в книге содержится много фотографий – из семейного альбома. И, самое главное – документальные источники (вплоть до ксерокопий) – из истории спецпереселенцев, семей и нашей общей малой Родины, которую он никогда не забывал.

Книга эта читается с огромным интересом, от корки и до корки! Спасибо Вам, Виктор Иванович, за такой щедрый подарок!

КИБАК

К Александре Николаевне Кибак у меня, как у писателя, особое отношение. Она – одна из немногих моих землячек, кто прочитал, а главное, тепло отзывается, практически, обо всём, что я написал и издал. А ведь с нею я вовсе даже и не был знаком. Хотя фамилию эту я помнил ещё со школьных лет, по моим сверстникам. А вот – как-то доверительно сошлись с нею мы на раз уже во вполне взрослой поре. Правда, во многом тут и заслуга моей мамы, дававшей читать Александре Николаевне мои книжки. И дарю я ей теперь почти все вновь выходящие мои книжки с автографами. А с какой теплотой и благоговением отзывается она о своих детях и односельчанах – Беженарях, и особенно – о Василии Георгиевиче Беженарь. Впрочем, и он платит ей той же монетой, называя её в своих лучших друзьях, не смотря на то, что она ему едва ли не в мамы годится... Вот и на сей раз она с большой охотой, участием и отзывчивостью делилась своими воспоминаниями...

А.Н. Кибак

История появления предков Александры Николаевны в Пудинской округе уходит в начало века. Родственники по отцовской линии **Гомзяковы** не были ссыльными. Происходили они из Курганской области. Во времена революции и Гражданской войны приходилось как-то выживать и подались они в поисках лучшей доли глубже, в Сибирь. Обосновался Дмитрий Иванович сначала в деревне Скит. Потом решил искать места побогаче зверем и птицей. От места впадения в Чузик, недалеко от Скита, подался он вверх по течению речки Таванга, а ещё выше места впадения в неё болотистой Корги облюбовал местечко. И называли это местечко **Гомзяковкой** – по фамилии основателей. Дядя Александры Николаевны по маме появился здесь с семьёй ещё почти за десять лет до массовых ссылок, в 1922 году. Будучи кержаками-староверами, привезли с собой старинные книги и иконы. Была у них и икона, которой благословляли ещё многих их предков

Сообщил о себе родственникам и уговорил их податься к нему. Родители отца Александры Николаевны были средней руки достатка. Добрались до глухих мест, из Барабинска, через замёрзшее болото добровольно и обосновались в Кузнецово. Здесь и родилась Александра Николаевна первенцем, в 1935 году. Её мама рожала семерых, выжили в этих условиях лишь четверо, помимо Александры – Владимир (1937), Мария (1939) и Верочка (1941). Своими воспоминаниями Александра Николаевна делится охотно и, как ни странно, в основном, в светлых тонах:

«В школу, в Среднюю Тавангу из Кузнецово, приходилось каждый день добираться пешком за три километра. А когда подошла пора учиться дальше – в семилетке Нижней Таванги, нужно было устраиваться на квартиры. Сначала пришлось квартировать у Анастасии Вяткиной, потом – в семье Беженарей. Нижне-Тавангинская школа казалась большой, красивой: длинные коридоры, просторные классы. В ней учи-

лось более 200 учеников и работали там в то время 15 учителей. Были там уже и больница-стационар на 15 коек, и магазин, почта. Не говорю уже про фермы, скотные дворы и прочие хозяйственные постройки.

Работать по дому и летом в колхозах детей приобщали смолоду – к посильному труду. Летом бывало столько гнуса, что от него, кроме дёгтя спасения не было, особенно от мошки – ходили все искусанные в кровь, так что всё лицо, ноги, руки покрывались сплошной кровавой коростой... Зато грибов и ягод было очень много. В речках Таванга и Корга, а также в ближних озёрах водилось много рыбы.

Окончив 7 классов, хотела пойти учиться дальше, способности и желания были. Не получилось, надо было ехать уже в Пудино. Пришлось вместо учёбы идти работать – иного места, как колхоз, не было. Рано вышла замуж за одного вербованного. В 1956 году родился первый сын – Николай. Через четыре года, как мы поженились, муж уехал на заработки, да так и не вернулся. Прождав его, поняла, что не дождусь. Вышла замуж вторично за молдаванина Кибака Дмитрия. Взяла его фамилию. И от него родила ещё шестерых детей. В 1958 году родилась дочь Вера. В следующем году – Мария. Потом были даже двойняшки – девочки. Последним в 1965 году родился сын – Иван Дмитриевич. Всех вырастили, подняли на ноги, выучили. У каждого из них уже свои взрослые дети и даже внуки. А у меня – 40 лет общего трудового стажа.

Работала санитаркой в Тавангинской больнице, пока её не закрыли. Уезжали в Молдавию, в Черновицкую область, жили почти на границе с Румынией. Продержались там не очень долго: там живут только те, кто умеет воровать, а мы к этому приучены не были.

Вернулись в Тавангу. Там к этому времени уже на базе объединённых колхозов создали Тавангинское отделение совхоза «Пудинский». Для совхозников стали строить брусовые

новые дома. И школа была – восьмилетка. Директором в ней работал Михаил Фёдорович Бершадский, он же был и партормом в отделении. Вскоре от восьмилетки оставили только начальную школу, которую закрыли окончательно только в 1994 году. Посылали на учёбу в педагогический институт дочку Пономаренко, закончив который она не захотела вернуться и работать тут, вот школу и закрыли окончательно. Да там уже и учить-то было практически некого. К этому времени почти все посёлки уже были нежилыми, за исключением Таванги и Рогалёво.

Я устроилась работать в детский садик. И проработала там 15 лет. В первое время детей было много, потом – по 25-28 ребятшек, было две спальни, иной раз даже кроваток на всех не хватало... А когда садик закрыли, ушла на ферму, чтобы до пенсии доработать. В 1996 году умер муж. А в следующем году – мы переехали в Пудино, надо было помогать дочери Дусеньке с детьми. Поселились возле Вяткиных, потом стали строить свой дом.

Почти каждый год дети вывозят меня в Тавангу, посещаем родительские могилки. Их там теперь огородил приезжавший из Новосибирска Василий Беженарь. От нашего дома, где мы жили, теперь не осталось ничего, а стоял он на кирпичном фундаменте. В последние годы там много ещё оставалось ссыльных (тунеядцев), да «химиков», появившихся у нас в начале 60-х годов и позднее. Вот они и порушили, пожгли на дрова многие дома. Осталось сейчас там не более десятка жилых домов.

Как уже отмечала, родила я семерых детей. Старший Николай окончил Пудинскую среднюю школу, потом учился в Колпашевском сельхозтехникуме. Служить довелось на Камчатке. Там очень привлекла его природа, рыбные места и климат. Остался там жить и работать. Частенько навещал в отпуски и нас, уже здесь. Прожил он там 25 лет, там женился, роди-

лись дети. Однажды получил он серьёзную травму лица, потерял много крови; из-за редкой группы (4-я и отрицательный резус) сразу не могли найти нужную для переливания. Заболел. И уже не смог оправиться. Больным ещё приезжал сюда, нас попроведать. 12 лет назад на Камчатке и скончался. Дочь Вера окончила в Колпашино курсы, живёт и работает в Томске. Катя живёт с семьёй в Калининске. Дочь Евдокия – рядом, в Пудино. А я живу здесь же, с младшим сыном – Иваном...»

Хочется в заключение сказать, что не смотря на то, что Александра Николаевна уже несколько лет передвигается с помощью костылей, оптимизма и жизнелюбия у неё ещё на многие годы! И память отменная! А историй и её жизненных воспоминаний – хватило бы не на одну книжку!

ЛУШОВЫ

С Машей Лушовой – скромной и прилежной девушкой из Таваганги я учился в одном классе в Пудинской средней школе все шесть лет. Помню, сидела она в старших классах непременно за одной партой (столом) с Любой Зубревской, позднее ставшей женой нашего же одноклассника Александра Струц. Училась Маша хорошо, поэтому вполне закономерным было то, что сразу же после окончания школы она поступила в Томский университет. В тот год (1968) всего четыре выпускника из нашего класса (из 20 человек) одолели с первого раза планку вступительных экзаменов в вузы. Потом, взрослея, мы неоднократно встречались с нею на школьных юбилеях. А на встрече пудинцев в Томске в 2018 году, она была одной из организаторов этого мероприятия. С Машей, единственной из моих одноклассников, мы поддерживаем связь по электронной почте через «Одноклассников». Помню ещё по школьной поре и его брата – Володю, красивого и статного парня. Позднее он даже был одно время управляющим в Калининском отделении совхоза. Вот и эту информацию (со стихами) она переслала мне по электронной почте. Вот что поведала **Мария Петровна Лушова (Фризоргер):**

Мария Лушова-Фризоргер

Мой дед по отцовской линии – **Лушов Лазарь Ульянович**, 1893 года рождения, и бабушка **Мария Ивановна** (1885) с малолетними детьми – Григорием (1921), Капитолиной (1914) и **Петром** (моим отцом, 1925 года рождения) были сосланы из деревни Большие Кулики Новосибирской области (как и семейство Шалтанисов), в 1930 году.

Происходили старики Лушовы из кержаков-староверов. Пили и ели только из своей чашки и кружки. Для всех остальных в сенях стояла кадка с водой, на крышке корой был ковш. Братья, Лазарь и Трифон (отец Василия Лушова), стриглись по-кержацки – полукругом. Лазарь был тёмным, а Трифон – светловолосым. Когда их раскулачивали, весь скот отдали бедным. А те за ним ухаживать не умели, загубили весь. По этому поводу в народе ходили частушки: «Колхозник идёт –

весь оборванный, лошадку ведёт – хвост оторванный», «Коммунисты – люди честные, закололи трёх быков и поминали кулаков...»

Из воспоминаний тёти Лиды: «Анна, жена Ульяна Лушова, была очень красивой, стройной и весёлой, прожила 90 лет. Дед Ульян из-за этой красоты иногда и поколачивал её мокрой верёвкой».

Около 20 семей везли под конвоем из-за болота и бросили в марте месяце в лесу, на берегу речки Таванга – в Лоскутниково. Жили там сначала в землянках и шалашах. В 1932 году уже в ссылке у них родилась дочка Анисья, вышедшая позднее замуж за сосланного молдаванина Фёдора Сándу. Питались рыбой и тем, что добывали на охоте. Потом стали сеять зерно на хлеб. Будучи отменным плотником, дед Лазарь стал строить дома и разные дворы. Корчевали тайгу. Выращивали лён – из которого потом ткали холсты на одежду. Вдоль речки Таванга появились деревни Кардаполово, Дерешево, Нижняя и Средняя Таванга. Жили в них сосланные дружно. Многие из них переженились, породнившись. Двоюродный брат отца Василий Трифонович Лушов женился на Лидии Крюковой – дочери Павла Григорьевича и Клавдии Анастасьевны. Павел Крюков в последствии стал председателем колхоза, а его жена пекла хлеб на всю деревню.

Родители моей мамы, **Тамары Михайловны**, – **Герасимов Михаил Иванович** и **Прасковья Егоровна** (урождённая Семёнова) были также раскулачены и сосланы с двумя детьми (мама – 1927 г. рождения) и Александра (Вострикова, 1930 года рождения). Сослали их из деревни **Еланка Усть-Тарского** района (оттуда же было выслано и семейство Бушмановых). Село это основали ещё в 1629 году беглые каторжане, среди которых были и предки наших односельчан Самосудовых.

Поселились сосланные Герасимовы в деревне Боровое – что находилась через Чузик от Пудино, где позднее была по-

строена плотина, на ней стояла мельница и Пудинская электростанция.

В конце тридцатых годов мама наша оказалась в Лоскутниково, где работала в колхозе им. Молотова. Там она и познакомилась с будущим мужем и нашим отцом. Летом 1947 года мои родители – Пётр Лазаревич Лушов и Тамара Михайловна Герасимова поженились. У них родились четверо детей: Володя (1948), я (1951), Нина (1958) и Ваня (1962 год). Как вспоминала мама, свадьбы у них по-настоящему не было. Прошлись под ручку по деревне босыми ногами. А папа ещё и на балалайке тренькал.

Семья отца нашего вскоре переехала в **Дерешево**. Там же проживала семья Ивана и Веры Сándу – с детьми: Лилей, Лёней, Сергеем, Светой и мать Ивана – баба Надя. Помимо них были семьи Леонида Князева, Бородины, Хорунжины, Кардаполовы. В Дерешево мы жили напротив Кардаполовых, а рядом, через лог (овраг) – Василий Лушов с детьми Фёдором, Любой и Валентиной.

В 1941 году многих мужиков-кулаков забрали на войну. А порядка 250 человек, в том числе и нашего отца, отправили на лесозаготовки. Там он пробыл два года. Старшего брата отца Григория призвали на войну в 1943 году, а в 1945-м привезли его инвалидом, с перебитым позвоночником. Так всю оставшуюся жизнь и прожил он с костылями. Но семью он заимел, женившись на молдаванке Марии Зелинской. Говорили, что Мария пошла за него замуж из страха умереть с голоду. А у бабушки нашей в то время была коровёнка. У дяди Григория и Марии родилось четверо детей – Валентина, Николай, Зина и Петя. Дядя Григорий наловчился писать всякие бумагоходатайства. К нему по этому вопросу обращались все наши малограмотные деревенские. Позднее тётя Мария увезла Григория с детьми в Молдавию, в Бельцы. Оттуда они даже высылали нам посылки с фруктами. Тогда и я впервые познала запах настоящего молдавского яблока и вкус грецкого ореха. А

ещё – мармелад – белый, с розовой прослойкой. Когда я его ела, ещё думала: почему же у них сало такое вкусное и сладкое?

Вспоминаю свою бабушку Марию. Она часто плакала, когда пряла и вспоминала своего сына Григория. И пела песню: «Как в саду, при долине, громко пел соловей». Была она неграмотной и просила меня написать письма сыну Григорию и дочери Анисье, вышедшей замуж за брата Ивана Санду – Фёдора, и жившей в Томске. Писала я под её диктовку. А начало всех писем было одинаковым: «Пишу письмо, рука трясётся, сердцу тоже нелегко, письмо ушло, а я осталась – от вас, родные, далеко...» За каждое такое письмо бабушка доставала свою заначку – литровую баночку мёда и давала мне его по чайной ложечке.

Бабушка Мария прожила долгую жизнь – 90 лет. А дед Лазарь – всего 50. Где и как он умер – от нас долго скрывали. Оказывается, в войну, когда с питанием было очень плохо, пошёл Лазарь со своим сыном Григорием на рыбалку на озеро Линёвое. На озере был уже лёд. А по пути соблазнились они рыбой из чужой мордушки. Вот хозяева этой мордушки и захватили их за этим занятием. Григорий-то убежал, а деда Лазаря поймали и пару раз, подняв, бросили на лёд, отбив внутренности. После этого дед стал чахнуть, а тут ещё и Григория призвали на фронт. Вот дед от горя да болезни и скончался вскоре.

Жили мы в Дерешево до тех пор, пока не упразднили колхозы и на базе бывших деревушек не создали Тавангинское отделение совхоза «Пудинский».

Вот тогда-то и стал наш отец в этом отделении Управляющим, а мама – после окончания каких-то курсов – бухгалтером в нём. В раннем детстве жили мы, как все, трудно и бедно. Но примерно все одинаково, никто особо не выделялся. Зимой носили фуфайки и подшитые валенки на ногах. Летом – ходили в калошах или резиновых сапогах. Помню, на горе

стояла будка, из которой показывали иногда летом привозное кино – на натянутых простынях. Смотреть фильмы приходили со своими стульями и табуретками. Помню: как-то пришла я к своей подружке Маше Кардаполовой, стою на пороге избы, а её мама из глиняной крынки рассыпает всем детям сахар по деревянной ложке, и как они смачно его слизывают... Помню, как мы подворовывали с подружкой у её мамы холосас, потому, что он был сладкий. И я лишь взрослой уже узнала, что это – лекарство...

Припоминаются несколько интересных, мистических случаев из той поры. Как-то один раз потерялся отец Маши Евсей. Гулеванили они с моим отцом у одной женщины допоздна. Разговорились о Боге. Отец-то наш верующим не был – коммунист, не положено. А Евсей, когда выходил из дома, приговаривал: «Я без Бога – ни до порога...» И вот, потерялся Евсей после того, как они с отцом разминулись. Всей деревней с раннего утра на следующий день искать его начали. Мы с Машей все овраги облазили, нет – и всё. И только часов в 11 уже дня – смотрим: появился из лесу, спускаясь с горы, за рекой, за мельницей человек. Как он мог оказаться на той стороне реки? Весной в половодье водой снесло мост через речку. Мужики временно перебросили длинное бревно. По нему и трезвый-то не всякий решится перейти, даже днём... Стали расспрашивать его, как он там оказался? «Помню, – рассказывает, – через мост ехал я на колеснице. Потом смотрю: вокруг меня – так и пляшут, так и пляшут! Так и поют! Да ещё мне и в стопочку наливают, подают выпить. Взял я стопку, перекрестился перед тем, как выпить её. И тут смотрю: всё исчезло. Сижу я на маленькой поляне на пеньке посреди леса. А в руке моей вместо стопки – сучок какой-то...» *(Не удержусь поделиться, что совершенно про аналогичное рассказывала мне мама, а ей об этом – Александр Иванович Демешкин – о случившемся с ним и вернувшимся лишь наутро домой – после массового гулянья. Обработав эту историю, я даже написал рассказ под названием «На массовое гулянье». Пудинские должны помнить, что на день Моло-*

дѣжи, в конце июня, обычно устраивались гулянья, у реки и Копытного озера – с разными мероприятиями и выездными ларьками, где продавались лакомства и для ребятни – свежие вкусные булочки и лимонад – В. Ар.).

Много у нас в тех краях было разных ссыльных. Были и из очень обеспеченных семей, особенно те, кто был сослан из Прибалтики. Среди них была одна латышка (помню, показывала она мне свои фотографии) Мария Карловна. Долгое время жила она одна, в лесу, как отшельница, вроде нынешней Агафьи Лыковой. Когда отец стал Управляющим отделением совхоза, перевѣз он её сначала в Дерешево, а потом и в Тавангу. Жила она в доме Семёновых, у реки. Слава о ней ходила не очень добрая. Лишний раз к ней в избу и заходить-то побаивались. В избе у неё, кроме 12-ти кошек – было – шаром покати. Чем только она их всех кормила? Ворожила она. Приходили иной раз к ней женщины, приносили что-нибудь поесть за ворожбу. И вот однажды, у одной из доярок потерялась дойная корова. Дня три-четыре проходит – нет коровы. Та – в контору, к отцу, плачет... Мужики, что там были, говорят отцу: «Придѣтся тебе, Лазаревич, к Марии Карловне идти...» Вот и зашѣл он к ней по пути домой в обед. Рассказал о пропаже. Та карты раскинула, да и говорит: «Корова живая. Находится у мужчины-вдовца, который живѣт с дочкой...» И всё. Стали вычислять да перебирать, кто бы это мог быть. Нет, не было у нас таких. Даже в Рогалѣво звонили, интересовались. А потом кто-то возьми, да и скажи, дескать, есть в Гари (за 100 километров от нас) такой вдовец, связистом работает, у него и дочка есть. Созвонились. И точно. Тот признался, что прибилась к ним какая-то корова. Даже и доит он её... Съездили туда, корову привели обратно... И умерла Мария Карловна странно. Заболела под Новый год. Ходили к ней, проведали. А наутро обратили внимание, что к её дому ведѣт свежий санный след. Заходят. Видят: лежит она на полу, всё, чем укрывали её, разбросано, рядом – нож валяется, разбросанные карты, разворо-

чена печь, открыто подполье... И, главное, все кошки её поразбежались из дома... Может, кто клад, драгоценности какие у неё искал, привезённые ещё из Прибалтики...

К тому времени, когда мне нужно было пойти в пятый класс, школу-восьмилетку в Таванге закрыли. Пришлось подаваться в Пудино. Жили мы там в интернате. И почти на каждый выходной разъезжались по домам, кроме лавровских, львовских да шерстобитовских. Добирались до дома и мы – рогалёвские и тавангинские. Нам было дальше всех – 25 километров. Обычно за нами приезжал в субботу гусеничный трактор. И вёз нас на санях пять часов до Таванги – через Дерешево. Частенько мы с Любой Зубревской (родители её жили в Дерешево) убегали с последних уроков, которыми обычно были труды, чтобы успеть на трактор. Это грозило нам «двойками» за четверть. И вот однажды, мы остались на уроки, а трактор наш уже уехал без нас. И мы решились идти пешком эти 25 километров домой, по морозу. Не позвонив домой и не предупредив никого, мы сорвались с ней вечером в дорогу пешком.

Благо, был снег и от него отражался свет луны. Но всё равно, когда шли через бор или густой лес, было темновато. И вот, километров за семь до дома, видим: спереди, слева – силуэт медведя. Мы припустили бегом, что было духу. И лишь, когда возвращались обратно, на следующий день, посветлу, поняли, что это был всего лишь обгорелый пенёк. Добрались до Дерешева. Кругом – ни огонька. Любин дом стоял на краю деревни, а рядом с ним – столб с оборванными проводами. Люба предлагала остаться переночевать у них. Но я – всё равно – домой. А до него было ещё полтора километра. И идти мне надо было одной, ночью, благо, дорогу эту знала хорошо. Дошла до первой нашей улицы. Иду вдоль неё. И вижу, возле нашего дома светится точкой красный огонёк. Это папа вышел покурить. И поджидал меня. Звонил он вечером в интернат и узнал, что меня там нет. Стало быть, домой пешком направилась.

Мог бы он и трактор навстречу нам послать, было это в его силах – как-никак – управляющий... Не посмел.

Сажу, что отец почти никогда не злоупотреблял своим положением. Был случай. В начале 60-х в совхоз стали завозить зимником на тракторных санях элитное семенное зерно – из-за болота. Потом развозили его по отделением и сгружали в амбары. Кое-кто из местных приворовывал это зерно – на корм своим курицам. Как-то намерилась сделать это и наша мама, прихватив пару горстей. Увидев это, отец очень строго сказал ей: «Не смей! Не вздумай больше этого сделать! Если возьмёшь ещё хотя бы горсточку – народ мне не остановить, всё вырастает...!» На всю жизнь запомнила и я эту фразу.

Любила я его и гордилась им. Мне казалось, что он – самый сильный, красивый и умелый! А у него и было-то – всего 4 класса образования. Зато, когда мы ездили с ним замерять заготовленное в поле сено, он на глаз определял кубатуру и вес каждого стога или скирды, замёта. Я пыталась вычислять по всяким формулам, и убеждалась, что он – прав.

И народ уважал его. А, уважая, пытались всегда угостить отца – обычно бражкой или самогомом. Вот и доугощались. Отец стал попивать. И «закладывал» порой изрядно. Однажды возвращался он из Пудино с какого-то совещания, ехали в тракторной тележке, где везли хлеб и какие-то ящики. Видно, по дороге добавили ещё. Был он изрядно «датый». А ещё вёз он пачки денег – зарплату рабочим. Приехал домой, высыпал пачки денег на стол. Мама принялась их считать – одной пачки не хватало... Раз, другой – нет пачки. Видя это, я сорвалась из дома и помчалась к конторе, где оставили трактор, на котором он ехал. Взобралась в кузов тележки, стала разбрасывать ящики. И между ними, возле ларя под хлеб – вот она, миленькая! Дома, за свой «подвиг» папа расцеловал меня, чего никогда обычно не делал – погладит который раз по голове, в знак благодарности или поощрения, и всё. Не было в нашем доме сантиментов, не привыкли к этому. Отец и маму-то не часто этим

жаловал. Была она какая-то всегда загнанная по жизни. Да это и неудивительно. Отец – всегда допоздна на работе. Маме приходилось в основном всю работу по дому делать. Всё домашнее хозяйство и работа – на ней. Да нас, детей, – четверо. Она даже и сено ходила обычно косить вручную одна. И в копны его тоже сама складывала...

После окончания Пудинской школы поступила я сразу в Томский университет. Окончила его и почти всю жизнь, до пенсии, проработала в полевых условиях.

Рано вышла замуж, за нашего деревенского парня – Павла Железчикова. Тот после службы в армии учился в Томском педагогическом институте на филологическом факультете. После окончания института он работал даже и директором школы. Родилось у нас с ним двое детей – Валентин и Татьяна. Уже вскоре выяснилось при совместной жизни, что меня он не любил, а всю жизнь в глубине души продолжал любить нашу землячку Риту Малиновскую. А ко мне тогда ещё не пришла настоящая любовь. Но дети у нас с ним – замечательные! И не менее замечательная – младшая Екатерина, от второго брака с Фризоргером Владимиром, погибшем в автокатастрофе в 1990 году, когда Кате было всего 2,5 года, а мне – 39 лет. *(Не удержусь, ещё раз вклиниться. В тот год, в марте месяце, мы возвращались с Машей после школьной встречи ещё с одним нашим одноклассником – Василием Кардаполовым на его машине «Урал». Тогда Маша многое поведала нам с Василием о своей жизни. Дорога была очень плохая, к тому же постоянно приходилось кому-то помогать, вытаскивая застрявшие машины на тропе из обочин. Мы припозднились. И в Тимирязево, где она жила в своём доме, приехали ночью. Часа в два. Там Маша и оставила нас с Василием переночевать, познакомив с очень доброжелательным своим мужем Владимиром Фризоргером. А вскоре я узнал из её письма, что Володи не стало...– В. Ар.)*

Так сложилась жизнь, что у родителей наших, в Таванге, бывали мы наскоком, набегом. Начиная с 5-го класса, жили и

учились мы уже в Пудинском интернате. А потом – продолжали учёбу в городе.

Совсем недавно, в возрасте 70 лет, ушёл из жизни наш старший брат Владимир, «улёгся» рядышком со своим сыночком Сашей, в Воронино. Его сын Саша прошёл все локальные войны последних лет: Таджикистан, Афган, Чечня, был ранен. В последнее время жил на Чукотке. Приехал в гости к отцу и решил подзаработать в приобской Победе на обратную дорогу. Попал в бригаду строителей к нерусским. И... утонул при невыясненных обстоятельствах в Оби. При этом успел напоследок прислать отцу эсэмэску: «Батя, я ни о чём не жалею!» Это обстоятельство сильно подкосило Володю...

Наш младший брат Ваня был на десять лет моложе меня. Рос он хозяйственным мальчиком. Обычно вставал он рано и принимался в ограде прибираться: что-то подметал, убирал, кормил куриц... За это мы прозвали его нашим Завхозом. Окончил он Томское высшее военное командное училище связи. Служил в Монголии, Свердловске...

В свои 49 лет ушла из жизни и наша сестра Нина.

Папа дожил до 69 лет, тромб оторвался. Мама умерла в возрасте 83 лет. Оба они, как и наша Нина, похоронены в Томске, на кладбище Бактина.

Все дети мои выросли, получили высшее образование, а сыночек Валентин – даже два. И я радуюсь тому, что у моих внуков уже совсем другое детство! Сонечка, Алина, Анечка, Бориска – побывали уже с родителями не на одном море. И уж сало с мармеладом они точно никогда не перепутают...

СА́НДУ

Эту, непривычную для детского уха фамилию, я впервые услышал (а точнее сказать – прочитал) в конце 57 года, когда наш отец вернулся из полугодовых курсов шоферов в Томске. Вместе с водительскими корочками отец привёз общую фотографию их выпуска, размером с двойной тетрадный лист. На ней, в маленьких

овальчиках были фотографии его недавних сокурсников. И на одной из фотографий-овальчиков понижу и значилось – **Сáнду И.** Позднее, в середине 60-х, в Пудино стали говорить о том, что в Таванге какой-то Сáнду уже смотрит телевизор. А ещё чутьочку позднее – я сам видел, как на площади, возле Пудинского клуба, устанавливали длинный шест – под антенну. Но вместо ожидаемого видеоряда, на экране телевизора почему-то рябил сплошной «снег», и доносились какие-то непонятные хрипы с писками... Собирая материал для этой книги, мой «продюсер» Михаил Голев непременно включил в список опрашиваемых и Санду Сергея Ивановича – сына того самого загадочного умельца-самоделкина, человека с маленького фото-овальчика – по фамилии Сáнду.

С.И. Сáнду

Сáнду Сергей Иванович (просил делать ударение в фамилии на букву **а**) родился в Пудино, в 1955 году. Оттуда ещё в раннем детстве с родителями переехал в деревню Дерешево.

Волна репрессивных мер для зажиточных жителей Молдавии, находившихся после Гражданской войны более двадца-

ти лет под королевской Румынией, докатилась поздно. Но была она мощной, наподобие цунами! И накрыла она молдаван с южными гагаузами и болгарами как раз накануне войны, в мае-июне 1941 года. И потянулись эшелоны ссыльных из тёплой и солнечной Молдавии (бывшей Бессарабии) в холодную, Богом забытую Сибирь и людьми, проклятый Нарымский край.

Вот и семья молдаван Сándу, жившая в Лазовском районе, попала «под раздачу» в том самом 1941 году. Старшему сыну – **Сándу Ивану** – было в то время 13 лет. Помимо него, было ещё два сына и дочь. Родители Ивана крестьянствовали, жили зажиточно. Хозяйство вели справное. Держали целую ферму коров (до 30), стадо свиней (до 40 штук). Без работников наёмных с таким хозяйством самим не управиться. Мало того, отец Ивана, опережая события, организовал из хозяйственных селян своеобразный кооператив, в котором и был вроде председателя. Новая власть не посчиталась с преждевременной инициативой хозяйственного человека. В нём надо было непременно отыскать мироеда и определить во «враги народа», изъязв всё нажитое – от своего дома и до последней свинки. И ведь повод нашли: якобы, тот украл у людей мясо.

Вот как поведал о том эпизоде Сергей Иванович Сándу: «По рассказам бабушки, к их дому ночью притащили ляжку мяса, бросили у дверей. Подняли всех, разбудив. Говорят деду: «Ты украл мясо!» Случилось это на пасху. В доме на столе стояли в вазах крашенные яйца с куличами. А ещё – в вазах же были и монеты – серебряные и даже золотые. Бабушка, смекнув, к чему идёт дело, успела шепнуть детям, чтобы те тайком забрали из ваз монеты и попрятали, кто сколько и как сможет... Аресты в то время в Молдавии, ставшей советской республикой, шли повсюду. Забирали целыми семьями. Толком не разбираясь, не дав даже собраться, забирали всех и отправляли в ссылку. Пока везли эшелонами, монеты те, припрятан-

ные ребятишками, очень дажегодились. Да и позднее, уже в ссылке – тоже. Меняли их на хлеб и еду.

Всей семьёй везли их сначала вместе до Свердловска. В Свердловске деда, как и многих других мужиков-молдаван, отделили от семьи. Его отправили на Урал в лагерь. С тех пор его больше никто из родни не видывал. А бабушке с детьми от него досталось клеймо «врага народа» и политическая статья УК 58. Так и оказалась бабушка с четырьмя детьми в 1941 году среди переселенцев «второй волны» на учёте в Пудинской спецкомендатуре. Прибывших молдаван расселяли по всем деревням.»

Из Дерешева уехала семья Ивана Сándу, когда совсем стали хиреть и разваливаться деревни. В 1973 году вернулись в Молдавию. Там, в Фалештах, и Сергей доучивался в школе. После окончания школы несколько раз пытался поступить в институты – не получалось. На действительную службу был призван аж в Германию, в группу советских войск. Служил в артиллерии.

А после армии поманило не в Молдавию, а обратно к себе, в ставшее уже малой родиной – Пудино. Устроился в совхоз трактористом. Собрался, было, поступать в Колпашево на киномеханика, даже документы подал. А тут случайно встретил в Парабели пудинца – Владимира Попова, который уже работал в Пудино в милиции. Вот он и отсоветовал учиться на киномеханика, а сагитировал податься в милицию. Вскоре Сергей Иванович получил и первую офицерскую звёздочку на погоны. Надо было повышать свою квалификацию. И в 1980 году поступил заочно на юридическое отделение в Новосибирскую школу милиции. Там совершенно неожиданно встретился со своим бывшим земляком Василием Беженарём.

Окончив школу ВМД, проработал старший лейтенант Сándу в милиции, в Пудино, десять лет. «Из-за одного нелепого случая в Останино на меня повесили вину гибели одного парня. Оправдываться и унижаться не стал. Написал заявление

об увольнении по собственному желанию. Подался в «Сельхозхимию», но и там поработать долго не дали, узнав, где я служил прежде. Через три месяца устроился в связь. Сначала работал обычным монтером, потом начальником участка. А когда в Кедровом сделали городской телефонный узел, работал в нём ведущим инженером и заместителем директора. Да так и отработал там 26 лет. И до сих пор подрабатываю на полставки...

Женился в своё время. Родилось два сына: Александр (1979) и Виктор (1986). Как и большинство селян, держим своё подсобное хозяйство: коров, свиней, кроликов, кур...

Отец во второй половине 50-х годов в Томске окончил шоферские курсы. Почти всю жизнь проработал на машине. Был человеком очень рукастым – самоделкиным-самоучкой. Увлекался радиотехникой. Сам собирал транзисторные приёмники. У него и в машине был самодельный приёмник. Самым первым во всей Пудинско-парабельской округе попытался ловить телевизионные сигналы. Приобрёл где-то чёрно-белый телевизор «Рубин», стал сооружать 30-метровую телеантенну. Ставили её и в Таванге, и в Дерешево – искали место, где была лучшая проходимость телевизионных волн. Не сразу, но получилось. И мы смотрели даже, уже самыми первыми, в самом конце 60-х годов телепередачи из Новосибирска и Кемерова. В то время очень многие не верили в то, что у нас когда-либо вообще может появиться телевидение...»

БЕЖЕНАРЬ

Горькая участь родителей с клеймом «Враг народа» или «Дети врагов народа» – ссыльных спецпереселенцев – послужила своеобразным импульсом для попыток вырваться из ярма спецучёта и колхозного закрепощения. И одной из таких возможностей явилось продолжение учёбы после окончания

средней школы – в училищах, техникумах и вузах. Ещё одна возможность – служба в СА и ВМФ. А там – вольная жизнь!

В.Г. Беженарь

*Одним из таких реальных примеров является жизненный путь паренька из деревни Нижняя Таванга – **Василия Георгиевича Беженарь!** Его наградам и титулам можно, пожалуй, похорошему, и позавидовать. Да и погордиться его землякам! Полковник внутренней службы. Доктор наук. Член-корреспондент Академии Естественных наук России. Дважды мастер спорта СССР. Журналист. Писатель. Обладатель многочисленных дипломов – как отечественных, так и зарубежных, многих наград. Среди них: Европейский Орден «Почётный крест» – за заслуги в развитии науки и в интересах укрепления гражданского мира и национального согласия; Ме-*

ждународная медаль Альберта Швейцера – в номинации «Гуманизм и служение народу» – за книгу «Будущее России – в нравственном и физическом здоровье»; Международный Диплом и медаль Пауля Эрлиха – за особые заслуги в укреплении здоровья и духовного развития народа; Диплом Академика Европейской Академии Естественных наук; Диплом Доктора РАЕН; Диплом Члена-корреспондента РАЕН. В его арсенале – многочисленные научные и методические публикации в научных и академических изданиях. Наконец – уникальная книга о своём отце «Георгий Беженарь. Настоящий сибиряк из Бессарабии», изданная в серии «Жизнь замечательных сибиряков», в 2009 году.

И ещё, от себя. Насколько Василий Георгиевич титулован и известен, настолько он и скромн, как человек. Будучи в Томске, на

встрече Пудинской диаспоры 2 июня 2018 года, он ничем не выделялся среди своих земляков. Мало того, он купил у меня две моих книжки, а я подписал их, не ведая даже – кому я их подписываю. Просто назвал свои фамилию и имя. А я даже не обратил на это особого внимания. И лишь собирая материалы для этой книги, для меня открылся во всём многообразии этот незаурядный человек – наш земляк-пудинец! А открыли мне глаза на него – его близкие друзья – Александра Николаевна Кибак и Сергей Иванович Сándу.

*На 60-летие Василия Георгиевича Беженаря был подготовлен и издан замечательный и уникальный **коллективный поздравительный Адрес**, в виде книги. Тиражом в 100 экземпляров. Вот такую-то книгу-адрес и показали мне упоминаемые здесь наши общие земляки – А.Н. Кибак и С.И. Сándу.*

Биография юбиляра и его родителей, как в зеркале, отражена в этом Адресе. Его авторами (поздравляющими) явились аж 60 человек! Лишь частичное перечисление некоторых имён этого Адреса уже может говорить о значимости и весомости (или «индивидуальном знаменателе») этого Человека! Это: Глава Администрации Новосибирской области (1993-1995 г.) И.И. Индинок, Полномочный Представитель Президента В.А. Толоконский, генерал-полковник, начальник СибВО Н.Ф. Кизюн, генерал-полковник А.А. Шкирко, генерал Ю.В. Приходько; мастер спорта СССР по биатлону Ю.П. Черемнов, Олимпийский чемпион по классической борьбе А.А. Карелин, Президент Федерации по тяжёлой атлетике В.И. Головкин, двукратная чемпионка СССР по баскетболу Л.В. Бакулина; доктора наук, профессора – В.Н. Худяков, О.Н. Смолин, В.А. Седых, И.Д. Эйнгорн и другие.

Не оставили без внимания юбиляра: его отец Георгий Фёдорович Беженарь, земляки – Александра Николаевна Кибак и Сергей Иванович Сándу.

Воспользоваться отзывами из этого Адреса мне разрешил сам юбиляр.

Описывая биографию В.Г. Беженаря, применю здесь приём цитирования. А началось всё для Василия в нашей Пудинской округе – в деревнях Дерешево, Таванга, Пудино.

Родился Василий Георгиевич Беженарь в семье ссыльно-переселенцев из Молдавии в **1953 году**. Вот что пишет в Адресе «нянька» Васи – Александра Николаевна Кибак: «...Нижняя Таванга. Нам, ученикам из Средне-Тавангинской школы, нужно было перейти в 5-й класс и учиться в Нижне-Тавангинской. До неё было 9 километров. Каждый день туда не находишься. Нужно было где-то жить. Меня приняли на квартиру замечательные люди, молодая семья Беженарь – Анна Ванифатьевна и Георгий Фёдорович. С ними жил и отец – Ванифатий Иванович, очень доброжелательный, спокойный и крепкий. Он работал в селе, пользовался большим уважением у односельчан. К зятю Георгию относился, как к сыну, любил его и гордился им. И Георгий платил ему той же монетой. В молодой семье появился желанный ребёнок – дочка Сашенька. В этой семье я чувствовала себя, как дома. От них, как от солнышка, исходило тепло.

Семья стала прибавляться, родились ещё дети: Фёдор, потом Лида, а за ней Василий. Георгий Фёдорович, было время, работал на тракторе. Если недалеко от деревни пахал, то дети с нетерпением ждали, когда же мама позовёт и скажет: «Несите папе обед». Детской радости не было границ, они гордо вышаживали по полю. Аннушка дояркой на ферме работала...»

О той поре вспоминает и отец юбиляра: «В то время я работал механизатором. Как обычно утром, мама приготовила для меня обед и сказала, что в поле его понесёшь ты. Ты тогда ещё в детский садик ходил. Раннее утро, я прохожу по дороге к полю и вижу свежий след медведя, который уводит в лог. В голове родилась мысль: «Господи, хоть бы он не пришёл...». А ты пришёл. Когда я увидел приближающуюся фигурку малыша – душа сжалась. Спрашиваю: «Вася, ты видел на дороге следы медведя?» – «Видел». – «Как же ты пошёл? Не испугал-

ся?» – «Папа, да ты не переживай. Я уже большой. Я уже ничего не боюсь...».

...А однажды, не зная, как уговорить соседского мальчишку, который был постарше тебя года на два, пустить тебя на качели, ты решил проучить обидчика. Снял гирьку с цепочкой от настенных часов, вернулся к качелям и потребовал своей законной очереди. Услышав в ответ «Я ещё не накачался», – лупанул забияку гирькой в лоб. До крови ударил... С раннего детства никого и ничего не боялся, всегда боролся за правое дело, защищая слабого, несправедливо обиженного...»

«Дети росли послушными, – продолжает А.Н. Кибак, – исполнительными, и в школе учились прилежно. Васина фотография красовалась на Доске почёта в классе. Учительница хорошо о нём отзывалась. И братья за ним подтягивались... Очень рано ушла из жизни Анна Ванифатьевна. С этой невосполнимой утратой справились все вместе, друг друга поддерживали. Большую часть заботы о сестрёнках взяли на себя Вася с Любашей-женой. В 1966 году уехали из Таванги наши дорогие земляки».

Земляк и друг Василия – Сергей Иванович Санду:

«Наши отцы были сосланы из Молдавии в Сибирь. Мой отец поселился в Дерешево, а Георгий Фёдорович Беженарь – в Таванге. Между нашими деревнями всего километр расстояния. Учились мы в 11-летней школе в Таванге. Ты был постарше меня, поэтому сидел за одной партой с моим старшим братом Алексеем. Школа – прекрасная пора! Дети были дружные, честные, родителей и односельчан, особенно старших, уважали, а учителя были для нас просто святыми. Помню я, откуда у тебя любовь к полётам и твой первый прыжок. ВДВ – это уже шлифовка мастерства. Однажды мой отец, с которым ты любил покататься на машине, сказал: «Вася, я в твоём возрасте уже с крыши своего дома в Молдавии прыгал с парашютом». Ты пришёл домой, затащил на конёк крыши своего дома табуретку, к ножкам привязал одеяло, сел, как в кресло и от-

толкнулся... Тебе передались все лучшие качества от мамы и папы».

Владимир Чубченко – друг юности и отрочества – так описывает следующую страницу биографии Василия Георгиевича:

«Самые дорогие воспоминания – это наше ГПТУ-10, где мы получали специальность электромонтёра контактной сети высоковольтных линий, то есть для электровозов. Училище было на гособеспечении, нас кормили, обували, одевали в форму железнодорожников. А при училище была ещё и школа рабочей молодёжи. И чтобы ребята там учились, давали ещё и доппаёк – беляши. Приносили их в тазике ко второму или третьему уроку, уже вечером. Но и учились мы там только до беляшей. Потом разбегались. Специальность мы получили по окончании училища. Аттестат об окончании школы – уже после армии, пришлось некоторые предметы сдавать экстерном, ты настоял... Вспоминаются наши тренировки по кулачным боям. Мы учились драться, чтобы постоять за себя. Войнушка между речниками (студентами речного училища) и нами, «фазанами», была своего рода давней традицией. Стычки происходили обычно в Центральном парке. А ты был нашим активным тренером, всегда держал нас в тонусе, сказывался твой природный талант педагога...»

Служба в десантных войсках ВДВ считалась элитной и очень почётной. Кто прошёл её от начала до конца, несёт братство десантника всю оставшуюся жизнь – с особой гордостью. Один из сослуживцев, Евгений Кашинцев, вспоминает: «В своём архиве я храню фотографию молодого, крепкого парня в форме младшего сержанта ВДВ. Фотография армейская, но она была первой в личном деле Заместителя Начальника Западно-Сибирского Управления МВД на транспорте полковника Василия Георгиевича Беженаря... Правда, служить в линейный отдел милиции на транспорте станции Новосибирск Главный ты пришёл уже в звании старшего сержанта в 1974

году. Спортсмен, комсомолец, сбитый статный красавец с характером. Твоя принципиальность, добросовестность ответственное исполнение служебного долга – стали основой продвижения по службе».

Итак, служба в ВДВ позади. А впереди – долгий путь служащего органов внутренних дел на Ж-Д. Не зря, видать, до этого было ГПТУ железнодорожников. И звание «старшина» было последним в доофицерской карьере Василия Беженаря. Не так долго ему пришлось проходить с погонами старшины. Уже скоро там появится красный продольный просвет и первая маленькая звёздочка младшего лейтенанта. А с ними – и учёба в Новосибирской школе милиции. Обучаясь заочно, там ему приходилось не столько бывать на занятиях, сколько отстаивать честь школы в спортивных состязаниях по дзюдо и борьбе. Однако и осваивать учебный материал приходилось, чаще самостоятельно, успешно сдавая сессии.

И – бывают же совпадения! Как говорится, поистине, мир тесен! Учёба в школе милиции снова свела вместе бывших земляков-пудинцев, точнее тавангинцев. Конечно же, были ими уже младшие офицеры – Василий Беженарь и Сергей Сándу:

«В 1980 году я поступил в Новосибирскую школу МВД. На установочной сессии на переключке всегда пропускали одного слушателя, говоря, что он защищает честь школы в спортивных состязаниях. В конце сессии на переключке прозвучала фамилия Беженарь. Внутри что-то ёкнуло, я глянулся и сразу понял: другого нет. А когда назвали фамилию Сándу, сзади на меня обрушился Вася. Мы встретились, как братья. С тех пор мы встречаемся каждый год...»

Борьба, дзюдо стали ещё одним из составляемых в богатой биографии Василия Георгиевича. Вспоминает Ю.В. Балобанов: «1975 год. Мы встретились с тобою в Управлении транспортной милиции, ты был старшиной. Мы оба занимались спортом, борьбой. И всегда мы поддерживали связь. Ты –

коммуникабельный человек, настоящий мужик! Очень много помогал мне. Мы часто общались в связи со спортивными увлечениями, устраивали состязания. Встречались с баскетболистками – Бакулкиной, Минх, Кожевниковой, выезжали на сборы...».

Немногословные грузины цену своим словам знают всегда, лишнего не скажут. Вот как отзывается о собрате по спорту А.А. Черткоти: «Вася! Если бы у меня была вторая жизнь, я бы сделал всё, чтобы ты стал моим другом! Скажу главное: мужик и должен быть таким, как ты. Ты – один из тех, кто всегда подаёт руку утопающему. Это – один из великий поступков Человека, у которого в душе живёт и растёт доброта. Скольких людей я знаю, кому ты подставил своё плечо, протянул руку помощи, не оставил в сложной жизненной ситуации, не прошёл мимо, когда кому-то было плохо. Ты никогда никого не предал! Ты не помнишь зла. Я не встречал такого добродушного и дружелюбного человека...»

А не менее именитый и заслуженный спортсмен, Президент Федерации тяжёлой атлетики В.И. Головкин в своём адресном послании пишет: «У военных есть выражение: «С ним я бы пошёл в разведку». Я немного перефразирую это о тебе: «С ним я пошёл бы в любую засаду и даже без оружия». Он – физически одарён, силен, мастер спорта по двум видам борьбы, очень надёжный человек! Тяжёлая атлетика – базовая дисциплина для всех силовых видов спорта».

А вот как отзывался о нём знаменитый борец-сибиряк, Олимпийский чемпион А.А. Карелин: «Василий Георгиевич! Для меня Вы – человек многогранный, с претенциозным отношением к жизни, постоянно находитесь в движении, в работе. Как говорят, душа компании – не каждой, но обязательно хорошей».

Служебная карьера Василия Беженаря была закономерным результатом трудолюбия и добросовестного отношения к своему делу и к людям. Дошёл он по карьерной лестнице от

рядового оперативного сотрудника на железнодорожном транспорте до Заместителя начальника Управления транспортной милиции по Западной Сибири. А были ещё между этим – командование батальоном ОМОН и командировки в «горячие точки»...

Можно лишь искренне удивляться: откуда бралось столько сил и энергии, а главное – времени, чтобы всюду и везде успевать, укладываться в такие нерезиновые сутки из 24-х часов?! Служба, очень не из лёгких. Занятие спортом, да не просто так, а профессионально – без колоссальных затрат энергии и времени – ни в жизни не достичь таких результатов!

А помимо этого – ещё и занятие наукой. По себе знаю: написать, а главное – защитить кандидатскую, тем более докторскую диссертацию – это вам не какой-нибудь стишок зарифмовать или сочинить рассказик. Даже если их темы и лежат в русле любимого занятия – спортом. Да не просто спортом, а «Теории и методики физического воспитания». И даже не просто физического воспитания, а государственного подхода к этому делу! Подтверждением тому – название одной из научных статей из сборника «Национальные особенности социально-экономического развития России в 21-м веке» – «Государственная политика развития системы управления физической культурой правоохранительных органов и концепций национальной безопасности России в укреплении государственности».

А за книгу «Будущее России – в нравственном и физическом здоровье», изданную в 2006 году, Василий Беженарь был удостоен международного Диплома и медали Альберта Швейцера. И как же приятно осознавать, что сын бывших спецпереселенцев, родившийся и выросший в местах ссылки родителей, достиг признания и высокого членства не только в Российской Академии Естественных наук, но и в Международной Европейской Академии Естественных наук!

И вот что, в частности, написали о нём в своём Адресе доктора наук, профессора В.Н. Худяков и О.Н. Смолин: «Можно лишь удивляться тому, как Василий Беженарь, родившийся и выросший в сибирской глухомани, испытывавший на себе то, что классики называют идиотизмом сельской жизни, через испытания пронёс необыкновенную тягу к знаниями высокой духовности. Из простого деревенского парня вырос многосторонне образованный, беспредельно преданный делу просвещения интеллигент, человек, для которого слово «учитель» свято, а книга – сакральный источник знания; для которого будущее нашей страны состоит в первую очередь в развитии и просвещении...»

И это – не просто слова учёных людей в адрес юбиляра, это – истинная оценка сотворённого конкретным человеком, истинного гуманиста и филантропа. Увы, годы берут своё. И уже выходить самому на спортивный ковёр – возраст не позволяет. Зато задатки организатора и тренера, наставника молодёжи начинают реализовываться не просто в научно-методических статьях и диссертациях, а реально воплощаются в практику. Так, по инициативе Василия Георгиевича, в Новосибирском педагогическом университете открыт факультет социальной педагогики, и, прежде всего, для обучения и переподготовки сотрудников Управления внутренних дел на транспорте.

И ещё. Село Буготак Новосибирской области. И в нём, семейной вотчине, имеется большая личная библиотека, открытая и доступная для всех читателей-селян. Мало того, вот что пишет в Адресе В.И. Головки: «Восхищает то, что он начал развивать в своей деревне спорт. Это – лидер, который выступает за здоровый образ жизни не на словах, а на деле. Абсолютно все деревенские ребята могут пользоваться спортивными сооружениями, которые он построил у себя на участке. А это – и теннисный корт, и бассейн. Мало того, он ещё и подкармливает ребят после тренировки. Он развивает идею

тренировок по тяжёлой атлетике в Буготаке. Он настолько проникся нашим видом спорта, что ему присвоено звание «Судья международной категории»».

В Правительственной телеграмме Директору Центра духовно-нравственного и физического воспитания Беженарю Василию Георгиевичу говорится: «Благодарю всех, кто при любых кризисах помнит о главном богатстве страны – её детях. Верю: открытие Центра – это большой шаг новосибирцев в сторону нравственного воспитания подрастающего поколения, которое нуждается в подвижничестве неравнодушных энтузиастов, а Ваша инициатива станет примером для многих и началом широкого общественного движения – за возрождение духовного потенциала страны».

А в память о рано ушедшей из жизни мамы, Анны Ванифатьевны, Василий Георгиевич построил в своей усадьбе часовенку – в честь великомученицы Анны. Как пишет И.И. Индинок: «Для меня это значит, что ты в себе сохранил главное – духовность. Без духовности нет Отечества. Страна сильна своей духовностью, и ваш род силён духовностью».

А в своей родной Нижней Таванге Василий Георгиевич огородил всё кладбище, самостоятельно привезя туда все материалы.

Меценатство и спонсорство в наше прагматическое время стало не в особом почёте в нашей стране среди бизнесменов и предпринимателей. А вот у Василия Георгиевича и этому находится время и средства. Подтверждением тому слова И.Ф. Рогачёва: «Василий, душевное спасибо тебе от моей семьи: помогая Центру адаптации детей с ДЦП, ты помог не только нам, но и тем, кто верит в лучшее своих детей и борется за их здоровье, несмотря ни на что. Спасибо тебе за заботу и отзывчивость!»

*Автор этой книги искренне присоединяется ко всем добрым словам, сказанным в адрес нашего земляка-пудинца **Василия Георгиевича Беженаря.***

ЯДРЫШНИКОВЫ

Многие фамилии бывших пудинцев со временем забываются, особенно тех земляков, кто по каким-либо причинам покинул нашу малую Родину. Вот и семейства Ядрышниковых это касается. Хотя Панфил Ильич и Федосья Тимофеевна Ядрышниковы упокоились на пудинских погостах. А сосланы они были ещё в тридцатом, как и многие, «из-за болота». Сначала жили на Мирном, где у них родились дети Максим и Елена, потом переехали в Пудино и жили в маленькой избёнке на нынешней улице Ионина.

Нашему семейству они доводятся дальними родственниками по маме, Евдокии Аввакумовне, аж по двум линиям – Шадриных и Борисовых. Кое-кто из нынешних пудинцев, возможно, ещё и припомнит кряжистого длиннородого, седовласого деда Панфила. Но ветви на их семейном древе оказались весьма живучими. Особенно это касается их сына Максима Панфиловича Ядрышникова – знаменитого на всю округу (да и область) слепого музыканта-баяниста! Его и я припоминаю. А такие музыкальные вещи, как «Полонез Огинского» и «Танец маленьких лебедей» в моей памяти непременно слышатся до сих пор в баянном исполнении Максима Панфиловича. Не могу забыть (да наверняка помнят и те, кто учился в Пудинской школе в 60-70-е годы) и его сестру – тётю Лену, которая давала звонки на уроки и на перемены. Между прочим, это её история легла в основу моего рассказа «Поясок», который был напечатан даже в американском журнале «Образы жизни» из Сан-Франциско...

Лет семь назад я возвращался летом из Пудино в Томск. И надо же, рядом со мной оказалась женщина, постарше меня. Разговорились. Представилась: Галина Максимовна Ядрышникова (Комарова). Оп-па-на! Стали выяснять родственные связи... Она в то время решила заняться своей родословной, вот и вывел я Галину на свою маму и её брата, А.А. Шадрина, жившего в Новосибирске.

Как оказалось, Галина Максимовна, родилась в Пудино, там пошла и в школу, а переехали они в Парабель, где отец устроился музыкантом в РДК. Потом она училась в культпросветучилище в Новосибирске, работала массовиком–режиссёром, занималась спортом (кстати, она – мастер спорта по плаванию). Но самая большая заслуга (на мой взгляд) в том, что Галина Максимовна была в той самой инициативной группе, которая впервые вышла в Томске на демонстрацию на 9 мая – с портретом своего отца-фронтовика. И ведь именно отсюда зародилось и пошло шириться по стране и зарубежью движение, получившее название «Бессмертный Полк»!

Галина Ядрышниковна (Комарова)

*Любя и чтя свою малую Родину, Галина несколько раз приезжала из Томска, где она сейчас проживает, в Пудино, на школьные юбилеи. Была она и на встрече пудинцев в Томске 2 июня 2018 года. Там она передала мне газетный очерк о своём отце – Максиме Панфиловиче Ядрышникове, напечатанном в газете ещё в 1968 году, ко Дню Победы. Автором очерка является **М. Беляев**. Этот очерк под названием «**Максим**» я и решил поместить в несколько сокращённом виде в эту книгу.*

Две реки, Чузик и Кенга, слились, образовав одну. Её называли Парабель. Это же имя дано и большому приобскому селу. Если вам случится там быть, обязательно загляните в ки-

нотеатр (он же – и Дом культуры), послушайте, как играет на баяне Максим Ядрышников.

... Он любил пахать землю, в 17 лет был колхозным бригадиром. О красивом синеглазом гармонисте вздыхала не одна девушка из села Мирное Озеро. На фронте Максим командовал пулемётным взводом. Однажды взвод был в боевом охранении. Напали фашисты. Выкатив пулемёты, бойцы в упор клали их. Из бойцов Ядрышникова тогда не погиб никто. За смелось и боевое умение его наградили орденом Отечественной войны первой степени.

В августе сорок третьего Гвардейская Сибирская дивизия пошла в наступление. Шелест тяжёлой мины, взрыв... Глаза Максима обжёг красный свет... И всё померкло...

...Мысли, которая навещала многих двадцатилетних, ослепших на войне, – убить себя, – не было даже в мучительные госпитальные ночи и дни. О другом думал: жизнь слишком коротка, чтобы самому оборвать её. Он вспоминал слова отца, Панфила Ильича: «Не шашка вражья – позор, трудности страшнее и после твоей смерти. Сломиться от беды – значит, струсить перед бедой!»

При доме инвалидов под Новосибирском, куда он попал после Тбилисского госпиталя, Максима определили в мастерскую – делать пуговицы. Вначале спотыкались пальцы, но день за днём – и Максим наловчился, начал прилично зарабатывать, получил премию и купил гармонь. С внутренним трепетом взял её в руки: не отняла ли война и эту его радость? Пальцы коснулись кнопочек, робко скользнули по ним и замерли вместе с дыханием. Но вот они ожили, осмелели, забегали, и Максим улыбнулся, обрадовавшись... Горечь непоправимой беды он таил глубоко в себе самом, не плакался на судьбу. Был отзывчив и добр. За это любили и его. Теперь ещё и гармонь Максима покорила всех.

Один из товарищей по интернату как-то сказал ему: «Чего тебе жить в клетке, валандаться с пуговками? Пойдём по ваго-

нам. Ты играть будешь, я спою. Народ деньгами осыплет...». Слова эти ударили Максима, как пуля на взлёте. Пискнула и смолкла на коленях гармонь. «По вагонам? – переспросил он, стараясь оставаться спокойным. – Это значит – заделаться нищим попрошайкой? Нет, друг, не пойду. И тебе не советую. Я – не червяк навозный. Человеком я не перестал быть...»

В тот день он больше не играл на гармонии. И на другой – тоже. А на третий к нему подошёл Леонид Лужин, слепой от рождения преподаватель музыки. «Что-то не слышать тебя, Максим. Затосковал? – поинтересовался Лужин. – Понимаю. И на меня такое иногда находит, да я креплюсь. А ведь ты – счастливее меня: ты видел цветы и солнце, а я вот – никогда, даже и не знаю, какие они... И, наверное, видишь их во сне...». «Вижу, – глухо выдавил Максим, – после этих снов остаётся одна горечь. Они мешают забывать зрячее прошлое...». «Ну, да ладно об этом... Я вот к тебе за чем: учиться надо». «Чему?» – встрепнулся Максим. «Музыке. Есть такая специальная школа для слепых, в Иваново. Туда тебе надо ехать. Ты – одарённый, осилишь...»

Завхоз интерната проводил в Иваново шестерых подопечных солдат, потерявших на войне зрение. Приняли одного Максима, на отделение баяна. Его отличали от остальных тонкий музыкальный слух, острая память и способность на лету схватывать любой мотив. Три года проучился Максим в музыкальной школе. Мало того, здесь он научился писать и читать учебники для слепых – по истории, литературе, музыке. Скоро осилил музыкальную грамоту, писал нотные диктанты. Такое – далеко не каждый выдерживал. В числе наилучших окончил он музыкальную школу, нашёл дорогу в жизнь.

А за год до окончания учёбы нашла его и любовь. Не убоилась природная горожанка Шура, работница одного из ивановских заводов, красавица и певунья, выйти замуж за слепого и уехать с ним в сибирскую тайгу. Отец и мать Максима поклонились невестке. И вот – после шести лет – войны, гос-

питался и учения – Максим снова оказался у себя дома. Теперь уже в самом Пудино – тогдашнем райцентре. В Пудинском РДК выступил он в первый раз и с концертом. Второй, третий – и слух о талантливом слепом музыканте пошёл по всему району. 12 лет, пока не разрушили район и центром не стало село Парабель, проработал он в Пудинском ДК. И ещё 16 лет – в Парабели. Итого – 28 лет на сцене! И всё в той же тихой должности – баянист ДК. А какая она «тихая»?!

Всякое бывало: и мороз, и пурга. Куда самолёты не летали – на лошадях добирались. Двое-трое саней с «артистами» и реквизитом сотню километров по бездорожью добирались – до какой-нибудь Берёзовки или Борков. Спрятав нос в воротник шубы, сидит Максим. Ноги заоченели, встать бы и пробежаться, согреться – да нельзя, с дороги собьёшься. Спутники пошутят: «Максим, ты живой ещё?» – «Живой пока, чего и вам желаю», – откликнется весело Максим. Или летом. Бывало, на лодках, на вёслах добирались. Однажды по Пайдуге неделю плыли. Добрались до места, а на руках кровавые мозоли от вёсел у артистов... Всегда ждали артистов лесорубы, охотники, рыбаки, косари на лугах... Сколько было концертов – всех и не счесть...

А в 1960 году ему дали «партийное поручение» – шефствовать над коллективом художественной самодеятельности работников райбольницы. И он был счастлив, взволнован и горд: значит не делают ему скидок на слепоту! И восемь лет уже он в этом коллективе – и хормейстер, и музыкальный руководитель, и баянист! И в детском доме – тоже, в школе-восемилетке, в Доме пионеров: то репетиция хора, то подготовка сольных номеров, то концерт! А на смотрах художественной самодеятельности – что районном, что областном, даже и на зональном, в Новосибирске – не обходится без Дипломов Первой степени! И шквала аплодисментов – после каждого номера!

И тогда Максим – весь в волшебном мире музыки, и тьма отступает от него! И тогда видятся ему: родная Обь в разливе, боевые друзья; погибших друзей видит он живыми; видится ему и фронтовая дорожка в смоленском лесу – израненная и опалённая орудийным огнём... А ещё: если бы он смог прозреть, то увидел бы в переполненном зале благодарных слушателей, которые, не таясь, вытирают слёзы...

Кончился концерт. Пожилой, слегка пополневший человек выходит на улицу. Он устал: в концерте было более двадцати номеров. Но он оживлён и весел. Он доволен. Поработали хорошо. Под руку его бережно поддерживает Александра Григорьевна – верный друг и жена: четверть века назад свели их вместе на девичьей вечеринке музыка и песни, да так и остались они Ядрышниковыми на всю жизнь, родив и воспитав двух сыновей и двух дочерей...

Много лет уже нет в живых оптимистичного человека, талантливого музыканта, ветерана, потерявшего в непримиримой схватке с врагом своё зрение, но всякий раз, в День Великой Победы командир взвода пулемётчиков Максим Панфилович Ядрышников шествует в едином строю «Бессмертного Полка»!

КОНДРАТЬЕВЫ

О тех, кто значился во времена ссыльных поселений в стане охранников и комендатур, в наше время принято деликатно умалчивать. Как-то нет особого желания делать розыски и писать о них и мне. Хотя вполне осознаю, что многим из них пришлось заниматься этим неблагоприятным делом не по своей воле. С детской поры помню, что в Пудинской милиции работали два милиционера – Ламинский и Кондратьев. Отношение к ним было у всех уважительно-боязненное. С сыном милиционера Фёдора Кондратьева – Николаем – мы проучились в параллельных классах с пятого по десятый. Другами не были, но и недругами – тоже. А его младший брат Валерий – учился вместе уже с моей младшей сестрой Раисой

и её мужем – Михаилом Голевым. Николая уже давненько нет в живых, а вот Валерий – один из тех, кто живёт в Пудинской округе и поныне. Он – весьма общителен и приветлив.

В.Ф. Кондратьев

Кондратьев Валерий Фёдорович – родился 10 декабря 1955 года. Семья Кондратьевых появилась в местах будущих ссыльных поселений – как вольная, ещё в конце 19 века, с Алтая. И тоже – из староверов. Был в их селе опальный человек – некто Кукушкин, спасавшийся от царской власти. Вот он-то и подался в разведку, в глухие места на север. И добрался он аж до Мирного озера. Здесь ему приглянулось. Вернувшись назад, сговорил семью Кондратьевых податься подальше от властей. Глава семейства Сидор Кондратьев, рождённый в канун отмены крепостного права на Руси, с детьми переселился в Мирное, наособицу, блюдя старинные заветы и заповеди, живя отшельнически. Старший сын Сидора Илларион родился ещё до переселения, в 1890 году. На новом месте, женившись, в

семье Иллариона Сидоровича Кондратьева родились дети: старшая Надежда – в 1922 году, а через три года, в 1925-м, появился и сын Фёдор.

И дед Сидор, и Илларион Сидорович обладали могучим, истинно сибирским телосложением, силой и здоровьем. Настоящие былинно-русские богатыри! По словам очевидцев (дед Крымский), вес у них доходил до 150 килограммов! Силщей обладали невероятной.

А вот сын **Фёдор** родился у Иллариона Сидоровича увечным, одна нога его была короче на пять сантиметров. И в армию его, на фронт по этой причине не взяли. Вырвавшись из деревни, закончил он автодорожный техникум. А когда вернулся назад, его ожидала работа участкового коменданта – по Шерстобитовскому участку Пудинской спецкомендатуры. Приходилось постоянно разъезжать по участкам – с инспекциями и проверками уполномоченного – то в кошеве или ходке, то верхом на лошади. Житель тех мест Григорий Васильевич Пихенько вспоминает: «Комендантом был некто Кондратьев, я помню его появление в посёлке на красивом жеребце, с кнутом в руках...». А по словам Валерия, отец, направляясь в объезд, обычно тайком предупреждал о своём визите, чтобы на местах успели скрыть все следы непотребного.

С упразднением комендатур, старшего лейтенанта Фёдора Илларионовича Кондратьева перевели в Пудино, в милицию – старшим оперуполномоченным. Там он и проработал в этом звании и должности до самой пенсии. После упразднения Пудинского района на всю округу и все деревни осталось всего два милиционера: он и лейтенант Ламинский.

Старший сын Фёдора Илларионовича **Николай**, окончив Пудинскую школу, решил податься по стопам отца, поступил в Новосибирскую школу милиции. Окончив её, распределили лейтенанта Николая Кондратьева в угрозыск Парабельского районного отделения милиции. Однако что-то не сложилось у молодого работника угрозыска с начальством. И тут судьба

преподнесла ему финт: лейтенанта милиции Николая Кондратьева призывают на действительную службу в ряды Советской армии рядовым...

Отслужив, как положено рядовому и сержантскому составу два года, домой он не вернулся, а подался в Барнаул, где работал мастером на заводе 521. Женился. В конце перестроечных 80-х годов малая Родина опять поманила его к себе. Обосновавшись в Пудино, работал мастером вахтовым методом на месторождениях, на Моисеевке. Это было время начала освоения нефте-газовых месторождений.

Валерий Кондратьев, после окончания школы остался в совхозе «Пудинский». Ещё будучи школьником, проявлял интерес к технике. Во время каникул с напарником полностью перебрали весь старенький гусеничный трактор, появившийся первым во всей Пудинской округе – ДТ-54.

Работал сначала на гусеничном тракторе ДТ-74, пока через полгода тот не сломался. Пересел на другой, не менее древний – МТЗ-5. На нём до армии развозил хлеб из пекарни по магазинам.

В армии служил в Забайкалье, командиром расчёта в ракетных войсках стратегического назначения – с 1974 по 1976 год. После демобилизации поступил в Томский совхоз-техникум, закончил его по специальности «механик». Вернулся домой. Работал в Калининском отделении совхоза бригадиром полеводов, механиком на электростанции. Потом – в Рабочке.

По семейным обстоятельствам (родилась глухо-немая дочь) пришлось уехать в Барнаул – чтобы лечить и учить её. В то время в Барнауле собралось много родни, в том числе и брат Николай. Однако, из Барнаула уехали в Ново-Алтайск. Там был специальный интернат (школа) для глухонемых. Дочь подрастала, освоив грамоту. Продолжать учёбу пришлось ей в Барнауле. Там она вышла замуж за человека с таким же физическим недостатком. А дети у них родились все нормальными.

Дочь работает на швейной фабрике. Построили себе дом-коттедж...

В Барнауле, как и по все стране, стали активно сворачивать производства, один завод закрывался за другим. Люди оставались без работы. Жить как-то было надо. В 1993 году надумали опять вернуться в Пудино. Семейная жизнь не заладилась. Пришлось развестись и жениться повторно. От первого брака имеются две дочери, уже взрослые. Вторая дочь, Наталья, (1980 г.р.) окончила медицинский институт, работает и живёт в Бакчаре. От второго брака, уже здесь в 1998 году родилась ещё одна дочь Даша, сейчас учится в университете, на 3-м курсе, на факультете, готовящем преподавателей для техникумов. Приёмный сын Николай работает в Томске ведущим инженером на одном из предприятий.

Приехав в Пудино, устроился на работу на промыслы. объездил почти все месторождения области, но в основном бывал на Лугинецком и Герасимовском месторождениях. В свободное от работы время там же и охотился, занимался рыбалкой. Были в тех местах и охотничьи угодья. И на самом Большом Мирновском озере стояла избушка-вагончик. Там была моторная лодка со стареньким подвесным маломощным мотором «Стрела». Всё озеро избороздил вдоль и поперёк, катая приезжих по нему, как на экскурсии. Случалось, попадал и в волну. А волна там иной раз бывает и метра в полтора высотой. Лодчонку тогда швыряло, как щепку. А в штиль переплывал озеро от края до края минут за 40.

«С выходом на пенсию, стал активно обзаводиться всякой живностью. Живём, можно сказать, в том же месте, где и прежде стоял отцовский дом. Обустроили под живность подсобные помещения. Держим кур, кроликов. Уже третий год, как обзавелись индюками. Птица эта для нас не совсем обычная. Хотя и очень выгодная. Вес набирают очень быстро, в еде неприхотливые. Уже за лето вырастают до 10, а то и все 15 кило-

граммов! Летом кормим одуванчиками, травой, зимой – как и обычных кур – зерно, картошка.

В прошлом году две наседки вывели 25 индюшат. 5 штук продал. Оставил в зиму 2 индюшки и 2 индюка, остальных пустил на мясо для себя. Мясо вкусное, диетическое. Развели кроликов, в основном тоже на мясо. Из выделанных шкурок изготавливаем носки и очень хорошими – тёплыми и удобными из них получаются жилетки. Одно плохо: некуда и некому сбывать шкурки кроличьи, а себе – столько не нужно, да и возни с ними тоже хватает...

Когда уходил на пенсию, получил удостоверение «Ветерана труда», 5 лет занимался исключительно домашним хозяйством, охотился, рыбачил. Стало скучновато. Недавно предложили ещё поработать водителем на новой легковой машине «Нива» – на ветучастке, от Бакчарской фирмы. Работаю. В общем, если не лениться, жить здесь ещё вполне можно!»

ИЛАВСКИЕ

*Вторая половина 60-х прошлого столетия. В наших многонациональных краях появилось новое словечко – «гуцулы». Так называли всех, добровольно приезжавших к нам из Закарпатья на заработки, в основном, на строительные работы. Один из них, бывавший за старшего, бригадира, Реш Степан Александрович, в 1969 году стал маминим избранником, а для всех её детей – неофициальным отчимом. Через него и мы познакомились с его двоюродными братьями, по сути, нашими ровесниками – **Стёпой и Иваном (Ёным) Илавскими**. Да так до сих пор и остаёмся в хороших и дружеских отношениях. Уже здесь «гуцулы», среди которых оба Илавских, Василий Юрак обзавелись семьями, хозяйством, нарожали детей, дождались внуков и могут уже по праву считаться местными – пудинцами.*

Степан и Иван Илавские

Илавский Иван Иванович (среди родни, друзей и близких – просто Ёный) родился в декабре 1948 года в Закарпатье, в селе Деловое Раховского района Ужгородской области. В семье этнических венгров было семеро детей. Кроме него и брата Степана (1950) – трое старших и двое младших. В школе обучался на украинском языке, окончив 11 классов. Отец работал кузнецом, мама – домохозяйкой. Рано начал осваивать рабочие профессии, и преимущественно самостоятельно. После окончания школы работал в геологии; кузнецом, сварщиком, каменщиком – на стройке, дизелистом. Ещё до армии, от военкомата, закончил курсы шоферов.

Во время прохождения действительной службы находился во Львовской области, в автомобильных войсках, в отдельном батальоне обеспечения Штаба Прикарпатского военного округа. Вернувшись домой, снова принялся за работу сварщи-

ка, уезжал на 4 месяца в Рязанскую область – рубить просеку под ЛЭП.

В это время в Закарпатье было проблематично с трудоустройством и заработками. Вот многие мужчины и уезжали в Сибирь – подзаработать, в основном, на строительных работах. Уже не первый год набирал бригаду строителей из родственников и односельчан двоюродный брат, старше едва ли не на поколение, Степан Реш – в Томскую область, в район села Пудино.

В конце зимы 1971 года опять заговорили о поездке в Сибирь на заработки. Так и оказались в строительной бригаде из 7 человек братья Илавские. В Пудино им под временное жильё выделили новый дом напротив совхозной конторы по улице Октябрьская. Строили брусовые жилые дома и совхозный гараж.

В этом же году повстречал Иван Илавский свою избранницу – Нину Михайловну, которая работала после распределения в Рабкоопе экономистом. Да и поженились. А уже в следующем году у них родился первенец, которого традиционно назвали, как и отца Иваном, а между собой – Ёным-младшим. Через пять лет, в 1977 году, тут же родилась и дочь Светлана. Обзавёлся семьёй и брат Степан, женившись на учительнице из местных – Татьяне Семёновой.

В бригаде строителей отработал Иван Илавский 5 сезонов. Строили брусовые дома, баню, ремонтировали пекарню, в Старице – школу. По окончанию строительных работ, в конце октября – ноябре месяце обычно все гуцулы возвращались на зиму домой. Однако братья Илавские уже оставались и зимовать здесь. И ещё один их родственник, Вася Юрак, нашёл здесь свою половинку, женившись на Жаровой Галине. Сойдясь с вдовой Евдокией Арнаутовой, переехал в 1977 году из Пудино жить в Иркутскую область и Степан Реш.

Подался Иван в совхоз. Работал там в гараже, механизатором, на машине. Устроившись в совхоз, Иван занялся строи-

тельством и своего гнезда. Построив для совхоза двухквартирный дом, половину из него заняла и его семья. В ней выросли и выучились дети. Здесь проживают Иван с Ниной и до сих пор. Здесь обзавелись хозяйством: корова, свиньи, куры, утки гуси.

А когда начались освоения нефте-газовых месторождений и строительство нового города Кедровый, подался Иван Илавский в УРБ. Отработал там 16 лет – на буровых скважинах компрессорщиком, на машине ГАЗ-66. Помимо основной работы, пришлось опять помогать и совхозу. В это время стали активно применять для откорма скотины витаминно-травяную муку. Появились даже специальные машины для этого – АВМ (агрегат витаминной муки). В подшефных оказалось Львовское отделение совхоза «Пудинский». 8 сезонов отработал там Иван Илавский на АВМ, будучи в командировках – с весны и по самую осень.

А в 1999 году – и пенсионный возраст (по вредности производства) подоспел. Но и будучи на пенсии, приходилось подрабатывать. Освоил с давних пор Иван и ещё одну очень важную специальность для деревни – класть печи. От заказов сельчан практически не было отбоя – извелись местные печники в деревнях. Приходилось и на машине с трактором подрабатывать. Зимой, когда снегом заваливало и переметало все улицы и дороги, садился Иван за рычаги трактора-бульдозера и чистил дороги. Случалось, и слесарил, когда просили...

Осибирячился бывший венгерский «гуцул» Иван Иванович Илавский, прожив в Пудино уже почти 50 лет. Но и то, что творится сейчас на его Родине, не остаётся для него в стороне. Переживает, интересуется живо тем, что происходит ныне на Украине, в Закарпатье. В близлежащих сёлах теперь там нет работы. Народ нищает. Политика нынешних руководителей Украины ведёт к раздору, и не только в восточных областях, но и с запада, где проживает много этнических венгров...

Жена Ивана Илавского – **Нина Михайловна** – сибирячка. Родом из соседей Парабельского района, из Старицы. После школы окончила Новосибирский кооперативный техникум. Экономист. Распределили в Томский Облпотребсоюз, а уже оттуда – в 1970 году – в Пудинский Рабкооп. Здесь вышла замуж. Проработала 22 года, до развала сектора государственной экономики. В смутные времена устроилась к частнику – Балалаеву. И здесь отдала своему делу 4 года. И, наконец, до пенсии оставшееся время работала экономистом в Унитарном (Муниципальном) торговом предприятии Кедрового.

В Пудино родились дети, уже коренные сибиряки. Сын Иван после окончания Пудинской школы, учился и окончил техникум по разработке нефтяных и газовых месторождений. Служил в армии на границе. Заочно окончил Томский политехнический институт. Работал на инженерных должностях на месторождениях области. Сейчас – вахтовым методом работает в Заполярье Красноярского края. Здесь же, в Пудино, женился. Здесь же появился и ещё один Иван Иванович. И уже теперь самый младший из Иванов Илавских учится в техникуме.

Дочь Ивана-старшего и Нины, Светлана Ивановна, окончила Томский политехнический по специальности «экология». Живёт и работает в Кедровом.

Почти 50 лет прожил и проработал в Пудино и брат Ивана – **Степан Илавский**, женившись и обзаведясь здесь хозяйством. И у него, его потомков, пустивших корни в Пудинскую землю, потянулись отсюда свои пути-дорожки...

ЖАРЖЕВСКИЕ

*Одним из предприимчивых детей спецпереселенцев, родившихся здесь и оставшихся работать и жить и в настоящее время, является **Михаил Николаевич Жаржевский** со своими сыновьями. Ему и слово.*

«Моя бабушка по материнской линии – Перкова – была сослана из нынешней НСО ещё в 30-е годы. Имела крепкое крестьянское хозяйство. Нанимала сезонных работников. Её семья была раскулачена и выслана в Шерстобитово. Мой отец Жаржевский Николай был выслан из Молдавии (город Бельцы) с родителями накануне войны, в 1941 году. Уже здесь, в ссылке, когда отцу было лет десять, его мать посадили – за неплату каких-то налогов. Пришлось ему выживать, как мог.

В самом начале 50-х годов наши отец и мама, живя в Шерстобитово, поженились. Там у них родились двое сыновей: старший Василий, 1953 года рождения и я, Михаил – 1954 года. Родители наши развелись рано. Воспитанием нашим занималась мама. Она нас и вырастила. И выучила».

Судьба их старшего сына, **Василия Николаевича Жаржевского**, связана с городом. После окончания Пудинской средней школы он сразу же поступил в ТИАСУР (бывший Ти-РиЭТ). По распределению, окончив институт, уезжал он на Дальний Восток. Однако, вернулся в Томск. Сначала работал на заводе измерительной аппаратуры технологом, потом – главным технологом. Наконец, его карьера дипломированного инженера довела до должности Генерального директора этого предприятия.

«Я свою жизнь связал со своей малой Родиной. После окончания школы служил 3 года в ВМФ, на Тихом океане, на надводных кораблях: полгода – в Хабаровске, в учебке, один год – во Владивостоке и полтора года – на Сахалине. После армии окончил Томский сельскохозяйственный техникум, по специальности – механик. По политическим убеждениям всегда знал, что никогда не буду коммунистом. Я и в комсомол-то вступил лишь под давлением военкома – майора Рамазанова, который грозился упечь меня в самую распоследнюю дыру, если не стану комсомольцем.

После окончания техникума вернулся в родные места. Работал механиком, начальником дорожного участка. А для

дальнейшего карьерного роста нужно было либо быть коммунистом, либо прозябать на вторых ролях.

Я выбрал третий путь: 30 лет отработал в Пудинской средней школе мастером производственного обучения. В это время школьной бригаде были отданы 300 гектаров земли Красного Яра. Тогда совхоз «Пудинский» к имеющейся школьной технике, выделил ещё и свою: трактора, косилки, плуги, комбайны. После смерти Николая Яковлевича Попова я стал фактически руководителем всей школьной бригады. В летнее время мы полностью выполняли все виды работ: от вспашки и до заготовки сена, силоса, сенажа и уборки зерновых.

С началом перестройки, я попытался сломать существующую систему, выйдя на хоздоговорный подряд. Теперь уже весь выращенный урожай мы стали продавать по закупочным ценам. Продавали в совхоз и местному населению. Теперь за работу школьная бригада стала получать уже хорошие деньги. Мы отменили уравниловку в оплате и в качестве стимула ввели КТУ (коэффициент трудового участия).

Да и сама система профподготовки механизаторов теперь выделилась из школьной программы, которая была подвластна РайОНО. Теперь лицензию на профподготовку механизаторов широкого профиля мы получали уже в ГосТехНадзоре. Этого мы добились едва ли не первыми в области. И экзамены на получение Удостоверения теперь уже сдавали наши учащиеся специальной комиссии.

С наступлением ельцинского времени и развалом страны, мы получили возможность заниматься тем, кто на что способен, и кто что умеет делать. Теперь уже, скооперировавшись, взяли в аренду всю школьную землю. Отсоединились полностью от школы.

На общем собрании совхозников встал вопрос о выделении земельных паёв. Сначала у нас было всего 60 гектаров земли. В ходе приватизации совхозной техники, приобрели

необходимое: получили три трактора и прочую технику. Стали заготавливать сено на продажу, в основном местному населению. И тут мы поняли, что с развалом совхоза стало некому реализовывать свою продукцию. Старело, нищало и избавлялось от своего домашнего скота и местное население. Рынок затоварился...

К этому времени я уже женился, подрастали два сына. Для реализации сена и прочей продукции решили развести свой скот. А тут ещё появилась одна возможность реализации – уже мясной и молочной продукции. На территории бывших МТС и РТС стало развиваться новое комплексное предприятие, возглавляемое Синицыным Петром Михайловичем – так называемая Промбаза. Там у них была уже своя столовая, построено своё общежитие. В командировки приезжали и работали многие иногородние.

Жена – Галина Авдеевна, урождённая Шерстобитова, из местных, окончила Томский медицинский институт. Долгое время работала до выхода на пенсию главным врачом в Кедровской больнице.

Подключив к семейному подряду своих сыновей, Евгения и Вячеслава, решили расширить земельные арендные площади. Распахали заброшенные земли в районе Лушниковой и за Ольгой речкой. Завели поголовье крупно-рогатого скота элитной мясной Герефордской породы, в основном молодняка на откорм. Помимо этого, в настоящее время развели табун кобылиц – для получения жеребят. Молодая конина стала хорошо реализовываться приезжими отповиками-закупщиками, пользуется особым спросом у мусульман области. Имеется три свиноматки – сбываем на продажу – как поросят, так и на мясо. И тоже нашли свою нишу и рынок сбыта.

Помимо сыновей, которые живут в Кедровом и имеют постоянные места работы (Евгений работает водителем «скорой» помощи, а Вячеслав, окончив институт по специальности «Разработка нефтяных и газовых месторождений» – работает

вахтовым методом мастером на буровых установках) и помогают в свободное время по хозяйству, имеется два наёмных работника. Для откорма скота заготавливаем сено, до 150 тонн зерна. Имеется свой зерносклад и дробилка для изготовления комбикормов. В хозяйстве имеется два старых комбайна СКД, две грузовых машины «Татра», «Урал», три трактора Т-150, трактора «Беларусь», вся необходимая для сельхозработ вспомогательная техника: плуги, культиваторы, сеялки, сенокосилки, копнители и прочее.

На окраине Пудино, где прежде была настоящая свалка из старой совхозной техники и прочего металлолома, оборудовали частно-фермерское хозяйство: со скотными дворами, сеником, складами, подсобными помещениями, бытовкой и даже банькой. Всё это частно-фермерское хозяйство официально оформлено как юридическое лицо...»

Табун кобыл хозяйства Жаржевского

Вот так и продолжает трудиться прямой потомок ссыльных переселенцев Жаржевский Михаил Николаевич – такой современный образованный крестьянин, вместе со своими сыновьями. И, благодаря таким вот предприимчивым труженикам, быть ещё нашей Пудинской округе!

Дай-то Бог!

МИХАИЛ ГУБАЧЁВ

*Когда ещё только задумывалась эта книга инициатором Михаилом Голевым, в число семейных историй непременно должны были войти Губачёвы. А всё потому, что Михаил Васильевич Губачёв являлся давним другом и одноклассником Голева Михаила (впрочем, как и моей младшей сестры Раисы). Но не только по этой причине. Михаил Губачёв – это как раз человек из тех людей, потомков спецпереселенцев, которые родились и выросли здесь, остались и живут в наших краях и поныне, пустив уже и свои корни в земли Пудинской округи. Мало того, он ещё относится и к тем, кого можно назвать **реаниматорами нашей малой Родины**. Несколько лет назад мне довелось посмотреть видеофильм об этом человеке и о его хозяйстве, снятом томскими тележурналистами. В этом фильме Михаила Губачёва не без основания называли таёжным Хозяином. Это во многом благодаря ему по-новому ожили земли и округа аборигенного посёлка **Калугино**.*

При кратковременных встречах с ним, в основном на школьных юбилеях, он приглашал меня к себе, интригуя отменной рыбалкой в речке Чижапка. Но вот как-то всё не выпадал пока ещё такой случай, хотя надежду на возможность побывать у него в «хозяйстве» я не теряю. Вот и в этот приезд не получилось лично пообщаться с ним – из-за его болезни. Увы, наш возраст уже начинает брать своё... Тем не менее, скромные материалы о его семейных историях, предоставленные Михаилом Губачёвым, привожу в этой книге.

Дед мой, Губачёв Матвей Андреевич, родился 25 ноября 1903 года. Являлся он старожилом Томской губернии – деревни Феоктистовка, что близ города Асино. По тем временам семья деда считалась не бедной, поскольку имели они свой небольшой свечной заводик. Семья была большой, у него было пять братьев и четыре сестры.

После революции приехали к ним уполномоченные новой власти и обложили налогом, предложив работать честно на себя и государство. Так и работали они до 1937 года.

А в самый разгар репрессий, в 1937 году, фамилия Губачёвых попала под расстрельную статью. Всех братьев арестовали, посадили, предъявив обвинительный приговор, а на утро следующего дня должны были расстрелять.

Однако, во все времена на Руси были и порядочные люди, помнившие сделанное им добро. Стороживший их охранник как раз и оказался из таковых. Он сказал им: «Ребята, ваш отец делал для меня только доброе...» Он-то и предложил им бежать, поменяв фамилию. Из всех братьев это предложение принял только мой дед. Судьба остальных – неизвестна, сгинули бесследно, как и многие, с лица земли.

Под фамилией Беляков Матвей Андреевич в том же году оказывается аж на Чукотке! В то время там начали осваивать нефтяные месторождения, очень пригодившиеся во время Отечественной войны. На них-то дед и проработал до 1947 года. Тех, кто выжил в тяжелейших условиях, по распоряжению Сталина, было решено отпустить «на вольные хлеба». И в 1953 году мой дед попадает в составе экспедиции в... Пудино! В этой же экспедиции работали и местные жители – Голев Василий Ксенофонтович (*старший брат по отцу Михаила Голева – В. Ар.*) и Фатеев Михаил.

Ещё в 1935 году у моего деда родилась дочь Нина – моя будущая мама. В 1955 году, окончив Томский библиотечный техникум, Нина по направлению, возвращается к отцу, поселившись в Гонохово.

А 18 августа 1956 года появился на свет я. Моим отцом был ссыльный молдаванин Василий по фамилии Цуркан. Родился я в Пудинском роддоме, откуда привезли меня в Гонохово, а из него мы переехали поближе к Пудино, в Останино.

В самом конце 50-х годов была упразднена Пудинская спецкомендатура, и многие спецпереселенцы получили возможность вернуться к себе на родину. Мой дед по отцу был очень обижен не только на советскую власть, лишившую его всего нажитого, но и на русских. Поэтому, возвращаясь к себе в Молдавию, он не разрешил моему отцу взять с собой меня с матерью. Так и остался я без родного отца, живя по паспорту на фамилии мамы – Губачёвых. Воспитывал меня отчим – Седымов Вениамин Павлович, работавший в Лесхимзаводе кузнецом. В 1959 году у меня родился брат Валерий, который и сейчас проживает в Пудино.

Михаил и Нина Губачёвы

В возрасте 2-х лет я попал в Пудинский ясли-сад, где и познакомился с другом детства Голевым Михаилом. С тех пор мы и росли вместе, и учились до окончания школы в одном классе. Кстати, учились мы в трёх зданиях Пудинской средней школы: одно из них было двухэтажным и два – одноэтажных. Мы даже и женились на своих одноклассниках: я – на Островской Нине, а Голев – на Арнаутовой Раисе. Так и продолжается наша дружба по сей день. И дай Бог здоровья нашим девочкам – за то, что не дали нам свернуть в жизни с правильного пути! Попутно хочу отметить, что из двух классов выпуска 1973 года остались жить в Пудино почти половина выпускников. Помимо названных, это – Булатов Михаил, Крымский Виктор, Токарев Валентин, Кондратьев Валерий, Мартынов Олег, Чупина (Янсон) Елена, Фролова (Смирнова) Татьяна, Яровой Сергей, Карпова Клавдия, Куприсова (Голева) Галина, Строкова Людмила, Санду Сергей, Шарабарина Александра, Чеботарёва Галина, Фатеева Наталья.

В 1973 году я поступил в Томский педагогический институт на спортфак, а потом был переведён в педкласс учителем физкультуры. После окончания меня направили в ГОРНОО города Колпашево. Проработав в Новогорной школе-интернате «Народов севера» 3 месяца, меня призвали на действительную службу в Армии. Служил в Польше. Отслужив 2 года, вернулся домой, в Пудино. Под Новый год справили свадьбу другу Голеву Михаилу и Арнаутовой Раисе. А, спустя некоторое время, поехал и я за невестой, в Москву, за Островской Ниной. Вернувшись домой с невестой, в феврале поженились. У нас с женой три сына: Валерий, Роман и Евгений, которые, как и мы, окончили Пудинскую среднюю школу и проживают в Пудино.

В 1977 году я устроился работать в Пудинский аэропорт. Я был свидетелем и участником начала освоения нефтегазовых месторождений в нашей округе. Манили, притягивали

меня к себе наша тайга, наши таёжные просторы. Всё свободное время я проводил в тайге, охотясь и рыбака, занимаясь заготовкой кедрового ореха.

И в 1986 годы я сделал выбор в пользу тайги, устроившись кадровым охотником в Парабельский зверьпромхоз. Получил охотничьи угодья по речушке Томарсад, что в переводе с тунгусского – журчащая. Проработав год кадровым охотником, меня назначили начальником Пудинского участка, где в этой должности официально продолжаю трудиться и в настоящее время.

С детских лет меня манила красота наших окрестных мест. Многократно бывал в исчезающих с лица земли красивых деревнях Большой Скит, Красный Яр... В последнем мы с Михаилом Голевым неоднократно бывали ещё в пионерском лагере, потом – в ЛЛТиО. Бывал и в других вымирающих деревнях. И было до боли обидно за их скоротечные судьбы – которые были созданы каторжным трудом спецпереселенцев, политые людской кровью и потом. И вот, эти самые деревушки стали исчезать с лица земли и с недавних географических карт нашего Нарымского округа и Пудинской комендатуры. И стала вырисовываться мечта: вот бы построить где-нибудь в таком красивом месте что-нибудь вроде деревни, возродив коллективный труд и жизнь, вроде коммуны или колхоза – ведь не всё же было в колхозах только плохим?!

Побывав в первый раз в деревне Калугино и слыша от оставшихся ещё в живых жителях её историю, я не мог не заболеть этой местностью... И решил я построить в этом месте сначала зимовьё, а позднее – вокруг него – заимки, что-то наподобие колхоза, подбирая для работы и жительства здесь людей, верящих в правильное дело... Получилось.

С тех пор – так и живём коммуной, почти как в колхозе, где всё общее – земля, скот, покосы, охотничьи угодья, рыбные места... Я очень благодарен своим друзьям и близким, по-

верившим в мою мечту и воплотившим её в реальность, а это – Грот Александр, Липокуров Михаил, Седымов Валерий, Липатников Сергей. И, конечно же, особая благодарность за поддержку и понимание – моей жене и детям!

ВОЛЬХИН

В книгу эту попал, казалось бы, ничем особым не выделяющийся человек – уже как представитель третьего поколения пудинцев – как коренной пудинчанин – внук ссыльных переселенцев. Мало того, благодаря таким, как он, ещё теплится жизнь в нашей округе... И доживают свой долгий век оставшиеся в живых дети первых переселенцев... В Пудинской школе я учился в пятом-седьмом классах с его тётей – Галиной, а мой брат Владимир – с его отцом – до самого десятого.

В. Вольхин и самый первый трактор

Владимир Александрович Вольхин родился в 1975 году в Пудино. Окончил Пудинскую среднюю школу, потом – в Колпашево – училище механизаторов. Вот что рассказал нам Владимир: «Мама – Вольхина Анна Дмитриевна, приехала сюда из Украины, с Черновицкой области. Отец мой, Вольхин Александр Гурьянович родился здесь, в Пудино, 10 марта 1953 года. В армию меня не призвали, в детстве кусал энцефалитный клещ, и меня не пропустила медицинская комиссия, сразу выдали военный билет...

После окончания училища, с 18 лет работал я на разных работах на промысловых точках: был разнорабочим, бурильщиком, водителем вездеходов. В 93-95 годах работал в Лавровке, на площадях месторождений, на Лугинецком, во Львовке, на Казанском месторождении. На Казанском месторождении проработал всю зиму, в верховье реки Корга, не видя леса – сплошное болото...

В последнее время, уволившись из газовиков, надо было как-то выживать и кормить семью, решил заняться индивидуальным предпринимательством.

Женат, двое детей. Жена из местных – по девичьей фамилии – Седымова, работает в Пудинском клубе. Сын, после окончания шестого класса, учится в Томске, в кадетском корпусе, на последнем курсе, отличник. Собирается поступать в военное училище.

Сейчас в зимне-весенний период заготавливаем дрова для населения, пиломатериалы, рубим срубы. Находим деляны-островки для лесозаготовок, оформляем их под валку леса, километрах в 10-15 от деревни. Дрова заготавливаем в лесу, на месте. В прежние годы вывозил из лесу до трёх тысяч кубометров, сейчас – поменьше – две-полторы тысячи в год.

Имеется несколько тракторов, трелёвочник, тракторные тележки. Трактора покупали, в основном уже все БУ, приходилось многие из них восстанавливать. Есть даже самый первый гусеничный трактор – ДТ-54 – и до сих пор всё на ходу, появившийся в Пудино ещё в начале 50-х годов! Раритет, можно сказать, музейный экспонат! Достался он мне ещё от нашего пудинского умельца-механика Михаила Сеницына. На этом тракторе работал ещё его отец, Фёдор Сеницын, в Красном Яру, в колхозе...

Летом – работаю в лесопожарной охране. Есть здесь небольшой отряд. Вот так и выживаем...»

НЕИЗВЕСТНЫХ

Когда мы только начали собирать материал для задуманной книги о трёх поколениях пудинцев, мой «продюсер» и советник Михаил Голев первым делом привёз меня на огороженную территорию бывшего РТС – в настоящее время представляющую своеобразный производственно-технический комплекс или Промбазу. Проезжая мимо, я всякий раз обращал внимание на расширяющуюся территорию этого комплекса. И мне рассказывали, что развернулся, как предприниматель, и всем там заправляет сын моего школьного друга Михаила Фёдоровича Сеницына – Пётр Михайлович Сеницын. Однако, Пётр оказался очень занятым человеком. Времени на беседу с нами у него не нашлось. А жаль...

*Зато там я познакомился с интересным, слегка застенчивым человеком – **Алексеем Геннадьевичем Неизвестных**. Услыхав его отчество, насторожился и припомнил, что в Пудинской школе, в 5-7 классах, учился я в одном классе с его отцом – Геннадием, которого мы меж собой звали Венкой. И ещё, из раннего детства всплыло одно имя с этой фамилией – Гриня – предводитель калининского «войска» в стычках с хуторскими. Как оказалось, Гриня является*

старшим братом отца Алексея Неизвестных. И ещё припоминаю, что появилась семья Неизвестных в наших краях, переехав, кажется, из Лавровки, или Калугино – ещё в пятидесятые годы.

А. Неизвестных возле дома.

Родился **Алексей Геннадьевич Неизвестных** в Пудино. Начало его биографии мало чем отличается от нынешнего поколения сорокалетних, не знавших и не ведавших горемыкания ссыльных переселенцев с клеймами «враги народа». Им это, слава Богу, никак не аукнется от властей. Родились они в эпоху «развитого социализма» – в семидесятые годы ещё при СССР. Учились в «перестроечные» годы и начале большой смуты, уже в России. На ноги стали подниматься во времена дефолтов и разворовывания социалистической собственности. Да припозднились с дележом. Вот и пришлось им уже самостоятельно, с нуля, начинать своё дело, закабеляясь в трудно-подъёмные кредиты. Не многие из них потянули такую ношу. Однако, по большому счёту, нынешнее время – это именно их

пора – пора инициативных, здоровых и сильных – сорокалетних!

Окончив Пудинскую школу, Алексей, как и многие, пошёл работать. Рано женился. Как следствие, родился сын. Призвали в армию. Служить довелось аж в самой Первопрестольной. И в 2008 году снова оказался в Пудино. Точнее сказать, в Лушниково, на территории бывшей улицы из двухрядных домов РТС. Здесь он обустроил квартиру в брусовом двухквартирном доме, пристроив отличную веранду-флигель с красивой резной мансардой. Есть тут и пристройки – гаражи с подсобными помещениями. И огород с огородчиком, и палисадник-цветник...

В настоящее время работает Алексей Неизвестных мастером и заместителем начальника Промбазы ООО «Профиль». Как уже отмечалось, это – комплексное предприятие. Вот что поведал нам сам Алексей: «Занимаемся подготовкой буровых площадок к бурению, изготовлением подъездных путей, лежнёвок, посадочных площадок под вертолёты, обслуживанием дорог к промыслам. В целом же – выступаем в качестве подрядчика на нефте-газовых промыслах УБСК «Гранд». В Промбазе работают три бригады по 5 человек, в том числе – водители, трактористы. Занимаемся заготовкой леса в тайге под пиломатериалы. Вывозим этот лес, в основном сосняк, из тайги. Здесь, на Промбазе, имеется своя пилорама, на которой изготавливаем различные пиломатериалы – от стандартного бруса и до плахи с тёсом и различной рейки. На пилораме работает бригада из пяти человек. Все – местные, обеспечиваем местное население трудоустройством. Имеется на территории Промбазы и своё общежитие – 10 комнат по 2 человека, своя столовая. Обеспечиваем комфортным жильём и нормальным питанием приезжих и командировочных, в основном – водителей и механиков различной техники. – чаще всего из Колпашево и Чажемто. На Промбазе имеется своя кочегарка, работающая на

отходах от своей пилорамы, 3 гаража, много своей различной техники...»

О таких, как Алексей Геннадьевич Неизвестных, говорят: «У него – руки золотые»! Его подсобному хозяйству можно по-хорошему позавидовать. Есть тут чему поучиться: как надо организовывать и вести хозяйство. Крестьянская жилка в нём пульсирует в полную силу. На окраине села Лушиково, на территории поля бывшего Пудинского аэродрома, построил Алексей помещения для содержания скота и птицы. В них находятся три дойных коровы, овцы, гуси. И всё это содержится в непривычной для села чистоте и порядке. Для гусей раскопал экскаватором рядом глубокую яму-водоём. Запустил в неё голянов и даже карасей, которые вполне успешно переносят сибирские морозы и которых можно на досуге половить удочкой, не уходя от дома. В общем, обеспечил себя и семью полностью натуральными высококачественными мясными и молочными продуктами. Излишки сбывает местному населению. Но и работать приходится немало. Эта работа не признаёт выходных дней и отпусков. Иной раз приходится возвращаться домой уже поздно вечером, часов в десять-одиннадцать. А ведь и основная работа – на производстве тоже требует немало сил и отдачи.

И ещё. Помимо крестьянской жилки, в нём кипит кровь конструктора-изобретателя. Ему мало иметь уже готовую технику – в виде легковой машины или уазика-внедорожника. От развалившегося некогда совхоза «Пудинский» осталось очень много изломанной и нерабочей техники, пригодной разве что на металлолом или на запчасти. Вот из этого-то бросового материала и конструирует Алексей невообразимые вездеходы, которые известный литературный герой-авантюрист Остап Бендер называл «Антилопа Гну». В его домашнем гараже стоит две таких самодельных конструкции на колёсах большого диаметра и на высокой посадке. И оба они – на ходу, им не страшны никакие неудобницы, буераки и самое дикое бездоро-

жье. А для зимы – есть и вездеход – «Буран». Вся эта техника безотказно служит ему, когда Алексей выбирается в труднодоступные места – поохотиться или порыбачить. И для этого занятия Алексей, хоть и редко, но выкраивает время.

А.Неизвестных со своей конструкцией

На прощание я поинтересовался у Алексея: не собирается ли он со временем выбраться на Большую землю? В ответ услышал уверенное: «А зачем? У меня здесь родители похоронены. Здесь – мой родной край! Себя мы полностью обеспечиваем: натуральным, без химии, мясом, всеми молочными продуктами, овощами...»

А ведь и вправду: Зачем?

И хочется очень верить и надеяться на то, что благодаря таким вот, как Алексей Геннадьевич Неизвестных, Пётр Михайлович Сеницын, Михаил Николаевич Жаржевский, Михаил Васильевич Губачёв, Александр Иокимович Сербушко, Валерий Фёдорович Кондратьев, Сергей Иванович Санду, Алек-

сандр Андреевич Зайцев, Михаил Ксенофонтович и Анатолий Ксенофонтович Голевы и многие другие – и сможет ещё долго стоять и противиться натиску и всяческим внешним экспансиям наша родная Пудинская округа! Дай-то Бог!

ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ

Пудино. Пудинская округа... Казалось бы, сколько слёз, горя, бед и искалеченных человеческих судеб ей довелось повидать! Наверное, не одно проклятие в её адрес было от первых горемык-поселенцев. И, не без основания. А вот, поди ж ты, почему-то и хорошее зацепилось в памяти её жителей. Особенно у поколений детей и внуков тех спецпереселенцев. Сколько же благодарностей от них адресовано и малой Родине, и начальным сельским школам, а особенно – Пудинской средней школе, выводившей в люди тысячи своих выпускников за девяностолетнюю свою историю! Кого только нет в числе жителей и выпускников Пудино и школы: работники сельского хозяйства, рабочие самых разных профессий, строители, учителя, врачи, военные, учёные, доценты и профессора вузов, писатели и поэты. И вряд ли найдётся хотя бы один пишущий в рифму, кто бы ни написал о своей малой Родине, о школе, о своих родичах и друзьях. Членами Союза писателей СССР и России стали Геннадий Кругляков, Владимир Крюков, Виктор Арнаут, получившие официальное признание. Не одна поэтическая книжка уже на счету Валентины Косачёвой. Писали и пишут стихи Григорий Пихенько, Мария Лушова (Фризоргер), Николай Карпов и многие другие. О наших местах и земляках написано несколько стихотворений у томского поэта Анатолия Некрасова – мужа А.И. Черемисиной, родившейся и выросшей в Шерстобитово в семье ссыльных. Поэтому вполне резонно, что в данную книгу, особым разделом вошли и стихи указанных авторов.

ВАЛЕНТИНА КОСАЧЁВА

«Родилась я в далёком таёжном селе Большой Скит Томской области тогдашнего Пудинского района. В тех краях прошло моё детство. Там я окончила школу и встретила первую любовь...» (Из предисловия к сборнику стихов, изданному в Омске в 2001 году)

«Виктору Арнаутovu от Косачёвой Валентины. В память о наших родных, любимых, милых сердцу местах, где прошли наше детство и юность, где мы научились многому, а главное – любить и помнить этот суровый Нарымский край. 16.03.2002 г.» (Из автографа в книге).

Домой! Домой! Домой!

Вот и снова пейзаж знакомый:
Тальники, берёзки, рябины
Тридцать лет не была я дома!
Не была я в краю родимом!
Не сбивала кедровых шишек,
Не ласкала шершавых сосен,
Не встречала друзей-мальчишек,
Не спешила к подружкам в гости.
Не рвала брусники созревшей,
Не искала груздей под мхами.
Тридцать лет я была нездешней,
Не бежала в бор с петухами.
Не ныряла в сугробы с крыши,
О рыбалке мечтать не смела!
Над речушкой моей притихшей
Тридцать лет я песен не пела.
Не судима была в народе,
Не играла в лапту и в прятки.
Тридцать лет в чужом огороде
Огурцов я не крала с грядки.

Со своим ненаглядным Васей
До рассвета я не влюблялась!
Поутру, очумев от счастья,
Я втихушку домой не кралась.
Не купалась я в луже талой,
Майским солнцем едва согретой.
Тридцать с лишним лет не влетало
Мне от мамы за всё за это.
Не пила ключевой водицы,
Не слыхала трезвон кедровок,
Не встречала родные лица...
И вот, еду домой я снова!
Что же ждёт меня, кто же встретит?
Как узнать мы друг друга сможем?
Разъезжались – почти что дети,
А теперь – мы седые всё же.
Что мне сердце моё сказало?
Как на всё отозвался разум?
Тридцать лет!
Не так уж и мало!
Как воспримем всё это разом?

Март 2000 г.

Под пимами звонко, гулко
Захрустит дорога.
До родного переуллка
Мне совсем немного.

Здравствуй, милый мой домишко,
Что стряслось с тобою?
Ждал меня ты долго слишком,
На пригорке стоя.

Стал ты мне ещё дороже
С прохудившей крышей.
Был когда-то ты моложе,
И стройней, и выше.

А теперь стоишь, ссутулясь,
Старый горемыка.
Принимай, ведь я вернулась!
Не к лицу нам хныкать.

Распахни ты мне калитку,
Будь не очень строгий.
На завалинку с устатку
Пригласи с дороги.

Ведь была она неблизкой –
Тридцать лет петляла.
А душа тобой томилась,
Плача, тосковала.

Октябрь, 2000 г.

Над рекой густой туман клубится,
Землю ночь укрывает мглой.
Отчего же снова мне не спится,
Происходит опять что со мной?

Мне бы выйти к речке моей милой,
По душам бы с ней поговорить,
На песчаном берегу остылом
Просидеть до утренней зари.

Просидеть недвижно, одиноко,
Чтобы помешать никто не смог.
В память моей юности далёкой
Окунуться с головы до ног.

Встретиться бы с детством босоногим,
Снова пробежаться по росе
К речке моей милой и далёкой,
Что так часто снится мне во сне.

Василёк мой, Василёк!
Милый Василёчек!
Ты – и близок, и далёк,
Ласковый дружочек!
Близок тем, что ты в моём
Сердце поселился.
Тем далёк, что ты на мне
Так и не женился.
Среди ночи, среди дня
Диалоги строю.
За тебя и за меня
Я играю роли.
Соглашаюсь я во всём,
Ни о чём не спорю.
И с тобою о своём
Не делюсь я горем.
Торт на столике моём
Да зажжённые свечи...
Как всегда, с тобой вдвоём
Твой справляем вечер.

28 апреля 1996 г.

Весна, весна-красавица,
Чудесная пора!
С парнишкой, что мне нравится,
Гуляли до утра.

У парня кудри кольцами
Над синевою глаз.
А в поле за околицей
Никто не встретил нас.

Но утром всё Останино
О том лишь говорит:
Какими я с ним тайнами
Делилась до зари.

Кабы могли мы справиться
Да схорониться каб
Мы от молвы, да зависти,
Да пересуда баб...

Промчаться б вновь по скошенной
По полевой меже
Нам на твоём поношенном
На стареньком «Иже»...

28 апреля 1997 г.

Ах, гармошечка-причуда,
Золочёны уголки.
Паренёк с роскошным чубом
Вальс играет у реки.

Мост над речкой вместо клуба,
На перилах – гармонист,
До рассвета слушать будем
Озорных девчонок визг.

А когда заря займётся,
Загорланят петухи,
Вся компания уймётся,
Разбредутся женихи,

То гармонь – твоя подруга –
Напоследок так вздохнёт –
Будет слышать вся округа:
Гармонист домой идёт!

Первый парень на деревне,
Удалой и бравый вид.
Он у нас везде был первым –
Брат мой старший, Леонид!

Патефон на плане заднем,
Хоть прогресс проник сюда,
Без гармошки – что за праздник?
Без гармошки – никуда!

Ах, любовь моя, двухрядка –
То рыдает, то поёт.
До сердечной боли сладкой
Кого хочешь доведёт!

20 января 2000 г.

Постоянно грущу о нём –
О Нарымском таёжном крае,
Где остался родимый дом,
Где играла я в детстве раннем;

Где прошла школьных лет пора,
И была безмятежно юной,
Где пронзила меня стрела
Моей первой любви безумной;

Где среди берегов крутых
В окруженье природы чудной
Убегает от глаз людских
Речка с милым названьем – Чузик.

А над ней – деревянный мост.
И для танцев он не был тесен,
Ну, а сколь под сиянье звёзд
Под гармошку там спето песен!

Где черёмух белый наряд
Ароматом весны дурманит...
Край родной много лет подряд
Ждёт меня, и зовёт, и манит...

1996 г.

Выпускникам Пудинской школы

Нас сегодня с тобою свела
Не печаль, не тоска, не утрата.
Мы сегодня с тобой до утра
Просидим, как бывало когда-то

Вспомним прошлое, споём,
Где – слезу тайком уроним –
Мы опять с тобой вдвоём
Посмеёмся и поспорим.

Нас надолго судьба развела,
Мы путями шагали своими.
Только школа опять собрала,
Чтобы мы никого не забыли.

У меня – уже внук-карапет,
У тебя же – виски поседели...
– А его почему с нами нет?
– Понимаешь, врачи не успели...

Завтра снова колёса умчат,
Завтра снова со школой прощаться.
А сейчас – пусть бокалы звучат,
Чтобы нам ещё раз повстречаться.

Вспомним прошлое, споём,
Где – слезу тайком уроним –
Мы опять с тобой вдвоём
Посмеёмся и поспорим...

Пудино, 1 мата 2000 г.

ВЛАДИМИР КРЮКОВ

Эх, деревня, лес да поле,
Речка тихая, холмы.
Медный звон на колокольне,
В храме звучные псалмы.

На просёлочной дороге
Слышен топот лошадей.
У соломенного стога
Птиц насело всех мастей.

Летний вечер необычный,
Выпь кричит в траве густой,
Воздух свежий и душистый,
Комаров несчётный рой.

В палисаде пахнет мятой,
Тени прячутся у стен.
Месяц-выдумщик за хатой
Чешет рожки о плетень.

Ветер дым из труб колышет,
Виден месяца рожок,
Расстелился снег на крышах,
Словно девичий платок.

Заглянул морозец спорый,
Лезет в каждое окно.
Белоснежные узоры
Густо лепит на стекло.

Пеленает торопливо
Долговязый вечер тьма,
Звёзды вышли молчаливо
Из небесного челна.

И в селе из колокольной
Благодатный льётся звон.
Раздаётся хор церковный
В ночь перед Рождеством.

Мирно спит в хлеву бурёнка,
День капризный на исходе.
Озабоченно позёмка
Чешет спину в огороде.

Каждый дом сменил обличье,
Плечи крыш укрыты пледом,
Лёд на речке безразлично
В никуда стрельнул дуплетом.

Дым из труб пыхтит привычно,
Горы снега на крылечке,
Злой мороз до неприличья
Лезет в окна греться к печке.

Плачут бледные берёзы,
Держат клёны на запястье,
Вытирают молча слёзы,
Ждут, когда пройдёт ненастье.

Чутко дремлют под стрехою пташки,
В подворотне ползает позёмка,
Звёзды, словно певчие монашки,
В небесах псалмы поют негромко.

Вся в сугробах скользкая дорога,
Вербам снег доходит до колена.
Старый месяц рожками со стога
Ловко в сани сбрасывает сено.

Ни зверья не видно и ни люду,
Одолела всех зима измором.
Лишь гармонь вдали, подобно чуду,
Заиграла тихим перебором.

Темнота с закрытыми глазами
Лезет сквозь окно в чужую хатку.
Бабушка, крестясь под образами,
Зажигает свечкою лампадку.

Догорает заря. Вечереет.
Опускается лёгкая мгла.
Незаметно дорога пустеет,
Что ведёт до родного села.

Еду молча, в санях без возницы.
Не видать впереди ни огня,
Звёзды, словно подружки-девицы,
Равнодушно глядят на меня.

Встав, луна чешет кудри за речкой,
Устоялся безмолвный покой.
Только слышно, как медной уздечкой
Тихо звякает конь вороной.

Чуть морозит. Скучает округа.
Снег укрыл непомерную даль.
Тополь смотрит, как ива-подруга
Чуб укутала в снежную шаль.

Тяжела, непослушна дорога,
Коник стал мой слегка уставать...
Я в родимых местах не был долго,
Еду милую маму обнять.

ГРИГОРИЙ ПИХЕНЬКО

Из автобиографической поэмы

Родился я в краю кедровом,
Среди болот, среди тайги,
Где протекала речка Чузик
Под завывание пурги.

Посёлок наш Большая Речка
Имел три улицы всего.
Трудились все в одном колхозе,
Не получая ничего.
Косили, сеяли, пахали –
Без выходных и отпусков,
А между тем детей рожали
И превращались в стариков.

Отец мой был главой колхоза,
Пятнадцать лет руководил.
Он уходил, когда мы спали,
И поздно ночью приходил.
А ребяташки подрастали,
Ходили в школу босиком,
Азы ученья постигали,
Мечтая о большом тайком.

Гудела школа, словно улей,
Не прекращался детский смех.
На ребятню в четыре класса –
Учитель был один на всех.
Но всем внимания хватало.
Любили мы читать, писать.
Спасибо Вам, родной учитель –
Вы помогли людьми нам стать.

Осилив курс начальной школы
И сдав экзамены на «пять»,
Мы в Шерстобитово с сестрою
Пошли учёбу продолжать.
Село то было побогаче,
Там семилетка уж была.
Трудились люди в трёх колхозах,
Забыв семейные дела.
В селе работала больница,
Аптека, почта, сельсовет;
В Заготзерно везли пшеницу,
Прекрасный клуб был, даже свет.

Мы жили в школьном интернате,
И не было счастливей нас,
Учителей боготворили,
Переходя из класса в класс.
Три года таким манером
Я в школу с радостью ходил.
Здесь вскоре стал я пионером,
Чуть позже – в комсомол вступил.

Как миг, три года пролетели,
Но налицо был результат:
Прижав к груди, в руках держал я
Свой первый в жизни аттестат.
Решил учиться я и дале,
Чтоб кое-что ещё познать.
В слезах меня благославляли
На этот шаг отец и мать.

Приехав в Пудино попуткой
И разыскав квартиру-дом,
Я стал почти что горожанин,
На время поселившись в нём.
О, как прекрасно всё здесь было!
Прямые улицы вокруг,
По ним тянулись тротуары,
А за селом – огромный луг.
Здесь были две большие школы,
В районном клубе был комфорт,
Раймаг товарами наполнен,
В полёты звал аэропорт.

Учили нас прекрасно в школе.
Я слово каждое ловил,
Любил Мартыновой уроки
И Зайцева боготворил.
Мы всё взрослее становились
И по-людски учились жить;
В кино, и в танцах мы кружились,
Учились девушек любить.
Уж за плечами – десять классов,
Мы разлетались кто куда.
А я поехал в город Ачинск
И стал военным навсегда...

Москва, 1995 г.

МАРИЯ ЛУШОВА (ФРИЗОРГЕР)

Родина! Мой край родной!
Ты меня родила не поэтом.
Я люблю тебя всею душой,
Да сказать не сумею об этом.

И люблю, и горжусь я тобой –
Тем клочочком земли средь болота.
До него мне – ни поездом и ни водой –
Только маленьким самолётом.

А гордиться – казалось бы, чем?
Там с десяток из брёвен домишек,
Телевиденья нету совсем,
Разве что – парочка тракторишек.

Но люди живут там и знают,
Что где-то от них вдали
Жизнь протекает иная,
И в космос летят корабли.

А золоту – цену не знают,
Хрусталь для них – ерунда.
Они о другом мечтают:
Когда ж здесь пойдут поезда?

Я верю: мечта эта сбудется.
Отыщут там нефть и газ...
Ещё возродится Пудино
Там, где народ – алмаз!

Моя деревня – Дерешев

Не звучное это слово – знаю,
И на карте давно уже нет...
Лишь деревья там сбились в стаю,
Уцепившись за наш торный след.

Да в паспортах – пока ещё значится,
И в сердце – это само-собой.
Да память вторит: рисуя красочно
Речку Таванга с тёмной водой;

Дом Кузнецовых, их «гуси-лебеди»,
Немного поодаль – Бородиных;
К Сándу – за лимонадом как бегали,
И фотографировались – только у них;

Кардаполовы – на пригорке,
С ними рядом – большой овраг;
Медведь на цепи (отец был охотник),
И каждый прохожий тому был рад;

Напротив – семьи Лушовых,
Бабку Антосю забыть нельзя:
Мне шила пальто из портяночной ткани,
В руках игла была – что пешня...

Я семью Зубревских, конечно, помню
И много-много ещё кого...
Глаза закрою – брусничные горы,
Рогульки с рыбой, грибов ведро;

Как жвачку топили с лиственниц,
Картошку пекли на костре...
И те босоногие годы –
Где счастливы были все.

НИКОЛАЙ КАРПОВ

Столетию села Пудино

В далёкой сибирской тайге,
В лесу на яру, возле речки
Поставил свой рубленый дом
Купец, тогда мало известный.
Деревня росла, народ прибывал,
Купец тот пушнину с округи скупал.
Он мерил оплату *пудами* –
А место то *Пудино* звали.

Пришли перемены, сменилась страна –
Советским Союзом стала она.
А к власти когда сам Сталин пришёл,
Много народу на ссылки пошло.
Нашей деревне помог он немного,
Сюда поссылал он немало он народа.
В то время и Пудино враз подрастало,
Расширилось, крепло и сил набрало.

В округе рождались близняшки-деревни,
Жизнь ссыльных кипела там на удивленье.
Одними руками тайгу корчевали,
Десятки колхозов тогда в них создали.
Шли годы. И лихо с бедой забывались,
А жизни в деревнях тех всё продолжались.
Рождённые дети резвились на улицах...
Но небо синевшее вновь стало хмуриться.

Навалилась с запада на страну беда –
Забрала, проклятая, всех мужчин туда.
На селе остались бабы, старики,
Ох, хлебнули горюшка на полях они!
Все заботы о семье да работы сельские
Легли ношей тяжкою – да на плечи женские.

Выполняли мужики ратный дог свой святой,
Воротились с той войны – да не все солдаты.
И потерь тех пудинцев – всех не сосчитать,
Но пришлось и с горюшком жизнь продолжать.
И она наладилась, стало легче жить:
Времена «застойные» осветляли жизнь!

Пору ту «застойную» помню хорошо,
Хоть юнцом и отроком был тогда ещё.
Там гоняла детвора от великов колёса,
Вечерами ждали мы косарей с покоса.
Как и все подросшие, в школу я пошёл,
И учёба спорилась с жизнью хорошо.
На лавочке Бочановых, сидели допоздна...
Но снова в перемены брошена страна.
Нет уже Союза, рухнул властный строй.
Совхоз «почил в бозе», работы никакой.
Кто не хваткий в бизнесе – уходил в запой...
Как тут не припомнить бывший тот «застой»?!
Все поля в округе почти уж заросли –
Зря, что ль, спины рвали наши стрики?

А из недр округи – в болотах, в тайге
Новые всё люди – нефть берут везде...

А сегодня – праздник у Пудино-села
И гулять мы будем до самого утра.
Весело отметим славный юбилей!
С ним я поздравляю всех селян, друзей.
И пока мы вместе даже в трудный час –
Быть селу! Иначе, как ему без нас?!
Пусть селу найдётся твёрдая рука,
И тогда стоять ему тут ещё века!
Возродится в детях, с новым поколеньем –
В дружбе и согласье, с Божеским веленьем!

2015 г.

АНДРЕЙ ЯКУНИН

Город-рай

С высокой мега-полис колокольни
Не охватить зелёный край!
Здесь заплутал в тайге окольной
Мой городок Кедровый – рай!

Не ведает моя округа
Ревущих в толчее машин,
Людей, не видящих друг друга,
Больших и красочных витрин.

Здесь на природе воздух свежий,
И бархатисто-белый снег.
Дома-высотки. Впредь, как прежде,
Готов прожить я тут свой век.

Здесь малышни гул, не молчанки,
Гурьбой катаются с горы.
Ну, а улыбку кедровчанки
Не омрачат и комары.

На празднике – народа кучно!
Здесь веселится стар и млад.
И никому не будет скучно,
Приедем наш Кедровый рад.

От ветерка – кустов волнение,
В деревьев кронах и хвои –
По-птичьи звонко – обсужденья
Ведут на ветках воробьи.

Решён для всех вопрос квартирный,
Обида, скука – нипочём...
Мы средь тайги большой и мирной
Беззлобно, счастливо живём.

Нам 30 лет! Впредь многократно
Стоять ему! Наш город-рай
В зелёной шубе сосен знатных
Живи, Кедровый, процветай!

АНАТОЛИЙ НЕКРАСОВ

Анатолий Михайлович Некрасов родился и вырос в пригороде Томска в 1937 году. Окончил педагогический институт. Был женат на уроженке села Шерстобитово Анне Ивановне Черемисиной. Проживает в городе Томск.

Нарым – край в мире знаменитый
Уж тем, что согнан был сюда
Народ простой, и именитый –
В лихие для страны года.
Там – Васюганская природа,
Болота топь и хмари жуть –
Для неленивого народа
Открыт к души богатствам путь.
Не зря так щедр он на таланты –
Забытый Богом этот край.
В нём обездоленных «десанты»
Устроили из ада – рай!

Любови Чернаковой

Ах, Нарым, Нарым ты мой –
Край грибов и ягод.
Зимой стужа, летом – зной,
Как придётся на год.

Львовка, Львовка – милый край –
Край болот и топей.
Не найти похожий «рай»
Ни в какой Европе!

Кому – мил, кому – жесток,
Ссылным – в сердце жало;
Малой Родины – исток
И Большой – начало!

Дьвовка, – край удач и бед,
Радостей и горя...
Время стёрло Львовки след...
Нынче той деревни нет -
Вновь тайги там море...

Братьям Черемисиным

Горды и независимы
Иван и Михаил –
Два брата Черемисины,
Во Львовке каждый жил.
За труд их предки сосланы
В Нарым, за Васюган.
Тот край богат не соснами –
Болота да урман.
У Чузика змеистого
С коричневой водой,
Да кедрача плечистого
В сентябрьский шишкобой.
Здесь тьма народу сгинула
В тридцатые года...
Не многих горе минуло
И обошла беда.
Но люд России жилистый,
Всё может перемочь:
Освоит берег илистый,
Костром осветит ночь –

Чтоб было тошно всем чертям,
На злобу – всем врагам –
Росли бараки тут и там
По речки берегам.
Потомство новое росло,
Вовсю кипела жизнь.
И это род людской спасло!
Держись, народ, держись!

Отцам я должное отдал,
Их дети подросли.
Никто не думал, не гадал:
Гром тучи принесли.
Настал тот самый страшный год:
Июнь, тепло, светло...
Будь проклят весь фашистский род –
Мир окунувший в зло!
Война, товарищи, война...
Все мужики – на фронт.
На смертный бой вставай страна,
Советский весь народ!
Ушли на фронт. Сперва один.
Чуть погода, другой.
У матери – не счесть седины –
Сын третий встал в тот строй.
Все воевали до звонка,
Что в мае прозвенел.
Текла, как прежде, Жизнь-река,
Салют в Москве гремел!
Вернулись трое. Все поврозь.
Повержены враги.
Иван – прострелянный насквозь,
И Миша – без ноги.

Егора Бог от смерти спас –
Так, значит, быть тому:
Пришёл в назначенный свой час
К порогу своему.
Три брата. Все – при орденах,
Медалей звон густой.
Не ведом был в боях им страх,
Стучавшийся порой...

ГЕННАДИЙ КРУГЛЯКОВ

Дед Потап

Дед Потап в селе у нас –
Вечный конюх был,
Брал в охапку сена пласт –
Лошадей любил.
Лошадям давал сенцо
В свежей зеленце.
Бородатое лицо –
В травяной пылице...
Уставал он от пешни –
Лёд долбить пешнёй.
Осторожно кони шли
К проруби речной.
Индевели в холода,
Пили не спеша.
Звонко булькала вода,
Льдинками шурша.
Мы катались, малыши,
В санках с белых гор.
Кони, дивно хороши,
Шли на конный двор.
В белом зимнем куржаке
Лес стоял кругом.
Покрывалась на реке
Прорубь новым льдом.
Утром снова дед Потап
Лёд долбил пешнёй,
Слыша тёплый конский храп
За своей спиной.
И зимою, и весной
В сумерках сырых –

Гнал коней на водопой,
Жил без выходных...
Хорошо стога метал.
Ростом невысок –
Он пласты такие брал,
Что качался стог.
Я вот как-то не могу
Коротко о нём:
Или помню на стогу,
Или со снопом.
В молотье или косьбе,
Или же потом –
В низкой дедовой избе
С маленьким окном.
Приходилось трудно жить.
Как же думал ты?
Надо валенки подшить,
Справить хомуты,
Сладить к лету колесо
И поправить плуг,
Да жена его ещё
Занеможет вдруг...
Вот, стоит в снегу трава,
Снег идёт с ленцой,
Вот он едет по дрова
На санях рысцой.
Хорошо к нему подсесть –
Убегут дома.
Хорошо, что лето есть,
А потом – зима...

Проводы

Разом схлынули оводы,
Стали звуки слышней.
Это – было, как проводы
Летних солнечных дней.

Лезли дети в малинники
За малиной лесной,
Шелестели осинники
Пересохшей листвою.

Над рекой и равнинами
Лёгкий дул ветерок.
Сено лёгкими вилами
Подавал я на стог.

Шли денёчки последние
В гроыхании гроз,
В эти месяцы летние
Я окреп и подрос.

Было много хорошего
В том – артельном труде.
И летел я на лошади
К родниковой воде.

Бесконечное небо
Отражала вода...
И счастливее не был
Я уже никогда!

Васюган

У меня за Васюганом
Есть один заветный рям.
Я вернусь туда неожиданно
К повзрослевшим глухарям.
По болоту, по лесочку
Пожилой народ идёт:
Кто – больному, кто – сыночку
Клюкву спелую несёт.
Скажем, если от угара –
Клюква очень хороша!
Люди рвут не для базара –
Отдыхала бы душа!
Говорят, любила мама –
Стороной, к болотцу путь, –
На полянке, возле ряма,
С полной ношей отдохнуть.
Счастья в жизни ей досталось –
То, что клюква выросла:
Сверху – красною казалась,
Снизу – белою была.
Вот и я: придёт охота –
Ни к тебе, ни за тобой –
Вновь уеду на болота,
В лес наш, к маме молодой...

В детские годы мои
Лёгкие санки катились,
Звонкие пели ручьи,
Дети на речке резвились.

Я ведь не знал ничего –
Горькую правду земную.
Всем тяжело. Ничего.
Выживу. Перезимую.

Лет мне – всего ничего!
Слёзы свои заливая,
Ссылное пело село
В Пасху и Первое Мая.

Сколько оно погребло!
Сколько кормильцев лишилось...
Ссылное пело село,
Господу Богу молилось

Может быть, кто доживёт,
Выйдет из леса на волю,
К матушке-речке прильнёт,
Грудью надышится вволю...

Лишили мужика коня.
Он – ссыльный поселенец.
Всё это было до меня,
Я – по роду лишенец.

Молить в слезах: «За что ж?»
Для власти той забава!
Как в старь, в России сотня рож
Вменила каторжное право.

Лишалась крепкая семья
Всех благ земных на свете.
Любая личность – это Я,
А я – за всё в ответе:

За то, что грамоте учён,
За хлебные излишки,
За то, что сею рожь и лён
И покупаю книжки;

Что накормить страну берусь,
За деток беспокоюсь,
За то, что Господу молюсь
И в чистой бане моюсь...

Всё это было до меня.
Плохие люди были.
Сгубили моего коня,
Дедов моих сгубили.

Но где же тот хвалебный срок?
Россия нищей стала.
За всех неправных, видит Бог,
Слеза моя упала...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

(Поэма)

-1-

Склонилась над рекою ива,
Знакомый кедр давно засох,
На пустырях растёт крапива,
Качается чертополох...
Как будто минули столетья –
И нет здесь признаков жилья,
Прогнили изгороди, клетки,
Травой покрылась колея.
Я опоздал сюда вернуться –
На сколько лет, на сколько зим?

Но стоит только оглянуться –
И всё предстанет вдруг родным.
Повеет свежестью nocturnoю
Вновь обретёшь забытый дом
С обильной ягодой речною,
С полями влажными кругом.
С тропой, петляющей вдоль речки,
С тропинкой узкою к воде...
Припомнишь: домики, крылечки,
Воротца, баньки, как везде;
Картофельные огороды
С курчавой пышною ботвой,
И те младенческие годы –
После войны, перед войной...

Печально знать: здесь люди жили,
Жнивье желтело на полях,
На картах бабы ворожили
О взрослых детях и мужьях.

Клонилась улочка кривая
С обрыва в небольшой овраг,
Весною ранней, к Первомаю,
В селе вывешивали флаг.
Стояла на углу контора,
Всё было вроде на виду...
В траве густой у косогора
Село родное не найду.

Совсем недавно, вроде, было:
Гуляло в праздники село,
В холодном сумраке чадило
Семилинейное стекло;
Коров гоняли к водопою,
Как в клуб, народ в контору шёл,
Ореховою скорлупою
Усыпан был сосновый пол;
Снопы под осень молотили,
Зимой стучали в домино,
В конторе изредка крутили
Послевоенное кино...

Не узнаю я мест окрестных,
Ушедших в землю старых бань,
Знакомые вершины леса,
Седую эту глухомань.
Остался чей-то дом без окон,
Без изгороди, без ворот;
На месте улицы широкой
Горошек розовый цветёт.
Два тополя стоят. У дома
Их посадил когда-то дед.
Два тополя, два незнакомых,
А деда с бабушкою нет.

Ни улицы, ни огородов,
Безлюдье странное кругом,
И никаких весенних всходов,
Последний заколочен дом...

-2-

Густой нетоптаной травой
Пройду на кладбище, и там
Наедине с самим собою
Упавшим поклонюсь крестам.
Берёза, ель, тропа лесная –
Густая выросла хвоя.
Другого кладбища не знаю –
На этом бабушка моя.

Мужик какой-то сено косит.
Я подойду. Мы постоим.
Поговорим. Он что-то спросит.
Я был знаком когда-то с ним...
Как много раз вот здесь когда-то
Я видел эти небеса.
При свете давнего заката
Слезами застило глаза.
Я помню сумрак. Помню тени
Деревьев к дому своему,
Сухие чистые ступени
Крыльца. И окна светлые в дому.
На склоне помню тень от кедра,
От кринок тени, от плетня,
По травке ровной с тенью деда
Шагает рядом тень моя.
Сидит на лавочке Томилов.
Поговорят два старика.
Всё хорошо, всё сердцу мило –
Закат, зеркальная река.

Я говорю: моя малина,
Мои порывы ветерка,
Моя вечерняя долина,
Моя остывшая река.
Здесь клевера растут другие,
Другие шелесты осин,
Другие краски у России,
У красных и у белых глин.
Такого нет в другой округе,
В Калуге где-нибудь, в Москве –
Как этот вот лопух упругий,
Что примостился на траве...

-3-

Закат. Вечерняя долина.
Два тополя, как чужаки,
Взрастила их сырая глина
На берегу чужой реки.
В Колпашево и в Парабели
Навек их приняла земля.
Как самаркандские осели,
Повырастали тополя.
Два тополя, два незнакомца
Пришли, природе вопреки.
Сначала в Томск, потом из Томска
На берег северной реки.
Воспринимаются не сразу
Чужие судьбы и пути.
Кто повелел? Каким указом –
В Сибири тополю цвести?
Расти пшенице и гороху,
Стоять острогам и мостам.
Костями – кто вымостил дорогу
По заболоченным местам?

Была на всё чужая воля:
Крестить народ водой Днепра,
Была на всё ещё недоля –
Заветы грозного Петра.

Настали времена страшнее –
Бритья, срезания бород:
Крестьяне подставляли шеи –
В колхоз. Настал тридцатый год.
Повсюду смерть людей косила –
На Волге, в северных краях.
Рыдала нищая Россия
На чёрных жёстких сухарях...
Куда их только не ссылали:
На острова, на рудники.
И вновь они с колен вставали
Простые наши мужики!
От малых дел до дел великих –
Как правило, подать рукой.
Россия, умные владыки
Нечасто правили тобой...

-4-

Пора мне домой возвращаться.
А где он, затерянный дом?
Пора мне с рекою прощаться,
С обрывистым бережком.
Мне надо дорогой знакомой
До первого дома дойти,
До самого первого дома –
На самом знакомом пути.

При розовом свете заката
И звёздною ночью зимой
По этой дороге когда-то
Бежал я счастливый домой.

Я знал, что посёлок под боком,
Не более часа пути.
И, сном забываясь глубоким,
Ещё продолжал я идти.

Иду я к знакомому свету
По тёмным безлюдным местам.
Селенья знакомого нету,
Бригада работает там –
Из школьников местных бригада,
Не хуже колхозных бригад.
Ей с сеном управиться надо,
Машины до ночи гудят...
У славных ребят заночую –
Хороший, весёлый народ.
А завтра на землю большую
Меня унесёт самолёт...

Слушая реки и травы,
Ранние голоса,
Думаешь: Господи правый,
Так ли прозрачна роса?

Так ли бездонны озёра
С чистою божьей водой?
Колокол звёздного хора
Грозно гудит над тобой.

Выдержать с нами соседство
Больше не в силах леса.
Есть лишь последнее средство –
Грозные небеса.

Небо огнём разразится,
В недрах послышится рык,
Чтобы освободиться
От неразумных владык...

Слушая реки и травы,
Милую детскую речь,
Думаешь: Господи правый,
Как их навек уберечь?!

ВИКТОР АРНАУТОВ

Умчаться в даль, под розовую сень,
Где Чузик мой коричнево змеится.
Семнадцать первых лет – как светлый день –
Перелистнулись читанной страницей.
Страницу эту школьная рука
Как изложение чьей-то Правды шибкой
Писала бело, без черновика –
Но тем видней помарки и ошибки.
Я прошлого ошибок не стыжусь,
А если б застыдился, то sluкавил.
Вернуться мне б хоть в строчку даже, пусть –
И запятой бы лишней не убавил.
Но я в другой главе, а строчка та –
Бесплотных дум бесплодная мечта.

8.02.99 г.

Так маняще-давно я на Родине не был,
Где русские печи духмянятся хлебом,
Где избы дымами привязаны к небу,
И Чузик нанизан цыпушками вербы.

Там свой Красный Яр навещу я пустынный –
Аукнется детство слезинкой полынной.
Как в юность, прошествую в милый Калининск
Я полем футбольным, где вырос осинник.

Ссутулился в кронах черёмух наш домик –
Он слышал и песни, и звуки гармоник,
Там горе с бедой полыхали, как донник,
Преданий семейных он десятидомник.

Я в среднюю школу дорогой обычной,
Где нет ни троллейбусов, ни электричек –
Ватагой друзей пропылю по привычке.
Вот – Пудино – будто бы город столичный!

Я встану у школы, на краешек самый,
Наполню вновь классы ребяческим гамом,
Аккордами чувств нескончаемой гаммы,
Как первой любовью, как сказкою мамы.

февраль, 2005 г. Кемерово-Пудино

Моим друзьям

Я о друзьях моих пою,
Провёл с кем юность я свою,
С кем мы делили радость и невзгоды,
С кем в речке лавливал ершей,
С кем Дудинских не спал ночей,
С кем навещали мы чужие огороды;
С кем в школу, в Пудино, шагал,
С кем дотемна футбол гонял
На поле, что позаросло теперь травой,
С кем ночью у костра сидел,
С кем под гармошку песни пел
С той самой сцены и в том клубе я порою.
Теперь друг – Коля Ковшаров,
Презрев запреты докторов,
Под трёхэтажной толщею бетона,
Меняет прадедов мечи
На тонких лазеров лучи –
Чтоб впредь жилось всем мирно и спокойно.
Внося в науку скромный вклад,
Он на симпозиум доклад

Везёт из Томска в город на Неве.
Там, где гирлянды умных слов
Доцентов и профессоров –
Там спорят о термореакциях в ядре.
А на Урале – Санька Кий.
А за Уралом – вся Сибирь.
По парте школьной – мой сосед-товарищ –
Он от рассвета до темна
Стоит на вахте, чтоб весна
Дарила зелень, а не чёрный цвет пожарищ.
А третий мой дружок – Лавров
Валерка – трижды будь здоров!
Ему ль до лазеров и зелени дерев ли?
Построил столько он домов,
Что двадцать раз вселить готов
Всех жителей своей родной деревни.
Ну, что с того, что седина
И лысина уже видна?
Мы меж собой – Валерка, Санька, Колька.
Пусть нам уже за тридцать лет,
И отчества заметней след...
Но не смущает это нас нисколько.
Вы не сердчайте, земляки,
Что мы от вас так далеки,
Поразлетелись от крыльца родного.
По дому нас щемит тоска,
Получим только отпуска –
Все под крыло опять сберёмся снова.

1983, Кемерово

ПУДИНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ на семидесятилетие

Из Томска, Омска, Кемерова, Чуди ли,
Тувы, Московии, Урала иль Чечни –
Как в Рим, ведут дороги нынче в Пудино,
И в ШКОЛЕ завершаются они.

Взлетевших, оступившихся, потерянных,
Как мать, своих повывосших детей,
Нас собрала – размётанно-развеянных –
На свой, семидесятый юбилей!

Мы помним, будем помнить, не забудем мы,
(И от того на сердце уж теплей):
И школу, что нашла прописку в Пудино,
И наших дорогих учителей!

Тебе не пожинать, а сеять знания –
Летит к другим **твой** дивный бумеранг.
Ведь это **нам** – и должности, и звания,
А у **тебя** – один и тот же ранг.

Ведь это **мы** вырастем, любим, женимся,
Ведь это **мы** – **твой** многоногий след,
Ведь это **нам** – по двадцать, сорок, семьдесят...
Это **тебе** – всегда **семнадцать** лет!

И до тех пор сюда стремиться будем **мы**,
Хоть на неделю, хоть на пару дней –
Покуда **ШКОЛЕ** оставаться в **ПУДИНО**,
Покуда **мы** кочуем по стране!

Кемерово – Пудино, март 2000 г.

ПУДИНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ на 75-летие

Кто-то ходит сюда и поныне,
Кто – в холодно-голодных тридцатых,
Ну, а нам – дороги дни иные
Нашей школы – шестидесятых!

Годы «оттепели» и метелей –
Не убавить вас, не прибавить.
Как же быстро вы пролетели,
Не догнать вас и не ославить.

В их бы честь – сочинить поэму,
Да о них написать романы,
Юбилейные оды на тему:
Нашей школы – как общей мамы!

Поимённо нам вспомнить надо бы
Тех, кому мы так все обязаны,
И как встретиться были рады мы
С теми – кто нас учил уму-разуму!

Вальсы школьные нас кружили,
Твисты с шейками расступались.
Ах, как преданно мы дружили,
Как застенчиво там влюблялись!

Где ж теперь вы друзья-подруги,
С кем у школьных ворот расстались?
Запуржили в житейской вьюге
И безадресно затерялись.

Как хотелось казаться умными
От постигнутых истин распятых.
Ах, какими ж мы были юными
В нашей школе – шестидесятых!

Кемерово – Пудино, март 2005 г.

Пудинской диаспоре
На встречу пудинцев в Томске

В болотисто-охотничьих местах
Дом купца Пудина лишь оживлял натуру...
В году тридцатом, вовсе неспроста
Открыл Нарым там спецкомендатуру.

И прав-лишенцев потекли обозы –
Как в море горя, слёз людских потоком,
(Где был надзор ОГПУ, угрозы...)
Селясь вдоль Чузика и по его притокам,

Землянки рыли и в бараках жили:
Где летом – гнус, зима – в снегах, морозах;
Лес корчевали и дома рубили,
Как на себя, горбатились в колхозах.

И там, в глуши, но по любви веленью
И вопреки сославшим их уродам –
Являлись дети новым поколеньем
От спецпереселенческих народов.

И жили, породнясь, одной судьбою:
Евреи, латыши, литовцы, молдаване,...
(Интер-национальную семьюю)
Болгары, русские и прочие славяне.

Когда ж фашист нацелил свои виды
На Русь родную: на Москву, за Волгу, –
В строй встали пудинцы, забыв обиды...
Семь сотен жизней – дань святому долгу.

На долю предков выпало немало,
Но генофонд система не сгубила...
Округа Пудинская Родиною стала,
А школа Пудинская в люди выводила!

Строители, врачи, учителя...,
Военными не портилась порода,
Учёными пополнилась земля –
Из Пудинских спецпоселений родом!

...Шло время. Власть Советов пала.
Здесь углеводородов залежи открыли.
Округа Отчая колонией вдруг стала,
Где прежде земли Пудинские были.

Нас разметало по стране широкой,
Нет деревень из призрачного детства...
Но помним мы, что там, в краю далёком, –
Есть ещё Пудино – всеобщее наследство.

Ещё живуче братство в душах наших...
Не прячась за забором-огородом,
Я не встречал округи нашей краше...
Я – пудинский – диагнозом и родом!

Томск 2 июня 2018 г.

*Новосибирск. 9 Мая 2013 г. Генерал А.В. Кузнецов
поздравляет с Днём Победы А.А. Шадрина*

Владимир Арнаутов с внуком Стёпой

М.В. Губачёв в Калугинской вотчине

Пудино, 15 марта. На творческой встрече с земляками

Старообрядческая икона-складень (Семейная реликвия Голевых)

М.В. Губачёв с гербом Губачёвска (Калугино)

СОДЕРЖАНИЕ

Нелли Александровна Соловьева	3
Небольшое предисловие	5
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС	7
Нарымская ссылка	7
Первая волна спецпереселенцев	10
Деклассированные ссыльные	19
Новый контингент	23
На фронт	31
Статья 209 УК РСФСР. Тунеядцы	33
Добровольцы	37
СПЕЦКОМЕНДАТУРЫ.....	38
Из истории спецкомендатур	38
Бакчарское (Чаинское) восстание	43
Куст Пудинский спецкомендатуры	48
РЕКВИЕМ ДЕРЕВНЕ или Короткий век наших деревень	53
«Большая река» или речка нашего детства Чузик.....	76
ПУДИНО	81
Из истории появления	81
Пудинская средняя школа (ПСШ).....	85
Совхоз «Пудинский»	97
КЕДРОВЫЙ	102
СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ	113
Шадрины	115
Арнаутовы	144
Собакины	155
Сайдаков	163
Останин	176
Фефелов	178
Купины	180
Жарова	188
Голевы	191
Зайцевы	206
Севастьяновы	216
Пихенько	227

Устюговы	240
Кругляков Геннадий	243
Крюков Владимир	262
Хорошавины	273
Сербушко	281
Бушмановы	286
Кибак	296
Лушовы	300
Сáнду	310
Беженарь	314
Ядрышниковы	325
Кондратьевы	330
Илавские	335
Жаржевские	339
Михаил Губачёв	344
Вольхин	349
Неизвестных	351
ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ	356
ВАЛЕНТИНА КОСАЧЁВА	357
<i>Домой! Домой! Домой!</i>	<i>357</i>
<i>«Под пимами звонко, гулко...»</i>	<i>358</i>
<i>«Над рекой густой туман клубится...»</i>	<i>359</i>
<i>«Василёк мой, Василёк!...»</i>	<i>360</i>
<i>«Весна, весна-красавица...»</i>	<i>361</i>
<i>«Ах, гармошечка-причуда...»</i>	<i>362</i>
<i>«Постоянно грущу о нём...»</i>	<i>363</i>
<i>«Нас сегодня с тобою свела...»</i>	<i>364</i>
ВЛАДИМИР КРЮКОВ	365
<i>«Эх, деревня, лес да поле...»</i>	<i>365</i>
<i>«Ветер дым из труб колышет...»</i>	<i>365</i>
<i>«Мирно спит в хлеву бурёнка...»</i>	<i>366</i>
<i>«Чутко дремлют под стрехою пташки...»</i>	<i>367</i>
<i>«Догорает заря. Вечереет...»</i>	<i>368</i>

ГРИГОРИЙ ПИХЕНЬКО	369
<i>Из автобиографической поэмы</i>	369
МАРИЯ ЛУШОВА (ФРИЗОРГЕР)	372
«Родина! Мой край родной!..»	372
<i>Моя деревня – Дерешево</i>	373
НИКОЛАЙ КАРПОВ	374
<i>Столетию села Пудино</i>	374
АНДРЕЙ ЯКУНИН	376
<i>Город-рай</i>	376
АНАТОЛИЙ НЕКРАСОВ	378
«Нарым – край в мире знаменитый...»	378
«Ах, Нарым, Нарым ты мой...»	378
«Горды и независимы...»	379
ГЕННАДИЙ КРУГЛЯКОВ	382
<i>Дед Потап</i>	382
<i>Проводы</i>	384
<i>Васюган</i>	385
«В детские годы мои...»	386
«Лишили мужика коня...»	387
<i>Возвращение (Поэма)</i>	388
«Слушая реки и травы...»	394
ВИКТОР АРНАУТОВ	395
«Умчаться в даль, под розовую сень...»	395
«Так маняще-давно я на Родине не был...»	395
<i>Моим друзьям</i>	396
<i>Пудинской средней школе на 70-летие</i>	398
<i>Пудинской средней школе на 75-летие</i>	399
<i>Пудинской диаспоре</i>	400

**ББК 84(2Р=Рус)6
А-84**

Литературно-художественное издание

АРНАУТОВ ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

МЫ – ПУДИНЦЫ!

**Очерки из истории и
современности Пудинской округи.**

Подписано в печать 02.03.2020г.

Бумага офсетная 80 г/м²

Печать цифровая

Тираж 187 экз.

**Отпечатано в типографии РПА «Ректаймс».
650001, г. Кемерово, ул. Черемховская, 1В.
Тел.: +7(904) 376-87-44**

Арнаутов Виктор Степанович – родился в селе Пудино Томской области 25 мая 1951 года. Трудовую жизнь начал после окончания Пудинской средней школы учителем начальных классов в восьмилетке села Львовка. Окончил Кемеровский институт культуры и аспирантуру аналогичного института в Ленинграде. Четверть века – на вузовской преподавательской работе, доцент.

Член Союза писателей России с 2001 года. Автор более двух десятков книг прозы, публицистики, литературной критики и стихов. Печатался в десяти литературных журналах России и за рубежом.

Проживает в городе Кемерово. В настоящее время – пенсионер.

